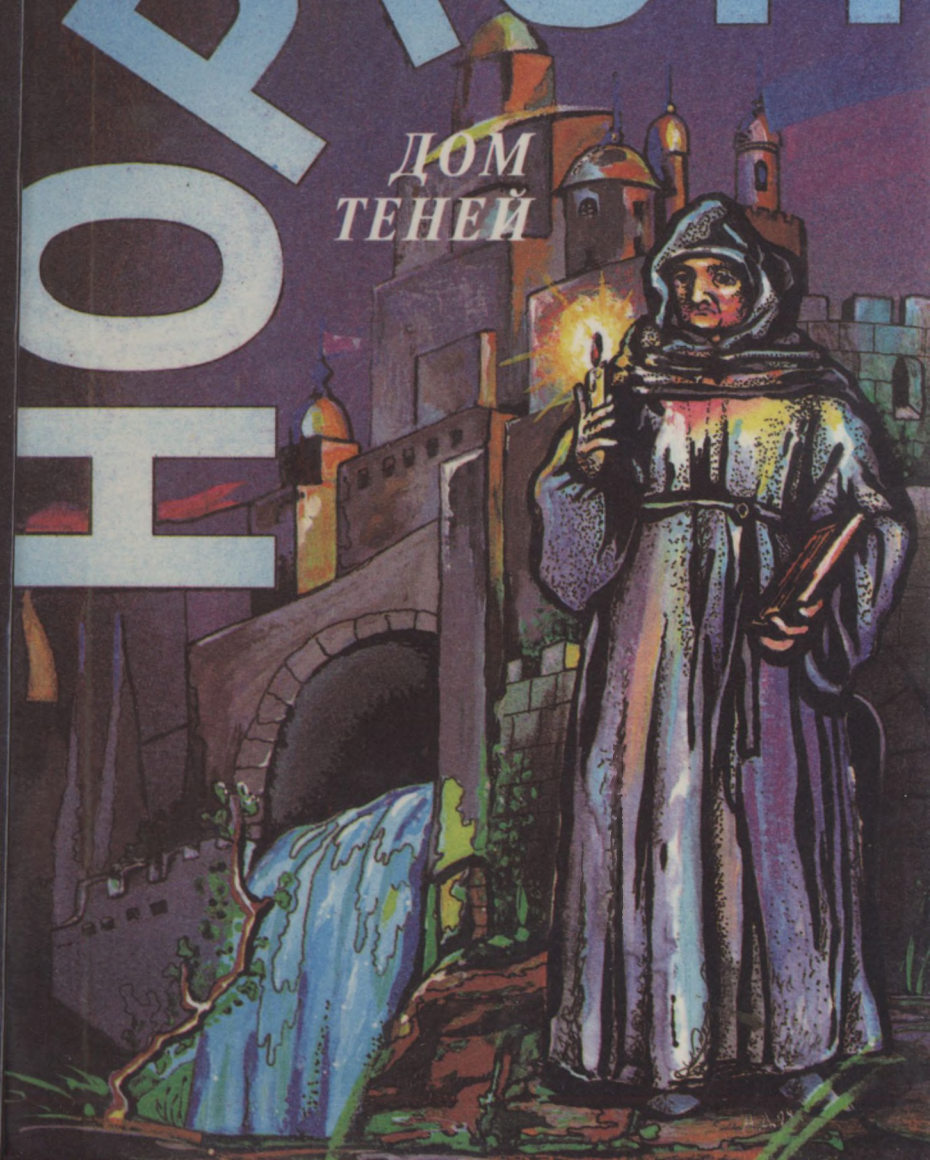

АНДРЕА НОРТОН

ДОМ ТЕНЕЙ

АНДРЕА НОРТОН

ДОМ
ТЕНЕЙ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

Чихнёшь в воскресенье
Дом теней

романы

Издательство «Сигма-Пресс»
г. Москва

1994г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Дом теней. Романы/Пер. с англ. Изд-во «Сигма-Пресс»,
1994г. — 352 стр. Вып. 22.

Новая Англия... Воплощение респектабельности и благополучия для всех американцев... И место, где разворачивается действие двух детективных романов с легким налетом мистики. Читателю предстоит познакомиться с абсолютно неожиданной гранью таланта Андрэ Нортон.

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом

без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключи-
тельно с ведома издателя.

ББК 84.7 США
ISBN 5-85949-034-1

Н 4701000000-23
ОД4(03)-94

SNEEZE ON SUNDAY

© 1992 by Andre Norton and Grace Allen Hogarth

HOUSE OF SHADOWS

© 1984 by Andre Norton and Phyllis Miller

© Издательство «Сигма-Пресс», 1994г.

© Пер. с англ. «Чихнёшь в воскресенье» Д. Арсеньева, 1994г.

© Пер. с англ. «Дом теней» Д. Арсеньева, 1994г.

© Художник Д. Аввакумов, 1994г.

Андрэ Нортон

Грейс Эллен Хогарт

ЧИХНЁШЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ...

Глава 1

Фредерика Винг вторично за последние десять минут посмотрела на часы. Если она не доберётся до Южного Саттона до полудня, то разминется с мисс Хартвел, а это будет катастрофой. Солнце жгло спину под льняным платьем, чулки прилипали к коленям. Она с детства знает, что июль в Новой Англии может быть очень жарким. Но всё равно здесь лучше, чем в Нью-Йорке... Она в третий раз взглянула на часы, потом раздражённо подняла саквояж и отправилась искать защиты под станционным навесом. Прошла через вокзал, состоящий из одного помещения, к платформе, где готическими буквами было написано «Станция Саттон»; впрочем, позолота давно поблекла, и буквы были теперь едва различимы. У двери на ящике сидел толстый мужчина в рубашке с короткими рукавами, он шумно жевал, регулярно сплёвывая на рельсы.

— Поезд опаздывает? — спросила Фредерика, стараясь справиться с раздражением.

Мужчина не ответил. Какое-то время он продолжал жевать, и Фредерика решила, что он глух. Но потом толстяк достал из кармана новую плитку табака, раскрыл нож пухлой правой рукой и лениво проговорил:

— Сай ходит по магазинам. Он так всегда делает по субботам. Не удивлюсь, если и опоздает. А поезд на Ворчестер ещё через четверть часа.

Фредерика села на другой конец багажного ящика.

— Сай — машинист, точно?

— Да. Какая разница в субботу? Никто вроде не собирался приезжать из Нью-Йорка до полудня.

Фредерике стало ясно, что она — незнакомка и единственный пассажир — и есть «никто не собирался». Она как раз обдумывала подходящий ответ, но в это мгновение как по волшебству из леса показался миниатюрный тепловоз с единственным вагоном.

Толстяк встал, когда Сай выпрыгнул из кабины. Сразу вслед за ним из вагона вышел мужчина в лёгком костюме,

быстро прошёл вдоль поезда, но возле Фредерики задержался, чтобы наклониться и поправить замок своего чемоданчика. Выпрямившись, он внимательно взглянул на Фредерику, которая ответила ему оценивающим взглядом и тут же в замешательстве опустила глаза. Но она успела заметить, что у женщины серые глаза, какие романисты называют «стальными», строгое лицо и высокий лоб. Волосы поседели на висках, а тело утратило стройность юности.

«Мне уже четвёртый десяток, а я краснею, как девочка», — подумала Фредерика.

— Привет, полковник, — низкий раскатистый голос принадлежал недавнему собеседнику Фредерики — толстому грузчику, который притащил наполовину заполненный мешок с почтой.

— Привет, Вилли, — ответил тот, кого называли полковником. Он развернул аккуратно сложенную газету и сел на багажный ящик. Фредерика, у которой не было причин задерживаться, прошла к вагону.

«Двадцатиминутное ожидание ради десятиминутной поездки, — думала она, усаживаясь на пыльное плюшевое сидение. — И, вероятно, придётся добавить ещё десять минут». Но тут послышался гудок, и поезд тронулся назад от станции. В вагоне, кроме Фредерики, никого не было, она не удержалась, прошла назад по проходу и выглянула в окно. Человек, которого называли полковником, отложил газету и смотрел прямо на неё. Она быстро нагнулась и вернулась на своё место; как всегда, почувствовав, что вспыхнули щёки.

— Что меня заставило это сделать? — вслух спросила она. И добавила: — Веду себя как школьница.

Но всю короткую поездку до Южного Саттона серые глаза не оставляли её и были стёрты из памяти только хлопотами приезда и устройства на новую работу.

Выходя из вагона на станции Южный Саттон, Фредерика почувствовала, что стало ещё жарче. Но, оглядевшись, она успокоилась. Летний мирный воздух благотворно

действовал на неё. Поля кругом были усеяны ярким черноглазым гибискусом и белым клевером, цветы пробивались даже через доски платформы. За полями темнели хвойные деревья и несколько низких крыш.

«Если бы Сай остановил фыркание своего дракона, я бы, наверное, услышала кузнечиков», — подумала Фредерика. Интересно, что ей теперь предпринять...

— Вы мисс Винг? — послышался приятный голос.

Немного удивлённая Фредерика повернулась и сразу за собой увидела женщину.

— Да, я Фредерика Винг... Но откуда вы появились? В поезде никого не было.

Женщина рассмеялась, и Фредерика заметила, что лицо её, которое на первый взгляд показалось ей некрасивым, на самом деле очень привлекательно. Женщина была ниже Фредерики и не такая угловатая. Она носила льняное платье без рукавов, чистое и прохладное, а короткие тёмные волосы были тщательно причёсаны. При взгляде на неё Фредерика почувствовала себя грязной и усталой.

— Я пришла по полю, с другой стороны от поезда. Но мне следует представиться. Я Филиппина Саттон и пришла встретить вас, потому что мисс Хартвел очень занята, — она говорила медленно, со слабым иностранным акцентом. «Т» у неё чуть походило на «с», а звук «р» был гортанный и раскатистый.

Фредерика поставила саквояж и пожала протянутую руку, маленькую и мягкую. «Француженка», — решила Фредерика.

— У вас подходящая фамилия для жительницы городка, — заметила она и добавила: — Очень мило с вашей стороны встретить меня.

— Мне всё равно нужно было на станцию. Получу груз — для своей лаборатории на Ферме. Ох, я забыла. Конечно, вы ещё ничего об этом не знаете. А я ничего не знаю о вас.

— Конечно. Мы поговорим, но сначала я хочу позаботиться о багаже, — как всегда, Фредерика занялась

скучными подробностями, от которых никогда не умела уходить. Друзья в колледже прозвали её «Новая Англия». — Я отослала чемодан заранее. О, вижу, вот он, на платформе.

— Я подожду здесь, — сказала Филиппина — Потом пойдём. Мой джип сейчас в гараже, его ремонтируют, но здесь недалеко, и я могу вам показать кое-что. Работник мисс Хартвел, Крис, прихватит чемодан и вашу сумку тоже. Жизнь в Южном Саттоне нехлопотливая, — добавила она, заметив озабоченность Фредерики.

— Спасибо, сумку я понесу сама. Здесь смена белья и всё, что необходимо для ванны. Которая мне очень нужна.

Через несколько мгновений обе женщины шли по широкой сельской дороге, между рядами елей. Ноги их поднимали тонкую пыль, садившуюся на траву и клевер, который пытался расти у дороги.

— Дорога справедливо называется Еловой улицей, — объявила Филиппина. — Если свернём налево, она приведёт нас на Ферму, которая принадлежит моей тёте миссис Саттон. Да, она прямой потомок Люциуса Эдварда Саттона, основавшего город в 1814 году и колледж шестью годами спустя. А «Фермой» мы называем семейное поместье. Там мы с миссис Саттон занимаемся травами. У меня там лаборатория. Это примерно в миле от города. Вы быстро всё узнаете, потому что Южный Саттон — всего лишь перекрёсток дорог. А вон то внушительное здание за деревьями и воротами слева — Саттонский колледж.

Фредерика осмотрелась. В воздухе пахло сеном и более тонким запахом хвои.

— Мне нравится Новая Англия, — просто сказала она. — А здесь самая подлинная Новая Англия.

— Да, мне тоже нравится, — согласилась Филиппина. — Здесь можно работать мирно — и забыть об остальной жизни, — она чуть поколебалась. — Я имею в виду Францию... и войну... — добавила она.

Голос её стал жёстким, а акцент более заметным. Фредерика быстро взглянула на неё. На лице женщины словно появилась маска — ненависти, печали, страха... Фредерика не могла определить. Но через мгновение Филиппина взяла себя в руки, и на лице её вновь появилась улыбка.

— Простите. Сейчас всё хорошо... но иногда... вспоминается другая жизнь. Немцы посадили меня в концентрационный лагерь, когда захватили Францию. Но не будем говорить об этом, — лицо её сохраняло следы гнева; с видимым усилием она вернулась к своей роли проводника. — Мы на Буковой улице. Она пересекает Еловую и в сущности является главной улицей города. Справа церковь, единственная, конгрегационная. Сразу за ней магазины. Напротив ратуша и полицейский участок, а дальше, на том углу Еловой и Буковой — гостиница. Это недавно перестроенное одно из старейших зданий Саттона, раньше в нём размещалась гостиница для дилижансов. Её построили в 1820 году, одновременно с первым зданием колледжа. Еда здесь хорошая. Вам иногда захочется тут поесть.

— И это весь Южный Саттон? — спросила Фредерика.

— Почти, — Филиппина снова рассмеялась. — Поворачиваем налево на Еловую улицу. Кампус остаётся слева, а справа на расстоянии броска камня — книжный магазин мисс Хартвел.

— О... но... как красиво! — воскликнула Фредерика. — Мне нравятся такие викторианские здания... как для дня святого Валентина... и деревья вокруг... медные березы. И места много. Так и должно быть.

Филиппина, которая чуть опередила Фредерику, обернулась и посмотрела на неё.

— Я так и думала, что вам понравится. Дом хороший, магазин тоже, а это, если мисс Хартвел рассказывала о вас верно, значит для вас ещё больше.

Показалось ли Фредерике или в голосе прозвучал укор? А может, просто она ещё чужая здесь. Фредерика

выругала себя за излишнюю чувствительность. Вот что бывает с уроженками Новой Англии, когда им за тридцать и они не замужем. Даже Нью-Йорк не мог ничего с этим поделать.

Они подошли к кирпичной стене, но в этот момент распахнулась дверь с проволочной сеткой и из неё торопливо вышла полная женщина.

— Это вы, мисс Винг? О Боже... Прошу простить меня, но мне просто необходимо отбежать. Филиппина вам всё расскажет. Ладно, Филиппина? Боже, не знаю, что стало бы с городом, если бы Филиппина не навела порядок. А Марджи, моя племянница, тоже поможет, если захотите. Она не больно-то дисциплинирована, как все молодые люди в наши дни, но помочь может. Боже...

Фредерика была уверена, что поток слов продолжался бы бесконечно, если бы говорившая оставалась на месте. Но женщина, непрерывно говоря, торопливо шла по тропке. Дойдя до ворот, она остановилась и взглянула на свою новую работницу рассеянным близоруким взглядом.

— Да, вы такая, на какую я и надеялась, — неожиданно объявила она. — И в письмах мы обо всём договорились. Заходите. Я оставила записки, там говорится, где и что.

— Всё в порядке, Люси, — мягко сказала Филиппина. — Но как вы собираетесь попасть на станцию?

— Пешком. Вернее, бегом. Я послала Криса с багажом. Он, вероятно, уговорит Сая подождать меня, — хозяйка магазина помахала большой рукой и заторопилась на станцию.

— Милая женщина, — подытожила Филиппина и со смехом добавила: — Но немного рассеянная, как вы могли заметить. Лично я не понимаю, чем она может быть полезна своей племяннице в Калифорнии.

— Да, она не кажется деловой.

— Так и есть. Но книжный магазин — её страсть, и увидите, она неплохо с ним справляется.

За дверью оказался длинный коридор, который закан-

чивался другой дверью, открытой, и за ней виднелась зелень деревьев. Со своего места Фредерика могла увидеть весь первый этаж дома, вернее, большую его часть — торговые помещения направо и налево, а дальше, в глубине, ещё две комнаты, тоже полные книг.

— Я только проведу вас здесь и наверху — и оставлю в покое, — закончила Филиппина.

Фредерика увидела, что левая комната, в глубине, — кабинет и платная библиотека, а за ней привлекательная современная кухня. Кухню как будто позже добавили к прямоугольнику дома.

— Мисс Хартвел проводит тут почти всё своё время. Я думаю, вы тоже будете, — заметила проводница Фредерики, когда они осматривали кухню.

Фредерика ненадолго задержалась в противоположном конце коридора и через узкое крыльцо осмотрела путаницу деревьев и кустов, похожих на джунгли; только у крыльца раскинулась небольшая лужайка.

— Заросло, верно? — сказала Филиппина. — Крис подрезает, когда у него есть время. По ту сторону, — она неопределённо махнула рукой в сторону кухни, — больше расчищено, там цветы и даже гамак. Но увидите всё сами.

Фредерика вслед за своей проводницей прошла к крутой лестнице, уходившей на второй этаж примерно с середины коридора между передней и задней дверьми.

Филиппина торопливо закончила объяснения.

— Ваша комната — жёлтая гостевая в конце коридора, комната мисс Хартвел впереди, а по другую сторону коридора запасной склад магазина, ванная и кладовка для прочих вещей. Над кухней второго этажа нет, так что это всё. А я должна торопиться. Джип должен уже быть готов, а ланч... — она неожиданно остановилась. — Как глупо с моей стороны. А как же ваш ланч?

— Я... мне сейчас ничего не хочется. Я бы приняла ванну, а потом искала бы чего-нибудь на кухне.

— О, там обязательно что-нибудь найдётся. А если и

нет, до магазина несколько шагов — вы помните — по Еловой улице и направо. Если всё в порядке, мне пора убегать. Очень жаль, но мы скоро увидимся, я надеюсь.

По лестнице скатилась дробь мелких шажков, затем хлопнула дверь. Фредерика со вздохом опустилась в обитое ситцем кресло.

Неожиданно дверь внизу снова открылась, и голос Филиппины, который в пустом доме показался резким и чуждым, произнёс:

— В субботу после обеда магазин не открывается. Так что у вас весь уикэнд, чтобы перевести дыхание.

— Спасибо, — крикнула Фредерика.

Дверь снова хлопнула, на этот раз окончательно.

Час спустя, чувствуя себя гораздо лучше, Фредерика прикончила салат и холодный кофе, которые ждали её на кухне. Она хотела осмотреть магазин и библиотеку, но вид гамака за окном оказался слишком сильным искушением. Чтобы успокоить совесть, она взяла в кабинете листок бумаги и карандаш и, вытянувшись в древесной тени, написала «Неотложные дела»... Потом расслабилась и принялась задумчиво жевать крадаш.

Так много случилось с того утра две недели назад, когда она прочла в «Сатрдэй ревью» объявление, которое теперь помнила наизусть.

ТРЕБУЕТСЯ: Образованная женщина для управления книжным магазином и платной библиотекой в небольшом городке в Массачусетсе. Работа не трудная. Отдых и развлечения сельской местности. Владелец-управляющий вынужден на время уехать. Просим направлять предложения на ящик 874.

Это прозвучало как ответ на её молитвы. Работа в отделении городской библиотеки Нью-Йорка в июле и так не сахар, а неполный штат, раздражительные посетители и многие часы переработки превратили мысль о бегстве в радужную мечту. К тому же два года назад

начата книга, и даже получено одобрительное письмо от издателя... «Работа не трудная». Наконец-то появится время писать.

Услышав за собой какой-то звук, Фредерика резко села, карандаш выпал у неё из руки на землю.

Из путаницы деревьев и кустов на неё смотрело чёрное лицо.

— Прошу прощения, мисс. Я Крис. Крис мисс Хартвел. Простите, если я вас испугал. Я распаковывал книги в конюшне, а мисс Хартвел велела спросить, не нужно ли вам чего-нибудь, прежде чем я уйду домой.

Высокий негр склонился к ней, улыбка его казалась слишком доброй, но, может, он просто пытался быть дружелюбным.

— О. Значит, вы Кристофер Фаллон.

— Да, мисс.

— Так. У меня чемодан на станции. Мисс Саттон сказала, что вы можете принести его.

— Да, мисс.

— А как вы его принесёте? Я знаю, тут нет машины.

— У меня есть тачка, я вожу с вокзала пачки книг.

— Хорошо.

Негр начал поворачиваться, но Фредерике неожиданно захотелось задержать его. На неё как-то угнетающе действовали пустой дом и заросший сад.

— Мисс Саттон или миссис Саттон, Крис?

— Мисс, если вы имеете в виду мисс Филиппину, женщину, которая встретила вас на станции. Её тётушка — старая миссис Саттон, ей принадлежит поместье на шоссе. Отец мисс Саттон, брат миссис Саттон, он ушёл на большую войну, на первую, и женился на француженке. Но в последней войне оба они были убиты. Старая миссис Саттон искала Филиппину, нашла и привезла домой.

— А собственных детей у неё нет? — Фредерика не могла удержаться от вопроса. И тут же пожалела. Зачем она вмешивается не в свои дела? И почему анализирует

каждое произнесённое слово? Почему она такая чувствительная? Она чуть нервно посмотрела на Криса, но тот без колебаний ответил.

— Да, мисс, у неё двое собственных детей. Мисс Кэтрин... она теперь миссис Клей. Но сейчас не замужем. Живёт в Нью-Йорке, но как раз сейчас приехала в гости. И сын — искалечен на войне.

— Не его ли называют полковником? — неожиданно для самой себя спросила Фредерика.

— О нет, мисс. Его зовут Роджер, Роджер Саттон, — неуверенно добавил Крис.

Он направился к кирпичной тропке, огибающей дом, и Фредерика быстро выпалила:

— Я встретила мужчину... на станции... его называли полковником. Я подумала, может, это и есть мистер Саттон.

— Нет, мэм, — Крис повернулся к ней. Улыбка его исчезла, он серьёзно смотрел на Фредерику. — Вероятно, это полковник Мохан. Он преподаёт в колледже, и все называют его просто полковник.

Фредерика в третий раз за день почувствовала, что краснеет. Теперь она пожалела, что заговорила об этом. Только бы Крис перестал смотреть на неё и ушёл.

— Полковник хороший человек, — медленно закончил Крис. То, как он произнёс слово «хороший», заставило Фредерику быстро поднять голову. Как будто он сказал: «А другие, эти Саттоны, они нехорошие».

— Спасибо, Крис. Я допоздна буду разбираться в магазине, так что можете принести чемодан в любое время.

— Да, мисс.

Фредерика смотрела ему в спину, жалея, что так разговорила. Шаги Криса стихли, и сад показался ей необычно молчаливым. Она вздрогнула. Холодный ветер или что-то ещё — холод и одиночество внутри? Как там звали художника, который превращал деревья в колдунов и великанов? Рекхем. Красота — в глазах смотрящего...

Может, это справедливо и для... зла? Почему она так неожиданно разочаровалась? Фредерика снова вздрогнула, встала и медленно пошла к двери. Надо бороться с необузданным воображением, соблюдать дисциплину мысли.

Глава 2

Проснувшись, Фредерика громко чихнула и повернулась, чтобы посмотреть на часы на столике у кровати.

Восемь. Позже обычного — и намного. Но ночью случилась гроза, и она потом долго лежала без сна. Фредерика широко раскрыла глаза и посмотрела на незнакомую жёлтую комнату.

Она снова чихнула, села и подумала, что простудилась. Глаза болели, а горло напоминало наждак.

И пока Фредерика медленно одевалась, останавливаясь, чтобы воспользоваться бумажным носовым платком, её не покидало какое-то предчувствие, которое не имело ничего общего с простудой и с тем, что она одна в незнакомом доме. Неожиданно она снова чихнула.

«Чихнёшь в воскресенье, и прячешься, чтоб выжить...» Что ещё говорится в том старом детском стишке? Она торопливо закончила одеваться и через окно в глубине комнаты взглянула на навес над крыльцом, на лужайку и путаницу ветвей за ней. Позже, когда выйдет солнце, нужно будет осмотреть эти джунгли. Но не сейчас. Тёмная листва слишком тяжёлая и влажная после ночного дождя, от лужайки поднимался пар.

Но почему она никак не может оторваться от окна? Почему не ставит себе кофе, поддаётся беспричинной депрессии? Почему?

Неожиданно она застыла. Да, кусты шевелились, хотя ветра не было. Вскоре из кустов выглянуло лицо, а потом, медленно и осторожно, и принадлежащее ему тело. Молодая девушка, даже девочка, в клетчатом платье. Фредерика успокоилась. Но почему девушка продралась

тайком через мокрые кусты, как будто не хотела, чтобы её видели? Почему она вообще пришла, непрощенная?

Фредерика набила карман фартука туалетной бумагой и спустилась к задней двери. Распахнула её рывком, словно срывая своё раздражение. Девушка стояла перед ней.

— Да? — холодно сказала Фредерика.

— О, — ответила девушка, поднимая голову. — Вы, должно быть, Фредерика Винг.

— Да. А кто, позвольте узнать, спрашивает? — Фредерику, вопреки её желанию, раздражало даже то, что посетительница назвала её по имени. Злости добавил и не больно-то располагающий вид девушки. Юная, не старше шестнадцати, угрюмая, неаккуратная, на слишком полном лице красные угри.

— Я Марджи Хартвел, — девушка замолчала, словно этого объяснения было достаточно, потом неохотно добавила, побуждаемая явной враждебностью Фредерики: — Я пришла за вещами в кладовке, они нужны маме.

Фредерика собралась было запретить ей входить в дом, но подумала, что ведёт себя глупо, потому что ей не понравилась девушка и её неожиданное появление. В конце концов мисс Хартвел говорила о своей племяннице. С усилием Фредерика промолчала, но резко отвернулась и пошла на кухню к более бодрым мыслям о кофе.

Марджи хлопнула проволочной сеткой двери, и Фредерика слышала её тяжёлые шаги на лестнице. Девушка прошла в кладовую, которую показывала Филиппина; Фредерика видела, что там полно вещей.

Для Южного Саттона такое поведение, может быть, в порядке вещей, но не для Фредерики Винг.

К тому времени как Марджи вернулась, Фредерика заканчивала завтрак. Девушка с голодным видом встала в дверях, но Фредерика не пригласила её.

— Я хочу, чтобы ты в следующий раз предупреждала меня, когда захочешь прийти, — напряжённо сказала она. — Я здесь живу, знаешь ли.

— Но тетя сказала...

Фредерика оборвала её.

— Неважно, что сказала мисс Хартвел. Теперь я здесь хозяйка, а мне не нравится, когда входят без приглашения.

Какое-то время девушка смотрела на неё, пятна на щеках стали ещё краснее, но она ничего не сказала. Потом повернулась и вышла через заднюю дверь, нарочно громко захлопнув её за собой.

«Ну, вот, — сказала себе Фредерика. — Из-за того, что я устала и простудилась, я настроила против себя эту несчастную девчонку». Она встала и пошла к раковине мыть посуду. Гамак снаружи казался мокрым и провисшим. Может, следовало его чем-нибудь прикрыть? Чёрт возьми, чёрт возьми всё! Если бы здесь не оказалось так много психов, день бы начался совсем по-другому. А так...

Но утро проходило, Фредерике больше никто не мешал, и она почувствовала себя лучше. Систематически проверяя запасы книг, она обнаружила, что они очень даже соответствуют её вкусам. Может, мисс Хартвел немного легкомысленна, но книги она знает.

Лучшую находку утра она сделала в комнате напротив кабинета, на полке бывших в употреблении книг, — множество давно не издававшихся романов Мэри Холмс и нескольких других писательниц викторианского периода. Фредерика уже много месяцев разыскивала эти книги. И если бы сейчас не нужно было устраиваться, она немедленно могла бы начать читать и писать. Эта мысль так подбодрила её, что, к собственному удивлению, она начала напевать свой небольшой репертуар песен. Зарождающаяся простуда этому не способствовала, но Фредерика забыла и думать о ней и о своей депрессии. Книжный магазин Хартвел неожиданно превратился для неё в земной рай.

Она методично обследовала три комнаты и закончила платной библиотекой, которую нашла в полном порядке;

в таком же порядке содержались и документы, стопкой сложенные на столе кабинета. На столе также лежала пачка книг с запиской. Почерк мисс Хартвел был очень хорошо знаком новой управляющей.

«Это для полк. Мохана. Заказывал давным-давно. Ему они нужны поскорее. Марджи может отнести ему записку в колледж, или он сам зайдёт».

Фредерика с растущим интересом просмотрела названия. Похоже, Питер Мохан — полковник Питер Мохан — покупает книги по военной истории Америки до гражданской войны: индейцы и войны на границе. Что же он преподаёт в колледже?

Были ещё две книги с записками. Книга Кэтлин Винзор с вкладкой «Кэтрин Клей» и «Жизнь Франклина» Карла Ван Дорена — «Роджеру Саттону».

Что ж, подумала Фредерика, это кое-что говорит о дочери и сыне первого семейства Южного Саттона. А также, конечно, о том любопытном человеке — полковнике Питере Мохане.

Неуверенный солнечный луч коснулся стола и сразу отступил. Фредерика встала и подошла к окну. Да, кое-где показались участки голубого неба. Наверное, будет разумно выйти. Что там Филиппина Саттон говорила о гостинице? Хорошая пища. Взгляд на часы показал, что для ланча уже поздно. Во время простуды следует питаться хорошо, но готовить не было сил. И Фредерика, напевая «Поживи со мной», пошла наверх переодеваться.

Как и обещала Филиппина, Фредерике понравилась гостиница «Кареты и лошади». Несомненно, начало девятнадцатого столетия, белый деревянный дом колониального стиля, с кирпичными пристройками и широкими каминными трубами. Дом хорошо сохранился. Верхнее окно над дверью и боковые окна были совсем не тронуты временем или прекрасно восстановлены. Траву у входа аккуратно подстригали, клумбы переполняли цветы.

Фредерика увидела, что дверь открыта, и нерешительно вошла. К своему удивлению, она сразу оказалась в большой гостиной с крытыми ситцем удобными креслами, уютной и обжитой. В огромном камине напротив двери горели дрова, а на столах и стульях были разложены воскресные газеты.

Ещё Фредерика увидела, что комната пуста, и что часы на камине показывают десять минут второго. Она прошла к огню и вытянула руки. Как странно испытывать тягу к теплу после вчерашней летней жары. Она с отсутствующим видом смотрела на огонь, но вскоре почувствовала, что кто-то вошёл в комнату и остановился позади неё. Она быстро обернулась и оказалась лицом к лицу с женщиной. На Фредерику смотрели прекрасные серо-голубые глаза, но глаза холодные, как зимний день. Тут женщина заговорила, и бесцветная маска её лица покрылась морщинами, отразившими возраст и капризы.

— Вы, должно быть, мисс Винг. Мисс Хартвел говорила, что ждёт вас, — женщина протянула белую руку, которую Фредерика пожала с инстинктивным нежеланием. — Я миссис Клей, Кэтрин Саттон Клей, — второе имя она произнесла с явным удовольствием.

— О, да, — ответила Фредерика. Итак, это дочь Саттонов, когда-то вышедшая замуж, а потом разведённая; именно это, должно быть, имел в виду Крис, говоря, что сейчас она не замужем! Вялая внешне рука оказалась неожиданно сильной. Вспомнив о манерах, Фредерика спросила: — Как поживаете?

— О, спасибо, не очень хорошо, — неожиданно ответила Кэтрин. — Я слишком давно уехала из Нью-Йорка, и на мне сказывается медленное разложение Южного Саттона. Не думаю, чтобы вы это уже почувствовали. Но ещё почувствуете...

Фредерика не знала, что сказать, а женщина нетерпеливо пожала плечами.

— Вам нужно поесть, если вы за этим пришли. В воскресенье здесь подают цыплят, но чем дольше ждёте,

тем их меньше, — потом словно про себя женщина добавила: — Если дружок Джеймс вскоре не покажется, нам ещё достанется холодная ветчина, — она села в кресло и махнула рукой в сторону столовой.

«Нельзя, чтобы мне все не нравились, — жалобно думала Фредерика, торопливо бормоча какую-то благодарность и направляясь к двери в конце гостиной. Оттуда слышался стук тарелок и ножей. — Но она мне не нравится, и, наверное, никогда не понравится».

Фредерике, с её натянутыми нервами, показалось, что столовая переполнена людьми. Она неуверенно остановилась у входа, и все как будто сразу уставились на неё. Но тут к ней с улыбкой подошла хозяйка и проводила в укромный уголок. Фредерика осмотрелась и, к своему удивлению, обнаружила, что на самом деле было занято очень немного столиков. И первым она увидела полковника Мохана, который, как и вчера, смотрел прямо на неё спокойным оценивающим взглядом. Когда она, словно загипнотизированная, посмотрела ему в глаза, он улыбнулся и лицо его утратило суровость. Фредерика тоже улыбнулась и в смущении посмотрела в меню; она чувствовала, что покраснела. Печатная карточка не требовала серьёзного внимания, потому что выбора в сущности не было, но дала возможность Фредерике прийти в себя, и спустя какое-то время она смогла смотреть в комнату, но не в направлении полковника Мохана.

За круглыми столами сидели мужчины, женщины и дети. Похоже, профессорские семьи. У всех внешность «воскресенье после церкви». Фредерика поняла, что шум, который так поразил её вначале, исходил всего от одного столика; за ним молодой человек примерно двух лет от роду в высоком кресле стучал ложкой по чашке, от души наслаждаясь этим занятием.

— Ему только барабана и недостаёт, — послышался низкий голос; Фредерика подняла голову и увидела стоящего рядом полковника Мохана. — Прошу прощения за то, что представляюсь таким неформальным способом,

но мы здесь не очень следим за формальностями. К тому же Люси Хартвел меня предупредила, и я сразу понял, кто вы, когда увидел вас вчера на станции. Я хотел поинтересоваться насчёт заказанных книг, но, наверно, не стоит вас сейчас беспокоить.

Фредерика пробормотала несколько слов о книгах, надеясь, что голос не выдаст её, но странный человек не отошёл, напротив, негромко спросил:

— Я как раз заканчиваю кофе. Не возражаете, если я ненадолго подсяду? Люси особенно просила меня позаботиться о вас.

Фредерика остро осознала, что мальчик перестал колотить по чашке, и что не только он, но и все остальные с интересом следят за ними. Она тупо смотрела в тарелку и не могла заставить себя поднять голову. Потом услышала собственный, очень громкий, как ей показалось, голос:

— Конечно. Пожалуйста.

— У нас маленький городок во всех смыслах, — спокойно продолжил её собеседник, подсаживаясь к ней со своей чашкой. — То есть, начнём с того, что нас очень мало. Мы сплетничаем; мы с интересом разглядываем все новые лица... и не только с интересом, но — признаю — с подозрением; мы держимся тесными группами; но в целом мы не злы.

Фредерика чувствовала, как её согревают эти заботливые слова и спокойный дружеский голос, застенчивость её постепенно куда-то исчезла, и она обнаружила, что говорит с незнакомцем, как с другом детства.

— Простите, если кому-то я показалась недружелюбно настроенной, — сказала она, виновато вспоминая утреннюю встречу с Марджи. — После Нью-Йорка я ещё в некотором замешательстве. Хотя, скорее, замешательство не совсем подходящее слово. Может, больше подходит испуг. Вы почему-то кажетесь огромным, словно я смотрю в увеличительное стекло.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Неожиданные

перемены похожи на кошмарный сон, но вам станет лучше, когда вы почувствуете, что вы одна из нас. И вы это почувствуете, и раньше, чем сами ожидаете. Посмотрим, чем я смогу вам помочь. Я Питер Мохан...

— Да, я знаю.

— Хорошо. Я преподаю в Саттонском колледже — спецкурс для особых летних студентов, — полковник осмотрел комнату и снова улыбнулся. — Знаете, никак не могу привыкнуть учить женатых людей, с жёнами и детьми в кампусе... хотя я вдвое их старше.

— Это с т у д е н т ы? А я-то посчитала, что это преподаватели, хотя выглядят они молодо, — Фредерика помолчала, потом спросила: — А чему вы их учите? — она обрадовалась, что ей уже без особой суеты несут обед. Меню здесь действительно существовало только для формы.

— Разве мисс Хартвел не рассказывала вам о колледже?

— Нет. Мы обменялись письмами, и она уехала в тот же момент, как я зашла. Мисс Саттон кое-что рассказала мне вчера, но немного.

— Очень похоже на Люси. Ну, что ж, послужу гидом по памятникам древности и восполню то, что пропустила Филиппина. Саттонский колледж был основан в 1820 году Люциусом Эдвардом Саттоном в память о сыне, убитом в войне 1812 года. Этот его сын, Джеймс Тейер Саттон, выполнял дипломатическую миссию, но англичане потопили корабль, на котором он прорывался через блокаду. Поэтому старик, предок мужа нашей нынешней миссис Саттон, которая живёт на Ферме — это их семейное поместье... О чём это я? Ах, да, основатель предполагал готовить в колледже людей для консульской и дипломатической службы США. Студентов тщательно отбирают, и они старше обычного студенческого возраста, многие уже семейные. К тому же они не бедны: чтобы учиться дипломатии, нужно располагать средствами или поддержкой спонсоров.

— Этот Люциус Саттон основал и город?

— Да, в 1814 году. Как вы могли заметить, здесь несколько отличных образцов того, что я называю викторианской готической архитектурой. А колледж — копия оксфордского колледжа Магдалины; даже ручей искусственный соорудили. Меня это очень успокаивает.

Полковник Мохан как будто не торопился уходить; помешав ложечкой в пустой чашке, он попросил официантку принести ещё кофе.

Фредерика удивилась.

— Вы учите... дипломатии?

— Ну, это мне не по силам. Я вообще в первоначальный план не вписываюсь. В 1941 году организовали новое отделение — к несчастью, разместили его в сборных домиках, но могло быть и хуже. Называют его величественно: факультет военного управления, и финансируется он отчасти правительством. Туда мы принимаем только выпускников колледжей. И тщательно отбираем.

— И чему же вы учите? — настаивала Фредерика.

— Я? — полковник нахмурился. — О, всего лишь курс военной разведки, — он увидел, что Фредерика готова задать новый вопрос, и торопливо продолжил: — Я предпочёл бы провести остаток жизни с индейцами, а войны вести простые, как в добрые старые дни на границе, до Гражданской войны.

— О, да, книги, которые вы заказали... — неожиданно сказала Фредерика.

Он быстро допил кофе и встал.

— Нельзя ли заглянуть за ними сегодня попозже? Я думаю, что вы обо мне уже всё услышали... и знаете, а я о вас ничего.

— Я ем, — улыбнулась Фредерика. — А уроженка Новой Англии не может есть и говорить одновременно. Пожалуйста, заходите. В книжном магазине так тихо без людей, особенно в холодное мокрое воскресенье... — она остановилась и неожиданно чихнула. Порывшись в кармане в поисках платка, посмотрела на полковника и

добавила: — Вероятно, вы не знаете окончание одного глупого детского стишка, который меня всё воскресенье преследует. Он начинается: «Чихнёшь в воскресенье...»

— Знаю, и вам придётся посмотреть в лицо тому факту, что это худший день недели:

*«Чихнёшь в воскресенье, и прячясь, чтоб выжить:
Иначе Чёрт будет тебя всю неделю муржить».*

— О Боже! А у меня как раз простуда! Может, лучше чихать завтра.

— Ни в коем случае. «Чихнёшь в понедельник — опасность близка».

Он посмотрел на неё со странным зловещим выражением, потом неожиданно улыбнулся.

— Зато можете чихнуть во вторник, это принесёт вам облегчение. Вероятно, вы знаете, что там дальше.

— Нет. Всё позабыла.

— Ну, что ж, может, оно и к лучшему, учитывая ситуацию, — и мужчина повернулся и быстро вышел.

«Ну, вот и всё, — подумала Фредерика. — Вторник. Что там рифмуется со словом «близка»? — вернулась утренняя тревога. — А всё эта проклятая простуда, все неприятности усиливает».

В этот момент она снова услышала гортанный голос Кэтрин Клей, которая зашла в столовую с плотным тяжёлым мужчиной и села за два столика от Фредерики.

— Ну, почему, — говорила она, — ну, почему нельзя, Джеймс? Эта жалкая выскочка! Боже, я могу её убить собственными руками...

— Ш-ш-ш! — её спутник беспокойно оглянулся. Фредерика старательно занималась своим яблочным пирогом, и он как будто не заметил её.

— Если бы вы не ревновали, моя дорогая, вы бы увидели её в том же свете, что и остальные. Она хорошая женщина, и не знаю, что бы стала делать без неё ваша матушка, — у мужчины голос был тоже сердитый.

Кэтрин буквально выплюнула:

— Не говорите, что вы тоже очарованы! Боже, а я-то думала, что вы меня любите! — она заговорила тише, наклонясь через столик к спутнику, тело её буквально дрожало от силы чувства. Говорила она быстро, ухватившись худыми руками за край стола. Фредерика, продолжая заниматься пирогом, напрягла слух, но не смогла разобрать ни слова. Переводя взгляд с тяжёлого чувственного лица мужчины на женское, покрасневшее от гнева и страсти, Фредерика начала сочинять сюжет, достойный её викторианских писательниц. Она нетерпеливо подобрала счёт и пошла к двери. «Интересно, кто такой этот Джеймс? — подумала она. — Если не перестану этим интересоваться, придётся написать в книге особую главу и назвать её — «То, чего не видит глаз».

«Хорошая женщина», очевидно, двоюродная сестра Кэтрин — Филиппина Саттон, которую отыскала во Франции мать Кэтрин. Достаточная причина для ревности. А Джеймс, кто бы он ни был, подлил масла в огонь. Фредерика подумала, скоро ли снова встретится с Филиппиной. Да, несомненно, если бы ей дали возможность выбирать, она предпочла бы Филиппину. Но Джеймс явно сражён — или это в прошлом? Трудно сказать.

Фредерика понимала, что мысли её разбегаются, что она дала волю воображению, и что она простужена. Но, неторопливо возвращаясь в книжный магазин под деревьями, с которых капала вода, она не чувствовала себя несчастной. Приятно было подумать, что скоро за книгами заглянет этот полковник — и, может быть, она пригласит его остаться на ужин. Педантичный ум напомнил ей, что на кухне есть яйца и сыр для суфле.

Глава 3

Суббота во время проведения большой ярмарки в Южном Саттоне порадовала ясным и жарким днём; все с беспокойством осматривали небо в поисках сигналов

опасности, но тут же успокаивались. Возможно, позже и пройдёт гроза, в июле этого можно ожидать, но она только добавит возбуждения празднику.

Фредерика встала рано, чтобы успеть разобрать библиотечные книги, которые мисс Хартвел жертвовала на ярмарку. Не успела она закончить эту работу, как послышался лёгкий стук в дверь. Фредерика немного подождала, но её утренний гость оказался вежливее остальных; никто не заходил. Она подошла к двери и с радостью увидела Филиппину Саттон. Прошла неделя с их первой встречи в день приезда Фредерики; она вначале обрадовалась дружескому приёму, а потом слегка огорчилась, решив, что о ней забыли.

— Простите, что не заходила раньше. Никогда не была так занята в лаборатории; пришло множество заказов на травы. Мы с Роджером работали непрерывно с самого вашего приезда... — она махнула рукой в сторону дороги, Фредерика увидела там джип, а в нём за рулём мужчину. — Мы заехали посмотреть, не помочь ли отвезти ваши книги в церковь — и даже сейчас мы не можем задерживаться.

— Как вы добры. Но не зайдёте ли оба на чашечку кофе? Я не знакома с мистером Саттоном, — неуверенно сказала Фредерика.

Филиппина нахмурилась, потом улыбнулась.

— Роджер, — позвала она, потом громче: — Роджер! — мужчина повернулся, но не ответил. — Иди, выпьем кофе.

— Ну, правда, Фил, у нас нет времени. Ты сама говорила...

Филиппина нетерпеливо пошла к машине. Она тихо переговорила с Роджером, мужчина вылез из-за руля и пошёл за ней по тропинке. Но по всему видно было, что ему не хочется этого делать.

Когда он подошёл ближе, Фредерика увидела его искаженное, покрытое рубцами и шрамами лицо и поняла причину нежелания. Она поняла также, что это нежела-

ние показываться на людях заставит его болезненно реагировать на любой поступок, который он сочтёт проявлением сочувствия. Она пожала крепкую прохладную руку и отрывисто пригласила:

— Входите, — потом повернулась и пошла на кухню. Женщины сели за столом у окна, а Роджер взял чашку в руки и встал у полок, так что лицо его оставалось в тени.

Вначале разговор шёл с трудом, но вскоре женщины разговорились, а Роджер стоял молча и нервно. Очевидно, ему хотелось уехать.

— Мы оделись, рассчитывая проработать весь день, — сказала Филиппина. — Мы должны насобирать достаточно диких трав, прежде чем они высохнут, — на Роджере были потрёпанные и пыльные брюки хаки, но рубашка чистая, а волосы аккуратно причёсаны. Он не казался одетым для чего-то особого. Филиппина в джинсах и плиссированной кофте, открытой на шее, выглядела гораздо менее безукоризненной, чем когда впервые встретилась с Фредерикой. В то же время она одевалась куда более изящно, чем Марджи и другие городские девушки в любое время.

— По мне, так вы оба вполне одеты для приёма. Но разве вы не идёте?

— Нет, — неожиданно заявил Роджер. Он протопал по комнате к раковине, поставил пустую чашку и подошёл к Филиппине, нервно сжимая и разжимая кулаки.

«Я бы долго этого не вынесла», — подумала Фредерика. Она взглянула на Филиппину, и женщины обменялись понимающими и сочувствующими взглядами. «Мы могли бы подружиться, — продолжила свою мысль Фредерика, — но мы обе слишком заняты своими делами, так что времени на это не будет».

И как бы подкрепляя эту мысль, Филиппина встала. Фредерика вздохнула, возвращаясь за свой стол. Ей нужна была дружба Филиппины, и, наверное, следует кое-что разузнать о Роджере Саттоне. Нельзя ли ему помочь? Она взяла несколько издательских каталогов и попыталась

забыть своих посетителей. Можно рассчитывать на спокойное утро в магазине: все готовятся к ярмарке. Но не успела она сосредоточиться на утренней работе, как в заднюю дверь вошла Марджи Хартвел.

За прошедшую неделю Марджи перестала даже формально стучать в дверь, а Фредерика перестала пытаться переделать её. Сегодня девушка была возбуждена и выглядела лучше, чем Фредерика могла бы подумать. Угри скрыл слой крема и пудры, а чистое и аккуратное платье буквально преобразило девушку.

— Я сегодня не работаю, — сразу объявила она, — только на ярмарке. Но это интереснее, чем в лаборатории. Дома я только мою бутылки и пробирки с образцами. Наверно, на Ферме сегодня и магазин закроют. Миссис Саттон придёт, конечно. Она всегда приходит, а Роджер не придёт, он терпеть не может толпы. А насчёт Филиппины не знаю. Они сказали, что отправляются искать дикие травы, и один Бог знает, когда вернутся.

Фредерика почему-то не стала упоминать о своих ранних посетителях.

— А миссис Клей придёт?

— А, э т а! Не знаю. Наверно, придёт, если вовремя вернётся дорогой Джеймс.

— Они обручены? — Фредерика не могла удержаться от вопроса и тут же пожалела о нём, увидев на лице Марджи довольное выражение сплетницы: Фредерике частенько приходилось наблюдать такое выражение раньше.

— Обручены? Всё, что угодно, кроме этого. Не понимаю, конечно, что он в ней нашёл, но сейчас он вовсе не пылает. В последнее время болтается в лаборатории и, мне кажется, увивается за Филиппиной... и в этом гораздо больше смысла...

Марджи готова была бесконечно распространяться на эту приятную тему, но Фредерика посчитала, что разумней остановиться.

— Ну, здесь твоя помощь не нужна. Можешь присоединиться к приготовлениям.

Но Марджи, как всегда поступающая наоборот, надула губы и пробурчала:

— Я бы лучше вам помогла. Мама сказала, что можно, если работа не грязная.

— Но у меня ничего для тебя нет, — Фредерика неожиданно ощутила усталость. — Может, посидишь с книгой и подождёшь клиентов?

— О, сегодня никаких клиентов не будет. А читать я не люблю, так что, пожалуй, действительно пойду.

И прежде чем Фредерика успела ответить, Марджи подлетела к передней двери и исчезла. Фредерика снова вернулась к столу, и на этот раз ей никто не помешал. Предсказание Марджи оправдалось, никаких клиентов не было. Фредерика радовалась этому: она собиралась закрыть магазин пораньше и всю середину дня и вечер провести на ярмарке.

Когда в половине третьего заглянул Питер Мохан, она была готова и ждала снаружи в своём лучшем розовом платье и большой соломенной шляпе.

— Как с картины! — приветствовал он её. — А если вам это кажется слишком вульгарным, может, подойдёт «как с картины Гейнсборо»?

Фредерика рассмеялась, и ею овладело праздничное настроение.

— А писал он когда-нибудь представительниц угнетённого рабочего класса? У меня сегодня «выходной день служанки», и я к нему более чем готова, — ответила она. — Как дворянка, вычистившая свои перчатки.

— Хорошо. Я тоже. Вернее, я тоже нет. Такими делами нужно заниматься от всего сердца. Иначе... Привет! Вот и мой друг Кэри, Тэйн Кэри и его жена Конни. Хочу, чтобы вы с ними познакомились. Не возражаете, если мы пригласим их вместе пообедать?

— Конечно, нет. А кто он?

— О, он начальник полиции... отличный парень... и разделяет наше пристрастие к убийствам. И, к счастью, Конни отличная слушательница.

— Входит полицейский,... — пробормотала Фредерика.
— Не важничайте, — заметил Питер. — Он действительно мой друг.

Фредерика покраснела и, запинаясь, ответила:

— О, я не имела в виду ничего плохого. Просто вспомнила то загадочное убийство, о котором мы с вами говорили вчера вечером.

— Я слышу «загадочное убийство»? — приветствовал их Тэйн Кэри. — Мои уши чистопородного пса сразу насторожились.

Питер познакомил их, и Фредерика решила, что ей нравятся молодой человек и его жена. У него честное, серьёзное и очень некрасивое лицо, в котором ни одна черта не соответствует другой, но он высок, отлично сложен и сразу производит впечатление способного и делового человека. Жена же его очень привлекательна. Её спокойные голубые глаза заставляют вспомнить об отдыхе, и вообще она создаёт отличный фон для беспокойной энергии мужа.

— Я «при исполнении», Мохан, так что не очень меня задерживайте. Но, боюсь, не убийство. Всего лишь карманные воришки, — он приятно рассмеялся, а Конни улыбнулась.

Питер предложил вместе посидеть на «бобовом пире» и поговорить — о книгах и преступлениях, и все с готовностью согласились.

— Вам понравятся Тэйн и Конни, — сказал Питер, когда эти двое исчезли в толпе.

— Они мне уже понравились. А он ещё чем-нибудь занимается?

— О, да. Он преподаёт, как я... и немного пишет, тоже как я...

— И я...

— И ты, Брут? Как же вам удалось сохранить этот интересный факт в тайне от меня?

— У меня больше стараний, чем успеха, — сразу призналась она. — Пока говорить не о чём. Но надеюсь, теперь у меня найдётся время для работы.

— Ну, вы знаете, чем я занимаюсь. По книгам, которые я заказываю. А вы?

— Я пытаюсь написать объединённую биографию нескольких викторианских романисток, тех, кого Готорн называл «царапающими женщинами»: Сьюзан Уорнер, Мария Камминс, Мэри Холмс и так далее. Довольно далеко от ваших индейских войн.

— И у вас находится время для работы?

— Пока не очень. В магазине оказалось больше дел, чем я предполагала, а никакие мои планы не удержат покупателей.

— Возможно, это и хорошо. Но мне кажется, вы должны больше использовать Марджи. Я вообще не смог бы писать, если бы не имел нескольких спокойных утренних часов.

— Марджи не кажется мне совершенным выходом, — чуть сдержанно сказала Фредерика.

— Совершенным? Конечно, нет. В мире вообще нет ничего совершенного. Но в глубине души она хорошая девочка, и с ней будет всё в порядке, когда она избавится от своих подростковых комплексов и этих угрей. Впрочем, в её случае это одно и то же.

Фредерика ничего не сказала. Лучше не высказывать своих чувств к Марджи Питеру, который ей явно симпатизирует. Они шли молча, пока не увидели разукрашенный киоск с надписью «Травы и гирлянды».

— Вы, наверное, не знаете, что такое настоящая гирлянда, — заявил Питер. — Я куплю вам одну, и вы будете знать, — он подтащил её к киоску, где удивлённо остановился. — Миссис Саттон, вы сами за прилавком? А где ваши помощники?

— Здравствуйте, Питер. Здравствуйте, Фредерика. Надеюсь, я могу звать вас по имени. Кстати, вы застали меня просто в отчаянии. Кэтрин обещала поработать здесь, мне же нельзя долго стоять, по словам врача, из-за повреждённой лодыжки. Но Кэтрин ещё не пришла. Что вам предложить? Как насчёт цветов для леди, Питер? — она взяла маленький букет и улыбнулась.

Фредерика была знакома с миссис Саттон, та несколько раз заходила в книжный магазин. Высокая, некогда, должно быть, очень красивая женщина, сейчас выглядела совсем старой, морщины тревог оставили лишь след былой красоты на лице. Фредерика видела, что она плохо себя чувствует или очень беспокоится, но не успела ничего решить для себя, потому что Питер сказал:

— Я бы взял этот, но подходит ли послание?

— Бедная мисс Винг ничего не понимает. Это букет с посланием на языке цветов. У меня всё записано, но, может, Питер вам лучше самому прочесть сначала?

Питер прочёл записку и улыбнулся.

— Превосходно, — сказал он.

— А мне можно? — спросила Фредерика.

— Пока нет, но букет ваш, — ответил Питер, тщательно складывая записку и пряча её в карман. Потом взглянул на миссис Саттон. — Может, мы вас заменим на время?

— О, нет, дорогой Питер. Вы очень добры, но я уже послала за Марджи. Она может быть недовольна, но я уверена, придёт. А, вот и она, слава Богу!

Марджи пробивалась сквозь толпу. Уходя, Фредерика и Питер слышали её слова:

— Это не моя работа. Кэтрин не должно такое сходить.

Миссис Саттон отвечала ей негромким успокаивающим голосом.

— Бедная Марджи, — сказал Питер. — Не могу винить её. Кэтрин всегда думает только о Кэтрин, и это сходит ей с рук, а бедные дети, как Марджи, страдают за неё.

— Марджи это не повредит, — не удержалась Фредерика и тут же пожалела о своих словах, заметив, как нахмурился Питер.

Но скоро Марджи и всё остальное было забыто в веселье летнего дня. Питер и Фредерика переходили от киоска к киоску, потом посидели в тени дерева, пили лимонад и говорили о жизни. Они никогда не смогут забыть эти часы спокойного удовлетворения, хотя и будут знать, что они послужили вступлением в кошмар.

Ужин был накрыт в церковном зале в шесть; длинные складные столы устелала цветная бумага, на них стояли миски с горячими печёными бобами, тарелки с ветчиной, салат и булочки. Войдя в похожую на казарму комнату, Питер и Фредерика остановились, восхищаясь лоскутным одеялом; всю неделю женщины из церковного комитета продавали билеты на розыгрыш этого приза. Печатное объявление гласило, что продано свыше пяти-сот билетов, и что счастливый номер будет разыгран после ужина.

— Вот бы мне повезло, — выдохнула Фредерика. — Ничего красивее я не видела. Я купила целых пять билетов.

— Приданое? — спросил Тэйн Кэри, незаметно подкравшись сзади. Он услышал её слова.

— Нет, только сундук для него, — со смехом ответила Фредерика; вместе с Конни они отправились искать места за столами.

Как можно удобнее устроившись на жёстких стульях, они заметили, что Марджи — случайно или нарочно — села по другую сторону от Питера; сама Фредерика сидела между Питером и Тэйном Кэри; они сразу заговорили о своём интересе к криминалистике и к детективным романам. Конни, со своей стороны, спокойно слушала, но ничего не говорила.

— Я не настолько осведомлена, — сказала наконец Фредерика. — Но интересуюсь, и меня всегда покоряет, как вы, детективы, утверждаете, что преступление в реальной жизни всегда отличается от преступлений в книгах.

— Но ведь так оно и есть! Часто вы встречались с преступлениями в реальной жизни?

— Признаюсь — не часто. Но знаю, что авторы детективных книг часто сами могут провести расследование. Я недавно прочла «Жизнь Конан Дойла» Джона Диксона Карра. Случай с Оскаром Слейтером и случай Эдалджи в Грейт Врили — оба эти преступления были расследованы самим Конан Дойлом, он добился оправдания невинов-

ных. И должна добавить, вопреки сильному сопротивлению властей.

— Ну, то Англия, а не Америка, — быстро ответил Кэри.

Питер отвернулся от Марджи, которая всё ещё ворчала из-за испорченного дня и того, что Кэтрин вообще не пришла.

— Знаете, Кэри, — сказал он, перегнувшись через Фредерику, — мисс Винг считает, что Южный Саттон — превосходное место для убийства в самом изысканном стиле...

— На том основании, что в тихой местности убийства всегда загадочнее, — легко согласился Кэри. — Конечно, мисс Винг, вы послали стрелу мне в самое сердце. Вы только что говорили о Конан Дойле. Вспомните:

«— Разве они не свежи и не прекрасны? — воскликнул я с энтузиазмом человека, только что вырвавшегося с туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс серьёзно покачал головой.

— Знаете, Ватсон, — сказал он, — одно из проклятий такого ума, как мой, это то, что я на всё смотрю с точки зрения своего дела. Вы смотрите на разбросанные дома, и на вас действует их красота. Я смотрю на них, и мне в голову приходит только мысль об их изолированности и о безнаказанности, с которой здесь можно совершить преступление... Посмотрите на эти красивые домики, каждый окружён полями, в них живут люди, которые мало что знают о законе. Подумайте о дьявольской жестокости, о тайной злобе, которые могут жить здесь год за годом».

— Боже, неужели вы всего Конан Дойла знаете наизусть? — спросила Фредерика.

— Нет, но хотел бы. Когда я был ребёнком, меня ужасно пугала «Собака Баскервиль». Я перечитывал её в какой-то оргии ужаса и... ну, с тех пор я и полюбил Конан Дойла.

Все рассмеялись, и Питер добавил:

— Кстати, о страхе и детском возрасте. Я почти дословно помню книгу Селии Такстер, в которой описывается убийство на островах в Массачусетсе. Рыбак, много лет считавшийся другом семьи, зимой переплыл залив, ночью убил топором двух беззащитных женщин, ещё за одной гнался в метель, а когда его наконец схватили, постарался переложить вину на двух совершенно невинных мужчин, которые в это время ушли в море рыбачить. Это были муж и брат убитых женщин. Дикая мелодрама на готическом фоне, от неё у меня были великолепные кошмары.

— А я признаюсь в слабости к убийствам, совершённым преподавателями колледжей. И чтобы всё развёртывалось на фоне университетской обстановки. Может, поэтому я и приехала в Южный Саттон, — вмешалась Фредерика.

— О, вы имеете в виду этих оксфордских деканов, у которых всегда смешивается время и все улики, — сказал Питер.

— Да, это, а также подлинные случаи, как случай Вебстера, классический пример убийства в Гарвардском университете.

— Ну, это прекрасно, — с энтузиазмом вклинился Тэйн. — Вы знаете тот случай, Мохан? Доктор Джордж Паркмен был убит профессором Вебстером, который задолжал ему крупную сумму. Никто и не подумал бы заподозрить такого почтенного джентльмена, но за ним подсматривал служитель, и что же он увидел? Старый профессор расчлняет труп и сжигает его в камине колледжа!

— Да, согласен, случай прекрасный. Разве не на нём выступал в качестве свидетеля Оливер Уэнделл Холмс?

— Верно. Добрая старая Новая Англия, превосходное место для убийств, — со смехом заключил Кэри.

Марджи, которая слушала с напряжённым вниманием, вдруг громко спросила:

— Ну, хорошо, почему бы вам тогда не поискать тело

Кэтрин Клей, которая исчезла после ланча? Никто не знает, где она, и с тех пор её никто не видел. Впрочем, если её прикончили, мало кого это расстроит, — с горечью добавила она, уже не так громко.

— Дорогая Марджи, — повернулся к ней Питер, — разве эта женщина хоть раз приходила вовремя?

— Н-нет. Но всё равно, если вам нужно загадочное убийство в Южном Саттоне, начало хорошее.

— Опять-таки неверно, — возразил Тэйн. — Обычно всё начинается с тела, а не с его поисков.

— Точка зрения полицейского, — чуть ли не выкрикнула Марджи. — Если бы вы были повнимательнее, мёртвых тел вообще не было бы.

Тэйн, Фредерика, Питер и Конни — все посмотрели на побледневшее лицо девушки, на котором теперь отчётливо выделялись красные пятна.

— Боже, она говорит серьёзно, — прошептал Тэйн, вставая. — Эй, девочка, на что ты намскаешь? — но прежде чем кто-то смог остановить Марджи, она вскочила и выбежала через открытую дверь в темноту летней ночи.

— Оставьте её, Кэри, — спокойно сказал Питер. — Это то, что её мать называет «театром». Ей очень нравится действовать на неподготовленную аудиторию. И у неё свои счёты с Кетрин, она действительно желает ей смерти.

Чуть потоптавшись, начальник полиции сел и вернулся к оладьям с земляничным вареньем.

— Она совсем спятила, — пробормотал он про себя. Заговорили о других вещах. Так продолжалось до великого момента, когда убрали тарелки, спели гимн и священник произнёс несколько подобающих случаю слов. Питер шёпотом сообщил Фредерике, что священника зовут преподобный Арчибальд Уильямс. И наконец перешли к долгожданному розыгрышу.

— Номер тридцать пять! — очень громко объявила жена священника, вытащив номерок из шляпы.

— Но... но... это же м о й номер! — ахнула Фредерика.
— Я хотела одеяло, потому что... у меня день рождения...
и... Я хочу сказать... Боже! Что же мне теперь делать?

— Встать и взять свой выигрыш, — серьёзно ответил Питер.

Вот почему Фредерика полчаса спустя, возвращаясь домой с прекрасным лоскутным одеялом, пошла не наверх, к себе, а на кухню.

Питер попрощался с нею у входа. Она пригласила его зайти, но полковник отказался.

— Простите, Фредерика, но мне сегодня нужно срочно написать отчёт, и я допоздна буду работать у себя в кабинете. Вы отсюда, несомненно, увидите свет в моём окне.

Фредерика постаралась скрыть своё разочарование и пошла в дом с лоскутным одеялом в руках. Одеяло она расстелила на своей кровати, чтобы лучше его рассмотреть. Потом решила, что ещё лучше рассматривать его на стене, но единственная стена, не занятая книгами, находилась в кухне.

Стремянка стояла за раковиной. Фредерика пошла за ней и по пути выглянула в окно. И в падавшем из окна свете увидела гамак. Стремянка так и осталась неиспользованной, а забытое одеяло много дней пролежало на кухне.

К т о - т о л е ж а л в г а м а к е, и лежал совершенно неподвижно.

— Не следовало нам слишком много говорить об убийствах, — сказала Фредерика вслух, чтобы приободриться. — Я сошла с ума, не хуже девчонки Марджи. Несомненно, это спит сама Марджи. Выставляется, как все подростки, чтобы напугать меня до смерти.

Слова, произнесённые в пустой комнате, прозвучали как-то странно и напомнили Фредерике, что она не героиня романа. Она раскрыла заднюю дверь и вышла на крыльцо. Резко закричала цикада, и Фредерика в страхе остановилась. Потом медленно направилась к гамаку.

Она долго стояла и смотрела на неподвижное тело Кэтрин Клей. Ошибиться было невозможно. Одна рука беспомощно свисала, а свет, лившийся из кухонного окна, проявил искажённое болью или страхом лицо — абсолютно неподвижное.

Фредерика прикрыла рукой рот, чтобы сдержать крик, и заставила себя другой рукой коснуться этого страшного лица. Отдёрнула руку и слепо, почти инстинктивно побежала в направлении кампуса и светящегося окна Питера.

Глава 4

Фредерика бешено заколотила по тонкой двери сборного дома. Звуки прозвучали как удары барабана в тишине ночи.

— Боже! — сказал Питер, быстро открывая дверь. — Незачем будить мёртвых. Какого дьявола?

— Это я, Питер. О, Питер, Питер, она мертва. Марджи, наверное, ведьма.

— Фредерика, это вы? О чём вы говорите? — но тут полковник разглядел её побледневшее лицо, взял за руку и почувствовал, что она дрожит. — Заходите и расскажите, в чём дело. Здесь ничего плохого не может произойти, Фредерика. У вас кошмар из-за того, что мы слишком много чепухи наговорили.

— Нет! Нет! Питер, я не могу зайти. Вы должны пойти со мной. Это... это Кэтрин Клей. Она мертва. Там, у магазина. В моём гамаке, на моём дворе, — Фредерика заставила себя говорить медленно и отчётливо, и наконец Питер понял, что она говорит серьёзно.

— Хорошо, Фредерика, я вам верю, но прежде чем мы пойдём, вам нужно выпить.

Он провёл её в кабинет, раскрыл ящик стола и достал небольшую серебряную фляжку. Из шкафа взял бокал и налил немного.

— Коньяк. Вам необходимо. Не пейте залпом.

Фредерика подавилась, подняла голову и попыталась

улыбнуться. Потом, как послушный ребёнок дозу лекарства, допила коньяк.

Спиртное подействовало волшебным образом, Фредерика почувствовала себя гораздо лучше. Лицо Питера казалось соевым в свете зелёной настольной лампы.

— Спасибо, — сказала она. — Всё в порядке. Идёмте. Я... я не хочу, чтобы она лежала там одна.

— Если она мертва, моя дорогая Фредерика, пять минут не составят никакой разницы, — мягко напомнил ей полковник.

— Я знаю, но...

Впоследствии Питер и Фредерика не раз дивились её непреодолимому стремлению сразу вернуться в магазин. Хотя инстинкт предупреждал её, что смерть эта не естественная. Да, даже тогда...

— Что «но»? — резко переспросил Питер.

— О, не знаю. Просто чувствую, что мы должны быть там.

— Ну, хорошо, — спокойно согласился Питер. Он взял её за руку, они пересекли кампус, перешли дорогу, обогнули дом Хартвел и подошли к гамаку.

К облегчению Фредерики, тело Кэтрин Клей лежало там, где она его и оставила. Она спряталась за Питером, чтобы не видеть эти мёртвые глаза.

— Да, она мертва, — заключил Питер. Он достал из кармана фонарик и осветил неподвижное тело. Потом словно про себя заговорил: — Да, глаза и, — тут он легко коснулся тела, — и оцепенение. Интересно, долго она тут пролежала. Бедняга... — он неожиданно повернулся к Фредерике. — Мы не должны трогать её. Я позвоню Кэри, и нужно будет сразу сообщить миссис Саттон. Заходите внутрь и приготовьте кофе.

Они вместе молча вошли в дом. Питер направился прямо в кабинет к телефону, а Фредерика — на кухню, где, как во сне, налила воды в кофеварку.

Когда кофе забулькал, а Питер пришёл на кухню, они сели и в полной тишине закурили. Тишина так угнетала,

что Фредерика почувствовала непреодолимое стремление заговорить. Сдавленным голосом она сказала:

— Не расскажете ли немного о н е й...

Питер быстро повернулся к ней.

— О Кэтрин? Конечно. Я сам о ней думал. Почему-то меня её смерть не удивила... так что могу думать и вслух.

— Пожалуйста.

— Ну, это всё сплетни, хотя, вероятно, и точные. Она вышла замуж молодой, провела замужем два года, потом развелась и все свои деньги вложила в роскошный, с мраморными стенами, косметический кабинет на Парк Авеню. Деньги у неё быстро кончились, — он помолчал и продолжил медленнее. — Говорят даже, что в отчаянных попытках спастись она начала продавать клиентам наркотики и пристрастилась к ним сама. На какое-то время бизнес пошёл лучше, но всё закончилось посещением полиции. А теперь она ищет... вернее, искала... богатого мужчину и спокойной жизни.

— Тот полный смуглый мужчина, которого я с ней видела в гостинице в прошлую субботу... он ... я хочу сказать, это он и есть?

— Джеймс Брюстер. Да. Адвокат семьи, работает в Ворчестере, но уикэнды проводит здесь. У него тут квартира. Идёт слух... вернее, шёл... что она наметила его в мужья номер два, а он, хотя и привлечённый её змеиным очарованием, сумел оказать сопротивление. У него большой опыт в обращении с женщинами, и он слишком долго живёт холостяком и знает, как сопротивляться. К тому же он богат, а она нет, что осложняет ситуацию...

— Разве Саттоны не богаты?

— Сейчас справляются, но старик умер во время депрессии, оставив миссис Саттон лишь небольшую страховку. Она покрыла долги, но на большее не хватило. Однако у Маргарет Саттон хватило ума подняться. Она организовала эту травяную ферму, которая теперь славится по всей округе. Продаёт травы в пакетах вместе с рецептами и всем прочим необходимым. А потом появи-

лась Филиппина и открыла так называемую лабораторию.

— Понятно. Кажется, Филиппина — её главная опора.

— Да. Старая миссис Хартвел ведёт бумаги, а Марджи, как вы, несомненно, знаете, очень энергично действует в лаборатории. Все занимаются тяжёлой работой, Кэтрин разыгрывает разочарованную кинозвезду, а её брат Рорд-жер прячет от дневного света своё изуродованное лицо.

— Должно быть, трудная жизнь.

— Да — по-своему. Но люди ко всему привыкают. Однако... учитывая, что сейчас произошло, я, возможно, неправ. Не ко всему.

Он замолчал и встал, услышав звуки подъезжающей машины. Потом негромко сказал:

— Разговор мне помог. Спасибо.

Несколько секунд спустя послышались быстрые шаги Тэйна Кэри, хлопнула дверь, и он, как обвинитель, появился перед ними.

— В чём дело, Мохан? — спросил он.

— Пророчество Марджи подтвердилось. Кэтрин Клей мертва, лежит в гамаке Фредерики. Пошли со мной. Вы останетесь здесь, — резко добавил он, повернувшись к Фредерике. Но зря потратил слова. У неё и так не было ни малейшего желания идти.

Мужчины вышли из дома через заднюю дверь, а Фредерика сидела на кухне и слушала самые обыденные звуки закипающего кофе. Прежде чем Питер и Тэйн вернулись, подъехала и резко затормозила ещё одна машина. Фредерика хотела встать и подойти к двери, но не могла заставить себя двигаться. Вскоре послышались голоса, и через переднюю дверь без всяких церемоний вошли миссис Саттон, миссис Хартвел и Джеймс Брюстер.

Всю жизнь будет помнить Фредерика события этого вечера, но помнить урывками, словно сцена то освещалась вспышками яркого света, то снова поглощалась ночной тьмой.

Из сада вернулись мужчины, в маленьком доме они

казались слишком большими и неуклюжими. Миссис Саттон усадили в кресло в гостиной. Фредерика налила всем кофе. И всё время, как оркестровый аккомпанемент, слышались нетерпеливые требования Джеймса Брюстера. Он стоял спиной к каминной решётке, держа в руках чашку, и Фредерика заметила густые тёмные волосы на его больших руках; они, как гусеницы, взбирались по каждому пальцу. Он походил на недовольного медведя и рычал на всех. А что он говорил? Всё время одно и то же. «Мы должны держать это в тайне, пока...» «Пока что?» «Нужно защитить доброе имя семьи». Фредерика чувствовала, что ненавидит этого человека-зверя. И хочет, чтобы кто-нибудь заставил его замолчать.

Тут кто-то так и поступил. Голос власти. Тэйн Кэри негромко сказал:

— Я послал за доктором Скоттом, и пока он не пришёл и не взглянул на неё... мы не знаем причины смерти. И пока мы ждём, я бы хотел задать несколько обычных вопросов. Вы выдержите это, миссис Саттон?

Маргарет Саттон наклонилась в кресле.

— Значит, это правда, — сказала она. — О, я так боялась. А когда она сегодня не пришла, я забеспокоилась... и попросила Джеймса поискать её...

— Послушайте, Кэри, всё это не нужно. Нам не нужны полицейские методы... Моя бедная Маргарет...

— Простите, Брюстер, но я тут распоряжаюсь и поступаю, как сочту нужным. Боюсь, вам придётся разрешить мне заняться моей работой.

— Не вижу никакой работы. Я вообще не понимаю, зачем вы здесь. Мохану следовало немедленно вызвать доктора Скотта, — мрачно пробурчал Джеймс.

Тэйн Кэри смотрел на Брюстера, пока тот не отвернулся с видом отвращения.

— Вы адвокат, — ответил наконец Кэри. — И понимаете, что должны быть приняты должные меры в случае такой неожиданной и необъяснимой смерти.

— Меры? — переспросил Брюстер.

— Хорошо, вы вынуждаете меня сказать это. Вы, как и я, знаете, что будет проведено расследование. И полиция должна собрать необходимые сведения.

— О Боже! — тихо прошептала миссис Саттон. Это был почти вздох, но Кэри сразу повернулся к ней.

— Простите, простите за всё это. И, кстати, вам вовсе не обязательно тут оставаться, я сам приду завтра к вам, если нужно...

— О, нет! Всё в порядке, Тэйн. Я хочу быть здесь с ней. Она была... понимаете, она была так б о л ь н а. Никто не мог помочь ей, даже я.

Фредерика, с тревогой глядя в лицо миссис Саттон, подумала на мгновение, что та не выдержит напряжения. Но миссис Саттон, хоть и с огромным усилием, но расправила плечи. Однако когда пожилая женщина повернулась лицом к Тэйну, её лицо как-то по-новому избороздили морщины старости, боли и шока.

Начальник полиции принял деловой вид, последовали быстрые вопросы, один за другим. Их прервало только появление доктора Скотта.

Фредерика просто и спокойно изложила, что делала с того момента, как в половине третьего вышла из дома вместе с Питером, закончив тем, как час назад обнаружила тело.

Тэйна особенно заинтересовало то, что она, уходя, закрыла все двери на замок.

— Зачем? — спросил он.

— Не знаю точно. Я так всегда делаю в Нью-Йорке; наверное, просто привычка сказалась. К тому же... — она поколебалась и продолжила чуть медленнее, — так много людей приходят сюда и уходят, и я подумала... ну... магазин не мой, но я за него отвечаю.

Это как будто удовлетворило Тэйна, и он повернулся к Питеру.

— Вы видели, как Фредерика закрывала двери. Вам не показалось это странным?

— Между прочим, я этого не видел. Я позвал Фредери-

ку от калитки, потому что увидел, что она готова и ждёт меня у двери. И она сразу подошла ко мне. Но я не считаю странным со стороны горожанки, которая отвечает за чей-то дом, закрывать его, когда собирается надолго уходить.

Неожиданно Тэйн повернулся к Джеймсу Брюстеру, который после полученной отповеди отошёл к окну и стоял спиной ко всем в позе детской обиды.

— Маргарет сказала, что попросила вас сегодня поискать Кэтрин. Когда это было и пошли ли вы искать?

Брюстер повернулся, и на его красивом тяжёлом лице появилось чуть ли не безумное выражение.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы. Я адвокат и знаю закон, даже если эти глупцы о нём и не подозревают, — и он снова повернулся к окну.

— Не обращайтесь на него внимания, — мягко проговорила миссис Саттон. — Вы, конечно, понимаете, что он тяжело переносит удар... — Джеймс Брюстер собрался было что-то сказать, но, увидев её лицо, не стал. Она медленно продолжала: — Я уверена, мы все хотим помочь, и считаю, что правдивые ответы — самое меньшее, что мы можем вам дать, Тэйн. Джеймс пришёл на ярмарку перед самым ужином. Он искал Кэтрин, и мы согласились, что неплохо бы поискать её на Ферме и в окрестностях. Видите ли... — она помолчала, — иногда в плохом настроении она принимала какой-то наркотик и в таком состоянии часто уходила... Мы оба знали это и поэтому встревожились.

При этих словах Джеймс снова повернулся и посмотрел на миссис Саттон.

— Неужели, Маргарет, вы хотите, чтобы весь город знал об этом? Как... как вы можете?

— Простите, Джеймс. Я думаю, Тэйн и так это знал, и не надо скрывать ничего, что может помочь. Чем скорее мы сделаем всё необходимое, тем быстрее и кончим.

— Спасибо, миссис Саттон. Вы мне очень помогли. Очень. Прошу простить меня, я задам вам ещё только

один вопрос. Где были и где находятся сейчас остальные члены вашей семьи?

— Роджер и Филиппина ушли рано утром и, должно быть, вернулись, когда мы все были на ужине. Вернувшись домой, я их не видела и решила, что они уже легли. После целого дня сбора трав они сильно устают. Я с ними не разговаривала. Слышала, как пришла Марджи. Это было примерно в десять, Марта?

— Точно не знаю. Примерно, — голос миссис Хартвел прозвучал довольно раздражённо. Фредерика, несколько раз встречавшаяся с «Ма» Марджи, подумала, что та просто наслаждается происходящим. Даже сейчас она не могла скрыть приятного возбуждения. Это не просто пикантная новость для городских сплетниц. Толстые руки женщины беспокойно ёрзали на коленях, а когда она говорила, то голодно вытягивала губы.

Именно в этот момент послышались звуки машины врача, а чуть позже он и сам неслышно вошёл в комнату. Человек средних лет, чуть полноватый, с наружностью типичного семейного врача.

— Добрый вечер всем, — входя, он с отсутствующим видом слегка кивнул. Потом повернулся к Тэйну. — Вы меня звали? Где...

— Снаружи, — ответил Тэйн. — Идёмте... и вы, Мохан, если не возражаете.

Джеймс Брюстер наконец-то прервал изучение темноты за окном.

— Может, пойдёт и кто-нибудь из членов семьи? — неожиданно спросил он.

— Нет, я думаю, в этом нет необходимости, — ответил доктор Скотт мягким успокоительным голосом профессионального врача. — Оставайтесь здесь, мы вскоре вернёмся.

После ухода мужчин Фредерика не знала, что сказать миссис Саттон и миссис Хартвел, и все сидели молча. Миссис Саттон, казалось, забыла о присутствии остальных. Миссис Хартвел нервно ёрзала, и Фредерике начало

уже казаться, что «вскоре» доктора растянулась очень надолго, когда хлопнула дверь и вошли все трое.

Доктор Скотт откашлялся. Потом быстро взглянул на миссис Саттон и сказал:

— Мы решили провести вскрытие, Маргарет... Мне жаль, дорогая, ужасно жаль... но... гм... определённые симптомы не позволяют определить точную причину смерти.

Миссис Саттон крепко сжала руки, но ответила спокойно:

— Конечно, Тед, если это необходимо. Я уверена, иначе вы бы не стали на этом настаивать.

Появился один из полицейских Тэйна и незаметно вышел в сад. Все одновременно, словно по сигналу, встали, и тут миссис Хартвел неожиданно спросила:

— Можно мне остаться с вами, Фредерика? Я уверена, Маргарет меня отпустит, а вам не захочется быть одной. Я с радостью.

— Вы очень добры, миссис Хартвел, — быстро ответила Фредерика, — но я хочу побыть одна. Полицейский за дверью и...

— Понимаю, — в голосе миссис Хартвел прозвучали обычные капризные обиженные нотки. Какой получился бы рассказ для следующей встречи женского церковного совета — ночь ужаса! Все видели, что на самом деле миссис Хартвел вовсе не п о н я т н о, но Фредерика слишком устала, чтобы думать об этом.

Фредерика вышла и постояла за дверью. Небо на горизонте осветилось первыми признаками рассвета. Проснулась какая-то птица и объявила об этом всему миру; Фредерика была благодарна ей за бодрую ноту. Питер задержался.

— Вы уверены, что всё в порядке?

— Совершенно. Очень хочу спать.

— Хорошо, — он на мгновение положил руку ей на плечо, потом отправился вслед за остальными.

Но когда Фредерика вернулась в пустой дом к грязным

кофейным чашкам, на неё вновь навалилася депрессия. Тогда, решительно отвернувшись от неубранного, она поднялась вверх. Но уснуть не смогла. Переворачивала подушку, перекатывалась с одной стороны кровати на другую, но никак не могла забыть о лежавшем внизу холодном теле Кэтрин Клей и о несчастном полицейском, несущем свою молчаливую вахту. Почему они не увезли тело сразу?

Наконец Фредерика зажгла свет, встала и надела халат. Гораздо проще, решила она, отказаться от борьбы. Спустившись, она собрала грязные чашки и сварила свежий кофе. Позвала полицейского. Тот с благодарностью принял кофе, но посидеть отказался и вышел, прихватив с собой дымящуюся чашку, а Фредерика устроилась в кабинете. Раскрыв ящик стола, она достала наброски будущей книги и, обхватив голову руками, чтобы сосредоточиться, начала внимательно изучать их. В голове уже начал складываться очерк жизни трёх трудолюбивых «царапающих женщин». Фредерика протянула руку к стопке бумаги с нетерпением, порождённым внезапным созидательным порывом, благодарная за то облегчение, которое приносил ей этот порыв. Много времени спустя она взглянула на часы и обнаружила, что уже полшестого утра. Снаружи небо окрасилось алым, а первая неуверенная птичья песня превратилась в могучий хор. Фредерика встала и потянулась. Потом, после недолгого колебания, прошла на кухню и с очарованием ужаса взглянула через окно на гамак и тело Кэтрин Клей. За гамаком, как символ горя, медленно расхаживал полицейский.

Фредерика подавила свои страхи; глядя на тело в ярком свете утра, она почувствовала, как тайна этой смерти отпускает её. Она теперь сможет уснуть, а впереди целый день. Воскресенье. Благословенная мысль. Конечно, если не появится полиция для исполнения своих ужасных обязанностей и не продолжатся бесконечные вопросы. Но этого не будет. Еле поднимая одну усталую ногу за другой, Фредерика потащилась к постели.

Через несколько часов рассвет перешёл в солнечный день, пятна света поползли по ковру, но Фредерика спала.

Глава 5

На пустынном острове где-то посреди голубого Тихого океана Фредерика протянула руку за большим грейпфрутом на завтрак и услышала отдалённые удары тамтама. Она застыла и слушала со страхом. Шум усиливался, превратился в раскатистый гром, он звучал всё ближе, она теперь различала голоса, кричавшие, словно в отчаянии.

И в этот момент Фредерика проснулась. Тамтам оказался просто громким стуком в переднюю дверь книжного магазина мисс Хартвел. А голоса заменил всего лишь один голос, и голос этот звал: «Мисс Винг», а затем более настоятельно: «М и с с В и н г, вы здесь?»

И с этим звуком она из сна вернулась в кошмар реальности — смерти Кэтрин Клей и долгой бессонной ночи. Голос принадлежал Тэйну Кэри. Полиция, как она и опасалась, пришла. Фредерика посмотрела на часы: ещё только девять, а она собиралась проспать весь день, и чтобы снились золотые пески и лазурные небеса. Но спастись было невозможно.

Стук становился всё настойчивей. Фредерика вышла на площадку и крикнула вниз, стараясь скрыть раздражение в голосе:

— Хорошо, я вас слышу. Ради Бога, дайте мне время надеть халат.

Стук прекратился, и Фредерика вернулась к себе в комнату. Она не торопилась, но это её не успокоило. Немного погодя она спустилась по лестнице и открыла дверь.

Снаружи стояли Тэйн Кэри и полицейский.

— Ну? — довольно невежливо сказала она.

— Доброе утро, — Тэйн снял шляпу и внимательно посмотрел на Фредерику. — Вы снова закрыли дверь.

Это неуместное замечание только разожгло её гнев.

— Да, а разве вы после всего случившегося не сделали бы то же самое? И разве я не говорила вам вчера вечером, что у меня городские привычки, и я сохраняю их даже в этом захолустье Массачусетса? — выпалила она.

— Простите, мисс Винг, если я вас побеспокоил, — неужели на лице у него промелькнула слабая улыбка? Нет, это невыносимо! — Боюсь, это моя обязанность. Можно нам войти?

— Если должны, входите, — Фредерика сделала шаг в сторону, потом повернулась и направилась к лестнице.

— Я хотел бы поговорить с вами, если это возможно, — сказал начальник полиции ей в спину.

Она оглянулась с площадки.

— Хорошо, но, если не возражаете, я сначала оденусь.

— Конечно. Мы не торопимся. Двое моих людей будут обыскивать сад. А я сделаю это в доме, если не возражаете.

Фредерика ничего не ответила. Что можно сказать против официального вторжения? Она вернулась в свою спальню, закрыла дверь и начала медленно одеваться. Привычные движения успокоили её, и она уже сожалела о своём беспричинном гневе. Следовало помнить, что хоть Тэйн Кэри и начальник полиции, одновременно он и друг Питера Мохана.

Она торпливо закончила одеваться и спустилась вниз. Тэйн деловито читал её рукопись на столе. При виде этого в Фредерике вновь начал разгораться гнев, но она сумела с ним справиться и не стала обсуждать эту нескромность. Напротив, медленно сказала:

— Боюсь, я была невежлива с вами. Видите ли, вы меня разбудили и вернули к этому несчастью, а с меня и так довольно.

— Значит, смерть в сельской местности вовсе не так хороша, как вам казалось?

— Да, читать в книге гораздо интереснее, — призналась она. Неужели он намекает, что смерть Кэтрин — не

естественная? Но что это значит? Вчера они говорили об убийстве, и теперь это... — Не позавтракаете ли со мной? — быстро спросила она. — Я бы сама поела. Я... мне нужно...

— Конечно, и я с радостью к вам присоединюсь, но только на кофе. Я уже поел.

Фредерика отступила на кухню и постаралась не смотреть в окно. Но искушение было слишком сильно, и она с облегчением увидела, что исчезло не только тело, но и гамак. Полицейский медленно и упорно пробирался сквозь кусты, как идущая по следу собака. Фредерика отвернулась от окна и занялась завтраком.

Двадцать минут спустя она сидела против Тэйна Кэри за маленьким кухонным столиком. Потоки солнечных лучей вливались через открытое окно, выходящее на задний двор. Над петуниями, растущими вдоль дорожки, вились пчёлы; их жужжание только подчёркивало тяжёлое молчание за столом. Наконец Тэйн заговорил, при этом глядя в чашку и без необходимости мешая в ней ложечкой.

— Простите, мисс Винг, — негромко начал он. — Вчера на ярмарке вы и Мохан, моя жена и я были друзьями, разговаривающими об убийствах. Сегодня уби... — он закашлялся... — смерть неожиданно вмешалась в наши отношения. Вы должны простить меня за вторжение. Когда происходит подобное, мы, полицейские, должны забыть обо всём, кроме своих обязанностей. Но я не вижу, почему бы нам не оставаться друзьями.

— Конечно, и простите меня. Я не в лучшей форме по утрам. Но кофе помогает, — они улыбнулись друг другу через стол, и прежде чем Тэйн продолжил, Фредерика быстро добавила: — Вы... вы ведь не считаете это убийством? Миссис Саттон говорила, что Кэтрин принимала наркотики. Может, случайно приняла слишком большую дозу... или самоубийство?..

Что-то в тоне Фредерики заставило Кэри пристально посмотреть ей в лицо.

— Пока не знаю и не хотел бы ничего предполагать. Нужно подождать результатов вскрытия. А могу я спросить, почему вы считаете это убийством? Вы ведь не верите, что это случайность или самоубийство.

— Я?.. Почему? О, Боже, вы меня насквозь видите. Я так и чувствовала с самого начала. Может, потому что слишком много говорила вчера. Но... понимаете... у неё было такое ужасное застывшее лицо... и... прошу прощения... что-то в самой а т м о с ф е р е заставило разыгаться воображение.

— Понятно. Кстати, полицейский доложил, что у вас всю ночь горел свет. Если вам нужно было общество, почему вы не приняли предложение миссис Хартвел?

— О, я просто не могла уснуть: поэтому встала, сварила кофе и работала над своей книгой. Мне удалось утомить себя, и я наконец легла.

— Я видел вашу рукопись. Это будет роман?

— Нет... книга о викторианских романистках.

Полицейский с интересом посмотрел на неё.

— Я сам пробую писать, но, как это ни странно покажется в таком тихом городке, у меня мало времени. Пока я занимаюсь убийством в общем плане, но как-нибудь возьму отпуск и напишу настоящий детектив.

Фредерика чуть застенчиво рассмеялась.

— Да, — быстро сказала она, — я это поняла по вашим вчерашним словам. Может быть... после этого... мы сможем сотрудничать.

И тут же поняла, что допустила промах. Приятное лицо напротив неё словно исчезло за маской, и начальник полиции сказал:

— Может быть. Ну, мне следует заняться работой, — он встал и направился к двери, но у выхода остановился и небрежно заметил: — Вернувшись вчера домой, вы не заметили какой-нибудь пропажи?

— У меня на это не было времени. Но утром я ничего не заметила. Если хотите, посмотрю.

— Хорошо. Я буду где-нибудь здесь в доме и снаружи,

но, пожалуйста, не обращайтесь внимания на меня и моих людей. Мы постараемся поменьше вас беспокоить и закончим примерно через час.

Фредерика кивнула, но, когда он уже отвернулся, ей пришла неожиданная мысль.

— О, Боже... за домом есть старый колодец. Его крышка вся прогнила, и кто-нибудь из ваших людей может провалиться. Я... я не подумала об этом. Крис рассказал мне, и я собиралась написать мисс Хартвел, но у меня не было времени.

— Спасибо за предупреждение. Кстати, могу вам сообщить, один из моих людей уже это обнаружил и не упал. Мне кажется, он чем-то прикрыл колодец, но всё равно нужно быть внимательней.

— Спасибо. Мне очень жаль. Я скажу Крису, чтобы он что-нибудь сделал.

Лицо полицейского снова стало лицом Тэйна Кэри, они улыбнулись друг другу, и Фредерика с более лёгким сердцем занялась мытьём посуды. К тому времени как она кончила, Тэйн осмотрел помещения внизу, и она слышала, как он ходит у неё над головой. Она решила вернуться к своей рукописи и подождать ухода полицейских.

Однако позже Тэйн снова появился в дверях и, когда она подняла голову, негромко сообщил:

— Мы не нашли в доме ничего необычного, а снаружи лишь несколько странностей, которые можно объяснить в десять минут. Мы ничего не трогали, только сняли отпечатки пальцев, и я не собираюсь больше вас беспокоить, пока не получу результаты вскрытия. До этого времени считайте себя свободной женщиной и, — он посмотрел ей прямо в глаза, — ещё раз примите мои извинения и благодарность.

Когда он ушёл, Фредерика попыталась вернуться к рукописи, но вмешательство нарушило сосредоточенность. Какое-то время она сражалась с очередной фразой, но наконец сдалась и отбросила ручку. И только тут

поняла, каким жарким стал день. Даже неподвижно сидя за столом, она была вся мокрая и задыхалась. Фредерика закурила сигарету и почувствовала себя лучше. Потом решила сходить на кухню и проверить, правильно ли идут её часы. К её удивлению, громко тикающий будильник на кухне подтвердил, что уже час дня. Она приготовила себе салат и холодный кофе, поставила ланч на поднос и вынесла на затенённое крыльцо. Потом вернулась за книгой. Автобиография Троллопа вернёт ей необходимое ощущение комфорта.

Но несмотря на все необходимые составные части мира и удовлетворённости, Фредерика не смогла долго усидеть на месте. Дом и сад неестественно затихли в тяжёлой летней жаре.

Почему Питер не пришёл посмотреть, как она? Почему вообще никого нет? Она хорошо знает любопытство маленьких городков, и такое поведение довольно странно. Может, полиция установила кордон и не подпускает к ней никого? При этой мысли она откровенно рассмеялась. «Кордон» — неплохое слово для Южного Саттона, где есть начальник полиции, а все его «силы» составляют два деревенских парня.

Она вспомнила вопросы, которые задавал ей Тэйн, и его последнее замечание перед уходом. Он ещё обвиняет её в вымыслах. Ведь совершенно очевидно, что он сам не считает смерть Кэтрин Клей «естественной». Иначе он не повёл бы себя так формально и не принялся задавать вопросы. Почему он был так напряжён и испытывал такое явное облегчение, уходя? Ведь он сам заявил, что ничего необычного в доме не обнаружил? Но что он там заметил о саде? «Несколько странностей». Что бы это значило?

Подчиняясь неожиданному порыву, Фредерика встала, вышла наружу и принялась систематически осматривать кусты и все окрестности дома, как делали полицейские Тэйна.

Всё равно пора было как следует здесь всё осмотреть.

Она была очень занята, когда Крис рассказал ей о колодце с прогнившей крышкой, и из дома выходила только в старую конюшню, где, как объяснял Крис, «мисс Люси держит лишние книги».

Обогнув место, где находился гамак, Фредерика протиснулась от лужайки сквозь густые заросли и увидела высокую проволочную изгородь, обозначающую конец участка мисс Хартвел. Пройдя вдоль изгороди, она добралась до конюшни, выходящей на аллею. Аллея проходила параллельно Буковой улице и обозначала конец участка мисс Хартвел с другой стороны. Должно быть, вначале по этой аллее к конюшне подъезжали кареты. Фредерика сняла с гвоздя ключ, открыла дверь и вошла внутрь. Но не задержалась надолго. Быстрый взгляд показал, что здесь всё в порядке — более или менее. Она знала, что книги здесь ещё потребуют внимания, но пустые пачки лежали в стойлах, а распакованные книги аккуратными стопками были выложены на полках в центральном помещении. Ну, сейчас она всё равно ими заниматься не будет. Фредерика с радостью вышла из душного жаркого помещения.

Она пошла дальше вдоль изгороди, которая проходила за аллеей и прерывалась воротами, через которые можно подойти к дому сзади. Примерно через двадцать ярдов от ворот она неожиданно нашла дыру в изгороди: кто-то отогнул проволоку и получился проход. В этом месте кусты росли особенно густо, поэтому отверстие снаружи было совершенно незаметно. Но кому понадобилось проделывать здесь проход, если ворота никогда не закрываются? Фредерика осмотрела дыру и заметила, что проволока по краям проржавела. Значит, дыра была сделана давно. Наверное, детские шалости.

Продираясь через кусты, она неожиданно обнаружила строение, которого не замечала раньше. Очевидно, старая теплица с большими освинцованными рамами, с разбитыми стёклами на крыше. Фредерика подошла к обвисшей двери и испытала какое-то предчувствие. Но

когда она набралась храбрости и заглянула внутрь, ничего не увидела. Помещение с выбеленными стенами, у основания стен растёт мох, а грязный пол на вид влажный. Вообще вид абсолютно нежилой, но три или четыре вещи показались ей очень странными и удивительными. В конце узкой комнаты на стене лицом к ней висело зеркало. Под ним расположились небольшая полка и стул. Фредерика подошла к полке, чтобы посмотреть, что на ней. К своему удивлению, она обнаружила полный косметический набор и множество флакончиков с розоватыми и синеватыми жидкостями. Поблизости валялась груда старых журналов и комиксов.

— В точности как уборная актрисы, — вслух сказала Фредерика и испытала облегчение, услышав самый обыкновенный звук собственного голоса. Правда здесь, вероятно, для настоящей примадонны было бы слишком влажно и промозгло. Скорее подходит для ребёнка, играющего в актрису. Да, несомненно, скорее всего Марджи Хартвел. Наверняка, именно эти странности и обнаружила полиция. Конечно, странности, и, конечно, их можно объяснить в десять минут. Несомненно, миссис Хартвел этого не одобрит. Бедная Марджи. Поможет ли ей косметика?

Разумеется, это объясняет и дыру в изгороди. Фредерика посмеялась над своими неразумными страхами. Она тихо закрыла за собой дверь и немного постояла. Да, по-видимому, это Марджи; она проделала дыру, чтобы незаметно попадать в теплицу.

По другую сторону дома оставалось мало что осмотреть, кроме сада, но Фредерика не успокаивалась. Мысль о возвращении в пустой дом угнетала её. Лучше закончить сразу. Она воспользовалась выходом Марджи и повернула налево, в противоположном от города направлении.

Вскоре дорога, проходившая по аллее, превратилась в узкую тропу в густых зарослях. По обе стороны пути большие деревья образовали над головой сплошной на-

вес, который защищал от горячего полуденного солнца. В глубокой тени стало прохладнее, но одновременно Фредерика ощутила влажный запах разложения, как в склепе старой церкви. Дышать стало трудно; пройдя некоторое расстояние, Фредерика почувствовала, что устала. Тишина угнетала её, и, заметив впереди, в просвете между деревьями, гранитный камень, похожий на спящего слона, она решила забраться ему на спину и отдохнуть. Наверху нашлось удобное сидение в тени берёзы, которая росла словно из самого камня.

Может, удастся поспать, чтобы возместить беспокойную ночь и хлопоты утра. Фредерика попробовала лечь, но камень, казавшийся мягкой спиной животного, на самом деле был жёстким и неудобным. Она снова села и обхватила руками колени. Вокруг раздавались приглушённые лесные звуки: негромкий щебет птиц в ветвях вверху, слабый шум — какое-то небольшое животное пробиралось в подлеске, еле слышно потрескивали деревья. Даже здесь, в тени, жара действовала угнетающе. Словно в набитой электричке, подумала Фредерика. Как будто чьё-то физическое присутствие. Она положила голову на ладони и вздохнула. Нигде не спасёшься.

И тут же услышала — звук — несомненно, шаги человека. Фредерика села и прислушалась. Да. Вот оно снова — тяжёлый скрип, медленный и безошибочный.

Фредерика подавила беспричинный страх. Кто бы это мог быть? Кто ходит тут, украдкой и в то же время целеустремлённо? Шаги, казалось, приближались. Если бы можно было спрятаться — или заставить себя убежать. Но она не могла пошевелиться и понимала, что видна, как статуя на камне. Её, должно быть, уже увидели. И, стараясь подавить неуверенность и тревогу, Фредерика услышала собственный слабый голос:

— Кто здесь?

Молчание.

Она снова позвала, стараясь не показать свой страх.

И тут кто-то ответил:

— Простите. Я вас испугал.

Фредерика повернулась и прямо под собой среди деревьев увидела Роджера Саттона. Она молча смотрела на него, и мужчина сразу отвернулся. Она пыталась найти слова и наконец умудрилась сказать:

— Всё в порядке, — а потом, словно должна была объясниться, добавила: — Я... я просто хотела уйти куда-нибудь...

— Я тоже, — негромко ответил он. Потом почти обвинительным тоном: — Вы нашли мой камень.

— В а ш камень?

— Простите. Конечно, он не мой, но я всегда прихожу сюда, чтобы побыть одному. Ещё с детства.

Фредерика, повинаясь неожиданному порыву, медленно проговорила:

— Идите сюда. Садитесь. Я всё равно собиралась уходить.

— Нет. Я сейчас уйду.

— Пожалуйста, задержитесь на минутку, — с некоторым удивлением услышала свой голос Фредерика. Ей неожиданно стало жаль молодого человека: он, знающий все леса Южного Саттона, безнадёжно заблудился в себе самом.

Роджер сел на камень пониже и повернулся к Фредерике спиной.

— Простите, если я кажусь невежливым, — тихо сказал он. — Дело не в вас. Просто... просто я не выношу, когда на меня смотрят.

— Знаю, — быстро ответила Фредерика. — У вас случайно нет сигареты?

Роджер достал из кармана смятую пачку и собрался было бросить её Фредерике. Потом передумал, поднялся выше, протянул ей сигарету, помог закурить и закурил сам. Она не смотрела ему в лицо, и он, немного постояв, сел рядом с ней. Они молча курили, потом Роджер сказал:

— Филиппина говорит, что следующая операция будет

удачной. Тогда я, может, перестану быть объектом жалости — или отвращения. Но я ей не верю.

— Филиппина знает, что говорит.

— Да. Но она, скорее, пытается утешить меня. Дьявольщина! Не знаю! Мне уже всё равно. Филиппину я не пугаю. Она видела и похуже. Вы знаете, во время войны она была во Франции. Главным образом в концентрационном лагере.

— Да, я об этом слышала.

— Уже?

— Городок маленький. И кстати, она сама мне это сказала, — Фредерика чуть смущённо рассмеялась. — Понимаете, книжный продавец не может не поглощать городские сплетни, как губка.

Ответный смех прозвучал приятно и искренне, но неожиданно Роджер встал.

— Простите, но мне пора. Я... я не могу сидеть дольше.

— Простите и вы меня, — ответила Фредерика.

— Вы очень добры, — сказал Роджер. — Не помню, чтобы я столько разговаривал с кем-то... кроме мамы и Филиппины, — он неожиданно замолчал. Спрыгнул с камня, повернулся и с яростью добавил: — Всё уже приходило в норму. Но тут появилась Кэтрин...

Горечь и ненависть в его голосе поразили Фредерику, но она поняла, что если хочет удержать Роджера, не позволить ему, как дикое животное, убежать в лес, то не должна проявлять никаких эмоций. И поэтому негромко попросила:

— Не дадите ли ещё сигарету до ухода?

— Конечно, — сразу ответил он, и она облегчённо заметила, как расслабилось его тело. — Вы должны простить меня, — уже медленнее продолжал он. — Кэтрин с самого нашего детства делала мою жизнь несчастной. Она на четыре года старше меня и к тому времени, как ей исполнилось десять, превратилась в настоящего садиста. Она знала все мои тайные страхи, все мои слабости — и ненавидела меня, потому что мама любила меня больше, чем Кэтрин. Но, наверное, это старая история...

Он замолчал, и Фредерика посмотрела на него. Тень упала на его лицо в шрамах, ветер пошевелил листву над головой. И Фредерика увидела обнажённую ненависть в его взгляде и сжатых челюстях. Неужели этот человек убил свою сестру, человек, страдающий в собственном аду и доведённый до пределов выносливости? Почему он говорит с ней, с незнакомкой? Наверное, хочет продемонстрировать свою искренность. Теперь ей хотелось, чтобы он ушёл. Её охватила паника. Она встала и услышала, как сама жёстким неузнаваемым голосом говорит:

— Удивляюсь, как вы в этом признаётесь — сейчас.

Несколько мгновений Роджер смотрел на Фредерику, и лицо его ещё более исказилось. Потом он сделал шаг к камню, и Фредерика поняла, что он хочет ударить её. Но он подавил это безумное желание усилием, которое отразилось во всём его худом теле. Ни слова не говоря, он повернулся и исчез так же неожиданно, как и появился.

Снова в листве зашумел ветерок, дыхание его было влажным и прохладным. Фредерика спустилась с камня и, подавляя детское желание бежать к безопасности, пошла назад по тропе. Но чёрный демон собственного страха преследовал её по лесу Гензеля и Гретель, пока она не достигла убежища в четырёх стенах книжного магазина мисс Хартвел.

Глава 6

Если бы Фредерика не торопилась так уйти из города в лес, если бы она повернула не влево, а направо, когда выбралась из прохода, сделанного Марджи, то наверняка столкнулась бы со своим другом Питером Моханом и Джеймсом Брюстером. В этот горячий воскресный полдень они стояли на перекрёстке Еловой улицы и аллеи и разговаривали.

— Вы на самом деле собираетесь здесь строиться, Брюстер? — спрашивал Питер. Ему было слегка жаль поля, на которое он указал взмахом правой руки. Всё утро

он искал Джеймса и застал его расхаживающим по дороге прямо напротив этой жалкой аллеи. Питер пропустил ланч, он устал, был голоден, ему было жарко. А Джеймс почти в открытую грубил ему.

— Мне кажется, это не ваше дело, Мохан, — Брюстеру тоже было жарко, он тоже устал, но зато он съел большой воскресный обед в гостинице и не был голоден. Напротив, сознавал, что съел слишком много. Его мучило несварение и тревожили мысли, которые пришли в полный беспорядок.

— Конечно, это не моё дело. Но об этом говорит весь город, так что тайны уже нет. Лучше факты, чем слухи.

— Простите, но не могу быть ничем полезным, — кисло ответил Джеймс. — В этом городе вообще слишком много говорят. А вы с Кэри создаёте ещё один несуществующий скандал. Не вам говорить о фактах и слухах.

Так-то лучше. Питер быстро выпалил:

— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить. Пойдёмте посмотрим, не найдётся ли пива в гостинице?

— После того, что вы сделали вчера ночью, говорить не о чём.

— А я думаю, есть.

Вдруг пиво поможет.

— В любом случае, давайте уйдём с жары.

Они прошли по Еловой улице, пересекли дорогу и подошли к «Каретам и лошадям». Питер заказал два пива, и они уселись в тени сада. В пустом саду было чуть прохладнее, чем внутри.

Несколько минут сидели молча, потом Питер сказал:

— Знаете, Брюстер, если будете продолжать так себя вести, город вас заподозрит.

— В чём заподозрит?

— В убийстве.

Джеймс с силой опустил кружку, пиво выплеснулось через край и ручейками потекло по столу.

— А кто, хотел бы я знать, говорит об убийстве?

— Ну, конечно, определённо мы ещё не знаем, пока

не получили результатов вскрытия, но нам с доктором Скоттом и Кэри не понравилось это дело, как только мы увидели тело Кэтрин. Симптомы явно свидетельствуют об отравлении...

— Яд? Взор! Она приняла слишком большую дозу. Мы все знали, к чему это когда-нибудь приведёт, если она не прекратит.

— Да. Все знали. Великолепный предлог, верно, Брюстер?

— Послушайте, на что вы намекаете?

— Вчера вечером вы попытались всё замять. Решили, что доктор Тед промолчит. Но он не промолчал. Даже если бы нас с Кэри там не было, он бы не стал молчать. Он не деревенщина, Джеймс. Тут вы просчитались.

Джеймс ухватился за край стола. Пиво показалось ему кислым.

— Вы меня оскорбляете, Мохан. И у вас нет никаких оснований...

— Ну, хорошо. Вчера днём вы отправились искать Кэтрин. Где вы её искали? Если вам нечего скрывать, вы должны охотно всё рассказать.

Лицо Джеймса позеленело. Он опустил голову на руки и ничего не ответил.

— Вам нужно оправдаться, Брюстер. Вы знаете это так же хорошо, как я. Почему бы не сделать это сейчас? После вскрытия будет сложнее.

Джеймс волосатым пальцем начал что-то выводить пивом по деревянной поверхности стола.

— Ну, хорошо, — начал он медленно, очень тщательно подбирая слова, — вначале я сходил на Ферму. Обыскал всё это проклятое место. Там не было ни души. Потом пошёл на поля. Вы, вероятно, слышали, что мы с Кэтрин собирались пожениться. Она этого хотела и была одержима мыслью о том, что я построю для неё дом...

— А вы не были одержимы?

— Нет. Дьявольщина, я не из тех, кто женится, Мохан. Вы это знаете. Мне уже под пятьдесят... До сих пор

удавалось избежать, и я намерен и дальше так продолжать.

— Что же вы тогда здесь сегодня делаете?

— Что? О, просто смотрел в последний раз... — мрачно сказал Джеймс. Он достал носовой платок и вытер лоб.

— Ну... нашли вы Кэтрин?

— Да. Вернее, нашёл её тело.

— Что?

— Да. Её не было в полях, поэтому я пошёл в книжный магазин. Она сказала, что собирается отнести книгу, которую брала в воскресенье. Она и была там... как вы её увидели... мёртвая в этом проклятом гамаке. А книга лежала на земле. Я... я поднял её. А потом запаниковал. Боже, я не хотел жениться на этой... на этой женщине... но я не хотел, чтобы она умерла.

— Вы в этом уверены?

— Что? Послушайте, Мохан, вы ведь не обвиняете меня? Я вам правду говорю, хотя один Бог знает почему, — Джеймс неуверенно встал. — Мне плохо. Это всё, что я могу сказать. Больше того, я не отступлю от своих слов, что бы ни показало вскрытие. Я оставил... тело... как оно лежало. Книга у меня в квартире, если она вам нужна.

— Да. Я схожу с вами и возьму её. Кстати, Брюстер, — добавил полковник, выходя вслед за старшим мужчиной из гостиницы, — почему же вы не сообщили об этой... гм... своей находке... например, доктору Скотту?

— Слушайте, Мохан, я и так сказал слишком много. Признаюсь... я вёл себя глупо... мне... ну... просто не хотелось впутываться в это дело. Мне нужно думать о своих профессиональных интересах... и о своей репутации в городе. Она умерла. Тут я ничего не мог сделать. И решил, пусть лучше кто-нибудь другой обнаружит тело... Это правда.

— Понятно. Всё ясно, Брюстер. И вы пошли... куда?

— К себе на квартиру. Не хотелось смотреть на это сборище в церкви. Я выпил. Позже снова пошёл на Ферму... не спрашивайте когда... я сам не знаю. Но

пробыл там недолго, и тут вы позвонили... И больше мне сказать нечего.

— Ну, спасибо, Брюстер. Как я уже сказал, всё абсолютно ясно.

Пока мужчины медленно шли по Буковой улице к квартире Джеймса, Фредерика приходила в себя в кресле в книжном магазине мисс Хартвел. Она всё ещё видела, как смотрит на неё Роджер, как сжимаются и разжимаются его кулаки. Но она вела себя как ребёнок. Марджи Хартвел повела бы себя лучше.

Марджи Хартвел. Бедная девочка, с этим её жалким убежищем в старой теплице. Неудивительно, что она появляется так внезапно. Неудивительно, что ей не нравится присутствие чужой женщины в магазине её тётки. Но почему её недовольство такое сильное? Всю неделю она скорее мешала, чем помогала Фредерике. Даже нарисовала безобразную карикатуру на страницах рукописи. Рисунок неумелый, но сходство несомненно. И, конечно, никаких сомнений в авторстве рисунка, хотя Марджи от всего отказалась. Надоедливый подросток, причиняющий множество неприятностей, но в свете сегодняшних открытий её скорее следует пожалеть.

Питер Мохан её жалеет, но с ним она ведёт себя гораздо лучше. Вероятно, он и Роджера пожалеет, а страхам Фредерики не посочувствует. Но ему придётся согласиться, что и Марджи, и Роджер ненавидели Кэтрин Клей. Впрочем, в этом ничего необычного нет. Никто не любил Кэтрин, даже Джеймс Брюстер, если только его отношение к ней в гостинице в прошлое воскресенье не объясняется какой-то любовной размолвкой. Хотя на это было не больно-то похоже. Нет, если Роджер говорил правду, никто не любил Кэтрин, даже её собственная мать.

Но эти мысли ни к чему не приведут. Фредерика взглянула на часы и, к своему изумлению, обнаружила, что всего лишь начало четвёртого. Она встала, пошла в кабинет и решительно придвинула к себе рукопись. На

этот раз она немного продвинулась, но становилось всё более жарко и вскоре она начала клевать носом.

После недолгой борьбы она встала, еле-еле поднялась по лестнице и упала на кровать. И сразу погрузилась в тяжёлый сон и не просыпалась, пока церковный колокол не прозвонил шесть. Неудачно повернувшись, она проснулась и сразу почувствовала пугающую тишину. Чтобы успокоиться и вернуться к здравому смыслу, Фредерика быстро встала, прошла в ванную и умылась холодной водой. После этого она почувствовала себя лучше, но всё равно остро ощущала своё одиночество в пустом доме. «Книжный магазин с привидениями», подумала она. И привидений слишком много. В неожиданном порыве она решила переодеться и поужинать в гостинице.

Когда она вышла из дома, невесть откуда взявшиеся грозовые тучи напоззли на солнце. Фредерика посмотрела на небо и решила вернуться за дождевиком. Дом показался ей ещё более пустым, чем обычно, и она страшилась одной только мысли о возвращении в темноте.

Подходя к «Каретам и лошадям», она услышала изнутри гул голосов. Боже, подумала она, словно осиное гнездо. Тут, должно быть, собрался весь город. И услышала, как сама говорит вслух:

— Надеюсь, это не приём.

К её изумлению, кто-то рядом ответил:

— Не приём. Просто всякий, у кого есть здравый смысл, посещает специальные ужины. Ужин подаётся в буфете и пользуется большой известностью.

Голос с лёгким иностранным акцентом, слегка свистящее «с» показалось Фредерике знакомым, она быстро повернулась и увидела позади себя Филиппину Саттон.

— Боже, я и не слышала, как вы подошли. Мне пора перестать разговаривать с собой. Я слишком одиноко живу.

— Простите, если я вас испугала. Я надеваю эти сандалии в лаборатории и часто забываю их снять вместе

с халатом. Простите. Я не понимала, что подбираюсь к вам втихомолку.

— Всё в порядке. И я рада вас снова увидеть.

И это правда. Из всех жильцов Фермы Филиппина — самая привлекательная и дружелюбная. Миссис Саттон словно принадлежит иному миру, она как будто закуталась в волшебную мантию и не видит обычных людей. Возможно, несчастная женщина поступает так, чтобы уйти от тревог и беспокойств жизни. Что за необычная семья! Питер рассказывал, что мистер Саттон умер в 1929 или 30 году. О нём тоже поговаривали — будто бы он повесился, когда его одолели финансовые неприятности. А миссис Саттон осталась с Кэтрин, наркоманкой, эгоистичной и — если слова Роджера правдивы — жестокой. Сам Роджер, неудачник в послевоенном мире, невротик, доведённый почти до безумия своей ненавистью к сестре. Кто ещё? «Ма» Хартвел, ведущая там дела. Просто деревенская сплетница, какой кажется, или гораздо более злоеший персонаж? Её дочь Марджи, склонная к худшим проявлениям подростковых комплексов. И все эти абсолютно непохожие друг на друга люди живут на Ферме — и с ними Филиппина, которая ладит со всеми. Не очень ей там хорошо живётся, решила Фредерика, входя вслед за француженкой в переполненную гостиную.

Все посмотрели на двух вошедших женщин, и Фредерика почувствовала благодарность к Филиппине, что ей не пришлось входить одной. Филиппина всегда действовала на неё успокаивающе. Неудивительно, что и Роджер спокоен в её присутствии. Может, он в неё влюблён? Такое усложнение ещё более запутало бы дело.

— Что мы должны делать? — Фредерика неожиданно обнаружила, что слишком увлеклась своими мыслями, и задала вопрос с искренним беспокойством.

— Еду подают в столовой. Возьмём, что захотим, и есть будем, где понравится. Официантки приносят кофе. Платят авансом — тоже в столовой.

Фредерика вслед за Филиппиной прошла в столовую и ахнула, увидев столы, заставленные едой.

— Чудовишно, верно? — спросила Филиппина, и Фредерика подумала, не высказала ли она снова свои мысли вслух.

— «Чудовишно» — не вполне подходящее слово, — сразу ответила она. Продолжая идти за Филиппиной, она положила себе на тарелку омара, холодную индюшку, ветчину, салат и булочки. И тут с отчаянием заметила, что Филиппина взяла только маленький кусочек индюшки и ложку салата.

— О, Боже! Кажется, я пожалничала, — пробормотала Фредерика, покраснев.

— Ерунда. У вас ведь не было такого воскресного обеда, как у нас на Ферме. Что бы ни произошло: сражение, убийство, неожиданная смерть, — обед состоится обязательно... О, Mon Dieu, что я сказала!..

Фредерика положила руку ей на плечо и почувствовала, что Филиппина дрожит.

— Должно быть, ужасно было сегодня, — просто сказала она.

Филиппина бросила на неё благодарный взгляд, и тут, когда они подошли к ширме в другом конце столовой, откуда ни возьмись появилась Марджи.

— Чёрт возьми! — выпалила она Фредерике. И снова: — Чёрт возьми! Можно мне посидеть с вами? Пожалуйста, расскажите мне всё! — чрезвычайно возбуждённая девушка как будто позабыла своё прежнее враждебное отношение.

Фредерика была совершенно не готова к такому прямому нападению. К её ужасу, и остальные горожане, с которыми она встречалась только на ярмарке или в магазине, окружили её и стали задавать вопросы. Фредерика отчаянно оглядывалась в поисках защитника, но не было видно ни Питера Мохана, ни Тэйна Кэри; а Филиппину вытолкнули за пределы круга, образовавшегося вокруг Фредерики.

— Ничего особенного я рассказать не могу, — в отчаянии заявила Фредерика. — Всё произошло так не-

ожиданно и ужасно. Нельзя ли... О, пожалуйста, нельзя ли на сегодня забыть об этом? — как они могут так себя вести?

Но Марджи настаивала, и ещё несколько человек поддерживали её настойчивыми вопросами.

Фредерике стало вдруг так плохо, грудa еды на тарелке вызывала одну тошноту. И в этот момент рядом с ней появилось приятное лицо доктора Скотта.

— Марджи, ты меня удивляешь, — мягко сказал он, в голосе его звучала скорее ласка, чем укор. — А если бы ты вернулась домой с ярмарки и нашла в своём гамаке мертвеца? Понравилось бы тебе ужинать и говорить об этом?

— О! — восторженно отозвалась Марджи, не обращая внимания на выговор. — Значит, вы нашли тело в гамаке? Чёрт возьми! Хотела бы я быть там! А помните, Фредерика, я ведь предсказала это на ярмарке? Но я не понимаю, как она попала туда. И когда — как вы думаете?

Теперь вокруг Фредерики собралась настоящая толпа. Доктор вынужден был поднять свою полную руку и сказать громко, так, чтобы все в комнате услышали:

— Вы все должны понять, что мы не будем проводить расследование здесь в гостинице в приятный воскресный вечер. Если я услышу ещё хоть один вопрос или замечание, без всяких колебаний сделаю укол, чтобы молчали. Моя чёрная сумка в машине. Идёмте, мисс Винг, посидим вон там в углу. Мне хочется попросить у вас совета, что почитать. Я знаю, что, как и дорогая Люси, вы в этом деле авторитет.

Фредерике хотелось бросить свою тарелку и обнять доктора. Но она только благодарно улыбнулась ему. Доктор стал её другом на всю жизнь.

В этот момент вспыхнула молния, и сразу вслед за ней раскатился гром. Как будто доктора поддержало небесное знамение, и толпа недовольно разошлась.

— Садитесь рядом, — предложил врач, отыскав два

свободных стула. И когда они уселись, достал из кармана флакончик с таблетками. — На случай, если вам трудно будет уснуть. Это вам не повредит. Успокаивает нервы. По правде говоря, не знаю никого, кто имел бы право нервничать больше вас.

— Спасибо. Вы очень добры, — быстро ответила Фредерика. — Но через день-два я и так приду в себя.

— Будем надеяться, что это произойдёт со всеми, — доктор посмотрел на неё задумчиво и словно про себя добавил: — Но мне не верится, что всё это так просто останется позади.

— Правда? Почему? — сразу спросила Фредерика.

— Я рассуждал про себя, но, как старый дурак, сказал вслух. И потому должен объясниться. Результаты вскрытия мы получим не раньше среды или четверга, но что-то говорит мне, что я принесу в город дурную новость. Возможно, я преувеличиваю. Может даже, ошибаюсь, — он попытался улыбнуться, — так что давайте забудем об этом. Расскажите, что у вас найдётся в библиотеке развлекательного для тяжело работающего врача.

Его уловка подействовала, и вскоре Фредерика уже рассказывала о последних художественных и нехудожественных книгах, потом о своей работе библиотекаря, а потом и вообще о себе — позднее она будет вспоминать об этом со стыдом.

Подошла Филиппина, забрала пустую тарелку Фредерики и взамен принесла ей мороженого и воздушного печенья. Вскоре она вернулась со своей порцией и села на ручку кресла Фредерики.

— Я слушала ваш разговор с доктором Тедом. У меня тоже проблемы с чтением. Но, наверное, сегодня вы слишком устали.

Она замолчала, и Фредерика сразу ответила:

— О, нет, я вовсе не устала. Кстати, я нарушила свои правила и поспала сегодня днём, — может, она и ошиблась насчёт Филиппины. Может, они всё-таки найдут время подружиться. — Вам нравятся убийства?

— Похоже, мы никак не уйдём от них, — быстро ответила Филиппина. — Нет, мне не нравится читать о них. Эти книги такие глупые и очевидные. Но я должна сознаться, что люблю... как вы их называете?..

— Вестерны, — вмешался доктор Тед. — Я знаю вашу слабость, потому что разделяю её, а Люси Хартвел рассказывала мне о вас, чтобы подбодрить, — и он добродушно рассмеялся.

— Кстати, в новых поступлениях есть несколько свежих вестернов, — сказала Фредерика. — Идёмте со мной и запасётесь.

— Прекрасная мысль, — согласился доктор. — Только мне придётся проявить вежливость, и всё лучшее заберёт Филиппина.

— Нет, доктор Тед, на этот раз можете забирать всё. Мне хочется чего-нибудь потруднее...

— У меня есть новый Ивлин Во, — предложила Фредерика.

— А вы сами читали?

— Нет, но могу рекомендовать и не читая.

— Хорошая девочка, — сказал доктор Скотт, — и хороший бизнесмен. Ну, гроза, кажется, прошла стороной. Не уйти ли нам, пока она не вернулась? — он с трудом встал из низкого кресла.

Они вместе вышли, и Филиппина подумала, догадываются ли доктор и Филиппина об её глупых страхах или они просто добры. Но она обрадовалась, когда пригласила их зайти и они согласились. Фредерика провела их в гостиную.

— Ох, я только что вспомнила, что вчера на адрес Фермы пришли книги. Должно быть, вы их заказывали, Филиппина — сказала она.

— Да. Что за книги?

— О травах и тому подобном. Пойду поищу их.

— Не беспокойтесь, — ответила Филиппина. — Я их не заказывала. Должно быть, это миссис Саттон. Она в основном читает такие книги. Но сейчас вряд ли нам нужно что-нибудь, кроме лёгкого чтения.

— Верно, — согласился доктор Скотт. — Ну, берите ваш роман, а я возьму свои вестерны. Этой молодой леди нужно поспать.

Фредерика сходила за книгами и, когда вернулась, её гости сразу встали.

— Последнее слово совета, мисс Винг, если вы меня простите, — на прощание сказал доктор Скотт. — Примите горячую ванну, проглотите мою таблетку и сразу ложитесь. И до утра ни о чём не думайте.

Когда они ушли, Фредерика последовала совету доктора Скотта, но перед сном у неё было о чём подумать. Почему-то она никому не рассказала о своей случайной встрече с Роджером. Ей хотелось расспросить о нём доктора Скотта и Филиппину, но какой-то инстинкт удержал её. Может, это и к лучшему. И так слишком много разговоров в Южном Саттоне, штат Массачусетс.

Глава 7

Всю воскресную ночь где-то вдалеке гремел гром, на горизонте вспыхивали зарницы. Утром, проснувшись, Фредерика по-прежнему ощущала тяжесть в воздухе; по небу бежали грозовые тучи. Она медленно оделась, чувствуя, как предстоящий день давит на виски. Может, это пилюли доктора Скотта, или душное утро, или просто дурацкий характер, думала Фредерика, медленно бродя по дому и стараясь распланировать работу на день. Кофе поможет. Кофе действительно помог, но Фредерика не успела позавтракать, как пошли клиенты. К одиннадцати не пришёл на работу Кристофер, и Фредерика чувствовала себя так, словно всю ночь провела в комнате для пыток. И напоследок, когда ей показалось, что наступила передышка, хлопнула входная дверь и появились священник с женой.

Поздоровавшись, преподобный Арчибальд и миссис Уильямс принялись неторопливо разглядывать книжные полки, а Фредерика стояла рядом. Она знала, что, подо-

бно всем остальным, они пришли расспрашивать. И теперь покорно смотрела им в спины и думала, хватит ли у неё духа сказать, что она сегодня не позавтракала, и попросить подождать её, пока она сварит свежий кофе и пару яиц. И вот когда она уже набралась храбрости, чтобы высказаться, священник повернулся к ней и спросил, нет ли у неё последней книги Бертрана Рассела. Книга была, но в конюшне, в последней партии, которую Крис доставил в субботу. Она ещё вчера должна была распаковать их.

— Мне придётся сходить за ней на склад, — сказала Фредерика. — Или пришлю её к вам попозже, когда придёт Крис, — с надеждой предложила она.

— Я предпочёл бы просмотреть её здесь, если не возражаете, — настаивал мистер Уильямс. — Конечно, если это нетрудно.

— Нет, конечно, совсем не трудно, — ответила Фредерика через плечо, уже выходя. Лучше покончить с этим побыстрее, и тогда, может, они зададут наконец свои вопросы и уйдут.

Она без труда отыскала книгу, попутно заметив, что склад нуждается в срочном внимании. Неужели Крис так и не придёт? Фредерика вернулась к преподобному и миссис Уильямс; священник сел в удобное кресло в гостиной, а миссис Уильямс сразу начала свой обстрел вопросами. Фредерика чувствовала, что вот-вот упадёт в обморок. Она с трудом выдержала утро, а теперь ещё эта лавина. Сесть она не посмела, решив, что это может быть понято как приглашение остаться. И прислонилась к книжному стеллажу за собой.

— Вы говорите, тело было в гамаке дорогой Люси?

Фредерика не говорила этого, но пробормотала что-то похожее на «да».

— О, дорогая мисс Винг, можно мне краем глаза взглянуть на него? У нас сегодня встреча в женском совете, и все, конечно, будут меня расспрашивать.

— Простите, миссис Уильямс, но, видите ли, полиция

забрала гамак, — и тут, увидев на лице миссис Уильямс выражение «кошки-готовой-проглотить-канарейку», поняла, что допустила серьёзную ошибку.

— П о л и ц и я, вы говорите? И ч т о же это значит?

«Ну почему я не сказала «доктор Скотт»? — подумала Фредерика.

— Мне кажется, полиция всегда занимается такими делами, — покорно ответила она.

— О! — лицо миссис Уильямс помрачнело, потом снова прояснилось. Ей пришла в голову новая мысль. — А крови не было? Ну, на гамаке, на земле или... или... или... — она неопределённо махнула рукой... — или на теле? — последнее слово она произнесла шёпотом заговорщика.

— Я... просто не знаю.

— Н е з н а е т е? Но ведь вы обнаружили тело? Ну, я уверена, кровопролитие было. Кэтрин была нехорошей женщиной и заслуживала смерти... Интересно, допрашивали Джеймса Брюстера? Тяжесть греха... — мрачно добавила она.

Священник поднял голову от книги, и поток слов миссис Уильямс на мгновение прервался.

Это был шанс, и Фредерика им немедленно воспользовалась. Она быстро сказала:

— Не возражаете, если я удалюсь ненадолго? Посетители появились раньше, чем я рассчитывала, и я даже не позавтракала. И... и я плохо себя чувствую на этой жаре.

— Конечно, мисс Винг, — сахарный голос миссис Уильямс стал кислым.

Но Фредерика слишком устала, чтобы думать об этом. Однако, когда она направилась на кухню, хлопнула задняя дверь и Марджи чуть не сбила её с ног в коридоре.

— Тебе что-нибудь нужно, Марджи? А, ты пришла помочь. Твоя помощь мне понадобится.

— О, нет, простите, я не могу остаться, но маме понадобилось кое-что из кладовки, поэтому я и забежала.

Фредерика заметила, что лицо у девушки под красны-

ми пятнами утрей очень бледное, и что она вся дрожит от возбуждения — или страха. От чего именно, сказать было невозможно. Но теперь Фредерика уже ни о чём не могла думать. Она резко сказала:

— Да, Марджи, если нужно. Но лучше приходи в нерабочие часы за своими личными вещами. Я занята, и меня раздражают твои неожиданные приходы и уходы.

— Тётя Люси говорила... — начала Марджи, но Фредерика оборвала её.

— Прости, Марджи, но теперь хозяйка здесь я, — тем не менее, увидев на лице девушки выражение отчаяния, решила отложить завтрак и добавила: — Ну, хорошо, но я схожу с тобой, — что задумала девчонка? Какие новые козни она готовит?

Марджи согласилась с явной неохотой, и Фредерика пошла за ней по лестнице. Поднявшись наверх, она решила одновременно заправить свою постель и прибраться в комнате, а не стоять над душой у этой несчастной девочки. Марджи понадобилось довольно много времени. Заглянув в чулан, Фредерика обнаружила, что она роется в чемодане, полном старых писем. Это занятие безвредное, и Фредерика решила не ждать больше. Свою работу наверху она закончила. Вернувшись к посетителям, она увидела, что они ушли. Раскрытый Бертран Рассел лежал на кресле лицом вниз. Конечно, с яростью подумала она, мистер Уильямс и не собирался покупать его. Поставив книгу на полку, она устало опустилась в кресло. Полдень уже миновал, а она так устала, что не хотелось и думать о еде.

И в этот момент разверзлись небеса и дождь, который грозил начаться всё утро, громко застучал по жестяной крыше над крыльцом. Прохладный влажный ветер откинул занавеску за столом, и Фредерика с облегчением встала и отправилась на кухню. Буря означала конец посетителей — на время, по крайней мере.

Часы показывали десять минут четвёртого, и Фредерика решила заменить яйца и кофе на сэндвичи и чай со

льдом. Поставив на огонь чайник, она позвала Марджи. Ответа не последовало. Фредерика поднялась наверх и обнаружила, что кладовка Хартвелов пуста. Груда ящиков, чемоданов и прочих вещей казалась ещё более беспорядочной, чем всегда, но ни следа Марджи. Фредерика поискала в других комнатах и поняла, что девушка ушла, не сказав ей ни слова. Ужасный ребёнок! Громко засвистел чайник на кухне, и Фредерика вернулась к давно откладываемой еде. Единственное утешение — она наконец-то осталась одна.

Фредерика приготовила сэндвичи и чай, а дождь продолжал колотить по жестяной крыше. Она прислушивалась к этому звуку, и ей казалось, что капли уверенно и успокоительно говорят: «Никаких покупателей. Никаких покупателей». Но только она села за столик у окна, как послышался громкий стук в дверь.

— Боже! — слабо прошептала она и встала.

И встретилась в коридоре с посетителями, которые не стали ждать, когда она подойдёт к двери.

— Привет! — сказал ей Питер, а из-за его спины поздоровался начальник полиции: — Добрый день! — они стояли в ожидании, дождь капал с их плащей.

Фредерика, которая вчера весь день надеялась, что Питер вот-вот появится, теперь при виде его испытала лишь раздражение.

— Входите, — проворчала она. — Плащи лучше оставьте здесь. У меня ланч, вернее завтрак и ланч вместе.

— А почему без завтрака? И почему так поздно?

— Почему? Почему? — раздражённо повторила Фредерика. — С самого утра отвечала на вопросы, и только дождь дал мне передышку, — увидев, что полковник искренне озабочен, она слегка смягчилась. — Если вы тоже хотите задавать вопросы — а я по вашему виду вижу, что хотите, — пойдёте на кухню и дайте мне поесть. Вам я могу предложить чай со льдом, а больше ничего нет.

— Спасибо, Фредерика, — ответил Питер; голос за ним прозвучал, как эхо, и они все направились на кухню.

— Я не стану вас долго беспокоить, — голос Тэйна Кэри прозвучал виновато. Он неуклюже порывлся в кармане и извлёк маленькую старинную табакерку для нюхательного табака. — Это ваша? — спросил он негромко, протягивая табакерку на ладони.

— Боюсь, я никогда раньше её не видела, — ответила Фредерика, — но хотелось бы сказать, что она моя. Прекрасная вещь, — она взяла табакерку и осторожно открыла. Внутри оказалось несколько оранжевых капсул.

— Витамины? — спросила она.

— Вероятно. Значит, не ваша?

— Нет. Откуда она?

— Мой человек нашёл её в траве у вашего заднего крыльца.

— Наверное, это Марджи. Она приходит и уходит в любое время, днём и ночью. Но, — Фредерика заколебалась, — она не похожа на вещи Марджи.

Тэйн Кэри улыбнулся.

— Конечно, но мы никого не можем исключить. Вы ведь понимаете.

— Значит, это так важно? Похоже на ключ, и вы обращаетесь с ней, как с ключом. Но ключ к чему? Значит, Кэтрин Клей была убита?.. — Фредерика неожиданно ощутила озноб. Мужчины внимательно смотрели на неё.

— Мы не должны делать поспешных заключений. С другой стороны... но всё равно нужно дождаться результатов вскрытия, прежде чем предпринимать какие-нибудь активные действия. Заключение придёт в среду, самое позднее в четверг. Конечно, задержка раздражает, но ничего не поделаешь, — Кэри взял табакерку и уже собрался спрятать её в карман. Но потом неожиданно изменил намерение. Он достал капсулы, а пустую табакерку вернул Фредерике. — Пожалуйста, держите её у себя и спрашивайте покупателей, не потеряли ли они или у кого её видели.

— Хорошая мысль, — вмешался Питер. — Тут у Фредерики бывает весь город.

— Не знаю, когда увижу вероятных владельцев. Я уверена, сегодня утром на моём пороге побывали все, кто способен ходить. И теперь ожидаю только хромых и слепых.

Мужчины чуть смущённо рассмеялись, а потом Питер сказал:

— О, они вернутся. Не сомневайтесь.

Начальник полиции встал. На мгновение он угрожающе навис над головой Фредерики. Но потом достаточно мягко сказал:

— Мне пора, Мохан. Спасибо за чай, мисс Винг. Он спас мне жизнь.

Когда полицейский ушёл, Фредерика и Питер закурили и перешли в гостиную.

— А вы считаете, что это убийство? — спросила Фредерика.

— Да, Фредерика, считаю. И, очевидно, вы со мной согласны.

— Не хочется соглашаться. И не понимаю, почему и как это произошло у меня на заднем дворе и в моём гамаке.

— Ну, на это у меня есть ответ, — полковник встал, прошёл в коридор и достал из плаща большой пакет. Вернувшись к Фредерике, он протянул ей книгу. — Вот ваш ответ, я думаю.

Фредерика посмотрела на яркую обложку последнего романа Кэтрин Уинзор и нахмурилась. Потом вдруг подняла голову.

— Конечно. Кэтрин принесла книгу. Наверное, ей не понравилось... или просто кончила читать... и упала на гамак. Но... где вы нашли эту книгу?

— У Джеймса Брюстера.

— У Джеймса... А он где её взял?

Питер пересказал свой разговор с Джеймсом, добавив в конце:

— На книге отпечатки пальцев только Кэтрин и Джеймса. И ещё чьи-то старые, вероятно, ваши.

— Неудивительно, что Джеймс вёл себя так странно. И судя по вашим словам, он хотел от неё избавиться, верно?

— Да. Но если и хотел, то сделал не тогда, когда нашёл её здесь.

— Да... вероятно, это один из необъяснимых фактов. Но Джеймс Брюстер может быть убийцей. Меня в этом поддерживает миссис Уильямс, — добавила Фредерика, делая попытку рассмеяться.

— Ну, я тоже его не исключаю. У него, как вы заметили, есть мотив, но он не единственный хотел избавиться от Кэтрин.

— Да... я тоже думала об этом. Похоже, её все здесь ненавидели... — она подумала о Марджи и Роберте. — О, Питер, я вам не рассказывала об убежище Марджи в старой теплице, но, наверное, Тэйн Кэри рассказал. И ещё я не рассказала о встрече в лесу с Роджером.

— Да, о той теплице Кэри мне рассказал; мы решили, что это личный салон красоты Марджи, и что он не имеет отношения к случаю. А что Роджер?

Фредерика поведала о своём воскресном приключении, не упоминая своих обвинений, чего слегка стыдилась. Когда она закончила, Питер задумчиво проговорил:

— Надеюсь, Филиппина права и следующая операция окажется удачной. Ему нужны перемены, и сейчас для них как раз время.

— Но, Питер, он ведь тоже ненавидел Кэтрин... я хочу сказать...

— Ну, конечно, его тоже нельзя исключать, — полковник тяжело вздохнул и встал, словно сбросив огромную тяжесть.

— Ну, мне пора. Дождь кончился.

— Правда? Значит, снова покупатели, — при этих словах хлопнула входная дверь. — Чёрт возьми! — вырвалось у Фредерики.

— Согласен, — подхватил Питер. — Мне тоже нужно

работать. Я работал весь вчерашний день и почти всю ночь, но без особых результатов... — он неожиданно замолчал, увидев в двери Джеймса Брюстера.

— Я помешал? — спросил тот.

— Конечно, нет, — выпалила Фредерика, хотя ей трудно было выносить этого человека. А теперь, после рассказа Питера, после тяжёлого и жаркого дня, надо же появиться именно ему! К тому же он казался необыкновенно аккуратным и любезным, совсем не похожим на его обычный облик «я сильнее тебя».

— Не забудьте про табакерку, — прошептал, уходя, Питер. Он кивнул Джеймсу и улыбнулся. Фредерика нахмурилась. Ей показалось это неудачной шуткой. Как он может уходить таким оживлённым и оставлять её наедине с этим большим зверем?

Джеймс опустил своё большое тело в кресло, в котором раньше сидел священник.

— Моя дорогая Фредерика... если я могу называть вас по имени... — он неловко помолчал в ожидании её ответа.

— Конечно, — без энтузиазма сказала Фредерика.

— Моя дорогая Фредерика, — повторил он, — вам, которая так недавно оказалась среди нас, всё это нелегко перенести. Кэтрин всегда была беззаботна, но сознаюсь, особенно это проявилось в выборе ею места смерти. В общественном месте.

— В общественном? — переспросила Фредерика.

— Ну, дорогая Люси сделала свой дом открытым для всех нас. Боюсь, мы все слишком злоупотребляли этим. Но она была неутомима... н е у т о м и м а.

— Я слышала об этом, — холодно ответила Фредерика и потом продолжила: — Боюсь, мне необходимо заняться запасами книг. Вы хотите что-нибудь конкретное? У меня в библиотеке есть несколько интересных новинок.

— Нет. Нет. Я читаю юридические журналы, и этим моё чтение ограничивается. Только иногда для отдыха беру какой-нибудь триллер.

— Ну, у меня есть два-три новых.

— Нет, Фредерика, не сегодня, — и когда она встала, он торопливо добавил: — Но, может, я прихвачу один перед уходом. Вы ведь не торопитесь выпроводить гостя?

— Простите, если я показалась вам невежливой, — устало ответила Фредерика. Она снова села, но с такой явной неохотой, что Джеймс всё-таки медленно встал и достал из потайного кармана большие золотые часы.

— Боже, рабочее время уже вышло. Вероятно, вы соблюдаете часы работы, не то, что дорогая Люси.

— Нет. Вовсе нет. Всё в порядке, — сказала Фредерика, думая, что же ему всё-таки нужно. Ведь все новости он узнал раньше, чем остальной Саттон.

И тут, к её удивлению, он неожиданно предложил:

— Вы занимайтесь своими делами. «Запасами книг», как вы сказали или чем там ещё. А я тут просмотрю книги про убийства.

— Ну, хорошо, — после недолгого колебания согласилась Фредерика. Что же ему нужно? — Я думаю, вы знаете, где они.

— Знаю, — он кашлянул. — У вас, должно быть, выдался тяжёлый день. Не хотите ли поужинать со мной в гостинице? У меня тоже день был трудный. Я даже не смог уехать в Ворчестер. Всё из-за этого дела.

Фредерика повернулась и посмотрела на тяжёлое красивое лицо. «Неужели в этом дело? — подумала она. — Хочет поволочиться за мной, как за остальными? Или хочет узнать, что рассказал мне Питер, и что я вообще знаю. Должно быть, сведения ценные, если он согласен заплатить за ужин. Слава Богу, у меня на столе лежит книга записей».

— Нет, — быстро ответила она... слишком быстро, как поняла сразу, увидев его сердитое выражение. Он нахмурился, шея и лицо по бокам покраснели. Руки его сжали ручки кресла, хотя только что лежали спокойно.

— Я слишком устала, чтобы выходить, — в неожиданном приступе паники только и смогла пояснить Фредерика. — Поем чего-нибудь лёгкого и рано лягу спать... если вы

не возражаете, — в смущении и тревоге она не могла остановиться.

— Я понимаю, Фредерика, — мягко ответил Брюстер. — Не буду задерживать вас из-за книг сегодня. Мне не к спеху.

Она осмелилась посмотреть на него и, к собственному изумлению, поняла, что его неожиданный гнев прошёл так же, как и гроза снаружи. Но не хотелось бы противоречить ему в каком-нибудь действительно важном деле, подумала она, подходя вслед за ним к двери.

— Мне кажется, уже прояснилось, — сказал он с дорожки. — Воздух свежий.

— Ну и слава Богу, — ответила Фредерика, возвращаясь в дом. — И хвала Богу за то, что он ушёл, — добавила она, пересекая пустой дом по пути на кухню.

Поев без помех, Фредерика почувствовала себя лучше. В окно потянуло ночным воздухом, прохладным и успокаивающим. Помыв посуду и сняв передник, Фредерика сунула руку в карман платья и обнаружила там серебряную табакерку. Она зажгла настольную лампу и стала разглядывать рисунок из купидонов и бантов, знаков любви.

— И вовсе не для табака, скорее для женских мушек. Нет, — вслух принялась рассуждать она, — не думаю, чтобы это принадлежало мистеру Джеймсу Брюстеру, — пряча табакерку в ящик стола, она озорно улыбнулась. Как это похоже на Питера. Когда же он вернётся? Может, завтра, чтобы узнать, кто признал табакерку своей.

В постель? Почему-то Фредерика больше не чувствовала усталости. Может, стоит сообщить мисс Хартвел, что произошло с тех пор, как в магазине появился новый управляющий. И ещё вопрос с этим колодцем. Фредерика достала лист почтовой бумаги и начала писать.

Позже, отдохнувшая и успокоенная своей исповедью, Фредерика запечатала конверт и положила на середину стола, чтобы не забыть отправить его утром. Напевая, она отправилась на кухню, чтобы попить перед сном, но остановилась в неожиданной тревоге и посмотрела в

окно. Да, она не ошиблась: сквозь путаницу кустов на заднем дворе виднелся огонёк. Он вспыхнул, погорел некоторое время, потом погас. Фредерика почувствовала, что дрожит. Она стояла, глядя в темноту, и вдруг вспыхнул другой огонёк и продолжал светить в ветвях.

— Конечно, — сказала Фредерика вслух, направляясь к кухонному креслу. — Как глупо с моей стороны. Это девчонка... Марджи... — но могло ли такое быть в столь поздний час? Ведь уже почти полночь. Фредерика встала и снова подошла к окну. Да, несомненно, свет приходил от старой теплицы. Ну, что ж, придётся сходить и прекратить эту чепуху.

Но когда Фредерика вышла на заднее крыльцо, решимость оставила её и она заколебалась. Огонёк погас, и теперь вокруг неё сомкнулась тьма, бархатистая и непроницаемая. Конечно, все знают, что убийцы возвращаются к месту своего преступления. Фредерика попятилась и тут же услышала вкрадчивые шаги. Они, казалось, приближались со стороны сада.

Собрав всю свою храбрость, она спросила:

— Кто здесь? Это ты, Марджи? — голос её прозвучал напряжённо и испуганно. Ответа не последовало, но звук шагов прекратился. Она снова спросила, громче и с храбростью, которой вовсе не ощущала.

Тишина.

Может, ей всё приснилось? Может, это просто её воображение? Фредерика сделала шаг вперёд, потом другой; следующим спустилась с крыльца. Но едва она ощутила под ногами мягкую траву, как прямо ей в лицо ударил луч света. Она отшатнулась, полностью ослеплённая. Спустя секунду свет исчез, осталась только ночь и звук торопливо убегающих шагов.

Глава 8

Фредерика не помнила, как вернулась в дом после ночного приключения. Помнила только, что заперла дверь и тут же взялась за телефон.

Когда она наконец дозвонилась до полицейского участка и попросила начальника, ей ответил сонный голос. Дежурный сержант монотонно объяснял, что начальника весь вечер не было. Срочное ли у неё дело?

Фредерика уже собиралась сказать, что срочное... очень... но тут же передумала. В тёплом круге света настольной лампы страхи отступили. Это могла быть только Марджи, эта хулиганка. К тому же Марджи... или кто-нибудь другой... сейчас уже далеко от неё и книжного магазина.

— Нет. Не очень срочно, — сказала Фредерика. — Я... я забыла, что уже поздно. А не скажете ли домашний номер мистера Кэри?

Голос в телефоне стал подозрительным.

— Прошу прощения, а кто это звонит?..

— Звонит... мисс Винг из книжного магазина Хар-твелл.

— О, да, мисс Винг, — дежурный колебался. Подозрительность сменилась участливостью. — Вы уверены, что всё в порядке? Ну, тогда...

В конце концов он назвал номер Тэйна Кэри, и, чувствуя себя добродетельной и храброй, Фредерика поднялась на второй этаж, приняла пилюлю доктора Скотта и сразу уснула.

А когда проснулось, утро после вчерашнего дождя выдалось ясное и прохладное. Фредерика вышла на заднее крыльцо — поискать следы ночного пришельца и подышать чистым воздухом. Солнце ярко освещало влажную зелёную траву. На тропе виднелись следы всех размеров и форм: вчерашний дождь и вчерашние посетители затоптали почву и смяли траву. Ничего от ночного происшествия. Но даже в ярком свете дня Фредерика знала, что это ей не приснилось. И всё больше убеждалась, что её посетителем была Марджи. Занятая приготовлением еды и завтракая, она думала об этом, потом её мысли перешли к проблемам, которые вроде бы показались кристально ясными, пока она описывала их

вчера в письме мисс Хартвел. В нём она рассказала о всех значительных событиях после своего приезда в Южный Саттон.

Наливая себе кофе, готовя тосты, она думала о письме. Его следует поскорее отправить. Вечером она не приклеила марку. Нужно найти марку и попросить Кристофера отнести письмо на почту. Если, конечно, он появится. Почему он не пришёл вчера? Всю первую неделю она записывала ему полные рабочие часы. Он, конечно, это знает. Вчера она ждала его утром, но когда повалили клиенты, совершенно о нём позабыла. И вот, думая о нём сейчас, Фредерика вдруг вспомнила, как его чёрное потное лицо выглянуло из кустов в день её приезда, когда она лежала в гамаке. Не показалось ли ей лицо подозрительным? Конечно, события последних дней хоть кого сделают подозрительным. Может, вчера ночью это был Крис? Конечно, нет. Но почему же он не пришёл вчера?

И словно в ответ на её мысли послышался громкий стук в дверь. Вздвогнув — и рассердившись на себя за это, Фредерика быстро встала и вышла. На пороге стоял Кристофер, вертя в коричневых рабочих руках рваную соломенную шляпу. Он обезоруживающе улыбнулся, и ночной кошмар Фредерики исчез.

— Хотел прийти вчера, но занялся грузом мисс Филиппины на станции.

— Но ведь это не весь день заняло?

— Нет, мэм, мисс Винг. Но потом я пошёл на Ферму, и там одно дело, потом другое. Хотел позже пойти сюда, но уже не осталось времени.

— Но, Кристофер, я считала, что вы регулярно работаете здесь. Разве не об этом мы договорились? То есть я считала вас своим работником.

— Да, мэм... но добрый Господь велел помогать ближнему, а там у них неприятности... — он помолчал и значительно добавил: — Мисс Хартвел, она никогда не возражала.

— Понятно, — Фредерика раздражённо прикусила губу, но понимала, что неразумно и бесполезно что-то говорить. — Я налью вам кофе, — быстро добавила она.

Улыбка вернулась на лицо Кристофера, и он энергично кивнул.

— Я посижу тут, на пороге. Мисс Хартвел, ей не нравилось, когда я вхожу в башмаках на её пол, — и он вытянул ноги в тяжёлых и грязных ботинках, щедро подбитых гвоздями. Фредерика повернулась, чтобы вернуться на кухню. Но, оглянувшись через плечо, заметила, что Кристофер бросил на неё взгляд украдкой и отодвинулся на край крыльца.

Все ведут себя странно? Или странное в ней самой? Фредерика налила кофе и взяла из большого глиняного горшка мисс Хартвел два пончика. Вернувшись на крыльцо, она обнаружила, что Кристофер сидит в дальнем углу, вытянув ноги перед собой. Он, казалось, весь как-то сморщился в своей яркой клетчатой рубашке и сосредоточенно разглядывал собственные ноги.

— В чём дело, Крис? — спросила Фредерика, неожиданно встревожившись.

Он с явной благодарностью принял кофе, но не ответил. И Фредерика сразу поняла: Кристофер испуган, очень испуган. Поэтому он как можно дальше отодвигается от того места, где висел гамак. Именно поэтому он и не появился вчера.

— Всё в порядке, Крис, — быстро сказала Фредерика. — Её забрали... я хочу сказать, миссис Клей... и гамак тоже.

— Да, мэм, — Кристофер больше ничего не сказал, но явно испытал облегчение. И с видом полного удовлетворения принялся запивать пончики кофе.

Просто суеверный страх или чувство вины? Знает ли он о тайнике Марджи?

— Крис, — неожиданно сказала она, — я осматривала двор в воскресенье и нашла дыру в изгороди. Вы знаете об этом?

— Да, просто лисья дыра. Я говорил мисс Люси, но она сказала, что её лисы не беспокоят, — он рассмеялся, и звук его смеха болезненно резанул по натянутым нервам Фредерики.

— А что это за вещи в старой теплице?

— Это мисс Марджи. Мисс Люси велела их не трогать, — он нахмурился и взглянул на пустую чашку.

Это какой-то заговор против меня, беспричинно подумала Фредерика. Бесполезно пытаться что-нибудь вытянуть у Криса. Она взяла чашку и пошла за письмом мисс Хартвел.

В поисках марки Фредерика снова наткнулась на серебряную табакерку и на время забыла о своей цели. Надо было спросить у Джеймса Брюстера, не видел ли он у кого-нибудь эту табакерку. Может, Питер говорил серьёзно. Но табакерка могла принадлежать и Марджи. Её нашли у заднего крыльца, а Марджи чаще других пользуется этим ходом... Но правда и то, что такая вещь вряд ли подходит Марджи. Больше похоже... да... на вещь самой Кэтрин Клей. По-видимому, в то роковое воскресенье Кэтрин, обнаружив переднюю дверь закрытой, подошла к задней. Она должна была пройти так, иначе ей не попасть в гамак. Надо было спросить Джеймса, не Кэтрин ли принадлежала табакерка. Интересно было бы понаблюдать за его реакцией — очень интересно. Впрочем, какая из неё ищейка.

Фредерика нетерпеливым жестом снова положила шкатулку в ящик. Во что превратится её работа, если она всё время будет посвящать бесполезным размышлениям, которые ни к чему не ведут? Она нашла марку, с ненужной силой прилепила её на письмо и вернулась к Кристоферу.

— Не знаю, когда здесь забирают почту, но не отправите ли это для меня, Крис? Специально не ходите, но я бы хотела, чтобы оно ушло сегодня.

— Да, мэм. Я собирался скосить траву и прибраться в кладовке. Почту забирают после полудня. Отнесу, когда пойду есть.

— Хорошо, — Фредерика повернулась, чтобы вернуться в дом, но Крис заговорил снова.

— Я всё думаю о том старом колодце. Всё беспокоюсь, он ведь открыт. Я накрыл его ящиком, но пользы мало. Сэм Льюис работает ниже на дороге. Могу сходить за ним, пусть посмотрит.

— Я написала мисс Хартвел, Крис. Через несколько дней получим ответ. Может, подождём его? Мне не хочется втягивать мисс Хартвел в расходы, если я не уверена, что она этого захочет.

— Да, мэм. Хорошо, — Крис покорно надел старую шляпу и зашагал по тропинке. Фредерика вернулась к своей посуде, а потом к столу и через несколько секунд с облегчением услышала гул газонокосилки. Как будто на боковой лужайке, подумала она. Значит, оправился от паники. Это хорошо.

Она продолжала работать, но вскоре, когда косилка неожиданно смолкла, какой-то импульс заставил её встать и подойти к окну. Между двумя деревьями висел гамак. Рядом с ним на четвереньках стоял Крис. «Молится?» — спросила себя Фредерика. Конечно, нет. Она уже собралась спуститься и выяснить, в чём дело, как Крис встал и вернулся к косилке. «Нужно взять себя в руки, — решила Фредерика. — Он просто срезал траву под деревьями...»

После этого перерыва утро прошло без происшествий, если не считать звонка Тэйна Кэри, которому сержант доложил о ночном разговоре. Фредерика коротко рассказала о своих приключениях, но полицейский расспросил обо всех подробностях. Потом сказал, что зайдёт на Ферму и сам расспросит Марджи. Говорил он торопливо и после нескольких любезностей повесил трубку. «Ну, он как будто не встревожился, — решила Фредерика, возвращаясь за стол. — Слава Богу, я не вытащила его из постели посреди ночи».

Зашли два посетителя, вернули книги в библиотеку и задали неизбежные вопросы. Но Фредерика быстро от них избавилась, она уже овладела этой техникой. У

каждого она спрашивала о серебряной табакерке, но никто из посетителей не видел такой раньше. Однако разглядывали её с нескрываемым интересом.

— Лучше повесить объявление на почте, — предложил один из них.

— Если никто не спросит, — ответила Фредерика, возвращая табакерку в ящик.

Она разбирала груды счетов и заказов, когда почувствовала, что кто-то подошёл сзади. Быстро повернулась и увидела Криса.

— В чём дело? — спросила Фредерика, пытаясь скрыть раздражение. Почему он подобрался так незаметно? — Мне казалось, мисс Хартвел не любит, когда вы заходите в дом в своих ботинках, — сердито добавила она.

— Я их снял, мэм, мисс Винг, — он протянул ей груды писем. Фредерика посмотрела на его ноги в носках, из одного носка торчал большой палец, и устыдилась своей несдержанности.

— Спасибо, Крис.

Однако он не уходил. Фредерика посмотрела на него.

— Я увидел тут иностранную марку, — он кашлянул.

— Франция, — и торопливо добавил: — Мисс Хартвел всегда отдавала мне марки для коллекции.

— Конечно, Крис, — она осторожно вскрыла письмо и вырезала марку.

Крис взял её и несколько мгновений рассматривал.

— Ещё одно письмо с такой же маркой пришло для мисс Кэтрин. Но она его не получит. Нет, мэм. Потому что умерла, — мрачно закончил он.

— Конечно. Вы берёте и почту Фермы?

«Почему он обслуживает и Ферму? И почему я так неестественно любопытна?» — тем временем спрашивала себя Фредерика.

— Да, мэм. Я здесь, можно сказать, почтальон, и наёмный рабочий, и помощник во всех делах.

— Понятно. Неудивительно, что вы собираете марки, — с отсутствующим видом заметила Фредерика. Ей

хотелось, чтобы он ушёл и она смогла продолжать работу.

В этот момент хлопнула задняя дверь и влетела Марджи.

— Получили почту для Фермы? — спросила она у Криса, даже не посмотрев на Фредерику. — Я иду туда...

Крис с разочарованным видом протянул ей письма. Было очевидно, что он хотел лично доставить письмо, адресованное миссис Клей. Уходил он медленно и с достоинством.

Марджи уселась в большое кресло и просмотрела письма. Фредерика, которой уже хватило выходок Марджи, начала было выражать свои чувства, но её спасло появление старой леди, пришедшей в библиотеку. Фредерика прошла с ней по коридору и узнала, что посетительницу зовут миссис Пайк, и что именно она сделала одеяло, которое Фредерика получила на ярмарке. В нормальном состоянии Фредерика заинтересовалась бы рассказом о том, как долго создавался рисунок одеяла, но сейчас она думала о Марджи. Спросить ли её о прошлом вечере или предоставить это Кэри? Девушка казалась очень напряжённой и чем-то занятой.

Потом, прямо посреди рассуждений о розовом на фоне синего или красном на фоне зелёного, Фредерика вспомнила, что должна спросить Марджи о серебряной табакерке. Она извинилась и довольно невежливо оставила старуху у полка. Сама вернулась в кабинет и обнаружила, что Марджи исчезла, а ящик стола полуоткрыт. Фредерика быстро заглянула в него и с облегчением увидела, что табакерка на месте. Может, она сама забыла закрыть ящик. Сунув табакерку в карман и даже не позабавившись извиниться перед посетительницей, она выбежала в заднюю дверь. Добежала до ворот, ведущих на аллею; они оказались открытыми. Но Марджи нигде не было.

— Чума на неё! — выругалась Фредерика и пошла назад, в магазин, к надоедливой посетительнице.

Остальную часть дня Фредерика была слишком занята клиентами, чтобы думать о чём-то другом. На ланч у неё

были только сэндвичи и шоколадный молочный коктейль, который принёс Крис. Он ходил с тележкой на станцию и привёз новую партию книг. Обогнув дом, он подкатил тачку к заднему крыльцу, где его встретила Фредерика. Бумажный стакан с молоком опасно возвышался на пачках книг, как часовой на горе. Крис торжественно протянул его ей.

— Все в городе говорят так, словно сами были свидетелями убийства, — сказал он.

— Ерунда, — чуть резковато ответила она; но взяв из большой коричневой руки стакан, она пожалела о своём тоне и с беспокойством посмотрела в лицо Криса.

К вечеру Фредерика решительно намерена была сбежать из магазина. И хоть не признавалась себе самой, ей хотелось снова увидеть Питера Мохана. Ни он, ни Тэйн Кэри за весь день не заглянули к ней, и это показалось ей нехорошим предзнаменованием. Днём один из посетителей напомнил ей, что в восемь тридцать вечером в колледже состоится лекция. Что-то о Корее. Фредерика и не думала идти туда, однако после ужина обнаружила, что надевает своё лучшее льняное платье. Полчаса спустя она закрыла на замок обе двери и побежала к кампусу, словно спасаясь от преследующих её демонов. Добравшись до зала, она увидела, что немного опоздала, и незаметно села в заднем ряду.

Большая комната была полна народу, но поблизости Фредерика не увидела никого знакомого. Она откинулась на жёсткую спинку и осмотрела стенные панели и ряд внушительных портретов на них. Несомненно, зал колледжа был гораздо приятней церковного. Фредерика мельком подумала об упадке американской архитектуры за пятьдесят-шестьдесят лет: зал колледжа был построен в 1825 или 1830 году, а церковь — в 1880 в память о чём-то. Лекцию читал корреспондент, только что вернувшийся с юбейского фронта. Его представил Питер Мохан. Он показался Фредерике уставшим и рассеянным. Ей было трудно сосредоточиться: у лампы над головой жужжала

синяя муха, в зале стало жарко и тесно. Время от времени Фредерика начинала клевать носом, лекция тянулось прямо-таки бесконечно. Но вот шум в зале возвестил об освобождении. Фредерика сразу встала и вслед за толпой вышла на ярко освещённое крыльцо. Тут все задерживались, разговаривая и наслаждаясь тёплым летним вечером.

Фредерика немного постояла, чувствуя себя совершенно одинокой в этой толпе незнакомцев. Она с беспокойством искала Питера, но его нигде не было видно. Наверно, занимает лектора. И ничего не оставалось, как уходить. Фредерика медленно шла по кампусу, чувствуя себя всеми брошенной; её пугала перспектива возвращения в пустой дом. Но тут ей на плечо легла тяжёлая рука. Вздвогнув, она оглянулась и увидела большое красное лицо Джеймса Брюстера. Её разочарование было очень острым.

— Сейчас самое время поесть мороженого с содовой водой, — легко заявил Джеймс. — Лично я предпочёл бы что-нибудь покрепче, но мы в Риме, моя дорогая Фредерика, и должны быть римлянами.

— Должны? — серьёзно спросила Фредерика.

Он убрал руку.

— По крайней мере должны сделать вид.

Фредерика подумала, что это всё же лучше одинокого возвращения в пустой дом. Поэтому не отняла руку, как ей хотелось, и они рядом пошли по тёмной улице.

— Нелегко быть адвокатом семьи Саттонов, — неожиданно сказал Брюстер. Говорил он негромко и как бы по секрету.

Фредерика, которая весь день ждала новостей, неожиданно почувствовала раздражение. Она не хочет больше слушать о Саттонах от Джеймса Брюстера. Даже думать о них не хочет. Но Джеймс продолжал:

— Не следует плохо говорить о мёртвых, но дела Кэтрин в ужасном состоянии. Я бы не удивился, если бы она нашла быстрый выход...

— Что вы имеете в виду? — теперь Фредерика стала слушать.

— Ничего. Ничего конкретного. Филиппина со своей травяной лабораторией привела дела семьи в гораздо лучшее состояние. Замечательная женщина. Забудьте мои слова, дорогая, — он страстно сжал ей руку, но Фредерика этого даже не заметила. Она думала о разговоре, который услышала в гостинице в своё первое воскресенье и о признаниях Джеймса, о которых ей рассказал Питер. Джеймс Брюстер предполагает, что Кэтрин Клей совершила самоубийство. И ему очень удобно теперь переключиться на Филиппину, которую он в воскресенье назвал хорошей, а теперь замечательной.

— Мне казалось, миссис Саттон начала дело с травмами ещё до появления Филиппины, — быстро сказала Фредерика.

— Да, н а ч а л а, но она стара и устала. Нужен был кто-то вроде Филиппины... — он остановился посреди фразы и неожиданно повернулся к Фредерике. Она шла, не замечая, что толпа редеет: белые платья растворялись в темноте, гул голосов и взрывы смеха слышались теперь издалека. И в тот момент, как Джеймс Брюстер повернулся к ней и она ощутила на лице его дыхание, Фредерика поняла, что они совсем одни.

Она собралась с силами и попыталась оттолкнуть его.

— Послушайте, Фредерика, не отказывайтесь от любви... — он держал её за руки и пытался привлечь к себе. Голос его звучал чувственно и убедительно.

Фредерика почувствовала себя в ловушке и отчаянно испугалась.

— Отпустите меня... немедленно... — неужели он попытается заняться с ней любовью... развратное животное... или ... Боже, он хочет убить её! Мужчина сжимал её всё сильнее. — Я закричу! — она в отчаянии выкрикнула эти слова.

Сзади послышались шаги, и Джеймс неожиданно отпустил руки.

— Простите меня, Фредерика, — сказал он. — Вы очень привлекательная женщина... Может быть... когда узнаете меня лучше...

Шаги стали громче, их обогнала группа людей. Фредерика заторопилась за ними. Говорить она не могла. Хотела только сбежать от этого большого зверя, который был так близко и так страшен.

Они вышли на главную улицу и через несколько секунд остановились в свете неоновых огней аптеки-закусочной.

— Как я уже говорил, — спокойно продолжал Джеймс, — делу нужен был кто-нибудь вроде Филиппины... О, а вот и она сама!

Они миновали занятые столики и ряд аккуратных кабинок и прошли в глубину большой комнаты, где сверкал фонтанчик с содовой, подлинно викторианский, великолепный в розовом мраморе. У стойки стояла Филиппина, в своём голубом льняном костюме она выглядела прохладной и свежей.

— Хай! — приветствовала она их и потом, взглянув на Джеймса, добавила: — Заметьте, как я усовершенствовала свой американский. Я теперь говорю «Хай», а не «Хэлло», и «О`кей» вместо «Всё в порядке». Правда, я быстро учусь?

— Джеймс Брюстер первым подпишет ваш диплом, Фил. И ещё я приложу к нему золотую печать, — Джеймс улыбался, отвечая Филиппине.

Фредерика была рада, что он забыл о ней. К ней вернулось самообладание, и она украдкой стала наблюдать за этими двумя. Что же это за человек? Только что усиленно навязывался одной женщине, а несколько секунд спустя — другой. Фредерика посмотрела на Филиппину и призналась, что не может винить Джеймса в том, что его тянет к Филиппине. Филиппина выглядит эффектной и способной, но как женщина она ещё не страдала. Определение «замечательная» подходит ей больше, чем «хорошая».

Почувствовав на себе взгляд Фредерики, Филиппина отвернулась от Джеймса и сказала:

— Угощаю. Чего хотите? Есть молочный коктейль с шоколадом.

Парень за стойкой громко рассмеялся. Филиппина, поняв, что он смеётся над ней, нахмурилась, и словно тёмное облако опустилось на её приятное лицо. Но она быстро взяла себя в руки и тоже рассмеялась.

— Что я такого сказала, Джо? — спросила она и добавила с видом отчаяния: — А я-то хвастала, что хорошо говорю по-американски!

Парень смутился, а Фредерика быстро сказала:

— Мне только сок лайма, — неважно, что ей подадут. Ей хотелось лишь оставаться в хорошо освещённой комнате и не выходить в темноту.

Джо придвинул бумажный стаканчик, быстрым движением руки заполнил его и искусно сунул в мышьяково-зелёную жидкость две соломинки.

Филиппина сделала вид, что содрогается от отвращения.

— Как вы можете пить этот яд в бутылках? — спросила она.

— Филиппина, не надо всем улучшать жизнь, — дружелюбно посоветовал Джеймс, опуская своё большое тело на одно из сидений у прилавка. — Мы все знаем, что вы прекрасно управляетесь с другими, но если будете делать это слишком хорошо, у вас никогда не будет мужа.

Филиппина надулась, как ребёнок, и как-то неискренне взглянула на Джеймса. Фредерика не упустила понимающий взгляд, которым они обменялись. Говорить ей не хотелось, и она решила, что лучше помолчит. Отвернувшись от прилавка, она держала напиток в одной руке и осматривала помещение поверх двух своих соломинок. Поняв, что у неё дрожит рука, Фредерика с усилием остановила дрожь.

Комната была полна молодёжью, в основном учениками старших классов. Среди них совсем потерялись

несколько более взрослых мужчин и женщин. Они сидели в кабинках и за столами с мраморными крышками. Фредерика узнала нескольких посетителей библиотеки и потом на удалении заметила Марджи. Девушка одна стояла в дальнем конце и читала комикс. В этой шумной комнате она казалась одинокой; молодежь её возраста веселилась, не обращая на неё внимания.

Несмотря на свою нелюбовь к Марджи, Фредерика пожалела её. Она уже собралась подойти к девушке и пригласить посидеть вместе, когда Филиппина, заметив направление её взгляда, сказала:

— Я уже приглашала её, но она отказалась. Марджи всегда... как бы это сказать... дуется. Она в сущности хорошая девочка, но думает, что её никто не любит... и действительно её не любят, потому что она так считает.

— А ничего нельзя сделать с её лицом? — спросил Джеймс.

— Это от нервов, я думаю, — с явной озабоченностью сказала Филиппина. — Мы всё уже испробовали.

— Все ваши травы?

— Да. Придётся подождать, пока не перерастёт. Бедный ребёнок.

Словно понимая, что речь идет о ней, Марджи несколько раз посмотрела в их направлении, потом кинула комикс в грудку журналов на столе и вышла, хлопнув дверью.

«Несносная девчонка», — про себя сказала Фредерика. Опять она не спросила Марджи об этой несчастной табакерке. Слишком много всего происходит. Невозможно думать обо всём сразу. Даже Питер должен это понять... Но она не сможет рассказать ему о Джеймсе. Он решит... Что он решит?..

Она стояла, с отсутствующим видом потягивая напиток через соломинку, когда знакомый голос произнёс:

— Какой детский шум, Фредерика! У вас кончился сок.

Она взглянула в серые дружелюбные глаза Питера и попыталась скрыть свою радость и облегчение.

— Закажите ещё за мой счёт и прекратите этот шум, — настаивал он. — А потом я «погляжу на ваш дом», как говорят в этом городке.

— Спасибо за то и другое, — ответила Фредерика. Она быстро повернулась, чтобы включить в разговор Филиппину и Джеймса, и с изумлением обнаружила, что они исчезли.

Заметив её удивлённый вид, Питер сказал:

— Они ушли, когда я входил. Вы были в таком трансе, что ничего не заметили. Если бы они поцеловали вас на прощание, вы бы тоже этого не заметили. А теперь скажите, о чём вы задумались. Это поможет нам перенести бремя нашего одиночества, как вы думаете?

Глава 9

Возвращаясь рядом с Питером Моханом в книжный магазин, Фредерика благословенно забыла о своих тревогах, говорила о самых обычных вещах и делала вид, что Марджи и Джеймс существуют лишь в её воображении, а тело в её гамаке — всего лишь кульминация дурного сна, от которого она уже проснулась.

Питер чувствовал её настроение и не настаивал, чтобы она рассказала, о чём задумалась, когда он увидел её в аптеке; дурная новость тоже может подождать, решил он. Взяв её под руку, он сказал:

— Я очень рад, что в Южный Саттон приехала Фредерика Винг, а не библиотекарша, которую я представлял себе, когда Люси Хартвел объявила, что нашла временно-го управляющего.

— Я тоже рада этому, — ответила Фредерика, игнорируя скрытый комплимент, но одновременно радуясь ему.

— Но даже сейчас я о вас не очень-то много знаю. Вы библиотекарь. Вы пишете книгу. Это я знаю. Кстати, как она продвигается? И что ещё вы написали? Давайте, девушка, выкладывайте.

— Я уже много лет делаю вид, что пишу, но без

особого успеха. Однажды я даже закончила роман о загадочном убийстве... — Фредерика неожиданно замолчала. Собственный голос показался ей слишком громким в темноте и тишине улицы. Слова повисли в воздухе как дурное предзнаменование. Фредерика поторопилась похоронить их, отправить назад в кошмар, от которого сама еле очнулась. — Ну... не очень хорошо получилось. Я не беспокоилась о к л ю ч а х. Всё казалось таким очевидным. Но сейчас я надеюсь на свой новый замысел... о викторианских писательницах. Я вам уже говорила. Издательство даже прислало мне одобрительное письмо.

— Хорошо, — согласился Питер. Он с некоторым беспокойством отметил нотку истерии в её голосе. Эта история сильно подействовала на неё — ещё бы! — Но вы не рассказали, в каком состоянии работа, как она продвигается.

— Не торопите меня. Если захотите, я буду всю ночь рассказывать. Я совершенно очарована этими невероятными викторианками. А у мисс Хартвел я нашла целую полку романов, которые давно разыскивала. Романы Сьюзан Уорнер, Марии Каммингс, Мэри Холмс. А я ведь все библиотеки в Нью-Йорке обыскала. Замечательные женщины, целая группа, авторы бестселлеров 1850-1860 годов... Но, наверно, я всё это уже рассказывала вам или вы знаете лучше меня.

— Я слышал только о «Просторном, просторном мире», но, кроме этого, признаюсь в своём невежестве.

— Конечно, это отличный образец патетического направления в литературе, но всё равно интересно, — она помолчала. Потом уже медленнее продолжила: — Знаете, перед приездом сюда я много часов переписывала сцену из «Квичи» Сьюзан Уорнер, причём по поводу лоскутного одеяла. Уджасно было трудно, шрифт слишком мелкий, и перепечатывать нельзя было, приходилось вручную... Но стоило усилий, типично американская сцена...

— Несомненно, поэтому вы и выиграли одеяло миссис Пайк.

— Да, знаю. Это одна из причин, почему я так его хотела. Но вы поймёте, в каком я состоянии, когда я признаюсь, что эта прекрасная вещь до сих пор лежит в кресле у меня на кухне. Я бросила его туда... в ту ночь. Больше того, сама миссис Пайк приходила сегодня в магазин. По-моему, с единственной целью рассказать, как она сделала одеяло и поговорить о нём. Но я так старалась поймать Марджи и спросить её об этой несчастной шкатулке, что не смогла даже поговорить с ней... да и не хотелось говорить.

— Это понятно. Дело оказалось не совсем такое, о котором вы договаривались с мисс Хартвел. И вы слишком умны, чтобы выбросить его из головы.

— Но я должна быть достаточно умна, чтобы не паниковать. Я вовсе не так храбра, как хотелось бы, — она колебалась и быстро добавила: — Тэйн Кэри рассказывал вам о моих ночных приключениях?

— Нет, — Питер крепче сжал её руку. — А что случилось?

— Наверно, всего лишь хулиганство Марджи, но... ну... мне не понравилось, — и она кратко рассказала о случившемся. Закончив, подумала, не рассказать ли о недавнем приключении с Джеймсом, но решила не рассказывать.

Питер долго молчал. Они уже дошли до ворот кампуса и должны были свернуть к дому миссис Хартвел, когда Питер неожиданно остановился и заявил:

— Это решает дело.

Фредерика была удивлена и слегка раздражена. В чём дело? Дала ли она каким-то образом ключ к разгадке? Она уже сейчас страшилась момента, когда перестанет ощущать успокаивающее присутствие Питера. Даже если он зайдёт к ней, ночь будет ещё более тёмной и одинокой, когда он уйдёт.

— Что решает? — спросила она.

— Через минуту расскажу. Дело в том, что у меня тоже есть для вас новость. Собственно, не для вас, но я считаю, что должен вам рассказать, тем более что утром

к вам собирается навеститься Тэйн... Ну, не смотрите на меня, как заяц... Он не собирается вас арестовывать!

— А р е с т о в ы в а т ь меня?

— Чёрт возьми, вы не с того конца ухватились за палку. Послушайте молча и не теряйте сознания в конце моего печального рассказа.

— Не потеряю.

— Это хорошо. На чём я остановился? О, да. Мы смогли оказать некоторое давление и раньше срока получили результаты вскрытия. Как мы и подозревали — вы тоже, не отказывайтесь, — Кэтрин Клей была отравлена. Маловероятно, я бы сказал, совершенно невозможно, чтобы она сама покончила с жизнью, потому что капсулы в серебряной табакерке...

— Значит, табакерка её... я так и подумала...

— Да, но не прерывайте меня ещё минуту. Как я начал говорить, там были капсулы с веществом, которое содержится в корне жёлтого жасмина, — гельсемином, его формула C₂₄H₂₈N₂O₄. Наша теория такова: сразу после ланча она приняла одну капсулу, думая, что это витамин, но там был яд. Потом она отправилась в книжный магазин, вероятно, сразу после того как мы с вами ушли; наверное, хотела прихватить вас и идти на ярмарку вместе, время как раз было подходящее. Но вскоре она почувствовала себя плохо. Симптомы таковы: тошнота, головная боль, боль в глазах, расширение зрачков (мы это заметили, но приписали тому, что она приняла слишком большую дозу наркотика; мать это подтвердила), паралич и слепота... вполне достаточно, чтобы захотеть лечь...

— Боже, Питер, она мучилась в агонии одна в этом несчастном гамаке, — Фредерика говорила спокойно, но крепко сжимала руку Питера.

— Ну, наверное, она не очень мучилась. Её не тошнило, а доза была очень большая. Нет, она скорее всего почувствовала себя странно, прилегла, потеряла сознание и больше не приходила в себя.

— Но... то страшное выражение у неё на лице?

— Чисто мышечное, — ответил Питер, однако неуверенно.

Фредерика пыталась забыть это лицо, которое всю долгую неделю преследовало её, и с усилием стала думать не о Кэтрин, а об её убийце.

— О, Питер, но кто это мог сделать? Кто её так ненавидел?

— А... в этом-то всё и дело. Если бы мы только прислушались к Марджи за ужином. Всё время мы возвращаемся к Марджи. Она что-то знает, я уверен, но боится сказать, поэтому только намекает и убегает. Я вот думаю, что она делала вчера вечером. Если только... — полковник помолчал. Потом медленно закончил: — Похоже, убийство совершено из ненависти, а не из-за целесообразности, правда? — и, вдруг почувствовав, как сильно она сжимает ему руку, уже спокойнее продолжил: — Не принимайте это близко к сердцу, Фредерика. Я говорю вам всё это для того, чтобы вы употребили свою хорошую голову мне в помощь. Даже вашим викторианским женщинам придётся подождать. Сейчас на первый план выходит детектив с убийством.

Вопреки своему настроению, Фредерика заинтересовалась.

— Но почему вы? Я ещё вчера удивилась, когда вы сказали, что подвергли Джеймса допросу третьей степени. Мне казалось, это Тэйн Кэри... — она остановилась и виноватым тоном добавила: — Не хочу быть грубой, но... вы случайно не переодетый Скотланд Ярд или что-то в этом роде?

— А знаете ли вы, что мы уже целых пять минут стоим в воротах кампуса? Нам будет гораздо удобнее в вашей гостиной. Если, конечно, вы меня пригласите. Нет, не прерывайте, я ещё не кончил. У меня есть ещё одно предложение. Если не возражаете, я забегу к себе на минутку и прихвачу свою зубную щётку. Вы мне позволите спать на диване в кабинете, и я буду играть роль сторожевого пса. Я боялся предложить это, но после того,

что вы мне рассказали, должен. А завтра, я думаю, Тэйн поставит на это дело своего человека. Конечно, вам не грозит опасность. Доказательство — то, что вас не тронули вчера. Просто я считаю, что так вам будет спокойней.

— О, Питер, — сказала Фредерика, запинаясь от облегчения. — Правда? Я хочу сказать, вам не трудно?

— Нисколько. Кстати, я хорошо знаю этот диван. У нас случались квартирные кражи, и я сторожил мисс Хартвел, пока вора не поймали. Конечно, вам придётся накормить меня завтраком, а бродячие коты разнесут весть об этом всему городу, но я рассчитываю на то, что у города есть чем заняться и нас просто не заметят.

— Но вы так и не рассказали, откуда вы так много об этом знаете... и ... — но Питер уже оставил её у ворот.

— Вернусь через две минуты, — пообещал он.

Когда звук его шагов смолк, тишина окружила Фредерику. Она подошла к воротам и прислонилась к холодной железной поверхности — понимая, что нуждается в поддержке, и стыдясь своего страха.

— Испугались? — рассмеялся быстро вернувшийся Питер.

— Признаюсь, да.

— Понятно. Но не нужно бояться. Иначе Кэри поставил бы к вам человека сразу после утреннего разговора по телефону. Взгляните на это разумно, и пусть правит рассудок, а не эмоции. То, что Кэтрин Клей умерла у вас, чистая случайность. Ничего не связывает это убийство с книжным магазином. Она могла бы принять капсулу в любое время и умереть в любом другом месте. Больше того, вы менее всех можете стать жертвой номер два. Вы здесь новый человек, и хотя именно вы нашли... *gm... corpus delicti* — предмет, служащий доказательством совершения преступления, вы знаете о случившемся не больше остальных. Вы были со мной на ярмарке, да почти все там были. Я остаюсь на ночь, просто чтобы вы спали спокойно, как я уже заметил.

Они вошли в дом, и, включив свет, Фредерика увидела на лице Питера широкую улыбку.

— Именно это мне и нужно, мой дорогой Холмс, — ответила она ему и даже смогла улыбнуться. — Конечно, мы с вами обеспечиваем алиби друг другу начиная с полудня, но, судя по вашим словам, капсулы могли быть подменены в любое время. Я думаю, это произошло утром. Ведь витамины обычно принимают по утрам.

— Мне нравятся ваша улыбка и способность к дедукции. Кстати, я знаю, что у нашей дорогой Люси есть небольшой запас выпивки, она держит его на кухне в шкафу справа от раковины. Самое подходящее место. Примем, или тот отвратительный лайм был слишком крепок для вас?

— Мне он не понравился, — призналась Фредерика. — Ну, так как вы всё знаете здесь, окажите мне честь. Возможно, я к вам присоединюсь.

Позже, сидя в гостиной с бокалом в руке, Питер негромко сказал:

— Вы спросили — вполне естественно, — какова моя роль в этом шоу. На случай, чтобы вы знали: я не переодетый убийца. Попытаюсь объяснить, хотя это и нелегко, — он помолчал и заговорил медленно, тщательно подбирая слова. — Как вы знаете, я преподаю в колледже. Пытаюсь сделать из молодых и не очень молодых людей хороших дипломатов, или, скажем точнее, хороших слуг своей страны в чужих странах. Мой курс называется «военная разведка». Вы не знаете — и, кстати, как не знает большинство здесь, но во время войны я был офицером стратегической разведки США. Ну, в мирное время я сохранил интерес к раскрытию преступлений. Я доверяю вам (должен сказать, что я научился неплохо разбираться в людях) и потому скажу, что я по-прежнему офицер разведки по административной линии. Практически, я откомандирован на эту работу, которую правительство считает весьма важной. И хоть я не считаю Кэтрин Клей прекрасной шпионкой, убийство рядом с Саттоновским колледжем может иметь самые серьёзные последствия. И даже если бы это было простое деревен-

ское убийство — может быть и такое, кстати, — Тэйн Кэри не возражает против моего участия в расследовании при данных обстоятельствах.

Фредерика посмотрела прямо ему в глаза.

— Я ценю ваше доверие, Питер, — просто сказала она. — Я... от меня пока мало было толку, но уверяю вас, я гораздо больше боюсь неопределённости и чёрной магии, чем фактов, какими бы ужасными они ни были. Я вам благодарна за то, что вы сообщаете мне факты и... ну... предлагаете побыть вашим Ватсоном при Холмсе. Постараюсь быть полезной. А на этом я отправляюсь спать — и ещё раз спасибо вам.

— Хорошая девочка, — Питер улыбнулся, и, когда она встала, он тоже поднялся. — Не бойтесь, что на лестнице на вас нападут медведи?

— Нет, ведь всегда можно позвать армию, — ответила она, потом спросила: — Во сколько вы завтракаете?

— В шесть тридцать.

— О Боже! Теперь я не так уж уверена, что хочу быть Ватсоном женского пола. Постучите в шесть в потолок.

— Ладно. Я хочу убраться отсюда до того, как явится Крис или наш друг Кэри, — он неловко порывлся в кармане. — Вот это я прихватил вместе с зубной щёткой, — полковник протянул ей небольшую книгу. — Можете поддержать у себя, но недолго. Это моя библия... ну, она кое-что объясняет.

Фредерика взяла книгу и, чувствуя, что он больше ничего не хочет говорить, сказала «Спасибо» и «Спокойной ночи» и пошла вверх по лестнице.

Но Питер окликнул её снизу.

— Чем вы были так озабочены, когда я застал вас с приятелями в аптеке?

— А, это... я пыталась вам уже сказать... я решила тогда, что табакерка принадлежит Кэтрин, но теперь это уже древняя история.

— Да, но ещё одно очко в пользу вашей дедукции. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — повторила Фредерика и на этот раз действительно ушла.

Она медленно раздевалась, и воспоминание о вечерней встрече с Джеймсом постепенно гасло. Приятно сознавать, что Питер в доме, его можно позвать. Итак, у б и й с т в о. Она знала это заранее. Чувствовала в самой атмосфере, ещё до того, как увидела лицо мёртвой Кэтрин, лежащей в гамаке.

Фредерика легла, решив больше не принимать снотворного, ни о чём не думать, дать сознанию погрузиться в бессознательное. Ведь сегодня она наконец-то почувствовала себя в безопасности и мире. Но когда она погасила свет, её не оставляли мысли о странных происшествиях, которые произошли с ней в этой новой жизни. Какой непохожей оказалась эта жизнь на то, чего она ожидала. И на привычный образ жизни: квартира — библиотека и библиотека — квартира, к которому она так привыкла за последние десять лет. Она ворочалась и металась, ей становилось то жарко, то холодно. И неизбежно она начала думать о Питере Мохане. Хорошо бы он захотел поцеловать её. Эта мысль даже смутила Фредерику, и она покраснела в темноте. До сих пор она сознательно избегала думать о нём как о мужчине. Он её хороший друг, сейчас он её Шерлок Холмс и на какое-то время сторожевой пес. Она не должна, не должна, н е д о л ж н а думать о нём по-другому.

В её жизни не было никого после Стивена Гуда, после того, как он женился на другой. Она всегда убеждала себя, что Стивен — единственная любовь её жизни, что она никогда, никогда никого больше не полюбит. Но ведь тогда она была ещё ребёнком, ей ещё двадцати не исполнилось. Пятнадцать долгих лет жила она этой верой. Но только ли потому, что мужчины, которых она встречала, не сумели «захватить её воображение», как он? Она как-то читала, что это чаще всего превращает дружбу в любовь. А Питер Мохан — в этом нет никаких сомнений — способен захватить воображение и разбудить спящее сердце. Но что чувствует сам Питер Мохан? Может, он —

мужчина из кремня и стали, как герои романов викторианских писательниц? Она знала, что он был женат, потом развёлся, если можно доверять городским сплетням. Но она не должна думать о любви. Не должна портить дружбу, которая обещает так много.

Приняв твёрдое решение, Фредерика повернулась так, чтобы видеть светящееся ночное небо и огненные точки на нём, как узор её прекрасного лоскутного одеяла. Надо что-то сделать с этим одеялом завтра. Она снова вернулась к ночи. Но сон по-прежнему не шёл.

И тут она вспомнила книгу. Когда Питер дал ей книгу, она унесла её наверх и положила на столик у кровати. Но совсем о ней забыла. Фредерика села, включила свет и раскрыла титульную страницу. Орест Пинто: «Ловец шпионов». Фредерика начала перелистывать книгу и вскоре увидела очерченный карандашом абзац.

«Потенциальный ловец шпионов должен обладать десятью качествами, семь из них прирождённые, три можно приобрести путем значительных усилий.

1. *Феноменальная память.*
 2. *Огромное терпение и внимание к деталям.*
 3. *Способности к языкам.*
 4. *Знание практической психологии.*
 5. *Храбрость.*
 6. *Знание столиц и важнейших городов Европы.*
- Рядом Питер написал «А также США».
7. *Глубокое знание международных законов.*
 8. *Способности прирождённого актера.*
 9. *Способности к расследованию (в сущности, это высокоразвитое чувство логики).*
 10. *Практический опыт в использовании уловок и хитростей».*

Фредерика с интересом рассматривала этот список. Очевидно, расследование убийства Кэтрин Клей входит в

круг интересов ловца шпионов и может рассматриваться как весьма хорошая тренировка некоторых из указанных качеств. И в подтверждение Фредерика увидела ещё одно отчёркнутое место.

«Задача контрразведки в войну и в мирное время аналогична задачам полиции. Контрразведка должна прежде всего предотвратить шпионаж и предательство, угрожающие благосостоянию государства; во-вторых, если такие действия совершены, выследить и арестовать преступников».

Ну что ж, подумала Фредерика, всё, кажется, стало на свои места. Неудивительно, что Тэйн Кэри допускает его в местные увеселения. Неудивительно. Она снова взяла книгу и принялась читать, обращая особое внимание на подчёркнутые места. Фредерике захотелось спать уже после двух часов ночи, и только когда она собралась выключать свет, ей в голову пришла одна мысль. Очевидно, более чем очевидно, судя по этой его библии, что полковник Питер Мохан из армии США — очень опытный человек. И Фредерике Винг стоит это запомнить и прекратить романтические мечтания. От этой невесёлой мысли её наконец избавил сон.

Разбудил Фредерику стук, от которого сильно забилося сердце. Она села в темноте. Потом слышала приглушённый голос.

— Фредерика! ФРЕДЕРИКА ВИНГ, вы там не умерли?

Питер. Конечно. Она схватила свои домашние туфли и заколотила по полу.

Тишина.

Фредерика быстро встала и вышла на площадку, чтобы крикнуть, что спустится через десять минут.

Она выполнила своё обещание и получила одобрительную улыбку от своего самозванного босса, которого она нашла в кухне.

— Я не читала в вашей книге, что ловцы шпионов должны быть поварами.

— Да, но это считается само собой разумеющимся. Нужно уметь прокормиться в трудных условиях. И, — он поколебался, потом быстро продолжил, — как вы поняли, ловцы шпионов обходятся без жён.

На это Фредерика ничего не ответила. Она это и так поняла и считала, что нет необходимости объявлять об этом в мегафон. Это даже невежливо, особенно в столь ранний час.

Однако она промолчала, и через некоторое время Питер жизнерадостно продолжил:

— Значит, вы прочли мою библию? И что вы о ней думаете?

— Я думаю и автор считает, что ваша работа, во-первых, бесчеловечная, во-вторых, неблагодарная.

— Вы правы. Умная Фредерика. Я вам выдам диплом *sum laude* — с отличием.

— Спасибо. А позволено ли мне будет поджарить бекон? — чуть напряжённо спросила Фредерика.

— Позволено, — ответил Питер, бросив на неё быстрый взгляд искоса.

Немного погодя она сказала:

— Урок номер один я усвоила, он содержится в вашей библии, так что можете её забрать. Вам будет её не хватать.

Питер начал немзыкально насвистывать, и раздражение Фредерики развеялось. И когда они сели за стол у окна, она вполне способна была весело смеяться и наслаждаться обычным завтраком, во время которого ни разу не упоминалось убийство, брак или родственные темы. Говорили лишь о приятных и незначительных вещах, и оба были довольны этим.

Глава 10

На утро в среду, на неделе после смерти Кэтрин Клей, ровно в девять в книжном магазине появился начальник полиции. Выглядел он очень официально и деловито и,

совершенно очевидно, ожидал, что Фредерику придётся будить, как и в первое посещение. Поэтому, застав её за работой, он несколько растерялся. А для Фредерики его приход послужил явной разрядкой напряжения.

Питер ушёл в семь тридцать, и следующие полтора часа тянулись очень медленно. Когда в восемь в дверь постучал Крис, Фредерика дала ему кофе и попыталась поговорить, но негр был молчалив и необщителен. После нескольких неудачных попыток узнать, о чём говорят в городе, Фредерика решила, что не стоит слишком усердствовать в роли доктора Ватсона в такое раннее время, и Крис набросился на кустарник. Он словно хотел работой заглушить свою явную тревогу.

Фредерика вернулась в дом и подумала, что же делать дальше. Казалось, уже много часов назад она вымыла посуду и всё прибрала в кабинете, так что не осталось никаких следов ночного гостя. Теперь во дворе работал Крис, впереди длинный день, а часы в кухне определённо утверждали, что ещё только начало девятого. Для Криса лекарством служит работа, что ж, она тоже примет это лекарство, которое сама прописала. Забудет вертящуюся карусель недобрых событий, в которую попала, забудет даже Питера Мохана. Да. Возьмёт последний выпуск «Паблишерз Уикли» и проверит текущие заказы.

Но хоть Фредерика и нашла занятие, лекарство не подействовало. Страницы расплывались перед глазами, за сеткой сердито жужжала муха, и Фредерика остро чувствовала, что не выспалась. Закончилось бы побыстрее это проклятое дело... Но она должна была работать, потому что ожидала визита Тэйна Кэри. Она не могла улечься в такой час. И почти не сознавая, что делает, Фредерика придвинула к себе большой лист чистой жёлтой бумаги. Ручка покачалась над ним на с минуту и написала слово «подозреваемые». И дальше легко последовал список имён. Начинался он естественно с ближайших родственников Кэтрин. М и с с и с С а т - т о н? Кто может быть менее вероятным? Однако она

могла убить Кэтрин, чтобы спасти её от самой себя. Р о д ж е р? Возможно. По его собственным словам, он ненавидел сестру, и не без причины.

Ф и л и п п и н а? Тоже возможно, но каков мотив? Она могла захотеть выйти замуж за Джеймса. Это похоже на правду. Да, и у Джеймса тоже появилась такая мысль. Но Филиппине незачем убивать было Кэтрин, Джеймс и так у неё на крючке. Д ж е й м с? Написав это имя, она снова словно увидела его чувственное лицо. Очень вероятно, но она не должна поддаваться собственному предубеждению и личному отношению. В свете дня она сумела убедить себя, что Джеймс Брюстер хотел всего лишь лёгкого вечернего развлечения. Ну, что ж, возможно, он его получил с Филиппиной. Да, он явно предпочитал Филиппину Кэтрин, но такой человек, как Джеймс, легко уклонится от любых обязательств, конечно, если он тайно не ж е н а т на Кэтрин. Интересная мысль. Доктор Ватсон должен предложить её Шерлоку Холмсу. Да. К тому же Джеймс первым увидел мёртвую Кетрин и никому не сказал. М и с с и с Х а р т в е л? Маловероятно... Сплетница и гуляка... может, маскировка истинной миссис Хартвел. Она вполне может оказаться коварной и расчётливой. Это у неё на лице написано. Но какой мотив, кроме общей ненависти? М а р д ж и?..

Фредерика отложила ручку и посмотрела на корешки книг на полке над столом. Марджи ненавидела Кэтрин. Это неоспоримый факт. Всю неделю Марджи выглядела смущённой и несносной. И именно Марджи высказала предупреждение перед тем, как было найдено тело. Когда она буквально закричала на ярмарке, никто не обратил внимания, но теперь это стоит вспомнить. Марджи эмоционально нестабильна; такие девочки, когда они помоложе, убегают из дома; а в подростковом возрасте могут выкинуть всё что угодно, лишь бы было зрелищно и театрально, лишь бы привлечь к себе внимание. Вероятнее всего, накануне вечером к магазину приходила именно Марджи. Но у б и й с т в о? Нет. Невозможно.

Фредерика снова взглянула на жёлтый лист и список имён. Она, конечно, могла сделать его сколь угодно длинным, потому что у всех в городке, наверное, была такая возможность, а Кэтрин Клей не любила. Да, мотивы найти будет нетрудно. Она взяла ручку и написала:

К р и с? Сознание вины, или какое-нибудь тайное знание, или просто страх, но что-то изменило Криса за последние дни. Каким может быть мотив? Может, Кэтрин что-то о нём узнала? Что-нибудь, связанное со снабжением наркотиками? Но как он смог поместить яд в капсулы с витаминами? Нет, скорее Крис просто знает что-то такое, о чём боится рассказать. Фредерика смотрела на листок бумаги перед собой. Ж ё л т ы й. «Жёлтый жасмин», как сказал Питер. Наверное, какой-то цветок. Как раз то, что можно найти в лаборатории Фермы. Это значит — что это значит? Надо будет спросить об этом Питера. Любой мог зайти в лабораторию, когда там никого нет. А так бывает постоянно: Марджи бегают по городу, Филиппина и Роджер уходят за травами. И не нужно особого искусства, чтобы поместить яд в капсулы. Питер ничего не говорил, используют ли в лаборатории жёлтый жасмин. Но, наверное, это слишком очевидно, чтобы об этом говорить. Может, хотел, чтобы ей самой пришла в голову эта яркая мысль.

В этот момент и появился Тэйн Кэри. Он тихо, без стука вошёл в переднюю дверь. Фредерика постаралась незаметно засунуть жёлтый листок под «Паблишерз Уикли». Питер особо предупредил её. Она не должна говорить Тэйну Кэри, что знает результаты вскрытия. Больше того. Питер сказал, что хочет, чтобы её роль доктора Ватсона оставалась пока тайной. Вполне понятно. Но Фредерика знала, что одного существенного свойства ловца шпионов у неё совершенно нет. Она не прирождённая актриса. К счастью, на этот раз начальник полиции Кэри не стал подвергать её способности испытанию. Его подозрения и мысли были устремлены на что-то другое.

— Доброе утро, — поздоровалась Фредерика. Она повернулась на своём стуле и встала.

— Доброе утро, — быстро ответил полицейский. — Простите, что врываюсь так бесцеремонно, но нас к этому приучила Люси Хартвел. Она почему-то не любит, когда стучат.

— Всё в порядке. Я уже привыкаю, — сказала Фредерика, стараясь скрыть облегчение. Его не заинтересовало, что она делает.

— Я вас не задержу. Можно называть вас Фредерика? Все ведь так и называют. Это... ну, позволяет меньше чувствовать себя начальником полиции. Хотя, боюсь, сейчас мне придётся им быть. Временно по крайней мере, — и он чуть смущённо кашлянул.

— Конечно, Тэйн. Но... о чём вы?

— Кэтрин Клей убили, — негромко объявил он.

Фредерике не трудно было выглядеть удивлённой. То, что она уже знала это, не делало факт менее мрачным. Страх и ужас остались. Фредерика ничего не сказала, но в этом и не было необходимости, потому что Тэйн рассказал об отравленных капсулах, о том, как умерла Кэтрин, и о прочих подробностях, которые Фредерика уже узнала от Питера. Закончив, Кэри помолчал и резко спросил:

— Табакерка по-прежнему у вас?

— Да. Здесь, — Фредерика опасно открыла ящик и испытала облегчение, увидев табакерку. Она протянула её Тэйну.

— Сама по себе она мне не важна. Но с ней связано так много загадок, — словно про себя высказался он.

— А вы не нашли на табакерке какие-нибудь отпечатки пальцев, прежде чем отдали её мне?

— Только Кэтрин Клей. Мой человек поднял её очень осторожно носовым платком, но никаких других отпечатков, даже размазанных, не было.

— Значит, отдавая её мне, вы уже знали, что она принадлежала Кэтрин? Я не совсем понимаю.

— Мы догадывались, что она принадлежала ей, но нас интересовала реакция людей при виде табакерки, — объяснил Тэйн.

— Понятно, — сказала Фредерика, — и вы не хотели слишком много мне рассказывать...

— Ну, не тогда, — торопливо продолжил он. — Мне показалось странным, что убийца сделал такой очевидной причину смерти. То есть эти капсулы, одну она приняла, но несколько осталось.

Фредерика заинтересовалась. Такая дедукция ей нравилась.

— Но убийца же старался, чтобы было похоже на смерть от слишком большой дозы наркотиков, — быстро заговорила она. — Все как будто знают, что Кэтрин принимала их. Ему... или ей не приходило в голову, что будет вскрытие. А то, что пилюль мало, делало более вероятной гипотезу о большой дозе. Я думаю, убийца ожидал, что вы будете искать шприц с наркотиком. Капсулы с витаминами вполне безвредны, — она помолчала, и ей пришла новая мысль. — А если дело дойдёт до вскрытия, то всё равно станет известно о яде — жёлтом жасмине, а как он попал в жертву, совсем неважно.

— Я понимаю ваши доводы, но мне они кажутся слишком женскими, — медленно сказал Тэйн. — И всё же я думаю, что убийца хотел бы скрыть, как яд попал в организм, и попытался бы вернуть табакерку — с отпечатками пальцев или без них.

Фредерика вновь начала говорить:

— Может, это её искал Джеймс Брюстер... — но вовремя спохватилась. Ведь она ничего не должна знать о Джеймсе. И быстро продолжила: — Да, но никто ведь не знал, где она умрёт. И убийца не знал, если только не шёл за жертвой. А к тому времени как стало известно о смерти, полиция уже охраняла тело и прочёсывала местность в поисках улик.

— Есть что-то странное в убийцах. Они всегда думают, что смерть сочтут естественной. Но так почти никогда не бывает, особенно в подобных случаях.

— Вы, наверное, правы. Но всё же Южный Саттон —

сонный маленький городок. Если бы доктор Скотт был беззаботен, какими обычно бывают деревенские врачи... если бы не оказалось умного шефа полиции, тогда...

— Да, но это предполагает человека, не знающего ни доктора Скотта, ни меня, и должен сказать, мне это кажется невероятным. Кстати, Фредерика, если вы будете продолжать отпускать мне комплименты, я заподозрю в а с. А должен признаться, мне очень этого не хочется... не потому, что хочу пощадить вас, нет, просто большое облегчение вычеркнуть из подозреваемых хотя бы двух человек в городе... можно хоть с кем-то поговорить.

— Двух человек?

— Да, вас и Питера Мохана.

— Я не совсем понимаю, почему мы вне подозрений, но если вы так считаете, не стану с вами спорить.

— Ну, я вот почему так думаю. Хотя мне не следовало бы сообщать вам. Кэтрин Клей всегда принимала таблетки после еды. Это подтвердили все в доме и вообще все, кто её знал. Значит, яд она приняла после ланча. А так как утренние, после завтрака, пилюли не подействовали, подмена их произошла между, скажем, десятью утра и двумя часами дня, скорее утром, сразу, как только были приняты пилюли после завтрака. Кэтрин всё утро провела на Ферме. Её видели несколько человек. В то же время утром табакерка лежала на столе в столовой. Марджи ведёт себя так, словно знает больше, чем говорит, но и она сказала, что видела серебряную табакерку на столе. И ещё кое-кто видел — служанка. Фредерика Винг не имела возможности пойти на Ферму и подменить пилюли... вернее, вы могли бы. Но у вас был открыт магазин, и Крис говорит, что вы никуда не выходили.

— Понятно... но Питер...

— Не будем о нём. Я вообще не понимаю, почему так много говорю.

Фредерика не удержалась от ещё одного вопроса.

— Но если табакерка была на Ферме... и если там есть травы, которыми можно отравить... разве это не даёт

указания? То есть нельзя ли сузить список подозреваемых? — она замолкла, увидев, как он нахмурился.

— Нет. Посмотрим на это таким образом. Предположим, убийца хочет, чтобы так и выглядело. Превосходная маскировка, верно? Все эти травы, ядовитые и нет, все легко доступны, все с этикетками. Ничего не закрывается, и весь город бывает там время от времени. А теперь я действительно слишком много говорю, это недостойно моих... я хотел сказать н а ш и в о к, но лучше скажу — з н а ч к а, — он, однако, приятно улыбнулся и добавил: — Должен сознаться: Питер сказал, что вам можно доверять. Откуда он знает, не понимаю. Но для меня, как и для большинства жителей городка, то, что сказал полковник Питер Мохан, — верно.

Фредерика ничего не ответила на это, и Кэри встал.

— Я ничего не сказал о Марджи, нанёсшей вам ночной визит, но всё время думаю об этом.

— Значит, это была Марджи?

— Она не признаётся, но я в этом уверен. Вероятно, боится. Я даже сказал ей, что мы знаем об её салоне красоты в теплице, но это было ошибкой. Она ещё больше забралась в свою раковину. Если бы она не была ребёнком, я предложил бы допрос третьей степени...

— Кто-то должен суметь завоевать её доверие. Так было бы разумней, — Фредерика чувствовала свою вину, но Марджи с первой же встречи настроила её против себя.

— Ну, мы можем только попробовать.

Фредерика проводила Тэйна к двери и смотрела, как он надевает шляпу. Он улыбнулся ей с дорожки.

— Поразительно, верно? Если бы мне поручили присматривать за тысячью и одним человеком и все они превратились бы в медведей, я бы и то не удивился.

— Ну, вы уже многое сделали, — не удержалась Фредерика.

— Я работаю с утра до вечера. Но пока только наиболее очевидные подозреваемые, а это пятнадцатая часть дела. Судьба полицейского и всё такое.

Он совсем не похож на полицейского, решила Фредерика, возвращаясь к столу и относительному комфорту кабинета. Он даже мундир не носит, а поношенная шляпа — уступка солнцу. Но, может, начальники полиции всегда ходят в штатском. А мундир держат для особо торжественных случаев.

Ещё только десять тридцать. А день уже кажется таким долгим. Ну, прежде всего книжный магазин, и Фредерика Винг должна приняться за работу. С большим усилием воли она вырвала из блокнота лист со списком подозреваемых и набросала на чистом список названий и издательств. Но потом вспомнила, что сегодня в городе короткий рабочий день. Мисс Хартвел говорила, что в этот день, если захочется, можно закрыть магазин пораньше. Может, закрыть двери и скрыться в святилище яблоневого сада, где она часто бывала в другой жизни — в благословенную неделю до убийства. Там можно мирно почитать, даже если сумятица в мыслях не позволяет писать. Крис закончит свою работу в полдень, она уверена... а ей совсем не хотелось сидеть одной в магазине... В такой жаркий день посетителей не будет...

Приняв такое серьёзное решение, Фредерика вернулась к своему списку, но добавила только одно название, когда появилась миссис Уильямс. Она пришла будто бы «одолжить» Бертрана Рассела, которого её муж планирует процитировать в проповеди, но было совершенно ясно, что ей самой хочется только одного — обсудить последние новости о первом убийстве в Южном Саттоне. Не успела Фредерика избавиться от неё, как произошло одно из внезапных появлений Марджи через заднюю дверь. Марджи явилась прямо в кабинет и уселась в большое кресло.

Раздражение Фредерики исчезло при виде покрасневшего лица Марджи и её смущённого вида.

— В чём дело, Марджи? — ласково спросила она. Может, сейчас удастся поговорить с девочкой. Припереть её к стенке и заставить рассказать, что ей известно.

— Ни в чём, — мрачно ответила Марджи.

Фредерика ничего не сказала и сделала вид, что вернулась к работе.

— Маме нужна кулинарная книга, о которой я вам говорила на той неделе.

— Мне кажется, она ещё не пришла.

— Крис только что принёс посылку с почты. Я видела, как он отнёс её на склад, когда входила, — она поколебалась, потом спросила: — Можно я пойду посмотрю, нет ли в ней книги?

Мысль о том, что Марджи распечатает ещё не зарегистрированную посылку и вообще наведёт свой порядок на складе, оказалась невыносимой для Фредерики.

— Я схожу сама, — без малейшего энтузиазма сказала она. Но, может, девочка всё-таки расскажет, что у неё на уме.

Фредерика была уже на полпути, когда ей в голову пришло, что книга не могла прийти так быстро. Марджи задумала какое-то новое озорство. А Марджи в списке подозреваемых. Её озорство может оказаться очень серьёзным. Фредерика повернула и заспешила назад в дом. Сняла туфли и неслышно вернулась в кабинет.

Марджи, стоя спиной к двери, лихорадочно рылась в ящиках стола.

— Что ты делаешь, Марджи? — резко спросила Фредерика.

Девушка застыла, словно её ударили, захлопнула ящик и повернулась. Глаза её переполнял испуг, щёки покраснели. Она выглядела не только испуганной, но просто больной.

— Я... я оставила здесь записную книжку, — быстро сказала она.

— Но ведь не в ящике моего стола.

— Ну. Вы могли положить её туда. Не знаю.

— Ты могла бы спросить.

Марджи ничего не ответила. Она словно обмякла и без сил опустилась в кресло.

— Ты больна? — спросила Фредерика. Она разрывалась между тревогой и гневом.

— Нет. И если вы думаете, что я что-нибудь скажу, то ошибаетесь. Какое право вы имеете держать чужую серебряную табакерку в своём ящике?

— Так вот ты зачем, — Фредерика села и положила руку на колено Марджи. — Послушай, Марджи, — спокойно сказала она, — расскажи мне обо всём, — но лицо Марджи исказилось от ненависти — или страха. Фредерика не могла решить, от чего именно. После нескольких безуспешных попыток уговорить Марджи Фредерика со-
рвалась.

— Марджи, говорю тебе раз и навсегда: если не умеешь вести себя, не приходи сюда. Мисс Хартвел говорила, что ты будешь помогать мне. Ну и помощь! Ты врываешься, не постучав. Ты роешься в кладовой. Ты устраиваешь невыносимые проказы. А теперь ты забралась ко мне в стол...

— Это стол тёти Люси, — лицо Марджи покрылось пурпурными пятнами, голос её звучал приглушённо.

— Лучше уходи, Марджи, пока я совсем не сорвалась. Так уж получилось, что теперь я здесь хозяйка. И сейчас это мой стол, — неожиданно Фредерике стало стыдно. Почему эта девочка так сердит её? Она попыталась справиться с собой, но прежде чем смогла заговорить снова, Марджи быстро вскочила и выбежала из дома.

Ну и детектив из неё получился! Что подумает о ней Питер? Ну, ладно, слишком жарко, чтобы переживать... и гнаться за этой несчастной девчонкой. Фредерика взглянула на часы и с облегчением увидела, что уже больше двенадцати. Она только выпьёт холодного кофе на ланч, а потом закроет магазин и сбежит. В саду, наверное, тоже жарко, но не так, как в доме, и там её никто не найдёт. Благословенная мысль.

Фредерика выглянула с заднего крыльца и увидела, что Крис всё ещё сражается с кустами своим резакom. Она окликнула его, и негр даже выронил нож, словно на него

напали. Наклонился, поднимая нож, и повернулся к ней. Словно в замедленной съёмке.

— Жарко, — сказал Крис, когда она подошла.

— Да. Я решила, что вы не откажетесь от кофе со льдом, — добавила она. Неожиданно Фредерика захотела, чтобы он не уходил. Ей больше не хотелось оставаться одной. Питер говорил о дежурном полицейском, но Тэйн Кэри ничего об этом не сказал.

— Конечно, — ответил Крис с усталой улыбкой. Фредерика пошла за кофе, а он опустил на крыльцо, достал грязный клетчатый красно-белый платок и стал вытирать лицо и шею.

Фредерика вынесла на крыльцо кофе и тарелку с сэндвичами; потом поела сама, а когда вышла, Крис по-прежнему сидел на крыльце. Он поднял голову, и она увидела у него на лице настоящую панику.

— Мне пришлось всё утро вас оборонять, — медленно проговорил он.

— О, нет, Крис. Я... ведь всё в порядке. Не думаю, чтобы кто-то хотел причинить мне вред, — сказала она, не очень удачно изображая храбрость.

— Нет, мэм, мисс Винг. Дело не в этом. Все эти дети. Всё утро гоняю их отсюда. Бегут отовсюду — посмотреть, где было убийство.

Неожиданное продолжение. И неприятное.

— Вот и ещё одна, — тёмная голова в косичках показалась в кустах и тут же исчезла.

— Днём и ночью готовы к проказам. Но вреда не хотят.

— Конечно... если не начнут собирать сувениры, — Фредерика не очень любила детей. А проработав несколько недель в детском отделении городской библиотеки Нью-Йорка, приобрела почтительное уважение к их способности к проказам. Но, наверно, сельские дети полегче... Она задумалась. Возможно, это хороший предлог позвонить в полицию и прислать охрану. Вряд ли Питер согласится снова здесь ночевать... но она не могла признать, что боится... Нет, если это сработает, будет

замечательно. Она встала, сказала Крису, чтобы он подождал ещё несколько минут, и пошла в кабинет звонить.

Дежурный сержант был вежлив, но не очень уступчив. Фредерика снова попросила позвать начальника, последовала долгая пауза. Наконец она услышала голос Тэйна Кэри.

— Простите, Фредерика, — сказал полицейский, прежде чем она заговорила, — сержант Браун сказал мне, что вы звоните и просите прислать человека. Я и сам собирался послать. Надо было догадаться, что дети не упустят случая поиграть. Беда в том, что хотя мне и выслали помощь из Ворчестера, два человека, которых я просил, ещё не появились. Но я сейчас pošлю Брауна. А сам посижу здесь, пока они не явятся. Должны появиться с минуты на минуту.

— Всё в порядке, Тэйн, боюсь, что я слишком надоедлива. Я бы не беспокоилась так, но это дом не мой, а мисс Хартвел, — она была довольна своим голосом: он звучал обычно и спокойно. И не слишком озабоченно.

— Знаю, и мы с Питером считаем, что кто-то должен с вами побыть. Вообще я бы хотел поставить людей в разных местах. Поэтому мне и понадобилась помощь.

— Никакой спешки, Тэйн, — торопливо сказала Фредерика. — У меня здесь Крис. Его рабочие часы закончились, но я уверена, он побудет, пока не появятся ваши новые люди.

— Ну, хорошо. Спасибо, — в трубке щёлкнуло, и Фредерика почувствовала, что разочарована. Ей хотелось спросить, куда поставят людей и нет ли свежих новостей. Но, наверное, ему нужно так говорить, особенно по телефону. Она встала и вышла на крыльцо за посудой. Крис дремал на полуденной жаре и, когда Фредерика разбудила его, не очень хотел оставаться один. Поэтому она решила отложить своё бегство в сад и без энтузиазма вернулась за свой рабочий стол.

Работая, Фредерика продолжала размышлять о Марджи. Что она делала в теплице посреди ночи? Почему была

так расстроена сегодня? Зачем ей эта несчастная табакерка? Фредерика испытывала чувство вины. Если бы удалось заставить себя хорошо относиться к этой девочке, может, пожалеть её. Тогда удалось бы уговорить её остаться и добиться признания. Записная книжка. Что за вздор! Чем больше она думала о Марджи, тем больше понимала, что совершила ошибку. Питер всегда относился к этой девочке добрее, чем она. Он успокоил бы её. Какой же она никчёмный Ватсон, думала Фредерика. И материнских инстинктов у неё нет.

От этих неприятных мыслей Фредерику избавило появление полицейского. Им оказался сержант Браун, которого она уже знала: именно он дежурил в ночь после смерти Кэтрин Клей. Приятный молодой человек с открытым лицом; гораздо приятнее, чем по телефону. Возможно, сказывалось воздействие полицейского участка и тени Тэйна Кэри. Фредерика предложила ему кофе со льдом, он принял его с готовностью, сказал, что отпустит Крису, а сам будет «держаться поблизости». Фредерика рассказала ему о своем плане бегства в сад, и он одобрительно кивнул.

— Я буду считать, что вас нет, мисс Винг, — сказал он.

— Не так мы обычно принимаем новичков в Южном Саттоне, штат Массачусетс.

— Знаю. Прекрасное место.

Сержант Браун начал распространяться о красотах городка, но Фредерика остановила его.

— Да... а сейчас я соберусь.

Молодой человек прошёл к задней двери; большой загорелой рукой он пригладил прекрасные набриллиантинные волосы, прежде чем надеть шляпу. Открывая дверь, он громко сказал:

— Не беспокойтесь, мисс Винг. Когда я на дежурстве, я на дежурстве. Вы понимаете, о чём я. Я хорошая сторожевая собака.

Сторожевая собака, — это хорошо. И это заставило вспомнить о Питере. Тоже хорошо.

Выходя через заднюю дверь, Фредерика попрощалась с Крисом. Он оживлённо ответил. Десять минут спустя она устроилась в густой траве под старой грушей, раскрыла книгу, а ещё десять минут спустя крепко спала.

Глава 11

Поспав в саду, Фредерика почувствовала себя гораздо лучше. Медленно встала, собрала чистую бумагу, неиспользованную ручку, неп прочитанную книгу. Посмотрела на часы и удивилась: она проспала три часа. Когда она вернулась в дом, сержанта Брауна не было видно. Боясь тишины и одиночества, Фредерика, входя, громко хлопнула дверью. Звук подбодрил её; она также подумала, что это вызовет её защитника. И оказалась права. Через несколько мгновений в кухню просунул голову сержант Браун. Фредерика готовила там свежий чай со льдом. Он взял предложенный стакан и немного задержался, чтобы поболтать, прислонившись к двери спиной и скрестив перед собой длинные ноги.

— Беспокоили вас дети? — спросила Фредерика, с удовольствием прихлёбывая чай.

— Нет, — полицейский рассмеялся и добавил: — Как кошка, которая в доме отпугивает мышей. По отношению к детям полицейский — то же самое.

— Боюсь, вам было скучно. Вы уж простите.

— По правде говоря, я не прочь передохнуть. Пока нам больше в Южном Саттоне фейерверк не нужен. Аминь.

— Мне казалось, вы молоды и должны любить фейерверк, — Фредерика чувствовала, что говорит глупости. Но даже глупый и бессмысленный разговор лучше, чем ничего. Широкая спина сержанта Брауна и пистолет у него на поясе действовали на неё успокаивающе. Она предложила ему ещё чая и наполнила стакан, прежде чем он смог отказаться.

Но спала она слишком долго. Никак не могла сосредото-

точиться и вообще не знала, о чём говорить. Сержант Браун отказался от третьего стакана и что-то сказал о возвращении к работе. Уходя, он произнёс через плечо:

— Не волнуйтесь, мисс Винг. Можете положиться на Джима Брауна. Буду в пределах слышимости, но если всё время будет так спокойно, я здесь долго не продержусь. Не везёт!

Как выяснилось, слова сержанта Брауна всецело оправдались. Мир царил два дня и две ночи, пока Тэйн Кэри не снимал сержанта с охраны Фредерики и книжного магазина. Для новой управляющей это было огромным облегчением. Она никак не могла избавиться от мысли, что мир этот поверхностный, затишье перед бурей. Даже на почте оживлённые обычно голоса сплетниц звучали приглушённо, все словно испытывали тяжкие предчувствия. В книжном магазине посетители не задерживались для разговоров. Фредерика, ставшая необыкновенно чувствительной, ощущала, что по причине обнаружения тела в её гамаке и — что ещё хуже — из-за того, что она сама его обнаружила, — она стала главной подозреваемой в глазах жителей города. Но она посчитала нечестным сообщить даже Филиппине и тем немногим покупателям, с которыми подружилась, что в глазах самого начальника полиции она чиста от подозрений. И одиночество, вызванное таким положением, постоянно усиливалось. Присутствие сержанта Брауна избавляло её от страха, но не от тревоги. И что хуже всего, с той ночи, когда Питер Мохан ночевал на её диване, она его больше не видела. Она вспоминала события того вечера, обдумывала каждое слово, которыми они обменялись. Но всё сводилось к выводам, которые сообщил ей Питер своей книгой. Может, поэтому он и решил оставить её одну.

В пятницу вечером она мыла посуду и в который раз перебирала свои мрачные мысли. И неожиданно яростно взмахнула полотенцем. Почему вообще ей интересно, всю ли душу и тело отдаёт Питер Мохан своей ловле

шпионов? Почему так важно, что он не приходит к ней?

— Словно я хочу, чтобы он...— вдруг услышала она свои слова, обращённые к бокалу, который полировала уже десять минут.

— Кто это он, и что вы хотите? — раздался позади громкий голос.

Фредерика развернулась, бокал упал на пол и разлетелся на кусочки.

— О, Фредерика, дорогая моя, простите, — на этот раз голос Питера Мохана звучал заботливо. Он протянул к ней руку, но она отшатнулась и прижалась к раковине. — Я нераскаявшийся глупец, дьявол, животное — называйте, как хотите, я приму с покорно склонённой головой.

И когда Фредерика опять ничего не ответила, он продолжал беспомощно:

— Это всё каучуковые подошвы. Признаю, иногда бывает полезно подойти к кому-нибудь неслышно. Мне, конечно же, следовало постучать. Но дело ещё вот в чём. Люси почему-то не любит, когда стучат, поэтому я и, наверное, весь остальной город привык входить сюда не постукавшись.

— Всё... в порядке. Какая я дура, — Фредерика испытывала потребность что-то сделать. — Сейчас возьму совок и уберу всё это стекло и...

— И тогда, надеюсь, вы уделите мне немного времени: мы поговорим, посплетничаем, даже, может, посмеёмся, — он внимательно смотрел, как она прошла по комнате и стала нервно дёргать дверцу шкафа. Когда она вернулась с веником и совком, он отобрал их и сказал: — Это моя работа. А вы посидите. Если всё ещё жарко, предлагаю крыльцо. Ладно?

— Хорошо, — с благодарностью согласилась Фредерика. Он как будто забыл её слова. Пора перестать разговаривать с собой. Это всё от её одиночества.

— А теперь, — сразу сказал Питер, как только вышел к ней, — кто такой этот он и что он должен сделать?

— О, Питер, я просто говорила сама с собой ни о чём конкретном.

— Нет. Вы делали серьёзное и торжественное заявление, и мне кажется, хотя, возможно, с моей стороны это излишнее самомнение, что речь шла о Питере Мохане.

— Ну, мне кажется, вы давно должны были заглянуть и узнать, как тут я, — Фредерика была благодарна полутьме, скрывшей её покрасневшее лицо.

— Я не раз хотел это сделать, но был очень занят с того самого утра, как ушёл от вас так рано... — он чуть поколебался и медленно добавил: — Я же пытался вас предупредить, что я ненадёжный парень...

И тут накопившееся беспокойство и раздражение Фредерики вылились в поток слов.

— О, вам вовсе не нужно повторять мне это снова и снова. Я прочла вашу библию, и я не глупа...

— Конечно, вы не глупы. Глуп я, — негромко сказал Питер. Он взял её маленькую руку в свою большую.

Несколько мгновений они молчали, потом Питер медленно заговорил:

— Я балбес и вёл себя как балбес. Беда в том, что у меня был неудачный брак... вероятно, это моя вина, но так оно и было; и когда я наконец освободился и перевёл дыхание, то решил навсегда остаться свободным. Одержимость работой — вот что я поставил на место любви и брака, и я просто хотел, чтобы вы это знали... вероятно, потому... что вы мне очень нравитесь, Фредерика... и я боялся, что что-нибудь произойдёт с нашей дружбой.

Фредерика сидела напряжённо, но руку не отбирала.

— Если быть откровенной, должна сознаться... вы тоже мне нравитесь, Питер, и, возможно, тоже будете слишком нравиться. И я рада, что вы честны со мной. Эти два дня были тяжёлыми, и я постоянно раздражалась, потому что думала, что вы меня бросили. Так что давайте на этом закончим... и будем продолжать, как Холмс и Ватсон, оба занятые настоящим случаем.

Она застенчиво рассмеялась, и Питер присоединился к ней. Потом сказал:

— Да, настоящий случай. В том-то и дело. Именно из-

за него я оставил вас в одиночестве. Я знал, что телохранитель Тэйна заботится о вас, а мне нужно было работать. Откровенно говоря, Фредерика, я испуган. Даже воздух в городе стал нездоровым, и мне очень не нравится то, что я вижу.

— Нельзя ли немного поконкретнее?

— Попробую, и, может быть, вы поможете мне сформулировать это вслух. Наиболее очевидные подозреваемые — это члены семьи, вернее, те, кто живёт на Ферме. Но этим перечень не кончается.

— Да, я знаю. После вашего ухода в среду я сделала список и постаралась обдумать мотивы и возможности. И с тех пор всё время думаю об этом.

— Прекрасно. И каковы результаты?

— Только то, что множество людей ненавидело Кэтрин, что самые подозрительные Филиппина и Брюстер, и что у Марджи есть что-то на уме.

— У меня есть для вас два новых ключа. Мы попробуем уложить их на нужное место в головоломке. В огромной сумке, которую всюду таскает с собой миссис Хартвел, было найдено довольно большое количество наркотиков.

— Нет! Только не «ма» Хартвел!

— Да. Когда её допрашивали, она, разумеется, сказала, что ничего не знает... говорит, что её «подставили». Винит Филиппину и заявляет, что всегда считала, будто Филиппина дурно влияет на Марджи.

— Это кое-что новое. Первая попытка плохо отозваться о Филиппине.

— Не совсем. Миссис Уильямс всюду намекает на её похождения с Джеймсом. И это напоминает мне о ключе номер два. Джеймс купил участок земли за аллеей. Больше того, в тайном отделении его стола мы нашли чертежи; архитектор создал проект чудесного дома. Архитектор из Бостона — наш Джеймс очень осторожен.

— А что он сказал об этом?

— Я его ещё не спрашивал. Пока держу в рукаве.

→ Да, вы были заняты.

— Очень, — он немного помолчал, потом продолжил: — Должен сказать, что Джеймс ведёт себя весьма странно. Я думал после его полупризнания, что он рехнулся. Но он по-прежнему пытается замять всё это дело. Вероятно, если бы это был обычный скандал, а не убийство, его поведение было бы вполне естественно. Он очень старается не пропустить новость в газеты, приглушить дело, чтобы все поверили в самоубийство.

— Да, он и со мной пытался, — Фредерика собралась было сказать, что ещё пытался Джеймс. Но вместо этого быстро добавила: — Но ведь у него не получится?

— Ну, пока Тэйн его поддерживает. О, я знаю, весь Южный Саттон говорит об убийстве, все возбуждены, но всё же это частное дело и не попало в заголовки газет. И никто из нас не хочет, чтобы это произошло. Это было бы, например, плохо для колледжа.

— И, наверное, чем меньше суматохи и возбуждения, тем меньше шансов на второе убийство.

— Не говорите так, Фредерика. Я ни на минуту не перестаю об этом думать. Откровенно говоря, я очень беспокоюсь за девочку — Марджи...

— Марджи? — в голосе Фредерики прозвучала тревога.

— Да. Минуту назад вы сами сказали, что у неё что-то на уме. Почему вы так считаете?

— Она ворвалась сюда утром в среду, вскоре после ухода Тэйна. Искала эту табакерку. Боже, может, мне и удалось бы что-нибудь извлечь из неё, если бы я была терпелива и добра. Но дело в том, Питер, что я не смогла повести себя с ней терпеливо и по-доброму. Она меня с ума сводит...

— Знаю.

— Не думаю. Она вас не раздражает, как меня. Она с самого начала почему-то настроилась против меня, и, когда она появляется, я не могу дожидаться, чтобы она ушла. У неё просто дар раздражать меня, — Фредерика замолчала и, когда Питер ничего не сказал, торопливо добавила: — Мне очень жаль. В спокойные моменты я думаю о том, как ей помочь.

— Ну, что ж, мне с ней повезло не больше. Захлопывается, как ракушка, всякий раз как я пытаюсь расспросить её. Хуже всего вот что. То, что мы считали страхом, на самом деле болезнь. Она в тяжёлом состоянии.

— О, Питер, мне она показалась совсем больной в среду. Я готова побить себя за своё поведение. Как вы думаете, стоит мне сейчас с ней повидаться?

— Вряд ли. Боюсь, она слишком плоха... Доктор Скотт держит её на успокоительном.

— Боже, Питер, нужно что-то сделать. Она тоже отравлена?

— Кажется, нет. У неё нет симптомов отравления. Больше похоже на грипп... какая-то инфекция.

— Питер, мы должны поговорить с ней. Она может умереть, и мы не узнаем.

Отчаяние Фредерики было так велико, что Питер в темноте снова взял её за руку.

— Послушайте, Фредерика, как вы думаете, что я делал эти два дня? Почти всё время провёл на Ферме. Если она тоже была отравлена, то больше не получает яд. Специально подготовленные сёстры день и ночь следят за питьём и лекарствами, как ястребы. И она, конечно, она ничего не ест.

— Так плохо?

— Да. Говорю вам, мы делаем всё, что можем. Я хотел сразу отправить её в больницу, но мать не позволила. Миссис Хартвел чуть не сошла с ума, когда мы нашли наркотик. Она по-прежнему не в себе, но сейчас это уже неважно. Конечно, ни она, ни остальные на Ферме не связывают болезнь Марджи с действием какого-либо яда. Только мы с Тэйном, но мне кажется, что и на нас подействовала смерть Кэтрин.

— Значит, похоже на инфекцию, на грипп? А что говорит доктор Скотт?

— Вирус. Но в её поведении есть кое-что странное. Она закатывает глаза. Вначале я думал, что от страха. Но теперь у неё всё время расширены зрачки. И ей не

становится лучше. Доктор Скотт собирается настоять, чтобы её поместили в больницу для обследования.

Фредерика отняла руку и приложила ладонь ко лбу. Она больше не могла говорить о Марджи.

— А что остальные? — быстро спросила она. — Считают, что это просто болезнь?

— Да. Совершенно. И все очень хорошо относятся к Марджи. Миссис Саттон поместила её в свободную комнату и оплачивает все счета — у самих Хартвелов ничего нет. Маргарет практически содержит их. Конечно, мы приглядываем за всеми, но они ведут себя совершенно естественно. Вероятно, все испытывают только облегчение из-за отсутствия Кэтрин.

— А Роджер?

— Ну, конечно, он не вполне нормален. Но знаете ли? До того, как Марджи стало совсем плохо, он целый день читал ей. Он скоро сам ложится в больницу.

— Да. Он мне говорил. Ещё одна операция на лице, верно?

— Да. Её давно запланировали. Теперь уже отвертеться невозможно, — полковник неожиданно замолчал. — Послушайте, Фредерика, вам пора лечь. Но до этого подумайте о своём списке подозреваемых и постарайтесь вспомнить всё — даже самые незначительные детали, всё, что угодно, что могло бы нам помочь.

Фредерика прижала руки к закрытым глазам и попыталась думать. Миссис Саттон, Роджер, Филиппина, Джеймс, мама Хартвел, Марджи... Крис... неожиданно она распрямилась. — Вы с Тэйном допрашивали Криса? — спросила она.

— Да. Мы оба. Но никаких результатов. А что?

— О, возможно, это лишь воображение, но мне кажется, у него тоже что-то скрывает... во всяком случае он испуган. Вы ведь помните, он очень хорошо знает всех на Ферме. Всегда работает на них... и как-то по-собачьи им предан... всем, даже Марджи... Каждый день носит туда почту.

— Почта... Это уже что-то. Интересно...

— О, Питер, я кое-что вспомнила. Когда же это было? Да, точно. В понедельник после убийства, потому что Крис не пришёл в тот день. Я думаю, он был ужасно напуган. Нет, это было во вторник. Он принёс мне почту и спросил, можно ли ему получить французскую марку с одного из моих писем. Оказывается, он коллекционер. И потом он с каким-то мрачным удовольствием сообщил, что у него есть письмо для Кэтрин точно с такой же маркой... мне кажется, это была авиапочта... и добавил, что теперь она его всё равно не получит, потому что умерла.

— Понятно. Интересно. Письмо из Франции через два дня после смерти. Очень интересно.

— Да. Я удивилась. Может, это связано со снабжением наркотиками?

— Возможно. Во всяком случае стоит расследовать. Мы занимаемся наркотиками. Точнее, пытаемся проследить их источник. Может быть, мне придётся отправиться в Вашингтон, но я надеюсь, что всё-таки не придётся.

— Я тоже надеюсь на это, — сказала Фредерика и чуть не прикусила язык.

— Ну, может, в этом не будет необходимости, — Питер встал. — Боюсь, мне пора уходить, и я не могу по достоинству отблагодарить вас за помощь. Простой разговор с вами успокаивает, а сейчас мисс доктор Ватсон дала мне настоящий ключ — спасибо ей!

— Я подумала ещё кое о чём. Могли Кэтрин и Джеймс состоять в тайном браке? Тогда появился бы отличный мотив.

— Мне казалось, у вас были свои планы на Джеймса. Всё равно — мысль интересная, но я думаю, к настоящему времени мы бы это уже установили. И к чему скрывать это? Ну, мне пора...

— А вы не можете задержаться на чашку кофе... или чего-нибудь покрепче из шкафа мисс Хартвел?

— Нет. Хотелось бы, но нельзя. Ещё не поздно взгля-

нуть на Марджи и поговорить с миссис Саттон о том письме для Кэтрин.

— Я только что вспомнила, что в тот день письма на Ферму унесла Марджи, а не Крис. Она пришла и спросила о них.

— Правда?

Он больше ничего не сказал, и Фредерика подумала, что сейчас он уйдёт. Но полковник, казалось, глубоко задумался. Наконец она сказала:

— Ну, я вас провожу до ворот, если вам действительно нужно уходить. Посмотрю, где мой защитник, раз уж вы меня бросаете.

Огибая дом, они увидели, что в кабинете горит свет; сержант Браун сидел в кресле, а на полу рядом с ним возвышалась целая груда комиксов.

— Какое оскорбление для книжного магазина! — рассмееялась Фредерика.

— Да, когда под рукой столько отличных книг, — согласился Питер. — Тем не менее приятно видеть его здесь, пусть даже и с комиксами.

— Мне тоже, — негромко согласилась Фредерика.

Они молча пошли к воротам, и здесь Питер торопливо попрощался:

— Спокойной ночи, Ватсон — и ещё раз благодарю вас и благословляю.

— Спокойной ночи, Шерлок, — ответила Фредерика и добавила: — Попытайтесь сообщить мне завтра утром о состоянии Марджи, если сможете.

— Постараюсь. Но обещать не могу. Вы ведь понимаете?

И когда Фредерика полуискренне сказала «Да», он быстро довавил:

— И НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, — с этими словами он исчез в темноте, прежде чем она смогла ответить.

— Как же, не беспокойтесь, — ворчала Фредерика, варя кофе для сержанта Брауна. Но её радовало то, что она смогла помочь Питеру. А тем самым и Марджи.

Этой ночью она спала хорошо.

В субботу магазин работал, и Фредерика решила не закрывать его весь день, главным образом потому, что ждала прихода Питера. Но к концу дня он не появился, и Фредерика уже подумывала о том, чтобы сбежать на ужин в гостиницу, когда с главной дороги послышалась сирена. Фредерика выбежала в переднюю дверь и посмотрела вдоль Еловой улицы в направлении магазинов. Большая белая машина скорой помощи завернула за угол и исчезла в облаке пыли.

Сердце Фредерики сжалось, её охватил страх. Должно быть, это Марджи. Скорая помощь промчалась по Еловой улице от Фермы и свернула на Буковую, ведущую прямо к окружной больнице. Фредерика медленно вернулась в дом и увидела стоявшего у двери сержанта Брауна.

— Скорая? — спросил он.

— Да.

— Говорят, Марджи Хартвел заболела.

— Да. Полковник Мохан вчера вечером говорил, что её, возможно, положат в больницу на обследование.

Мысль о гостинице и о сплетничающих посетителях вызвала у неё теперь тошноту. Она повернулась к сержанту Брауну и спросила, чем он собирается поужинать. Не присоединится ли он к ней? Полицейский согласился с такой готовностью, что Фредерика поняла: она им слишком пренебрегала.

— Боюсь, я мало уделала вам внимания, — виновато сказала она, — и вы хорошо делали, что не появлялись в присутствии покупателей.

— Они бы заболтались до смерти, — добродушно ответил он. — К тому же я свободен днём, когда тут Крис.

Фредерика вдруг поняла, что совсем не думала о том, как он проводит время. Он её охранник, и она воспринимала его присутствие как нечто само собой разумеющееся.

Он прошёл за ней на кухню и предложил помочь.

— Жена говорит, что я хорошо ей помогаю, — объявил он, снимая китель и закатывая рукава. И только начал

готовить сэндвичи с ветчиной, как стукнула передняя дверь.

Фредерика сняла передник и вышла в коридор, надеясь увидеть Питера. Но в дверях стояли Филиппина и Джеймс Брюстер.

Филиппина заговорила сразу, даже не поздоровавшись.

— Марджи очень больна, Фредерика. Мы страшно беспокоимся. Её увезли в больницу.

— Да, — сказала Фредерика и тут же добавила: — Входите. Мы с сержантом Брауном собирались поужинать. И будем рады, если вы присоединитесь — оба.

— Сержант Браун? — переспросил Джеймс.

— Да. Он вроде телохранителя, — объяснила Фредерика. Теперь она пожалела, что упомянула о присутствии стража. Может, они собирались остаться. Она бы этого хотела. Как глупо с её стороны.

Филиппина добродушно рассмеялась.

— Это хорошо. Вам, наверно, не хотелось оставаться одной.

— Да. Но, пожалуйста, входите.

— Нет, — сразу ответила Филиппина. — Я зашла, только чтобы взять кое-какие вещи Марджи. Миссис Хартвел слишком расстроена, бедная женщина.

Джеймс выступил из-за Филиппины.

— Меня не включайте в свой отказ, Фил. Если есть кофе, я бы выпил, пока вы копаетесь.

Филиппина нахмурилась.

— Мы ведь пообещали сразу вернуться в больницу, — сказала она.

— Знаю, но ведь вам нужно собрать вещи?

Фредерика с энтузиазмом в голосе, но не в душе, предложила:

— Наверное, нужные вам вещи в кладовой, Филиппина. Я пойду с вами, а сержант Браун угостит Джеймса кофе, — она позвала: — Сержант Браун! — и когда молодой человек смущённо выглянул, добавила: — Будь-

те добры, налейте кофе мистеру Брюстеру. Я на несколько минут поднимусь наверх.

Сержант согласился «попробовать», Джеймс тяжело перешёл на кухню, а Фредерика с радостью оставила его и поднялась вслед за Филиппиной по лестнице. Наверху она остановилась. Теперь собственная официальность несколько смутила её. Филиппина вполне могла сама найти вещи. Она знает, где кладовая.

— Миссис Хартвел нужны некоторые документы — больничная страховка. И вещи Марджи, — объяснила Филиппина.

— Они, вероятно, здесь, — она не удержалась от искушения вместе с посетительницей зайти в кладовую.

Филиппина открыла один из чемоданов и торопливо просмотрела коробку с бумагами, взяв одну или две. Потом неопределённо осмотрелась и подобрала несколько вещей, которые Фредерике скорее показались игрушками.

— Даже не знаю, что ей нужно, кроме этих документов, — призналась Филиппина.

— Я бы прихватила запасную ночную рубашку, — практично посоветовала Фредерика. — Тут есть несколько. Мне кажется, одежда в ящиках шкафа у окна.

Филиппина продолжала разглядывать вещи, разбросанные на полу, на столе и подоконнике. Но вот она подошла к шкафу и, порывшись в нескольких ящиках, действительно нашла пижаму, скорее подходящую для Марджи, чем для миссис Хартвел.

— Возьму это и побегу, — заявила она, закрывая ящик.

Фредерика закрыла дверь и вслед за Филиппиной спустилась вниз. Они застали Джеймса и сержанта за оживлённым разговором. По-видимому, темой сближения послужили налоги. Воздух в кухне пропитался сигарным дымом, и Фредерика была рада, что Джеймс поднялся, как только Филиппина позвала его.

У двери Фредерика взяла Филиппину за руку.

— Передайте привет Марджи, — негромко сказала

она, — и постарайтесь не очень волноваться. Я уверена, всё наладится, — добавила она бодро, хотя сама в своих словах сомневалась.

Филиппина повернулась и порывисто поцеловала её.

— Вы добрая, Фредерика, — сказала она. — На Ферме всё так мрачно. Приятно повидаться с вами, хоть ненадолго.

— Возвращайтесь быстрее, — крикнула Фредерика, когда они пошли по дорожке.

— Обязательно, — услышался голос Филиппины, — и спасибо! — потом хлопнула дверца машины.

«Вероятно, она всё-таки любит этого зверя», — подумала Фредерика, поворачивая к дому. Она вернулась на кухню и увидела, что сержант Браун нашёл и включил вентилятор. А она и не подозревала, что здесь может найтись такой аппарат. На столе уже стоял ужин. Она с благодарностью села и наслаждалась не только сэндвичами и кофе сержанта Брауна, но и, к собственному удивлению, приятным неторопливым разговором с ним.

Глава 12

Воскресное утро означает отсутствие будильника. Но Фредерика так привыкла вставать в семь, что проснулась как обычно. Иногда она ненавидела себя за эти утомительные привычки. И, что ещё хуже, проснувшись, она не может лежать в постели просто так. Мозг сразу занялся предстоящим днём и незаконченной работой. Даже в воскресенье.

Больше того, следовало подумать и о сержанте Брауне. Вероятно, он уже сидел на кухне в ожидании завтрака. Фредерика беспокоилась, что Тэйн совсем не подменяет сержанта. Конечно, хорошо, что он здесь. И, вероятно, в эту неделю Джим Браун спал больше, чем за всю жизнь. Но не очень-то весело проводить ночи на узком диване в кабинете, постоянно просыпаться и обходить участок. Конечно, днём у него много свободного времени. Но

вчера за ужином он рассказал о своей жене и маленьком ребёнке. Не слишком приятно заниматься такой работой, особенно если всё, что приходится делать, это распугивать озорников-детей.

Одеваясь, Фредерика посматривала в окно на задний двор и на свои джунгли, но думала она вначале о молодом Брауне, а потом об ещё более молодой Марджи. Размышляя о них обоих, она чувствовала себя старой и эгоистичной. Как легко двигаться по узкой привычной тропке, когда живёшь только для себя. Она вздохнула, глядя на яркую зелень травы на фоне более тёмных кустов и деревьев. Потом попыталась избавиться от не очень приятных мыслей о себе, широко раскрыв глаза и наслаждаясь красотой утра. Лёгкий туман клочьями лежал на земле, как огромные паутины, а небо между деревьями было необыкновенно голубым и безоблачным. Окно было открыто, и лица и рук Фредерики касался мягкий ветерок, насыщенный сладким ароматом зрелого лета. Спокойствие охватило её потревоженный разум, и она почувствовала, что счастлива, как никогда в жизни.

Что случилось с нею за эти недели ужаса, страха и напряжения? Как будто до сих пор она шла в безопасности и спокойствии своей особой дорогой, замыкаясь всё больше и больше в себе и для себя. И вдруг осознала полноту жизни, потому что соприкоснулась со смертью, постигла добро, потому что увидела зло, и стала способна к любви и альтруизму, потому что у неё раскрылись глаза...

У сержанта Брауна на кухне шумно кипел кофе, жарилась яичница с ветчиной.

— О, как хорошо, — сказала Фредерика вместо приветствия. — Вам удалось поспать?

— Доброе утро, — вежливо ответил сержант Браун. — Кстати, спал я очень хорошо и должен как-то это отработать. Поэтому — я приготовил завтрак. Надеюсь, вы не возражаете.

— Возражаю? Мне никогда так не нравился завтрак! Я

только боюсь, что потеряю вас. Хотя бы случилось что-нибудь такое, чтобы вы оставались, пока я здесь. Но, наверное, если что-то случится, я буду виновата. Вы ведь не собираетесь уходить из полиции?

— Нет, мэм, — серьёзно и без малейших колебаний ответил Браун.

Фредерика рассмеялась и вдруг подумала, как бы она рассердилась во времена до своего приезда в Южный Саттон, если бы кто-то явился к ней на кухню и стал готовить завтрак без разрешения. А теперь она и правда не возражает, больше того, она рада.

Позавтракав, сержант Браун вытер посуду, и Фредерика спросила, предоставил ли ему шеф свободный день.

— Он ничего такого не говорил, мисс Винг. И я подумал, что вы очень одиноки в воскресенье, Криса сегодня нет, покупателей тоже, поэтому я лучше останусь.

— Ерунда, — сразу возразила Фредерика. — Я пойду сегодня в церковь, — до этого момента такая мысль ей и в голову не приходила, и она сама несколько удивилась собственному решению, но торопливо продолжила: — А потом зайду в гостиницу, поем и проведу день в саду, где меня никто не найдёт. Так что, ради Бога, позвольте мне жить с чистой совестью. Отправляйтесь на день домой к жене и ребёнку, — храбрости, чтобы предложить ему задержаться дома на ночь, у неё не хватило.

Лицо его прояснилось.

— Здорово! — сказал он. Потом добавил после некоторого колебания: — А вы уверены? Может, сделать это официально?

— Нет. Наверняка Тэйн Кэри сам ничего не сказал вам, предоставив решать мне. И двух мнений быть не может: я хочу, чтобы вы побывали дома и хорошо провели выходной, — Фредерика наслаждалась собственным великодушием.

Сержанта Брауна не потребовалось больше уговаривать. Он мгновенно накинул плащ, и через минуту его

уже не было. Но когда Фредерика провожала его по коридору, он повернулся и сказал:

— Спасибо. Вернусь до темноты.

— Приготовите для нас ужин? — со смехом спросила Фредерика.

— Обязательно, — ответил он, исчезая на дорожке.

По крайней мере, не будет всю неделю жить на сэндвичах с кофе, подумала Фредерика, протирая книжные полки. Удивительно, но убираться здесь было достаточно раз в неделю.

Приведя дом в порядок, она принялась готовиться к церкви. Утреннее счастливое настроение сохранялось. Но позже, когда она сидела на жёсткой скамье конгрегационной церкви Южного Саттона и слушала скучный голос преподобного Уильямса, к ней вернулись сомнения и тревоги.

Она по существу одинока. Все здесь чужие для неё. Никто не подсел на её скамью. Она осмотрелась. Словно весь город сосредоточился на противоположной от прохода стороне. Воображает она или действительно: она нашла тело Кэтрин Клей в гамаке и тем самым превратилась в парию? О чём думают все эти люди? О чём говорят в эту сонную летнюю жару, пока проповедник продолжает что-то бормотать на кафедре? Неожиданно Фредерике пришла в голову страшная мысль. А что если её серьёзно подозревают? Если сержант Браун должен не охранять её, а следить за ней? Но тогда он не ушёл бы на весь день. Или ушёл бы? Неужели Тэйн и Питер её подозревают? Не может быть!

Когда служба закончилась, Фредерика поискала в толпе знакомые лица, но не нашла ни одного. Она уже жалела о порыве, который привёл её в церковь. Задержалась, пропуская остальных у выхода. Ей казалось, что в церкви сотни прихожан, но, конечно, это не так. Церковь маленькая, мест немного.

Выйдя на яркий солнечный свет, она замигала и остановилась у выхода, чтобы привыкнуть. Возле неё

разговаривала группа парней и девушек. Услышав имя «Марджи», Фредерика без всякого стыда стала слушать.

— Её увезли в больницу, — говорила одна.

— Мама говорит, что она умрёт. Её сейчас ничего не спасёт, — добавила другая.

— А мой отец говорит, что пора бы избавиться от чужаков в городе, — сказал парень постарше других.

Один подросток оглянулся с опаской, заметил Фредерику и громко сказал: «Ш-ш-ш!» Все посмотрели на Фредерику и тут же отвели взгляды.

Они замолчали, и Фредерика решила, что разумно будет уйти. Уходя, она услышала громкий сценический шепот:

— Никогда такого не случилось в Южном Саттоне, пока она не приехала. Я помню, как Марджи говорила...

Последних слов Фредерика не услышала и не хотела слышать. Счастливое утреннее настроение рассеялось, она почувствовала себя старой и уставшей. Хуже всего, что она, вероятно, заслужила это. Приходилось признать: она не была добра к Марджи, она даже не соблюдала с ней приличий. Возвращаясь домой, она так задумалась, что забыла о своём намерении идти в гостиницу. Но, оказавшись в своей тихой кухне, подумала о недружелюбной сплетничающей толпе, и эта мысль испугала её. Она поискала чего-нибудь в холодильнике, потом решила совсем не есть. Стук дверей пустого дома, казалось, только подчёркивал её одиночество и оторванность не только от Южного Саттона, но вообще от человечества. Фредерика быстро встала и с усилием подавила слёзы жалости к самой себе.

Взяв себя в руки, она сумела вспомнить, что была счастлива до похода в церковь. Вспомнила успокаивающее дружелюбие сержанта Брауна, вспомнила Филиппину, Тэйна Кэри и прежде всего Питера. И сразу пожалела, что вспомнила о Питере: мысль о нём усилила ощущение одиночества. Почему он так долго не приходит? Вечер на крыльце — неужели это было только в пятницу? —

казался бесконечно далёким. Конечно, он не обещал приходить и, конечно, он и Тэйн озабочены болезнью Марджи и чувством, что они зашли в тупик. Он не может подозревать Фредерику. Как и самого себя. Это безумие. Но ведь он сказал, что она помогла ему. Правда ли это, или она просто хватается за протянутую соломинку?

Она решительно вернулась к холодильнику, но салат, приготовленный из всевозможных остатков, оказался безвкусным, и Фредерике сильно мешала жара и запах жареного, который остался в кухне после завтрака сержанта Брауна. Тут она вспомнила, что он где-то нашёл вентилятор, и решила включить его. Громкое жужжание сначала раздражало её, потом успокоило, потому что мешало думать. Она закончила ланч и решила пойти в сад, как и обещала сержанту Брауну. Может, сегодня заменит сон работой. Но едва она посмотрела на часы, как увидела в дверях Питера Мохана.

Фредерика молча смотрела, как он подходит и выключает вентилятор.

— Боже! — сказал он. — Вас мог застрелить кто угодно, и никто не услышал бы из-за этой проклятой штуки. Я решил в этот раз возвестить о своём прибытии и добрых десять минут стучал во входную дверь. Вы меня до смерти напугали, вы и этот ваш вентилятор!

Голос его звучал раздражённо, и Фредерика почему-то обрадовалась этому. Но прежде чем она успела что-то сказать, полковник спросил:

— Где Джим?

— Джим? А, вы о сержанте Брауне. Он... он...

— Выкладывайте начистоту, Фредерика, — он помолчал и тут же добавил: — Неважно, я и сам могу догадаться. Вы его отпустили на день.

— Ну да, отпустила. Кстати, меня всё время мучила совесть, я почти не думала об этом злополучном молодом человеке всю неделю.

— А вы и не должны о нём думать. Это дело Тэйна, а не ваше.

— Но я нашла, что он очень приятный молодой человек, и что у него тоже есть человеческие чувства, как у вас и у меня... О, Питер, не ругайте меня. Я страдаю из-за того, как обращалась с Марджи. И хотела как-то загладить это.

Питер улыбнулся ей. Потом извлёк из-под стола ещё один стул и сел.

— Не хотите пройти в гостиную? — спросила Фредерика.

— Нет. Боюсь, мне нельзя задерживаться. Кстати, в любую минуту сюда заглянет Кэри и отвезёт меня в аэропорт.

— В аэропорт? — Фредерика поняла, что не в силах скрыть отчаяние.

— Да. Я отправляюсь в Вашингтон, этого не избежать. Не могу больше ничего сказать вам, во-первых, потому что некогда, а во-вторых — это неразумно. Но вы должны меня выслушать. Больше никаких угрызений новоанглийской совести по отношению к Джиму Брауну и ко всем остальным. Если всё пойдёт, как я рассчитываю, вскоре и он, и все остальные смогут вернуться к нормальной жизни. Но до того нельзя рисковать, — полковник нагнулся над столом и сжал её худое плечо своей большой рукой. — Посмотрите на меня, — сердито сказал он.

С некоторым трудом Фредерика выполнила его приказ.

— Вот что я хочу вам сказать, — продолжал он. — Ваш рассказ о разговоре с Крисом и о том письме оказался чистым золотом. Лучшего доктора Ватсона и желать нельзя.

— Значит, вы нашли письмо?

— Нет. Оно исчезло. А Марджи слишком поздно было спрашивать. Бедная девочка! Но Крис, будь он благословен, сохранил старые конверты, которые отдавала ему Кэтрин. Он ещё не снял с них марки, и я узнал нужный адрес. Поэтому я и отправляюсь в Вашингтон...

— Но... Питер... — Фредерика готова была задать тысячу вопросов, но он поднял руку.

— Расскажу, когда буду знать всё, Фредерика. А сейчас вы ничего не должны знать, даже то, что рассказывали мне. И то, что я сказал вам. Держите это строго при себе. П о н я т н о?

— Да. Но...

— Никаких «но».

Послышались звуки подъезжающей машины. По крыльцу прогремывали тяжёлые шаги, и Фредерика торопливо перескочила на другую тему.

— Питер, пожалуйста, не говорите Тэйну, что я отпустила сержанта Брауна. Вы ведь понимаете, почему я это сделала? — настойчиво заговорила она.

— Ну, что ж, если вы настаиваете на обмане, вам придётся поехать с нами в аэропорт и развлекать Кэри, пока не вернётся Джим. Кстати, когда это будет?

— До темноты, так он сказал.

Питер взглянул на часы.

— Три двадцать. Думаю, настолько вы Кэри сумеете задержать. Но домой не возвращайтесь, пока не придёт ваш защитник. Если понадобится, отправитесь в гостиницу. Я не хочу, чтобы вы здесь были одна. Понятно?

— Да, — ответила Фредерика. Она разрывалась между радостью от его тревоги и гневом на его официальность. Она сама может позаботиться о себе. Все дни было спокойно.

В дверь постучал Тэйн Кэри.

Когда Фредерика и Питер вышли к нему, он сразу спросил:

— Где Джим?

— Отправился попить коки, — небрежно ответил Питер. — Всё в порядке, я исполнял его обязанности, а теперь Фредерика поедет с нами и проводит меня.

Тэйн улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, — но мне всё же не нравится ваше вмешательство в закон.

Они забрались в маленькую машину Тэйна, и Фредерика вскоре сообразила, что внешность автомобиля на самом деле скрывала настоящего зверя. Она с некоторым беспокойством следила за спидометром. Он быстро подобрался к семидесяти милям в час.

— Послушайте, Кэри,— пробормотал Питер, — мы ведь не опаздываем?

Тэйн снова улыбнулся.

— У полиции свои привилегии.

— Всё красуетесь, — заметил Питер и добавил: — Кэри, если бы вы увидели лицо Фредерики, вы бы поняли, что это нравится ей не больше, чем вашей жене.

— Ладно, ладно, — дружелюбно ответил Тэйн, и машина пошла чуть медленнее. — Хорошая машина, правда? — спросил он у Фредерики.

— Замечательная, — еле выдавила Фредерика.

— Все женщины одинаковы, — подвёл итог Тэйн. На спидометре было пятьдесят. — Вы предпочитаете ползти, как сейчас, чем лететь и ощущать свободу. Кстати, это вполне безопасно, если за рулём хороший шофёр. Но вы никогда не колеблетесь, если вам нужно перебежать дорогу перед автобусом или вскочить в идущий поезд.

— Ну, что ж, если они так поступают — я говорю «если», — значит они могут судить об опасности быстрой езды,— вставил Питер. — А если женщина выскочит на дорогу, когда вы идёте на восьмидесяти с лишним, вы, конечно, спасёте ей жизнь, разбив машину и погибнув при этом.

— Ни малейшего шанса. Но я принимаю ваши доводы, — Тэйн рассмеялся.

— Мне стоит помолчать, — сказала Фредерика. — Я в меньшинстве, и к тому же я всего лишь женщина.

— Как разумно с вашей стороны, Фредерика. Если бы моя жена... вы ведь знаете Конни? — он резко сменил тему: — Знаете, друзья, мы уже приехали. И хотя почти всё время ползли, я думаю, это рекорд, даже для меня.

На поле ещё не было самолёта, поэтому они вышли из машины и отправились в похожее на казарму здание, где нашли стойку бара и горячий кофе. Они сели и по какой-то негласной договоренности говорили о разных мелочах. В это время распахнулась дверь и в помещение ворвался Роджер Саттон. Он направился к кассе, и они услышали, как он громко спросил, не опаздывает ли самолёт. Потом пошёл было к стойке, но, увидев сидевших, быстро повернул к выходу.

Питер встал и обратился к удаляющейся спине.

Если Роджер и услышал, то никак не прореагировал. Питер вышел вслед за ним.

— Он как будто испуган, — заметила Фредерика.

— Я думаю, это просто его обычная застенчивость, — медленно сказал Тэйн. — Я неплохо узнал его с того времени... ну, с того времени, как часто бываю на Ферме, и он мне нравится. В сущности, я бы сказал, что в нём надежда всей семьи.

— Но у сотен мужчин лицо искалечено хуже, чем у него. Я много таких встречала в библиотеке в Нью-Йорке. Если у него крепкие корни, почему он не может подняться над этим? — почему-то Фредерика не хотела рассказывать Тэйну о своём разговоре с Роджером и об его ненависти к сестре.

— Я не врач, Фредерика, но я сказал бы, что самые лучшие люди одновременно самые чувствительные. Если последняя операция пройдёт успешно, если он будет выглядеть лучше, то он сможет жениться и вести нормальную жизнь...

— Когда я впервые услышала об этой семье, мне показалось, что у Филиппины к нему не просто братские чувства, но теперь Джеймс Брюстер его отрезал.

— Думаю, что дело гораздо сложнее. Филиппина ему нравится, он уживается с нею, потому что... она почти профессиональна по отношению к его увечьям. И ему с нею легко. Но не думаю, чтобы тут было что-то большее сейчас или раньше...

Он замолчал, потому что появились Питер с Роджером, который присоединился к ним с явной неохотой. «Можно ли выглядеть более виноватым, чем он? — подумала Фредерика. — Правы ли Питер и Тэйн, считая его невиновным? Может, и нет. Может, Питер не зря летит на том же самолёте».

Зная, что лучше не смотреть на Роджера, Фредерика повернулась лицом к кофеваркам и попыталась перехватить взгляд официантки, разговаривавшей с механиком на другом конце стойки.

Питер сел рядом с Фредерикой, а Роджер — возле него. Наступило неловкое молчание, потом Тэйн перегнулся через Фредерику и Питера и спросил:

— На Ферме всё в порядке, Саттон?

— Как только возможно, — ответил Роджер.

— Миссис Хартвел в больнице?

— Да. Она провела там всю ночь, — и с необычной силой добавил: — И хорошо. Сама уже на пределе.

— Знаю, — негромко сказал Питер. Спросил: — Кофе? — к ним подошла официантка.

— Да, большую чашку чёрного. И ничего из еды.

Фредерика под прикрытием общего разговора украдкой взглянула на Роджера. Одну руку он крепко сжимал, другая, прикрывавшая лицо, дрожала; видны были длинные костлявые пальцы. Фредерика видела Роджера только в поблекших синих джинсах и старой рубашке и теперь порядочно удивлялась: на нём был безукоризненный деловой костюм консервативного покроя. Вот он убрал руку от лица, и два тёмных глаза внимательно посмотрели на неё. Глубоко посаженных глаза окружали пурпурные и белые полосы обожжённой плоти. Рот у него как всегда скошен, словно он смеётся. Фредерика смущённо отвела взгляд. И тут же, устыдившись, торопливо спросила:

— Но ведь Филиппина пригласит за миссис Саттон?

Роджер не ответил. Принесли кофе, и он выпил его большими глотками. Потом встал. Прежде чем кто-нибудь заговорил, сказал:

— Спасибо, Мохан. Увидимся в самолёте, — и быстро отошёл.

В этот момент снаружи послышался шум двигателей, и Питер тоже встал. Громкоговоритель гулко объявил посадку.

— Пока, — легко попрощался Питер. — Будьте хорошей девочкой, Фредерика, и помните предписания доктора Мохана.

Фредерика улыбнулась, и Питер пошёл к выходу. Но у дверей остановился, погасил сигарету и вернулся назад.

— Присматривайте за ней, Кэри. Она в этом нуждается.

— Постараюсь, — пообещал Тэйн. — Только, ради Бога, возвращайтесь быстрее. Я себя чувствую, как мальчишка на горящей палубе, или тот, кто заткнул пальцем дырку в плотине, или...

Но Питер ушёл, прежде чем полицейский закончил говорить.

— Ну, что ж, — объявил Тэйн, — кажется, всё, — и задумчиво добавил. — Что же он имел в виду, говоря о присмотре за мисс Фредерикой Винг? Сержант Браун спит на работе?

— О, нет, он замечательный! — Фредерика сумела ответить на вопрос с искренним энтузиазмом. Потом, заметив, что Тэйн продолжает пристально смотреть на неё взглядом полицейского, торопливо продолжала: — Я... я думаю, Питер решил, что мне одиноко... или что-то...

— Понятно. Что ж, сейчас мне нужно на Ферму и в больницу. Кстати, Конни ужасно пристаёт ко мне с этим случаем. Не сможете ли вы заехать к нам и поужинать с нею?

— О... нет... на самом деле...

— О, да, на самом деле. Пожалуйста. Вы очень меня выручите, если окажетесь рядом, когда я объявлю семье, что и сегодня буду отсутствовать вечером.

Фредерика вспомнила, как ей понравилась Констанс

Кэри, когда они встретились на ярмарке. И ей не потребовалось много времени, чтобы решить, что лучше пойти в гости, чем возвращаться в пустой дом до появления Джима Брауна. Она просила его приготовить ужин, так что сержант, несомненно, о себе позаботится. К тому же если Тэйн отвезёт её сейчас домой, он может обнаружить отсутствие её охранника; а это она должна предотвратить любой ценой...

— Хорошо, — быстро согласилась она, — если вы не считаете, что я буду помехой...

— Могу вам обещать это. Конни любит общество, а я пообещал сегодня вечером быть дома, поэтому она никаких планов не строила. Видите ли, неожиданный отлёт Питера немного спутал наши расчёты.

Они двигались по шоссе. Совершенно неожиданно Тэйн затормозил и свернул на ненаезженную сельскую дорогу.

— Мы живём не в самом Южном Саттоне. Увидите. Прекрасная сельская местность, отличный вид, но в подобных случаях я вижу и явные недостатки. Конни там ужасно одиноко. У нас только одна машина, да и та принадлежит полиции, а на велосипеде не очень-то весело развезжать в такую жару.

Они въехали в небольшой двор, огороженный вместе с цветущим садом аккуратной белой изгородью-частоклом. Фредерика с интересом осматривалась. Дом, тоже выкрашенный белой краской, по-видимому был развёрнут от них, но на заднем дворе ни следа беспорядка. Тэйн без церемоний прошёл вперёд, Фредерика — за ним. Она увидела новую аккуратную кухню.

— Боже, Тэйн, — сказала она, — как здесь всё красиво и сияет. Откуда это всё?

— Купили в рассрочку, — Тэйн остановился и огляделся. Потом весело добавил: — И должен признать, что Конни прекрасная хозяйка. Нигде ни пылинки. Но подождите, пока не увидите кое-что... — он открыл дверь в противоположном конце кухни, и Фредерика ахнула,

потому что перед ними открылась пропасть. Гостиная располагалась прямо на утёсе, который отвесно уходил вниз; стена, выходящая в эту сторону, представляла собой сплошное окно. Справа и слева росли деревья, но непосредственно перед окном они были срублены, так что открывался вид на предзакатное небо, на сонный городок внизу и за ним — на зелёную долину с широкой рекой, в которой отражалось розовое небо.

Фредерика совершенно забыла о Тэйне, замороженно прошла мимо него и остановилась у окна.

— Волшебный вид, верно? — слышался негромкий женский голос. Фредерика повернулась. Она не заметила Конни, которая сидела на длинном диване у очага. Она отложила книгу и встала с выражением ожидания на лице. Фредерика снова ощутила дружелюбие этой женщины, как и при первой встрече.

— Невероятная красота, — просто ответила она. — Вы... вам ужасно повезло...

— Вы ведь поужинаете с нами? — сразу спросила Конни, но Фредерика заметила, что она при этом украдкой взглянула на Тэйна, словно ожидала одобрения.

— Не с нами, дорогая. Боюсь, что только с тобой.

— О, Тэйн, опять! — однако Конни тут же добавила: — Но я должна простить тебя: ты ведь привёз мне Фредерику.

— И я рада, что он это сделал, — с искренним удовольствием сказала Фредерика. — С самой ярмарки я хотела снова с вами повидаться, но была привязана к магазину... ну, сами знаете, то одно, то другое...

— Да, да, одно, другое, — быстро согласилась Конни и чуть натянуто рассмеялась. — Мне следовало самой побывать у вас в магазине, но я становлюсь всё ленивей и ленивей. И вы сами видите: мы живём далеко, а меня вряд ли можно назвать заядлой велосипедисткой, — она повернулась к мужу. — Ты должен сразу уехать или можешь немного задержаться?

— Боюсь, что сразу, дорогая. Но обещаю вернуться не

поздно, и посижу с вами, прежде чем отвезу Фредерику домой.

— О, Тэйн, — голос Конни едва слышно дрожал. — Придёт ли конец этому несчастному делу? Становится всё хуже и хуже. Как Марджи?

— Я прежде всего заеду к ней. Но мы должны смотреть в лицо правде, дорогая: боюсь, она безнадежна. Врачи говорят, что она уже два дня как умерла бы, если бы не её молодость, — он помолчал. — Но могу честно сказать, что конец расследования близок. Нам осталось завернуть за последний угол. У нас очень серьёзные подозрения, но пока нет доказательств.

Фредерика хотела заговорить, но Конни остановила её.

— Не расспрашивайте его, — посоветовала она. — Могу вам сказать, что он будет уклончив и сведёт вас с ума от раздражения. Не выходите замуж за полицейского!

После ухода Тэйна Конни занялась ужином. Фредерика, от помощи которой отказались, села у окна и смотрела, как на темнеющем небе появляются звёзды. Какой долгий день от восхода до заката! Постепенно к ней вернулась утренняя удовлетворённость. Тэйн её друг, и Конни... и Питер. Они её не подозревают. И когда это ужасное дело кончится, у неё останутся друзья и красота и мир этого новоанглийского деревенского лета.

Пока они ели, совсем стемнело и Конни зажгла настольную лампу. Она создавала уютный тёплый кружок в темноте; как лагерный костёр в лесу, подумала Фредерика. После еды они сидели, негромко и просто разговаривали. Говорили в основном о себе. Фредерика рассказала Конни о своём замысле книги и почему она приехала в Южный Саттон. Конни призналась, что тоже жила в Нью-Йорке, и что она оставила работу в рекламном агентстве, чтобы выйти замуж за Тэйна. Они встретились год назад во время летнего курса в Колумбийском университете. Потом неизбежно разговор снова перешёл на Южный Саттон и на убийство Кэтрин Клей.

— Мне кажется, многие в городке считают меня ведьмой... или даже убийцей, — Фредерика высказала мысль, которая беспокоила её весь день, и почувствовала себя лучше.

Конни рассмеялась.

— В таком городке это неизбежно. К несчастью, это совпало с вашим приездом. И ещё ваш гамак. Серьёзно, Фредерика, не стоит винить, что этот ужас связали с вами. Ведь всегда во всём винят чужаков.

— О, я знаю.

Дневная тревога снова проникла в мирную комнату. Почувствовав это, Конни быстро добавила:

— Ну, вы ведь знаете, что мы чувствуем. Тэйн не дурак, и подлинного убийцу он уже знает, — она немного помолчала и медленно добавила: — И я точно знаю, что это не вы.

— Но кто тогда? Как вы думаете? — спросила Фредерика. — Я составила список подозреваемых и всё время над ним раздумываю, прибавляю, вычитаю, умножаю, делю, но ничего осмысленного не получается.

— А убийство всегда бессмысленно, что бы ни писали в книгах, — Конни неожиданно замолчала. Наступила тишина. Потом Конни тихо продолжила: — Вы спрашиваете, кого я подозреваю. Я не подозреваю. Я з н а ю, — Фредерика попробовала что-то сказать, но Конни не дала ей слова. — Тэйн не рассказывал мне о своих подозрениях, но это и не нужно.... Так что... я знаю и поэтому не могу рассуждать, — она помолчала. — Давайте оставим эту ужасную тему. У меня от неё... мурашки по коже, — Конни, казалось, отчаянно искала, о чём бы поговорить. И наконец нашла: — Я всё хочу спросить у вас, что вы сделали с одеялом. Удивительно, как после вашего выигрыша я могу ещё на вас смотреть. Ничего в жизни я так не хотела. Даже заставила Тэйна купить билет.

— О, Конни, я с удовольствием отдала бы его вам в награду за то, что Тэйн спас ведьму от сожжения. Но тогда я тоже сойду с ума. Мне оно очень нравится. Хотя,

стыдно сказать, с того дня я на него даже не посмотрела. Кстати, оно по-прежнему лежит на стуле у меня на кухне...

Конни схватила Фредерику за руку.

— Не воспринимайте все мои слова всерьёз. Одеяло — просто смена темы разговора, — негромко сказала она.

Обе сумели рассмеяться, а потом Фредерика заключила:

— Знаете, Конни, Тэйн первоклассный начальник полиции. Я поняла это с первого взгляда. Но до сих пор не понимала, какая вы отличная жена полицейского. И какая хитрая!

И в этот момент подъехал Тэйн.

Глава 13

Когда они подъехали к магазину, Тэйн Кэри резко затормозил. Фредерику даже решила, что он забыл об её присутствии. Тэйн настойчиво засигналил, высунулся в окно и позвал сержанта Брауна.

— Почему бы вам не зайти? — негромко спросила Фредерику. — Вы весь город разбудите этим шумом.

Он повернулся к ней, словно очнувшись от сна.

— Я не могу задерживаться, — торопливо объяснил он. — Должен вернуться к Конни. И ещё может звонить Питер. Что-нибудь передать ему? — небрежно добавил он.

— Нет. Нет, спасибо, — Фредерику чувствовала, что краснеет. Какая глупость! Она была благодарна темноте.

На тропинке показался сержант Браун.

— Добрый вечер, — он вежливо поздоровался с Фредерикой, которая уже вышла из машины, потом повернулся к Тэйну, который уже собрался уезжать. — Привет, шеф, — сказал он и с беспокойством добавил: — Есть новости?

— А, Джим, — ответил Тэйн. — Нет. Сообщать нечего. Просто хотел убедиться, что ты на месте, — и прежде чем начальника полиции могли ещё о чём-нибудь спросить, его маленькая машина взревела и исчезла в ночи.

— Вот и всё, — заметил сержант, и они пошли к дому по тропинке.

— Я рада, что вы здесь, Джим, — сказала Фредерика. — Не хотелось бы возвращаться в пустой дом, говорю об этом без стыда. Меня начинают подводить нервы.

— Может, тут вам кажется одиноко, но дом очень уютный. И посетителей было множество. Я вернулся в пять. Сначала заглянул преподобный Уильямс, сказал, что решил всё же не покупать книгу. Потом миссис Хартвел. А Джеймс Брюстер и Филиппина только что ушли. Я как раз подумывал о кофе... конечно, если вы разрешите.

— Конечно, и надеюсь, вы поужинали.

— Да, спасибо. Кстати, я ждал вас и приготовил две порции. И уже начал беспокоиться. Но кофе, во всяком случае, не пил до вашего приезда.

— Как ваша семья? — спросила Фредерика, когда немного погодя они сидели за кухонным столом и пили сваренный сержантом чёрный кофе.

— Я бы сказал, и хорошо, и не очень. Сузи — это моя жена — здорова, но ребёнок кашляет. Я сказал Сузи, что нужно вызвать врача, но она ответила, что справится. Знаете, каковы женщины... — он, спохватившись, замолчал.

Фредерика рассмеялась.

— Я бы сказала, что она исключение. Большинство женщин вызывают врача при любом булавочном уколе. Они думают, что дети сделаны из фарфора, — и тут же подумала, как по-старчески это звучит.

— Сузи не такая, — довольно ответил Джим. Но прежде чем он смог пуститься в описание достоинств Сузи, снаружи послышался шум машины. — Надо же, ещё посетители, — удивился Браун, вставая и направляясь к передней двери. Чуть позже Фредерика услышала, как он говорит: — Привет, Фил! Разве вам не пора спать?

Хлопнула дверь. Фредерика тоже встала и вышла в коридор. Навстречу шла Филиппина. Джеймса не было видно.

— О, Фредерика, — запыхавшись, сказала Филиппина.
— Простите, что так поздно. Я... я должна была прийти. Марджи... Она умерла. Я почувствовала, что должна поговорить с вами. Вы единственная кажетесь н о р м а л ь н о й в этом городе.

— Наверное, вы хотите выпить кофе, — сказал Джим, подталкивая их на кухню.

— А где Брюстер? — спросил он, когда все сели.

Филиппина сжала в маленьких руках чашку с дымящимся кофе и отпила с благодарностью, как жаждущий ребёнок.

— После нашего ухода отсюда, — заговорила она между глотками, — мы решили вернуться в больницу. Потом... потом мы узнали о Марджи... Джеймс подумал, что нужно отвезти Марту Хартвел и Маргарет назад на Ферму. Они почти весь день провели в больнице... обе... ничего не говорили, ничего не делали, даже не плакали. Но я... я просто не могла возвращаться с ними. Хотела поговорить с кем-нибудь нормальным. Взяла джип, а Джеймс отвёз их домой в своей машине...

Фредерика молчала. Трудно было найти слова утешения. Джим кашлянул, и в наступившей тишине они услышали тиканье кухонных часов и приглушённые звуки цикад снаружи.

Через несколько мучительных минут Джим не вынес напряжения. Отодвинул стул и встал.

— Что ж, — сказал он медленно, — я думаю, вы хотите поговорить наедине. Я тут приберусь, а потом погуляю: покурю и посмотрю вокруг. Почему бы вам не перейти в другую комнату? Там удобнее.

Фредерика и Филиппина послушно встали и вышли в кабинет. Здесь они напряжённо сели, и снова наступило молчание. Наконец Филиппина стала искать сигареты. Фредерика достала пачку из кармана, и Филиппина закурила. При этом Фредерика заметила, как дрожат её руки.

— Вы ужасно расстроены, Филиппина, — негромко сказала она и добавила: — Я рада, что вы пришли ко мне.

Конечно, если я чем-то могу помочь,.. — последние слова прозвучали вопросительно.

— О Боже, — ответила Филиппина, затянулась и выпустила тонкую струйку дыма через свои мелкие ровные зубы. — Я должна... должна поговорить с вами. Оставит нас Джим наедине?

В этот момент резко зазвонил телефон у стола, и обе женщины вздрогнули.

— Мы просто две дурочки, — Фредерика пыталась говорить обычным голосом. Взяла трубку и спросила: — Алло?

— Это книжный магазин? — спросил женский голос.

— Да.

— А Джим Браун там?

— Да, да, он здесь. Сейчас позову.

Фредерика сознавала, что испытывает одновременно и разочарование, и облегчение. Она-то надеялась, что это звонит из Вашингтона Питер, но по какой-то причине, о которой старалась не задумываться, ей не хотелось, чтобы он звонил в присутствии Филиппины. Извинившись, она выбежала.

Вскоре с обеспокоенным видом вошёл Джим и взял трубку. Тревога его всё усиливалась по мере односложного разговора.

Обе женщины слушали, и обе старались не слушать. После нескольких «да» и «нет» Джим наконец сказал:

— Номер доктора Скотта записан у телефона, — потом он выслушал ответ и твёрдо ответил: — Послушай, Сузи, ты знаешь, что я не могу. Я весь день отсутствовал, и сейчас я на работе. Ты это понимаешь, — очевидно, Сузи не понимала. Из трубки донёсся целый поток звуков. — Позови Мод, — в отчаянии сказал Джим. — Сузи, я не м о г у! — снова взрыв звуков, и с безнадёжным жестом Джим положил трубку.

— Я не могла не слышать, Джим, — быстро сказала Фредерика. — В чём дело? Ребёнок?

— Да, мисс Винг. Сузи с ума сходит... говорит, ему плохо.

— Она вызвала доктора Скотта?

— Его нет на месте.

— Он был в больнице, когда мы уходили оттуда несколько минут назад, — негромко сказала Филиппина. — Попробуйте застать его, пока он не ушёл.

— Хорошо, — Джим посмотрел на Фредерику, и она кивнула в сторону телефона.

Джим отыскал доктора Скотта, который пообещал зайти и посмотреть ребёнка, как только освободится. Но так как освободится он не раньше, чем через полчаса, то дал Джиму инструкции, что нужно сделать немедленно.

Когда встревоженный отец вторично повесил трубку, он спросил у Фредерики, можно ли позвонить жене и передать инструкции врача. Фредерика согласилась, но тут ей в голову пришла новая мысль.

— Послушайте, Джим, — быстро заговорила она, — почему бы вам не пойти домой и не побыть до прихода доктора Скотта? Со мной здесь Филиппина, — она повернулась к женщине рядом с собой. — Вы ведь можете задержаться?

— Конечно, — ответила Филиппина. — И Джиму незачем возвращаться до утра. Я останусь с вами на ночь, Фредерика. Конечно, если хотите, — и увидев, что Фредерика колеблется, она добавила: — Мне кровать не нужна. Я могу спать на диване. Я бы предпочла это, чем возвращаться на Ферму.

— Но это же невозможно, Филиппина. Внизу так одиноко. Вы там не уснёте.

— Усну. Вы забываете, что я веду уединённую жизнь...

— Фредерике показалось, что она сейчас добавит «как и вы» в одном из своих приступов горечи. Но Филиппина продолжала: — Не стойте так, Джим. Поспешите, — она произнесла «шпешите», но Джим её понял. Бросив быстрый взгляд на Фредерику, он выбежал. Всё произошло так внезапно, что Фредерика была просто ошеломлена. Она закурила и попыталась собраться с мыслями.

— Вы ведь не возражаете, Фредерика? Вы рады, что я

здесь? А мне... мне здесь гораздо лучше, чем... — она махнула рукой в направлении Фермы.

— Не возражаю? Вы святая, Филиппина. Я готова остаться одна... но пообещала Тэйну Кэри, что не буду... и... ну, признаюсь, последние недели поубавили у меня храбрости.

— Знаю. У меня тоже. Такое ужасное дело... и так близко к нам. Но больше ничего дурного не будет. Об этом я и хотела поговорить с вами. Мне это поможет и, думаю, вам тоже. Мы сейчас одни, и я хочу рассказать вам, что знаю. Вы не представляете, как это мне поможет... поможет разговор с тем, кто не так близко.

— В чём дело, Филиппина? — Фредерика распрямилась. Голос женищны звучал хрипло и напряжённо.

Филиппина прикурила вторую сигарету от первой и заговорила медленно и очень чётко.

— Понимаете, теперь, когда Марджи мертва, нам больше нечего бояться.

— Что это значит? — чуть не закричала Фредерика.

— Я вам расскажу, — продолжала Филиппина. Голос её стал мягче. — Только садитесь поудобнее. Это очень печальная и жалкая история.

— Вы хотите сказать... что Марджи убила Кэтрин Клей? Но, Филиппина, это невозможно.

— Почему?

— Она, конечно, была ужасным ребёнком, но у б и й-с т в о... О, нет, Филиппина.

— Послушайте! — Филиппина в свою очередь наклонилась вперёд. — Я не строю предположения. Я знаю. И знала с самого начала, просто не могла сказать. Мне было жаль девочку: она не понимала, что делает. К тому же я сама ненавидела Кэтрин Клей, — при этих словах лицо её застыло, брови сдвинулись, но она продолжала: — Я сама видела много смертей... во время войны... в лагере. Какая разница... умереть одному человеку, который заслуживает смерти? Она всех, повторяю: в с е х — делала несчастными: мать, брата, Марджи, Джеймса, всех нас, — Филиппина

неожиданно замолчала, потом, уже гораздо спокойнее, закончила: — Да, её убила Марджи. Я знаю. И благословляю её за это.

— Но как она могла? Откуда вы знаете? — спросила Фредерика.

— Кэтрин была убита в субботу, в день ярмарки. В то утро я сказала Марджи, что ухожу собирать травы. Но, уходя, вспомнила, что не приготовила несколько заказов на смеси. Я решила, что стоит сделать это до ухода, иначе заказами займётся Маргарет, а ей нельзя долго стоять. Тем более, что она настояла на посещении ярмарки. Она плохо себя чувствовала, вы помните, да и так много работала, готовя продажу в киоске. И ещё я знала, что уговорю пойти с собой Роджера на помощь. Ему хотелось быть подальше от толпы. И поэтому я вернулась. На мне были туфли с каучуковой подошвой, и я вошла в лабораторию бесшумно. Я думала только о предстоящей работе, — она замолчала и закрыла глаза, словно не хотела видеть картину, которую вызовут следующие слова. — Там была Марджи, — просто сказала Филиппина. — Она готовила... готовила... к а п с у л ы.

Фредерика только охнула, и это единственное слово потерялось в тишине отчаяния.

— Да, — немного погодя продолжила Филиппина, — я тогда ничего не заподозрила, потому что, видите ли, сама учила её заполнять капсулы. Мы их используем для вытяжек из трав и для разных других целей. Но позже — потом — я вспомнила это, и вся сцена ожила у меня перед глазами. Это случилось, когда Тэйн спросил о серебряной табакерке с витаминными капсулами. И вспомнила, мне кажется, только потому, что Марджи выглядела виноватой, когда я застала её. Она не ожидала, что я вернусь. Я спросила её. Вначале она отрицала, но поняла, что я знаю слишком много, и рассказала, как поместила в капсулы жёлтый жасмин, положила капсулы в табакерку, а табакерку вернула на стол, где та обычно лежала. Я виню себя в том, что рассказала ей о яде. Не надо было

держат его в лаборатории, но он нам нужен для опытов... И как я могла подумать? Мне такое и не снилось...

Фредерика испытывала физическую боль от слов Филиппины. Она закрыла глаза. Конечно. Теперь всё выяснилось: стал понятен страх Марджи, её странное поведение, её беспокойство.

— Она пыталась забрать у меня табакерку, — сказала наконец Фредерика.

— У вас? — переспросила Филиппина.

— Да. Понимаете, человек Тэйна Кэри нашёл её возле дома, и Кэри попросил меня узнать, кому она принадлежала. Капсулы он забрал, но, может, Марджи подумала, что они ещё там, что их используют как улику, тем более, что вы видели.

— Так, наверное, и было, — медленно и задумчиво пробормотала Филиппина.

— Но, Филиппина, — Фредерика рассуждала вслух, — я просто не могу в это поверить. Она ведь просто заблуждающийся ребёнок. Она могла ненавидеть Кэтрин, но убить её...

— Я тоже так считала вначале. Но она призналась мне, всё выложила... всю свою ненависть, всю злобу, всё тайное, что накопилось с приезда Кэтрин.

— А что именно?

— Кэтрин была груба. Более чем груба. Она была зверем... как нацисты, о которых мы все знаем... А я знаю лучше вас. Это жестокость в сознании. Паук, наслаждающийся мучениями мухи в паутине. Марджи боялась Кэтрин и не скрывала, что боится, а это делало положение ещё хуже. Она всегда была жестока. Я это видела, но она была слишком хитра. Мы не могли её остановить, никто из нас. А какие жестокие слова она говорила... И потом... Кэтрин была красива, как кинозвезда, а Марджи — непривлекательный подросток. У неё никогда не было поклонника и почти не было друзей. Ревность к Кэтрин пожирала её живьём. Она ненавидела Кэтрин, и ненависть эта всё росла, пока... пока не произошло это. И я не

виню девочку. Я это уже сказала и повторю снова и снова. Мир без этой женщины стал лучше, она была з л о м, — последнее слово Филиппина произнесла с такой яростью, что Фредерика отодвинулась, словно её ударили.

Немного погодя Филиппина уже спокойнее продолжила.

— Поэтому, когда Марджи мне всё рассказала и я узнала правду, я пообещала ей, что никому не скажу. И если она ничего не скажет, когда её будут расспрашивать, никто ничего не узнает. Но, понимаете, в сущности она была хорошим ребёнком. И не смогла с этим жить. Я думаю, она заболела, потому что не хотела жить. О, Фредерика, это всё так жестоко и бесполезно!

— Но она не могла так заболеть просто от желания умереть, — возразила Фредерика.

— Ну, понимаете, — Филиппина говорила медленно и неохотно, — в лаборатории много трав. Наверное, мне следовало убрать все яды. Но как я могла знать, что она сделает? Не знаю, что именно она приняла. Странно. Если бы она действительно хотела убить себя, она взяла бы жёлтый жасмин. Но его она больше не трогала. Её личные вещи где-то здесь, в доме тётки. Я знаю, потому что мать обращалась с ней строго. Я пыталась найти какое-то объяснение. Когда я приходила за её страховкой, я всё думала: если мы узнаем, что она с собой сделала, мы найдём и лекарство.

— Вы действительно считаете, что она себя как-то отравила? — спросила Фредерика.

— Да. Подумала, когда у неё появились эти странные симптомы и она заболела. Но ничего не нашла.

— А почему вы не сказали доктору Скотту? О, конечно, вы не могли. Тогда пришлось бы рассказывать и п о ч е м у, — Фредерика неожиданно вспомнила бутылочки и баночки, которые видела в теплице. — Филиппина, — быстро заговорила она, — надо было вам рассказать мне тогда. В тот день, когда вы пришли сюда. Марджи обору-

довала себе тайное убежище в старом сарае, это что-то вроде неиспользуемой теплицы, ниже по аллее. Люди Тэйна нашли там много странного, и Крис сказал мне, что это вещи Марджи. Я хотела спросить девочку о них, но она вела себя так странно, и я не спросила.

— Тайное убежище... конечно. Я уверена, так оно и есть, — Филиппина вскочила. — Идёмте, Фредерика, мы должны осмотреть эти вещи. Немедленно. Сейчас же.

— О, нет, Филиппина! Ведь уже полночь. На заднем дворе темно, как в смоле. Филиппина, рыться там ночью — это безумие. Пожалуйста, давайте ляжем спать. Это подождёт до утра. Какая разница теперь? Марджи мертва. Противоядие нам больше не нужно, — Фредерика говорила торопливо, пытаясь убедить собеседницу. — Филиппина, не настаивайте на этом безумии. Говорю вам, там чёрная ночь. Мы сломаем шею. Мне с т р а ш н о идти туда, — слишком реальным было ещё воспоминание о другой ночи.

— Но чего теперь бояться, Фредерика? Вы сами сказали, что Марджи мертва. Но разве вы не понимаете, что мы должны убрать её вещи, прежде чем до них доберётся Тэйн? А он их найдёт. И тогда сложит два и два и узнает правду. Мы должны защитить Марджи. Это очень важно.

— Не понимаю, какая беда, если Тэйн узнает. Вы ведь сами ему расскажете, верно?

— Конечно, не расскажу. А как же её мать, и все Саттоны, и всё наше дело? Тут всё на кону. И я пообещала Марджи. Для меня это по-прежнему важно, хоть она и умерла.

Фредерика встала.

— Всё равно это безумие. Полиция рано или поздно всё узнает, а я не намерена лазать по зарослям в темноте. Поставлю будильник, если хотите, и пойду с вами в шесть утра, до возвращения Джима. Но не сейчас.

— Хорошо. Тогда я пойду одна. Когда вы сказали, что боитесь, я и не думала, что так боитесь. Всего лишь темнота, а у меня в машине есть фонарик. Сейчас прине-

су его, — голос Филиппины внезапно упал. — О, Фредерика, я сама немного боюсь идти одна. Но я должна, обязательно, иначе не усну. Пожалуйста, пойдёте со мной. Это всего лишь минута, а потом мы ляжем спать и будем знать, что всё в порядке.

— Не понимаю, как всё может быть в порядке, — упорствовала Фредерика. — Тэйн и Питер разберутся, даже если вы им не скажете. Они не оставят случай нераскрытым. В конце концов они узнают правду.

— О, Фредерика, я думала, вы поймёте. Что могут сделать Тэйн и Питер без доказательств? Семья и Ферма — это теперь вся моя жизнь. Марджи умерла. Всё конечно. Со временем всё забудется. Может, это и безумие. Может, вы и правы. Но, пожалуйста, всё равно пойдёте со мной. Понимаете, я просто должна.

Филиппина положила на её ладонь свою маленькую сильную руку, и неожиданно Фредерика почувствовала, что устала спорить. Да и какая разница? Как часть кошмара. Чем скорее он кончится, тем лучше. Питер казался ей таким далёким.

— Хорошо, — негромко сказала она.

— Пойдёте? О, спасибо, Фредерика. Сейчас сбегая за фонарём.

Гостья ушла, а Фредерика осталась в тихой комнате и попыталась собраться с мыслями и обдумать только что услышанный рассказ. Потом неохотно направилась к двери. Когда она услышала торопливые шаги возвращающейся Филиппины, в голову Фредерике пришла новая мысль, и она пошла навстречу.

— Нашли фонарь? — сразу спросила она и, когда Филиппина показала ей, торопливо предложила: — О, хорошо, потому что там открытый колодец. Мы ещё не сделали для него крышку. Я пойду впереди и покажу вам, где он. Держите фонарь пониже и светите передо мной. Я не хочу сама в него упасть.

— Конечно, но это ерунда, ерунда, Фредерика, — голос Филиппины звучал возбуждённо, почти счастливо,

подумала Фредерика, и её собственная тревога усилилась. — Да-да, — тараторила Филиппина, — вы идите впереди, а я за вами и буду освещать дорогу, как вы говорите. Хорошо, Фредерика. О, как хорошо!

Задняя зверь захлопнулась за ними. Это безумие, подумала Фредерика, полное безумие. Она совсем спятила. Но пусть уж всё закончится. Иначе она всю ночь от меня не отстанет. Фредерика смело вступила в освещённый кружок травы.

Глава 14

Через несколько шагов Фредерика позволила себе отвести взгляд от волшебного кружка света, который двигался перед нею. Небо над головой затянули тучи, звёзды, на которые она с таким счастливым настроением смотрела из гостиной Тэйна, исчезли. Казалось, это было так давно; какой нормальной, безопасной и бесконечно далёкой выглядела та картина от мира безумия и бреда.

Сзади послышался голос Филиппины.

— Теперь видите? Я правильно держу фонарик?

— Да-да. Всё в порядке. По дорожке идти легко, только не выпускайте её из света.

— Хорошо. А я иду за вами.

Они шли вперёд в круте света. Казалось, он только усиливает тьму, которая стеной ограждала их. Пытаясь подавить панику, Фредерика лихорадочно думала, что путей для бегства у неё нет. Она слышала за собой быстрое дыхание Филиппины.

— Всё в порядке? — спросила она громче, чем собиралась. И попыталась продолжить более обычным голосом: — Колодец прямо перед нами. Боже, с него совсем сняли крышку!

— Да, вижу. Всё в порядке, — Филиппина говорила шёпотом. Потом наклонилась к Фредерике и сказала ей на ухо: — Но, mon Dieu, кто-то идёт за нами. Я слышу за собой шаги! Слушайте! Кто бы это мог быть?... О... Боже мой!.. Чёрт возьми, я выронила фонарь!

Свет погас, и их окутала удушающая тьма. Фредерика повернулась к Филиппине и протянула руку, но в этот момент что-то ударило её по голове, и она упала... вниз... вниз... вниз... в беспамятство.

Открыв глаза, Фредерика тут же снова закрыла их, потому что свет ослепил их, и словно нож разрезал ей виски. Немного погодя она попробовала снова, медленно и осторожно. Усилие вызвало боль не только в глазах, но во всём теле. Она должна узнать, где она, что случилось и откуда такая боль. Но бесполезно, она не могла думать... не могла даже держать глаза открытыми. Она снова закрыла их и погрузилась в беспамятство.

Много позже она снова попыталась открыть глаза. Знакомый голос позвал её по имени, и какой-то инстинкт подсказал, что она должна ответить. Очень важно, чтобы её слышали. Но вначале говорить она не могла. Чуть повернула голову, и боль стала такой сильной, что она закричала.

— Слава Богу... — и чуть позже: — О, слава Богу, вы живы, — голос, казалось, доносился издалека, за многие мили... откуда-то сверху.

Она попыталась поднять голову и почувствовала, как острый камень впивается в плечи. Но постепенно ей удалось отодвинуться от жёсткой стены, и она увидела перед собой круглую серую дыру, окружённую более тёмной тенью. Пока она пыталась догадаться, что это такое, тень передвинулась и снова послышался голос.

— Фредерика, вы меня слышите?

— Питер! — слабо воскликнула она и снова закрыла глаза. Теперь всё будет хорошо. Она жива, и Питер вернулся. Боль он не смог убрать. Боль и тьму. Но она заговорила. А он её услышал. И не нужно было больше бороться.

Когда Фредерика в следующий раз открыла глаза, боль в голове сохранилась, но стена за спиной стала удивительно мягкой. Фредерика осторожно осмотрелась и

увидела над собой приятное женское лицо. Попыталась заговорить, но не смогла.

Лицо исчезло, вместо него появилось другое.

— Питер, — прошептала она.

— Да. Не разговаривайте. Врач велел вам отдыхать, и, судя по виду, вы нуждаетесь в отдыхе.

— Но что... что случилось? — память постепенно возвращалась к ней, и она заставила себя медленно спросить: — Где Филиппина? С ней всё в порядке?

— Да. А сейчас спите. Вы вся в синяках и ссадинах, — он улыбнулся. — Ну, если бы вы могли увидеть своё лицо! И ничего серьёзного, кроме шишки на голове, перелома левой руки и правой лодыжки. Вы поправитесь. И больше ни слова в течение двадцати четырёх часов.

И прежде чем Фредерика смогла ответить, он исчез. Вернулась женщина и на этот раз заговорила:

— Я немного приподниму вас, чтобы вы выпили горячего молока, но постараюсь не причинять боли. А потом вы снова уснёте, и когда проснётесь, вам будет лучше, гораздо лучше.

— Хорошо, — согласилась Фредерика, как будто слово это было необыкновенно важно.

Женщина просунула ей руку под плечи и осторожно приподняла. Фредерика обнаружила, что может держать чашку в здоровой руке, и с благодарностью начала пить. Потом её опустили на подушку, и она сразу уснула.

Когда Фредерика проснулась в следующий раз, кровать её была освещена солнцем, а в открытое окно врывался ветерок с запахом сена и пижмы. Фредерике было жарко, но боль прошла. Она осторожно пошевелилась и почувствовала, что тело затекло и чуть ноет — но больше ничего. Фредерика с интересом осмотрела очень белую комнату и большое окно, затянутое сеткой. Больница, решила она, а вспомнив приятное женское лицо, подумала, что то была сестра. И собственная сообразительность очень ей понравилась. Потом она осмотрела, что могла, на себе самой. Правая рука в чёрно-синих

царапинах и пятнах, левая — в пластиковой повязке-гипсе. С большими усилиями она развязала белый мешок, служивший ночной рубашкой, и увидела ещё синяки на груди и плечах. Потом села, и ей захотелось покурить — ужасно.

Осторожно приоткрылась дверь, в щель просунулась голова Питера.

— У вас есть сигарета? — чуть раздражённо спросила она.

— Есть. А вы выглядите лучше, хотя и раздеты сильнее, чем следовало бы, — он вошёл, дал ей сигарету, прикурил её, осторожно завязал шнурки ночной рубашки и потом уселся в кресло у кровати. — Вы заслуживаете смерти, маленькая глупышка, — доброжелательно заявил он.

Фредерика не пыталась отвечать. Она наслаждалась сигаретой, и в тот момент ей было всё равно, что скажет о ней Питер или кто-нибудь другой.

Питер встал и отошёл к стене. Там стоял шкафчик с несколькими ящиками. Вскоре он вернулся с ручным зеркалом.

— Вот, — сказал он. — Можете осмотреть руины.

Фредерика бросила один только взгляд и быстро положила зеркало. Лицо сплошь покрывали длинные красные царапины. Один глаз почернел и распух; другой смотрел из глубокой пещеры удивительно чёрного цвета, а на лбу, чуть правее середины, выросла большая шишка яйцеобразной формы.

— Не понимаю, зачем вы мне это показываете, — пробурчала она.

— Невозможно не поделиться таким зрелищем, — любезно ответил он. — А вы всё равно рано или поздно узнаете. Женщины все таковы.

— Ну, теперь, когда вы позабавились, может, расскажете что-нибудь? Я хочу знать больше — всё хочу знать. И прежде всего, почему я маленькая глупышка. Я правильно цитирую?

Питер откинул голову и расхохотался.

Для Фредерики это было слишком. Она его ненавидит. Никогда никого так не ненавидела.

Наконец он перестал смеяться и взял её за здоровую руку.

— Мне всё равно, как вы выглядите, и мне нравится, когда вы не соглашаетесь. Это так по-человечески. Я представлял себе, что вы... но не будем сейчас вдаваться в подробности.

— Вы представляли себе, что я что? — не смогла сдержаться Фредерика, но тут же отняла руку и быстро сказала: — О, Питер, не дразните меня больше.

— Нет уж, теперь позвольте мне присмотреться. Вы утратили отчасти свою... скажем, чопорность... на дне колодца. Но мне показалось, вы хотите узнать, что произошло в воскресную ночь... вернее, что произошло с тех пор. На случай, если вам интересно, сейчас утро среды.

— У т р о с р е д ы! — ахнула Фредерика. — Магазин... — она беспокойно посмотрела на него.

— Успокойтесь, женщина. Магазин в порядке. Им сейчас управляет Конни Кэри, причём с новым развитием событий число посетителей возросло на сто процентов, — он неожиданно рассмеялся и продолжал: — А Конни всех заставляет покупать. Если хотят взглянуть на сцену, должны заплатить больше. За колодец — добавочная плата.

— Колодец? — спросила Фредерика.

— Да, где вы были. Я вас из него вытащил.

Фредерика со вздохом облегчения откинулась на подушку.

— Хотя я вас и ненавижу, должна признать, что вы ко мне хорошо относитесь — вы все, — просто сказала она.

Питер потрепал её по руке.

— Вы этого заслуживаете, — сказал он, — хотя и ненавидите меня.

Фредерика быстро повернула голову. Вопреки желанию, на глазах у неё выступили слезы. Это слабость,

гневно подумала она, всего лишь проклятая женская слабость.

Если Питер и заметил это, он никак не подал виду.

— На самом деле мне нужен ваш рассказ. Он гораздо важнее моего, да я вам самое важное уже рассказал.

— Пожалуйста, — с некоторым усилием сказала Фредерика, — дайте мне минуту подумать. Вначале расскажите остальное.

— Ну, хорошо. Вкратце. Я вернулся в понедельник, в семь утра, после того как за несколько часов перевернул Вашингтон вверх дном, и хоть вы мне не поверите, отправился сразу в книжный магазин с мыслью о завтраке... — он поднял руку, когда Фредерика попыталась вмешаться. — Нет, вы хотели мой рассказ и получите его *in toto* — целиком. Короче, я поднял страшный шум, пытаясь вас разбудить. Потом запаниковал, неожиданно поняв, что Джима Брауна нет на месте. К тому же все двери были открыты, а это не похоже на нашу горожанку. Я только влетел в кабинет и поднял трубку, чтобы позвонить Тэйну, как появился Джим Браун. Я обрушился на него, и более ошеломлённого и расстроенного парня мне никогда не приходилось видеть. Он всё мне рассказал — вернее, всё, что знал. Но знал достаточно, чтобы напугать меня страшно. Ну... мы не стали ждать Тэйна, а принялись систематически обыскивать весь участок. И вскоре нашли тело Филиппины...

— Тело? Но вы сказали...

— Повторяю. Не прерывайте меня, если хотите всё услышать. Она была жива, но явно в плохом состоянии. Получила удар по голове, не такой сильный, как вы. Но всё равно была похожа на труп. Джим отнёс её на кухню, и я оставил его возиться с содержимым тайного шкафчика Люси. Так вот, пока он вливал в горло Филиппине коньяк, я продолжал искать вас. Но, дьяволщина, нигде не мог найти. Признаюсь, я был не очень счастлив... хоть вы и доставляете мне столько хлопот...

— П и т е р! Неужели нужно так тянуть... Пожалуйста.

Питер улыбнулся.

— Я вам просто рассказываю, как вы сами хотели. И рассказываю по-своему. Я вернулся в дом. К тому времени Филиппина пришла в себя и, как всегда, когда она в сознании, стала логичной и последовательной. Она призналась, что вы обе согласились отпустить Джима. Рассказала, что вы с ней долго разговаривали и вспомнили о тайном убежище Марджи в сарае...

— Верно.

— Правда? Хорошо. Она сказала, что ей захотелось взглянуть на вещи Марджи, хоть было уже поздно, но вы возражали, потому что испугались...

— Я... должна признать, что действительно...

— И не без причины, должен добавить. Я тогда страшно на неё разозлился и всячески ругал за подобную эскападу... за такое безумие. И тут она выложила историю о том, что у Марджи был комплекс вины, и она приняла яд, а Филиппина хотела защитить её доброе имя... а также, я думаю, свой бизнес... хотела посмотреть вещи Марджи, прежде чем это сделает полиция...

— Но ведь это правда? Я хочу сказать, разве Марджи не покончила с собой?

— Вы совершенно спятили, Фредерика, хоть немного крупниц здравого смысла у вас осталось? Если виновна Марджи, кто тогда ударил вас по голове — п о с л е с м е р т и М а р д ж и?

— Я об этом ещё не думала, — слабо сопротивлялась Фредерика.

— Дальше Филиппина рассказала, как две умницы вышли с вашим фонариком...

— С её фонариком.

— Какая разница? Именно им вас обеих ударили по голове, — казалось, терпение Питера кончилось. — Она рассказала, что услышала шаги позади, в панике выронила фонарик, получила по голове и больше ничего не помнит. Сказала, что вы шли перед ней и только что предупредили о старом колодце... тут у меня появилась

новая идея, и я побежал... и вскоре нашёл колодец, тщательно прикрытый досками. Доски я сорвал, и, конечно, там лежала наша Фредерика, съёжившись, на дне, которое, слава богу, было завалено срезанными ветками. Крис, должно быть, много лет сбрасывал их туда. И упали вы на сухое место...

— Не очень.

— Достаточно, чтобы не утонуть. Я крикнул — вы ответили. Признаюсь, приятно было услышать. Ну, а вытащить вас оттуда и доставить сюда было просто. К этому времени, вы, конечно, снова потеряли сознание. Джим помогал мне. Филиппина лежала на диване, а пока мы вас извлекали и отправляли в больницу, она смогла сама уехать на Ферму. К нам присоединился Тэйн. А теперь, мальчики и девочки, всё на сегодня. Завтра в то же самое время продолжение.

— О, Питер, з а т к н и т е с ь!

— Уже. Ваша очередь.

— Филиппина всё рассказала точно. Могу признать, что действовала не очень-то умно, но мне не хотелось казаться менее храброй, чем Филиппина. Особенно после её рассказа о Марджи и о том, что бояться больше нечего.

— Что она вам точно сказала?

— Наверное, то же, что и вам, — ответила Фредерика. Полковник попросил вспомнить подробности, она вспомнила и повторила слово за словом весь разговор с Филиппиной.

— Да. Мне она сказала почти то же самое.

— Это имеет смысл.

— И м е л о смысл, хотите вы сказать. Кажется, вы забыли, что чуть не произошло ещё одно убийство.

— Конечно, разница есть. Но почему вы не говорите «ещё два убийства»?

— Что? Ах, да — два, если хотите, — с отсутствующим видом согласился Питер. — Загадка сейчас в убежище Марджи. Полиция нашла там косметичку, флакончики с косметикой, несколько писем от фирм, рекламирующих

средства ухода за кожей, — очевидно, Марджи писала им, — несколько комиксов и больше ничего интересного...

— Это я всё помню по своему первому посещению после убийства Кэтрин. С тех пор я не подходила к теплице. Тэйн рассказал мне об этих вещах, и я собиралась поговорить о них с Марджи, но так и не успела. А потом Крис сказал, что мисс Хартвел разрешила ей пользоваться теплицей, и я оставила всё на месте, как и Тэйн. Во всяком случае без его разрешения я бы не стала трогать.

— А почему вы решили, что нужно его разрешение?

— Точно не знаю, — медленно ответила Фредерика. — Просто он мне сказал об этом. Вообще-то ничего особенного, он просто сообщил, что они нашли несколько странностей в саду. Поэтому я, обнаружив вещи Марджи, подумала, что он их имел в виду. И, вероятно, хорошо войдя в роль Ватсона, недурно натасканного Холмсом, я не захотела избавляться от вещей как раз потому, что он знал о них. Может, там было растение или ещё что-нибудь.

— Хорошая девочка, — одобрил Питер и посмотрел на часы. — Сестра дала мне час, и кажется, снаружи уже раздаётся зловещее царапанье, так что я, пожалуй, пойду, пока не выгнали, — он встал, наклонился и легко поцеловал Фредерику в лоб. — Повторяю, — сказал он мягко, — хорошая девочка, но, возможно, чуть глуповатая, мой дорогой Ватсон.

Фредерика снова отвернулась к стене, чтобы скрыть слёзы. У двери Питер остановил свой полёт, чтобы оставить последний наказ:

— Фредерика, вы должны отдыхать, спать и есть. Рука и нога задержат вас ненадолго, вы совершенно нормальны, и мы надеемся, через день-два вернётесь к работе. Следовало бы добавить «Забудьте этот кошмар», но я знаю, что вы всё равно его не забудете, и в своих интересах я бы хотел сказать прямо противоположное. Постарайтесь всё вспомнить. Покопайтесь в мельчайших

подробностях. Вспомнив о марках Криса и о тех письмах, вы дали мне необычайно ценный ключ... Поэтому, лёжа здесь, пожалуйста, вспомните все дни с вашего приезда. И особо подумайте о последней воскресной ночи — припомните каждый её несчастный миг.

— Хорошо, Питер, — негромко согласилась Фредерика. — Постараюсь, — и тут ей пришла в голову неожиданная мысль. — А тот ключ. Вы узнали что-нибудь в Вашингтоне?

— Да, кое-что, но недостаточно. Я теперь знаю, кто убил Кэтрин Клей и, вероятно, Марджи, кто напал на вас с Филиппиной. Да, я это знаю. Но у меня нет д о к а з а т е л ь с т в. И в этом вы можете мне помочь.

— П и т е р. Если знаете, почему не говорите мне? Если бы я знала, могла бы думать гораздо лучше.

— Нет. Я так не считаю. Тогда вы стали бы выдумывать — не сознательно, нет, вы просто будете подрезать пальцы, чтобы надеть туфельку, как сёстры Золушки. К тому же вы не умеете обманывать, моя дорогая Фредерика, а я не хочу, чтобы на вас напали снова. Вторичное нападение может оказаться успешнее. На всякий случай мы вас здесь держим под охраной. Видите ли, убийца, как и я, может подумать, что вы помните что-то важное. Простите, но первое правило здесь: «НИКАКИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ».

— А вы сами? — слегка раздражённо спросила Фредерика. Все эти неприятности вдруг стали очень значительными. Эта тайна, неожиданная склонность к слёзам, беспомощно тяжёлые рука и нога, а теперь ещё заключение и вся официальность.

— Я полиция, причём особая, — Питер улыбнулся. — Вероятно, я вам уже надоел. Но если почувствуете вдохновение, пожалуйста, попросите сестру позвонить в участок. Там все получили приказ сразу сообщать мне хорошие новости. И я, где бы ни был, прилечу с максимальной скоростью.

— Ну, по крайней мере есть чего ждать, — проворчала

Фредерика. Питер и мир по-прежнему раздражали её, к тому же начала снова болеть голова.

Питер Мохан не стал отвечать. Но, поворачиваясь и исчезая, он улыбался.

Фредерика лежала, слушая, как затихают его шаги в коридоре. Сегодня он не надел свои неслышные шпионские башмаки, подумала она. Тем не менее он доволен собой и загадочен. Ну, пусть думает, как хочет...

Час спустя Фредерика открыла глаза и увидела сестру.

— Вы прекрасно поспали. А теперь умоемся, и я принесу вам ланч.

Голова Фредерики по-прежнему тупо ныла, но она сумела с помощью сестры сесть. Женщина суежилась, помогая ей, и Фредерика почувствовала себя лучше.

— Вы смыли мою головную боль и, надеюсь, дурное настроение, — сказала наконец Фредерика.

— Вы имеете право на головную боль, на дурное настроение и на что угодно, — неожиданно ответила сестра. — Полагаю, город теперь прекратит сплетничать. А может, теперь начнут говорить, что вы сами себя ударили по голове и сбросили в колодезь. И такое возможно... А сейчас я принесу вам поесть. Проголодались? — когда Фредерика кивнула, женщина тут же унеслась. Фредерика смотрела на её широкую удаляющуюся спину. Потом, чувствуя себя избалованной, но благодарной, расслабленно откинулась на подушку. Убийства, Южный Саттон, даже книжный магазин казались теперь чем-то таким далёким.

— Мисс Сандерс, — представилась сестра, ставя поднос с едой ей на колени.

— А я Фредерика Винг.

Сестра рассмеялась.

— О, этого можете мне не говорить. Просто ешьте свой ланч. Я вам нарежу салат. Не очень изящно, может быть, зато удобно будет есть одной рукой. Вернее следует сказать одной рукой с половиной.

Фредерика не ответила, потому что начала думать.

Убийства, Южный Саттон, книжный магазин — и Питер — вернулись в тихую палату. Она задумчиво смотрела на еду. А когда подняла голову, мисс Сандерс отвернулась от постели и что-то прибирала в палате.

— Простите, мисс Сандерс, я вас не поблагодарила, а вы так добры ко мне. Я попыталась вспомнить всё, что со мной случилось, и сразу начала...

— Вам повезло, что вы выжили и вообще можете вспоминать, — твёрдо ответила сестра. — И не благодаря полиции, — добавила она мрачно. — Понять не могу, как они оставили вас без защиты.

Это напомнило Фредерике предыдущие неодобрительные замечания женщины, и она спросила:

— Вы недавно что-то говорили о жителях города. Правда, что они считали меня убийцей?

— О, да! Чего только они о вас рассказывали! Вы не поверите. И только потому, что вы не местная.

— Но тут же много приезжих. Студенты, преподаватели, сама Кэтрин Клей — и Филиппина и Роджер Саттон кстати.

— Студенты и преподаватели не в счёт. А Кэтрин Клей, Филиппина и Роджер принадлежат к семье Саттонов, даже если не жили здесь. Всё равно они считаются местными, а вот вы настоящий чужак.

— О... Боже...

— Не расстраивайтесь. Теперь только спятивший вас заподозрит. А когда выздоровеете, больше не будете чувствовать себя чужаком. Обычно на это требуется больше времени, но вся эта история ускорит дело.

— Вы, значит, тоже не местная?

— Конечно, нет. Пять лет в следующем марте, как я здесь.

Обе рассмеялись, потом Фредерика снова замолчала и задумалась. Мисс Сандерс неслышно подобрала поднос и направилась к выходу.

Неожиданно Фредерика села и попыталась опустить ноги на пол. Тяжесть в ноге напомнила ей, что она не

может этого сделать. И тут она чуть не закричала уходящей женщине:

— Сестра! Мисс Сандерс!

Женщина повернулась, посуда на подносе звякнула.

— Боже, вы меня испугали. В чём дело? — спросила она чуть резковато.

— Пожалуйста, позвоните в полицейский участок и попросите передать сообщение полковнику Мохану. Это чрезвычайно важно. Я хочу, чтобы он немедленно пришёл ко мне. Я... я кое-что вспомнила.

Мгновение мисс Сандерс боролась с желанием узнать, что же это такое. Потом профессиональная подготовка и характер взяли верх, и она спокойно ответила:

— Хорошо, мисс Винг. Как только поставлю поднос и доберусь до телефона.

— Спасибо... О, спасибо, — поблагодорила Фредерика и, не удержавшись, добавила: — Но вы ведь поторопитесь?

К счастью, мисс Сандерс уже вышла.

Глава 15

Когда Питер Мохан покинул палату Фредерики и пошёл по длинному коридору, где пахло мылом и дезинфектантами, улыбка исчезла с его лица и сменилась сосредоточенным выражением. Выйдя из госпиталя, он остановился в тени гигантского клёна и закурил сигарету. Потом неторопливо сел в машину. Полковник поехал в сторону Южного Саттона, солнце освещало брезентовый верх старого форда, и на лбу у водителя выступили капли пота. Держа руль правой рукой, левой он нашёл в кармане платок. С отсутствующим видом вытер лоб и шею, сосредоточенное выражение не покидало его лица.

И когда он по Буковой улице въехал в город и собрался было затормозить у полицейского участка, к нему пришло вдохновение. Он не остановился. Напротив, увеличил скорость, подъехал к магазину мисс Хартвел, завёл маши-

ну в аллею и оставил её там. С удовлетворением заметив, что поблизости никого нет, полковник быстро выбрался, пробежал по аллее, пока не добрался до прохода к убежищу Марджи, с трудом протащил своё большое тело через дыру и устремился прямо к старой теплице.

Внутри было очень жарко. Солнце светило почти вертикально, а ближайшее дерево совсем не давало тени. Питер камнем открыл дверь и принялся систематически осматривать каждый дюйм пола и стен. Не найдя ничего интересного, кроме груды пустых пузырьков, он взял с полки два флакончика и баночку, прочёл этикетки, открыл, понюхал содержимое и поставил на место. Стандартная косметика, с этикетками, с обычным запахом. Он стоял неподвижно и смотрел на полку. Между двумя бутылочками в пыли отчётливо отпечатался круг. Питер взял соседнюю баночку, сравнение показало, что её донышко меньше круга. Сосредоточенность его усилилась, он начал искать подходящий флакон, но не нашёл. Потом просмотрел косметичку и тоже ничего не обнаружил. Наконец занялся комиксами и письмами. Письма как две капли воды походили одно на другое. Например, письмо с заголовком «Компания Кремов Идеальной Красоты», было отправлено из Чикаго. Питер прочёл:

Дорогая мисс Хартвел!

В ответ на ваш последний запрос сообщаем, что, судя по описанию вашего случая, вам необходим наш крем номер 43. Высылаем вам небольшой флакон в качестве образца, но просим иметь в виду, что в таком серьёзном случае, как ваш, требуется большое количество и постоянное применение. Мы с радостью вышлем вам крем по получении чека в три доллара.

Искренне ваш...

Подпись была проставлена штампом и смазана.

— Бедный ребёнок, — вслух сказал Питер, возвращая письмо на место и просматривая другие, аналогичные.

— А, это вы, полковник Мохан, — послышался негромкий голос позади. Питер быстро повернулся и увидел Криса.

— Простите, сэр, но я увидел открытую дверь и подумал, может, дети.

— Нечего извиняться, Крис. Я просто осматриваюсь, — полковник достал сигареты и предложил одну старику.
— Здесь жарко, как в аду. Я уже собирался уходить.

Они пошли по тропинке к дому, и Питер спросил:

— Марджи часто бывала в сарае, Крис?

— Конечно. Днём и ночью пробиралась через дыру. Бедный ребёнок.

— И даже в последнюю неделю, Крис?

Старик снял шляпу и почесал затылок.

— Да, сэр. Теперь я вспомнил. Она была здесь перед тем, как заболела. Я сказал Джиму, чтобы он её не трогал. Мисс Хартвел разрешала ей тут играть. Никакого вреда.

— Конечно, нет.

— Я никому не говорил. Её мама очень сердилась, что она всякие кремы кладёт на лицо, и поэтому мы с мисс Хартвел держали в тайне, пока полицейские не стали смотреть всё вокруг и не нашли. Но они ничего не забрали, и девочка приходила днём и ночью, как я вам говорил. Она любила это своё укрытие, — и старик тяжело вздохнул.

Когда они подходили к дому, Конни услышала шаги и вышла наружу.

— Привет, Питер, — поздоровалась она. — Есть хотите? А как вы, Крис?

Мужчины согласились, сели на крыльцо, а Конни вернулась в дом.

Питер смотрел на муравья, тащившего чьё-то огромное яйцо. Положил прутик на пути муравья, не сознавая, что делает. Потом вдруг встал.

— Послушайте, Крис, — сказал он, и в голосе его прозвучало оживление.

— Да, сэр, — ответил Крис, вставая с явной неохотой.

— Я хочу, чтобы вы мне помогли. Я думаю... да, я уверен, что здесь недавно что-то закопали. Общем всю территорию, каждый дюйм.

Снова появилась Конни.

— Хорошо, ищейки, но сначала вы должны поесть, — и она поставила рядом поднос с тарелкой сэндвичей и двумя большими чашками кофе.

— Отлично, — сказал Питер. — Да, спасибо. А как вы?

— Не выйдет. Даже в ланч у меня с полдесятка покупателей.

Хлопнула дверь, Конни ушла. Мужчины быстро прикончили сэндвичи с кофе, и Питер предложил:

— Начнём прямо у теплицы и будем продвигаться к дому.

— Простите, сэр, но что вы думаете найти закопанным в земле?

— В том-то и дело, Крис, что я сам не знаю. Думаю, средних размеров круглая коробка или банка, но даже в этом не уверен.

Крис снова снял шляпу и почесал голову.

— Я помню место у старого явора. Думал, собака закопала большую кость. Там всё разрыто.

Питер положил Крису на плечо тяжелую руку.

— Молодчина, — спокойно сказал он, но не смог скрыть своего возбуждения.

Через несколько минут они уже раскапывали место в глубине кустарника примерно на полпути между теплицей и старым колодцем. И вскоре лопата Криса задела что-то твёрдое.

— Осторожно. Сейчас я попробую, — быстро предупредил Питер. Он принялся раскапывать руками и сразу обнаружил небольшой разбитый флакончик, из которого вытекал густой крем, перемешавшийся с землёй. Крем розового цвета.

— Никогда такого не видел, — сказал Крис.

Питер некоторое время смотрел на осколки стекла и густую жидкость. Потом достал платок и взял флакончик, не касаясь его руками.

— Так вот оно что! Бог ты мой! — сказал он. Завернул сокровище в платок, положил в карман и с места рванул к задним воротам. Секунду спустя Крис, стоявший с раскрытым ртом, услышал, как машина начала задом выезжать из аллеи. Вдалеке взревел мотор, и в сад вернулась тишина. Крис снова почесал голову и занялся своей работой.

А Питер поехал в участок. Дежурный сержант сообщил ему, что Тэйн Кэри на Ферме.

— Хорошо, — сказал Питер. — Я тоже туда.

— Вам сообщение, полковник Мохан. Только что поступило. Звонила мисс Сандерс из больницы. Мисс Винг хочет, чтобы вы как можно скорее увиделись с нею.

Питер колебался всего секунду. Потом ответил:

— Не могу. Должен ехать на Ферму.

— Позвонить ей?

— Нет, я недолго. Не звоните.

— Хорошо.

Питер пошёл было к машине, но потом вернулся.

— Где Джим Браун? — спросил он.

— Только что отправился домой поесть. Он тоже был на Ферме. Когда босс приехал туда, он отослал Джима.

— А остальные?

— Парни из Ворчестера? Вернулись к себе.

Очевидно, городские и окружные полицейские недолюбливали друг друга. Питер улыбнулся.

— Ну, ладно, — сказал он, — надеюсь, Джим успел поесть. Боюсь, он мне нужен.

Сержант уже открывал рот, но Питер, почувствовав, что тот собирается задать вопрос, выскочил на самый солнцепёк. Чуть погодя он затормозил у дома Джима, небольшого коттеджа в нескольких сотнях метров от участка. В ответ на громкий стук Питера вышла жена Джима и с явной неохотой позвала мужа. Но уже секунды спустя Джим сидел в машине.

— Наконец-то фейерверк? — спросил он, когда машина тронулась.

— Мне кажется, да.

— Как мисс Винг?

— Сломаны рука и нога, шок, в остальном в порядке.

— Полковник Мохан, я никогда себя не прощу.

— Как оказалось, Джим, это привело к завершению расследования. Так что забудьте об этом, малыш.

Дальше они ехали молча, но, когда приближались к Ферме, Питер спросил:

— Вы, конечно, вооружены?

— Да. Я как раз снимал пояс с пистолетом, собираясь поесть. Но увидел вас в окно и автоматически снова надел.

— Хорошо. Простите, что помешал вашему обеду.

— Выдержу.

Теперь машина медленно катилась по подъездному пути.

— Я остановлюсь перед последним поворотом, чтобы нас не было видно из дома. Вы, наверное, заметили, что я пытался подъехать как можно тише.

Джим рассмеялся.

— Эти старые развалины ездить могут, но уж слишком гремят при этом. Я видел в гараже вашу новую машину. Отличная работа.

Питер улыбнулся.

— Интересно, как быстро слухи расходятся по Южному Саттону, Массачусетс, — сказал он. — Но мне повезло, что под рукой оказалась именно эта машина. Послушайте, чего я жду от вас, — он остановил форд на дороге, перед самым поворотом, ведущим к передней двери. Двое мужчин сидели в машине, Питер рассказывал о своих планах.

Когда Питер шёл по дороге к дому, было тихо, только пронзительно трещали цикады и негромко скрипел гравий у него под ногами. Безмятежный мир середины лета, подумал Питер. И был бы мир, если бы чёрт Фредерики не решил с ними поиграть. Когда же это было? Она чихнула в воскресенье, за неделю до того, как нашла

мёртвую Кэтрин Клей в своём гамаке, а ещё через неделю умерла Марджи Хартвел... Неудивительно, что Южный Саттон недоброжелательно поглядывал на Фредерику. И всё же если бы не она, вероятно, последовали бы ещё смерти и никакого объяснения. Вне всякого сомнения, Южный Саттон в долгу перед Фредерикой Винг и её предупреждающим чиханием. Питер Мохан тоже перед ней в долгу — и это несомненно.

Питер поднялся на крыльцо и осторожно толкнул дверь. Никого не было видно. Дверь открылась с предательским скрипом. Питер про себя выругался.

— Кто там? — слышался чей-то голос.

— Всего лишь Питер Мохан, — ответил он.

— О, Питер... Идите к заднему крыльцу. Вы как раз к чаю со льдом.

Через коридор и гостиную Питер прошёл к заднему крыльцу под навесом и остановился в дверях. В большом кресле сидел Тэйн Кэри, рядом с ним на диванчике — миссис Саттон. Она штопала носки. На столике между ними стоял поднос с кувшином чая со льдом и несколькими высокими стаканами. Больше никого не было.

Спокойная домашняя сцена подействовала на Питера как разрядка напряжения. Он несколько мгновений стоял, глядя на сидевших. Потом хрипло проговорил:

— Кэри... простите, Маргарет, но я должен поговорить с Кэри... немедленно...

Тэйн Кэри встал и направился к нему.

— Только снаружи дома. Я приглядываю за дверью лаборатории, — негромко сказал он.

Мужчины вышли. Секунду спустя Маргарет Саттон положила носок и вышла за ними.

Как только они вышли из дома, Питер сказал:

— Я нашёл доказательство, но не могу сейчас объяснить. Где она?

— Вы ищете Филиппину? — негромко спросила миссис Саттон.

Мужчины подпрыгнули и повернулись к ней. Марга-

рет Саттон посмотрела сначала на Тэйна, потом на Питера. Оба молчали, и немного погодя она медленно заговорила:

— Я знаю. Я видела, что вы следите за ней, Тэйн. Но знала давно. Боюсь, ещё раньше вас. Я думала... Боже, какая теперь разница, что я думала? Она весь день провела в лаборатории. И сейчас ещё там. Верно, Тэйн?

— Да.

— Вы хотите её арестовать?

Настала очередь Питера отвечать.

— Да. Должны. И немедленно.

Маргарет Саттон положила руку на руку Питера, и он окинул её быстрым взглядом. Как она постарела, подумал он, какой необыкновенно печальной и уставшей кажется.

— Могу я попросить вас об одолжении? — спросила она. — Разрешите мне первой поговорить с ней. Не её нужно винить, — она пристально смотрела им в лица, а они смотрели на неё.

Мужчины переглянулись, и Тэйн ответил:

— Конечно, Маргарет, если вы настаиваете. Но мы пойдём с вами — и мы оба вооружены. Понимаете?

— Да. Понимаю. Но в этом нет необходимости.

Они медленно прошли по дорожке к лаборатории. Около входа остановились и прислушались. Потом миссис Саттон позвала:

— Фил, где ты?

— В комнате с травами, тётя Мэгги. Я вам нужна? Сейчас выйду.

— Нет, я сама приду к тебе, — старая женщина повернулась к мужчинам. — Я войду одна.

— Нет... — в один голос ответили оба.

— Хорошо.

Когда они вошли в помещение, Филиппина повернулась от стола.

— Боюсь, я сегодня несколько необщительна, тётя, но столько работы, — начала было говорить она и смолкла, увидев мужчин.

- Не хочешь ли что-нибудь сказать мне, Филиппина?
- негромко спросила миссис Саттон.
- Сказать вам? Нет, не думаю. А что?
- Эти люди обвиняют тебя в убийстве Кэтрин, и я сказала, что сначала хочу поговорить с тобой.
- У б и й с т в е? Но это же безумие, — спокойно ответила Филиппина.

Питер внимательно смотрел на неё и не видел ни следа тревоги или страха. Он выступил вперёд и тихо заговорил:

— Бесполезно, Маргарет. Филиппина будет сражаться до конца, пока не останется надежды. Верно? — обратился он к стоявшей перед ними женщине.

— Мне незачем сражаться, Питер. Я невиновна.

«Боже, никогда не видел такой превосходной игры!» — думал Тэйн, наблюдая за ней.

— Хорошо, тогда как вы это объясните? — Питер достал из крамана завернутые в носовой платок остатки флакончика с жидкостью.

— А что это такое? — с явным выражением отвращения на лице спросила Филиппина.

— Это флакон с ядовитым кремом для лица, так я полагаю. Вы закопали его вечером в воскресенье на заднем дворе мисс Хартвел, после того, как решили, что избавились от Фредерики Винг. Я ещё не посылал его в лабораторию, мне это не нужно. Но Тэйн со временем получит отчет. Больше того, на этот раз, если только я не ошибаюсь, вы забыли об одной мелочи — об отпечатках пальцев.

— Вы с ума сошли, вы все, — спокойно ответила Филиппина. — Понятия не имею, о чём вы говорите. Я знаю и рассказывала вам, что Марджи Хартвел отравила Кэтрин... Если, как вы утверждаете, крем отравлен, значит, она отравила и себя. Вот только интересно, зачем она это сделала.

— Но, Филиппина, — неожиданно вступила в разговор миссис Саттон. — Марджи не стала бы травить себя

кремом для лица. Она не стала бы ещё больше портить своё лицо. Нет, Филиппина. Понимаешь... я видела...

Тут она неожиданно замолчала, и, прежде чем смогла продолжить, заговорила Филиппина. Питер заметил, что лицо её впервые побледнело, а голос стал хриплым и резким.

— Если собираетесь и дальше нести этот вздор, идёте в дом, сядем. Мэгги нельзя долго стоять на больной ноге.

— Хорошая идея, — быстро согласился Тэйн. Он кивнул миссис Саттон, та молча повернулась и прошла в дверь. — Вы следующая, Филиппина, — пригласил женщину Тэйн, — а мы с Питером пойдём сзади.

Маленькая процессия вышла на дорожку. И тут без всякого предупреждения, с молниеносной скоростью, Филиппина выхватила маленький револьвер из кармана белого халата и повернулась лицом к мужчинам. Поступок её был таким внезапным, что ни Тэйн, ни Питер не успели пошевелинуться.

— Стойте на месте, — свирепо приказала Филиппина. — Все стойте. Пошевелиньте пальцем — и я выстрелю. И убью!

Питер попробовал было достать пистолет, и мимо его левого уха просвистела пуля. Он выругал себя идиотом.

— Я говорю серьёзно, — спокойно продолжала Филиппина. — Теперь, пожалуйста, поднимите руки, — Тэйн и Питер не делали дальнейших попыток к сопротивлению, и Филиппина отобрала у них пистолеты и положила к себе в карман. Потом попятилась к джипу, который стоял между ними и подъездной дорогой.

— Боже, никогда мне не хотелось так убить, как сейчас, — прошептал Тэйн.

Филиппина уже дошла до машины и садилась за руль, когда неожиданно миссис Саттон, о которой все позабыли, наклонилась и подобрала один из больших камней, которые ограждали клумбу. Она бросила камень в женщину в машине, прозвучал второй выстрел, и миссис Саттон упала на траву у дороги. В то же мгновение джип

с рёвом устремился вперёд, Питер рванулся к Маргарет, а Тэйн схватил другой камень и в бессильной ярости бросил в удалявшуюся машину.

Питер только взглянул на красное пятно, расползавшееся по белому воротничку Маргарет, и проверил её пульс. Потом встал и крикнул Тэйну:

— Бесполезно, Кэри. Лучше помогите мне здесь, — и когда Тэйн подошёл, добавил: — У Маргарет всего лишь ранено плечо, но не благодаря нам. Тем более, что определённые предосторожности я предпринял.

Секунду спустя раздался страшный грохот. Из двери дома, как чёртик из табакерки, выскочила миссис Хартвел. Тэйн и Питер осторожно подняли Маргарет Саттон и внесли в гостиную.

— Боюсь, Филиппина не выживет, — пояснил свои предыдущие слова Питер. — Я поставил свой любимый форд на середине дороги, за ближайшим поворотом, а она шла на большой скорости. Там Джим, он подберёт куски. Но мы с вами пара простаков, Тэйн. Никогда не думал, что она вооружена. Вы тоже, очевидно.

— Конечно. Боже, что за женщина!

— Вы сами это сказали, мудрец, сами. И какая хладнокровная!

Миссис Хартвел осталась возле Маргарет Саттон, Питер пошёл звонить доктору Скотту, а Тэйн заторопился к подъездному пути.

Глава 16

Что там говорил Питер? «Где бы я ни был, прилечу с максимальной скоростью».

Не прилетел. Фредерика пыталась читать, но от этого заболела голова. Не менее ста раз она смотрела на часы и почти столько же раз вызывала мисс Сандерс. Но от Питера ни слова.

День приближался к вечеру, в палате стало жарко, рука и нога в пластиковых обмотках ужасно ныли и чесались.

Фредерика в который раз перевернула подушки и легла на спину. Палата была совершенно белая, чистая, голая и пахла дезинфекцией. Не на что посмотреть, кроме маленькой ленивой мухи, которая неторопливо ползала по потолку. Фредерика закрыла глаза и застонала.

Дверь открылась, и Фредерика радостно села. Но это была только мисс Сандерс с подносом.

— Я принесла вам чая со льдом. Становится жарко, а в этой палате летом словно парная. Я бы не поместила вас сюда, если бы мне решать.

Для неё я только п а ц и е н т к а. Я не Фредерика Винг, в беспомощных руках которой разгадка таинственных убийств в Южном Саттоне. Для неё и для всех остальных я не доктор Ватсон Питера. О, милостивый Боже, где же он? Неожиданно Фредерика ощутила тишину в палате и быстро заговорила:

— Сестра, спасибо за чай и простите, что не поблагодарила сразу. Дело в том, что я всё жду. Я вспомнила кое-что и наверняка знаю: очень важно, чтобы об этом узнал полковник Мохан. А он... он не пришёл...

Мисс Сандерс поняла, что пациентка близка к слезам.

— Не волнуйтесь, мисс Винг, — твёрдо ответила она.

— Вы доведёте себя до такого состояния, что не сможете говорить с полковником Моханом, когда он придёт. Выпейте чаю, будьте хорошей девочкой.

Фредерика еле отогнала глупые слёзы.

— Оставайтесь со мной на несколько минут, мисс Сандерс. Читать я не могу, смотреть не на что, а думать не хочется.

Мисс Сандерс опустила своё полное тело в кресло у кровати. Фредерика медленно пила чай и пыталась найти тему для разговора. Но разговор не получался, и вскоре сестра встала.

— Я не должна здесь сидеть. У меня ещё много пациентов. Дать вам аспирина от головы?

— Нет. Спасибо. Чай подействовал как надо. Сейчас всё в порядке.

Мисс Сандерс с явным облегчением неторопливо удалилась, и Фредерика снова осталась один на один со своими мыслями.

Уже стемнело, когда наконец появился Питер. Фредерика как раз беспокойно уснула, но сразу проснулась, услышав его шаги в коридоре. Это не Питер, решила она и повернулась, собираясь снова уснуть. Но тут открылась дверь, и она села, мигая в неожиданном свете. Потом увидела его лицо и сразу забыла и своё дурное настроение и жалость к себе. Он был без пиджака, в порванной рубашке, грязной и потной. Волосы растрёпаны, а лицо посерело и покрылось морщинами. Тяжело садясь в кресло, он выглядел старым и совершенно истощённым. Долгое время он тихо сидел.

Фредерика протянула здоровую руку и осторожно коснулась его руки.

— Вы здоровы, Питер? — беспомощно спросила она, зная, что что-то не в порядке.

— Да — телом, — медленно ответил он. — Как вы думаете, здесь можно раздобыть коньяк?

Фредерика нажала кнопку — современный вариант колокольчика, и оба молча ждали. Очень нескоро в двери показалась голова молодой сестры.

— А где мисс Сандерс? — нетерпеливо спросила Фредерика.

— Ушла. Её смена закончилась. Уже больше восьми часов вечера.

— О... Не могли бы вы отыскать немного коньяка? Боюсь, полковник Мохан... ему плохо... мы оба...

Сестра подозрительно посмотрела на них и исчезла.

Питер взглянул на Фредерику и медленно произнёс:

— Приятно вас видеть. Был момент, когда я подумал, что больше...

Фредерика взяла его за руку и крепко сжимала, пока не вернулась сестра с двумя маленькими стаканчиками коньяка на подносе. Поднос она с молчаливым неодобрением поставила на тумбочку.

— Что-нибудь ещё, мисс Винг? — спросила она у Фредерики, глядя при этом на Питера. Тот покачал головой и махнул рукой.

— Спасибо, — быстро поблагодарила сестру Фредерика, а когда девушка вышла, добавила: — Выпейте оба и посидите молча. Торопиться некуда.

Полковник медленно и с явным удовольствием выпил весь коньяк, потом предложил Фредерике сигарету и закурил сам. И спокойно сказал:

— Всё кончено.

— Я так и подумала по вашему виду. Можете говорить об этом?

— Да. Через минуту. Сначала скажите, зачем я вам был нужен.

— Теперь это кажется неважным, но мне показалось, что я знаю нужное вам доказательство. Видите ли, я пыталась поступить, как вы сказали. Мысленно возвращалась в прошлое и обдумывала каждую минуту, особенно последнюю ночь. И вдруг поняла, что не было никакого третьего человека, который ударил меня. Это Филиппина.

— Да. Она. Как вы догадались?

— Ну, вы сказали, что меня ударили фонарём. Вероятно, на нём остались мои следы и её. Это казалось мне разумным, пока я не вспомнила, что едва она сказала: «Я уронила фонарь» или что-то в этом роде, как меня ударили -- с р а з у ж е. На то, чтобы подобрать фонарь, просто не было времени. Но если меня ударили фонарём, она не могла его выронить. Значит, просто выключила и ударила меня.

— Так оно и было. С её стороны это было неосторожно. Но нападение на вас Филиппина не успела тщательно продумать. Из-за вас ей пришлось пересмотреть многие свои планы. Ей срочно потребовалось заставить вас замолчать. Но она не знала, что колодец пересох. Иначе она наверняка прикончила бы вас, прежде чем сбросить туда.

— О, Питер! — Фредерика крепче сжала его большую руку. — Наверное, я бы гораздо раньше поняла, что это Филиппина, если бы... Она мне так нравилась!

— В этом и состоит тайна её поразительного успеха. Она всем нравилась — кроме, конечно, Кэтрин Клей. Она и полагалась на эту свою привлекательность, буквально вырабатывала её в себе, как работала над ядами в лаборатории...

— Значит, это она отравила Марджи?

— О, да. И самым дьявольским способом. Видите ли, то, что она рассказала о Марджи, наполняющей капсулы в лаборатории, было правдой, только **н а о б о р о т**. Марджи увидела Филиппину и, будучи Марджи, стала задавать вопросы. Какой-то ответ на время её удовлетворил, и Филиппина тогда не встревожилась. Ведь она считала, что смерть Кэтрин отнесут на счёт слишком большой дозы наркотика или случайности. То есть путём инъекции, а не капсулами. Она собиралась сразу после смерти Кэтрин достать оставшиеся ядовитые капсулы из табакерки Кэтрин до того, как их найдёт полиция. Если бы это ей удалось, Марджи больше не думала бы о случае в лаборатории.

— Но Филиппина не смогла бы добраться до тела.

— Смогла бы. Я думаю, она следила за Кэтрин, потому что от Роджера я узнал, что они собирали травы в тот день не вместе, а в разных направлениях. К несчастью для планов Филиппины, Кэтрин выронила табакерку в густой траве у вашего заднего крыльца. Филиппина могла лишь поискать её, но не нашла.

— А когда она нашлась, было уже поздно.

— Да. Но даже тогда могло быть не поздно. Марджи рассказала Филиппине о том, что табакерку нашли. Глупая девочка сразу вспомнила, что видела табакерку в руках Филиппины в тот день в лаборатории, и сказала ей об этом. Тогда ещё никто не знал о яде в капсулах, и Марджи не сложила два и два. Но Филиппина знала, что должна раздобыть табакерку с капсулами. А если не

получится, должна избавиться от Марджи, которая сможет связать их с нею. Она решила достать табакерку с помощью Марджи. Сказала ей, что не верит, будто табакерка та же самая. Марджи попыталась забрать её у вас и не смогла, как мы знаем. Потом стало известно об отравлении. Тут Марджи наконец сложила два и два, и Филиппине пришлось от неё срочно избавляться, потому что она в любую минуту могла рассказать о ней.

— Но почему Марджи сразу не рассказала?

— Не знаю. Филиппина сейчас ничего сообщить не может, поэтому я говорю предположительно. Но мне кажется, что она чем-то держала девочку. Может, даже сказала, что пойдёт в полицию со своей историей, и ей поверят скорее, чем Марджи. Филиппина, вероятно, пригрозила, что расскажет, будто застала Марджи в лаборатории со шкатулкой, и обвинит её в убийстве. Как она позже и сделала в своём рассказе вам. Всем была известна страстная ненависть Марджи к Кэтрин. А Филиппины — нет.

— Боже! Если бы только мы знали. Питер, как я виню себя!

— Вы виноваты не больше остальных, — с горечью возразил Питер, но выпустил ладонь Фредерики и сжал ручки кресла. — Ужасен способ, которым она убила девочку. Наверно, если бы мы, как и она, видели нацистов за работой в лагерях, нам бы не показалось это таким дьявольским...

Он замолчал, и немного погодя Фредерика негромко проговорила:

— Питер, пожалуйста, расскажите, что она сделала. Я... иначе я не выдержу...

— Она, должно быть, сочинила историю, что наконец отыскала средство от её угрей. Марджи безоговорочно ей поверила: Филиппина, с её травами и настойками, наверняка казалась девочке колдуньей. А на самом деле Филиппина установила, что один из её травяных ядов действует через кожу... Признаю, пока это только догадка, но химики Тэйна скоро подтвердят...

— О, Питер, нет!

— Да, Фредерика, да! — мрачно ответил Питер. — Вы понимаете, какой это дьявольски коварный план. Яд, которым она убила девочку, одновременно использовался как взятка, чтобы она молчала, пока он её не убьёт. Трудность состояла только в том, что яд действует медленно. Филиппина пообещала Марджи, что сотворит чудо, если та будет молчать. Марджи свою часть договора выполнила...

— Не могу поверить, что Филиппина оказалась на это способна, Питер. Просто не могу поверить, — Фредерика задумчиво помолчала, потом спросила: — А почему она не могла быстро убить девочку, как Кэтрин?

— Хм... Её могли поймать, а она не собиралась быть пойманной. Когда её план выдать смерть Кэтрин за случайную небрежность с наркотиками не удался, она поняла, что жёлтый жасмин неизбежно приведёт нас в её лабораторию. Она также знала, что подозреваемых, с нашей точки зрения, будет очень мало. Но она обладала также здравым смыслом и понимала, что без доказательств мы бессильны, а доказательств у нас не было. Если бы она убила Марджи обычным быстрым способом, мы бы сразу вышли на неё. Конечно, мы глаз не спускали с бутылочки с жёлтым жасмином, но поворот дела с кремом для лица совершенно застал нас врасплох... Филиппина оказалась для нас слишком умной. Боже... как мы охраняли еду и питьё девочки! Наверное, Филиппина немало потешалась над этим.

— Но, Питер, вы не объяснили, почему она хотела убить меня. Ещё два часа назад у меня никакого ключа не было...

— Был — и отличный. Вы просто этого не понимали. Флакон с ядовитым кремом для лица. Это было единственное известное ей неопровержимое доказательство. Но добраться до него она не могла, как и до капсул после смерти Кэтрин.

— И когда я рассказала ей об убежище Марджи в теплице и о косметике, она поняла, где крем?

— Да, она умела соображать быстро. Я думаю, она в тот вечер пришла в магазин, чтобы найти крем, но определённого плана у неё не было.

— Да, теперь я вспомнила. Когда она приходила за страховкой Марджи и её вещами, мне показалось, что она что-то ищет. В сущности она даже подтвердила это. Теперь, конечно, понятна истинная причина.

— Если бы мы знали тогда...

— Но тогда я ничего не подозревала.

Питер тяжело вздохнул и продолжал чуть медленнее:

— К воскресному вечеру, когда умерла Марджи, Филиппина была вне себя от беспокойства. Она обыскала всю Ферму и, как вы говорите, искала и в магазине мисс Хартвел. Но сразу поняла, что должна поискать ещё. Поэтому, думая только о необходимости найти крем и избавиться от него, она оставила Джеймса и пришла к вам.

— Понятно. И обстоятельства сыграли ей на руку. Джим Браун рвался пойти домой к жене и ребёнку. Но когда он ушёл, я бы на её месте решила, что стоит подождать, пока я не усну, и только потом начать искать.

— Наверное, она так и собиралась сделать, но потом вы практически сказали ей, где крем. И она решила не рисковать. Вдруг вы проснётесь и увидите, как она избавляется от него. Я думаю, она к этому времени почти обезумела. И придумала этот невероятный план: убить вас и симулировать нападение на себя.

— У неё почти получилось

— Да — почти.

— А если бы у неё получилось, вы бы, конечно, заподозрили её, но у вас не было бы доказательств.

— Теоретически да. Но если бы она вас убила, мы бы всё равно до неё добрались.

Фредерике неожиданно стало холодно.

— Я бы предпочла, чтобы до этого не дошло, — со слабой попыткой рассмеяться пробормотала она.

— Да, я тоже. Но я мог уберечь вас от всего этого, если

бы у меня была хоть крупица здравого смысла. Я её недооценивал — непростительный грех в моей профессии, — полковник помолчал и неожиданно заявил: — А теперь я смертельно измучен, и вы тоже. Завтра мы сможем спать спокойно, мы оба. Завтра будет новый день. Я попытаюсь вытащить вас из этой норы. Конни хочет поработать вашей нянькой и помощником в магазине, пока вы сами не сможете управляться, как краб, боком.

— Но, Питер! Пожалуйста, не уходите! Вы мне ещё многого не рассказали. Я знаю с ваших слов, что вы поймали Филиппину, но как? И где?

— Не хотелось рассказывать сегодня вечером, но, вероятно, придётся, даже если у вас и будут кошмары. Вы были хорошим Ватсоном и заслужили рассказ, — он провёл рукой по волосам и посидел молча, словно подыскивая слова.

Чувствуя его усталость и подавленность, Фредерика заставила себя предложить:

— Послушайте, Питер, я подожду до завтра, если нужно. Я знаю, вы устали. Вероятно, это нечестно.

— Нет. Давайте покончим с этим. Но история неприятная. Слава Богу, вас там не было.

Фредерика хотела бы там присутствовать, но не решилась сказать. Она откинулась на подушки и терпеливо ждала, пока полковник закуривал новую сигарету.

Потом очень просто Питер пересказал свои приключения с того момента, как он ушёл от Фредерики. Когда он рассказывал о своих поисках в тайнике Марджи, Фредерика неожиданно прервала его:

— Ну, конечно. В ту ночь Марджи меня до смерти перепугала. Вероятно, просто заходила, как обычно, в своё убежище.

— Нет, теперь я так не думаю. Я считаю, что это была Филиппина. Вы помните, это была ночь сразу после убийства. Марджи была тогда слишком испугана. Мы были глупы, считая, что это она.

— А Филиппина снова искала серебряную табакерку?

— Да... я так считаю. И опять вы помешали её планам. После того как вы её обнаружили, она не могла там оставаться. И всё свалила на Марджи.

— Понятно.

— А вещи Марджи в теплице для нас ничего не значили — тайное детское убежище... поэтому мы всё так и оставили. Ведь совершенно естественно, что Марджи флакон с волшебной мазью унесла к себе в убежище. Я уверен, она ходила туда и мазалась, пока не заболела. К тому времени, конечно, мазь уже сделала своё дело.

— И вот вы посидели, поговорили с Крисом и подумали... — поторопила его Фредерика.

— Да. И увидел свет. Избавившись от вас, Филиппина должна была найти то, что искала, прежде чем изображать нападение на себя. Поэтому она столкнула вас в колодец, закрыла сверху досками и пошла в теплицу. Там она нашла сокровище, которое искала. И что же она с ним сделала?

— Бросила ко мне в колодец?

— Ватсон, вы ошибаетесь. Подумайте! Мы вас найдём — а мы обязательно должны были вас найти, потому что она расскажет нам о двойном нападении, — тогда найдём и крем. Нет, лучше всего было закопать крем. А какой-нибудь следующей ночью она могла бы прийти, откопать его и окончательно уничтожить.

— Понятно, — медленно проговорила Фредерика. И так как Питер молчал, добавила: — Пожалуйста, продолжайте. Я постараюсь больше не прерывать.

Питер закурил новую сигарету и продолжил рассказ. Когда он наконец замолчал, Фредерика сразу спросила:

— Как Маргарет?

— Выживет. Доктор Скотт говорит, что задето только плечо. А вот с собой Филиппина справилась лучше. Джип и мой форд буквально скрутились в один клубок. Джим вытащил её из огня. Она жива, но с Фермы перевозить её нельзя. Думаю, она так и не придёт в себя. И, наверно, это к лучшему.

— О, Питер! — это было всё, что могла сказать Фредерика.

— А теперь, — устало спросил он, — можно мне пойти домой? — он медленно встал и сверху вниз посмотрел на встревоженное лицо Фредерики. — Не волнуйтесь. Больше не из-за чего волноваться. В Южный Саттон вернулся мир. Конечно, не стоило вам получать по голове и падать в колодец. Но лучшего Ватсона у меня никогда не было. Я, конечно, устал, но всё равно рад, что вы заставили меня рассказать. Теперь я свободен и — слава Богу — могу уснуть. Спасибо вам, Фредерика, и надеюсь, вы тоже будете спать, — он взял её здоровую руку в свои, наклонился и поцеловал. И ушёл.

Глава 17

На следующий день рано утром Фредерику разбудила мисс Сандерс. Она внесла поднос с завтраком и без всякой подготовки заговорила:

— Филиппина Саттон разбилась... Полковник Мохан вам рассказывал?

Фредерика, которая по утрам всегда бывала не в лучшем настроении, подумала, что можно было бы и поздороваться. Она издала звук, который должен был означать подтверждение, и налила себе кофе.

— Да. И говорят, именно эта женщина принесла все беды в семью. Никогда бы не подумали, верно? Ну, я всегда говорила: не доверяйте таким красивым женщинам... гробы окрашенные*, вот кто они такие... — сестра перевела дыхание и тут ей пришла в голову неожиданная мысль. — А не думаете ли вы, что Филиппина пыталась вас убить?

* «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты». Евангелие от Матфея, 23-27. — (Прим. перев.)

Выпив крепкого чёрного кофе, Фредерика начала приходить в себя.

— Я не думаю, сестра, я знаю. Только хотела бы я вспомнить о гробах окрашенных немного раньше, — она приподняла сломанную руку в пластиковой повязке. — Вряд ли я теперь гожусь на многое.

Это произвело желаемый эффект и отвлекло мисс Сандерс. Она занялась приборкой в палате, одновременно извергая поток успокоительных сестринских сентенций:

— Через день или два вы гипс и замечать не будете. Костыль для ноги; а к тому, что у вас одна рука, быстро привыкнете. Вот моя невестка...

Фредерика прервала её вопросом, который давно собиралась задать.

— Звонил ли полковник Мохан?

— Нет, но звонила миссис Кэри. Ох, я совсем забыла со всеми этими новостями. Для вас записка. Её прислали с сообщением, что всё в порядке, из канцелярии, — она стала рыться в карманах. — Боже, должно быть, оставила там. Но я знаю, что в ней. Сегодня в четыре вас осмотрит доктор Скотт, а потом полковник Мохан отвезёт домой. И если будете в состоянии, поедете к Кэри на ужин. Похоже, вас ждёт приятный вечер.

Фредерика рассмеялась.

— Да, — согласилась она, — очень приятный.

Мисс Сандерс собралась уходить.

— Приятно не опасаться, что тебя ударят по голове сзади, — сказала она через плечо.

— Да, — согласилась Фредерика. И приятно, подумала она, что эта женщина уходит. Каким другим станет Южный Саттон без напряжения и тревоги последних недель. Она налила себе ещё чашку кофе и принялась безмятежно смаковать. Впереди лучшая часть лета, и она недолго будет инвалидом. Злые ветры — это ужасное «Убийство в сельской местности», о котором она так бессмысленно рассуждала на ярмарке, — принесли ей удачу, виновато думала она. В этом нет сомнения. Она

приобрела не только покупателей, но и друзей: Конни, Тэйна — и Питера. Но о Питере нельзя думать слишком много...

В этот момент возвратилась мисс Сандерс.

— Пакет для вас, — объявила она, — и если вы кончили, я унесу поднос.

— Да, пожалуйста, — Фредерика с интересом раскрыла пакет и рассмеялась. На кровать вывалилась целая груда детективов в мягких обложках. Мисс Сандерс, которая смотрела, как Фредерика раскрывает пакет, подобрала сложенный листок.

— Тут записка, — сказала она.

Фредерика чуть не выхватила у неё письмо. И прочла:

Дорогая Фредерика!

Я купил это в вашем магазине у вашей новой очень деловитой помощницы. Я просил специально убийства в сельской местности, и Конни сказала, что сделала всё возможное. Пожалуйста, прочтите их все, и я уверен, такая сверхдоза излечит вас навсегда — и аминь...

Я прихвачу вас в четыре и надеюсь, вы будете в состоянии провести вечер у Кэри. Никого больше у Конни не будет, поэтому вы не очень утомитесь. Мы все достаточно оправились, и хотим разглядеть последние морщинки в деле и сдать его в архив.

Ваш Питер.

Фредерика почему-то покраснела, и мисс Сандерс с любопытством взглянула на неё. Потом улыбнулась.

— Ну, оставлю вас с этим. Теперь не будете всё утро сидеть на кнопке, как вчера.

— О, сестра, простите, — но мисс Сандерс уже вышла и не слышала этого ненужного извинения.

Несмотря на детективы, утро тянулось бесконечно, а постель становилась всё более жаркой и влажной. К полудню и постели и книг с Фредерики было достаточно.

— Кажется, я излечилась навеки, — вслух высказала

она пустой палате. Решила одеться, попросить костыль, о котором упоминала мисс Сандерс, и немного поупражняться. Вскоре она уже чувствовала себя вполне уверенно. Даже выходила в коридор и разговаривала с другими пациентами. Вернувшись в свою палату в три, она увидела молодую сменную сестру. Та сказала, что миссис Саттон в другом крыле больницы и хочет увидеться с ней.

Фредерика запрыгала за сестрой; она не поверила бы, что сможет передвигаться так быстро. Миссис Саттон сидела, опираясь на большую подушку; выглядела она бледной и хрупкой.

— Дорогая Фредерика, — сказала она, — услышав, что вы здесь и скоро уедете, я решила, что должна с вами повидаться.

Фредерика улыбнулась, прислонила костыль к стене и села в большое кресло у кровати. И неожиданно взяла худую руку в свои.

— Всё кончено, — негромко сказала миссис Саттон.

— Да. Вы поправитесь, и всё будет в порядке.

— Да, наверно. Но мне будет не хватать Филиппины, — она остановилась и следующие слова произносила с трудом. — Не нужно судить её слишком строго. Это мир устроен неправильно, он пробуждает в нас зло, выворачивает наизнанку души, как у Филиппины, или тела и дух, как у Роджера.

Какая она хорошая, подумала Фредерика, и как много она страдала. Ей хотелось найти нужные слова, тем не менее она ничего не могла сказать. Но потом нужные слова полились потоком:

— Тэйн и Питер говорили мне, что с Роджером всё будет в порядке, и что у него есть всё необходимое для вас.

Миссис Саттон улыбнулась, и впервые лицо её приобрело счастливое выражение. Но тут же это выражение исчезло, и женщина быстро проговорила:

— Я пригласила вас не для того, чтобы вы меня

утешали. Напротив, я хотела извиниться за то, что сделала с вами моя семья. Не думаю, чтобы Филиппина намеревалась... я хочу сказать... О, Боже! Мне очень жаль, Фредерика. Как только выздоровею и восстановлю силы, постараюсь возместить вам...

Фредерика встала и неловко подошла к постели. Наклонилась и легко поцеловала мягкую щеку.

— Я знаю, что вы этого хотите. Но не нужно. Я счастлива в Южном Саттоне. Наверно, нигде бы не была так счастлива... — и поторопилась прибавить: — Кроме всего прочего, я узнала вас, а это хорошо.

Маргарет Саттон не пыталась отвечать. Она устало улыбнулась, отвернулась на подушке и закрыла глаза. Фредерика нащупала свой костыль и как можно тише пошла к двери. Но, подойдя к ней, повернулась и увидела, что старая женщина на кровати открыла глаза и снова улыбается.

— Фредерика, — твёрдо сказала она, — если Питер ещё не отдал вам послание из моего букета, то наверняка отдаст. Вот увидите. И... — она помолчала, — прислушайтесь к совету послания.

Возвращаясь к себе в палату, Фредерика тоже улыбалась. Она совсем забыла про букет с ярмарки.

— Что смешного? — спросил Питер, вставая с её единственного стула. — И где вы были?

— Навещала Маргарет Саттон, а шутка личная — пока.

— Вы забыли, я ищейка. Невозможно сохранить что-то в тайне от П. Мохана, ловца шпионов. Пусть это послужит для вас предупреждением.

На пути из больницы Питер серьёзно спросил:

— Как Маргарет?

— Всё в порядке, мне кажется. Я восхищаюсь ею, Питер.

— У вас есть причины, — он немного помолчал и продолжил медленнее: — Я думаю, она с самого начала знала о Филиппине и простила ей убийство Кэтрин, собственной дочери. Но Маргарет верит в человеческое

добро и не понимает, что может случиться, когда люди становятся убийцами.

— Если это правда, она должна винить себя в смерти Марджи. И из-за меня она тоже расстроена.

— Ну, что ж, даже в её возрасте нужно жить и учиться.

— Но мне не хотелось бы, чтобы она перестала верить во врождённую доброту.

— Я думаю, кое в чём эта вера даже усилится.

— Да. Я понимаю, о чём вы, — тихо сказала Фредерика. — Тень усиливает свет. Но цена высока.

— Да. Слишком высока, — ответил Питер и потом, словно захотел сменить тему, спросил: — Вам понравились мои «убийства»?

— Не так, как я надеялась. Я изменилась, Питер.

— И вы мне это говорите? — рассмеялся Питер. — Ну, ладно, но вы ещё ни слова не сказали о моём новеньком форде.

— О, Питер. Он прекрасен. Я... я просто не думала.

— Я вас прощаю.

Он остановил машину, и, прежде чем выходить, потрепал Фредерику по колену. И рассмеялся.

— Я очень доволен вами, Фредерика. Не только потому, что вы пришли в себя. Вы выросли. Или, может, лучше сказать — вросли?

Он помог ей выйти из машины, потом взял здоровую руку, будто бы для того, чтобы помочь, и они вместе пошли по тропе к магазину.

За ужином началась гроза.

— Никак не могу решить, в какую погоду вид из нашего окна лучше, Конни, — не удержался от хвастовства Тэйн. — Сейчас красиво, но как задник к «Макбету», а с меня подобного хватит. Летний день лучше, особенно на закате.

— А я не скоро забуду летнюю ночь и звёзды, — сказала Фредерика.

— Перестаньте болтать, — рассмеялся Питер. — Если

бы у нас был диктофон и вы могли бы прослушать, что говорите, то наверняка решили бы, что это страница одной из ваших «царапающих женщин», Фредерика, — допустим, миссис Е. Д. Е. Н. Саутворт.

— О, Питер, вы просто зверь, — заявила Конни, вставая и собирая тарелки. — Вам этот дом нравится так же, как и нам. В сущности вы ревнуете. К тому же вы не можете дожидаться выступления Шерлока Холмса. Конец главы и всё прочее.

— Как вы проницательны, моя дорогая Конни. Но чтобы показать вам, что я железный человек, я вначале вымою посуду.

— Вымойте — это ваше наказание.

Они вместе ушли на кухню, а Тэйн и Фредерика смотрели, как уходит гроза и одна за другой появляются звёзды.

— Мне здесь нравится, — просто сказала Фредерика.

— Вы имеете в виду наш дом или весь Южный Саттон, лежащий перед вами?

— И то и другое, — быстро ответила Фредерика.

— И не собираетесь убежать от нас, несмотря на всё случившееся?

— Нет. О, нет. Пока не буду вынуждена. И не позабыв случившееся — скорее благодаря ему, — ответила Фредерика, вспоминая свой сегодняшний разговор с Питером.

Тэйн не ответил. Он зажёл сигарету для Фредерики, потом раскурил свою трубку, и они молча курили, пока не вернулись Конни и Питер.

— Пора, — объявил Питер.

— Речь, речь, — продекламировал Тэйн, не вынимая трубки из зубов.

— На самом деле это ваше шоу, Кэри, — сказал Питер нерешительно.

Тэйн наконец вынул трубку и откинулся в кресле.

— Я понимаю, что после этой небольшой уступки вашей совести, Питер, я должен поклониться и отступить. И так и сделаю — со временем — но вначале

сообщу вам кое-какую информацию. Я только что получил отчёт химиков о креме для лица. Как вы и догадывались, крем начинён прекрасным растительным ядом — цикутой, которую иногда ошибочно называют диким пастернаком. Яд проникает сквозь кожу и может быть смертельным, если кожа повреждена. А у Марджи она была повреждена, и не в одном месте. Бедная девочка, — он замолчал, потом добавил, пытаясь говорить бодрее: — А теперь полицейский уступает место Шерлоку Холмсу. Вместо представления скажу ещё вот что. Я помню, как рассказывал Фредерике, что когда-нибудь напишу книгу о загадочном убийстве. Теперь я не так в этом уверен. Вероятно, займусь живописью, — и Тэйн снова откинулся в кресле, добавив: — Можете занимать трибуну, только не забудьте, что я чувствительный человек, хоть и начальник полиции. Всё, что вы говорите, может быть использовано против вас.

— Ладно, ладно. Все получают своё. Начну с того места, где остановился, когда меня так грубо прервали. Этот случай — преступление семейное, и чтобы понять, почему Филиппина убила Кетрин Клей, нам придётся вернуться в 1945 год. Вероятно, здесь следует сказать, что моё посещение Вашингтона дало мне необходимую информацию о предшествующих событиях. А в Вашингтон я улетел, потому что Кэтрин Клей получила несколько писем из Франции, включая то, что пришло после её смерти и не дошло до миссис Саттон, потому что его забрала Филиппина; она взяла его у Марджи, которая взяла у Криса в книжном магазине. Из того, что я установил, стало очевидно — к счастью, Крис сохранил в своей коллекции старые конверты, на которых стоял адрес французской юридической конторы, — что Кэтрин Клей узнала факты, которые я вам сообщу, и шантажировала свою предполагаемую двоюродную сестру.

— Предполагаемую? — спросила Конни.

— Не перебивайте. Я подхожу к этому. Возможно, лучше вернуться к тому, с чего я начал, — к 1945 году,

году освобождения. Из концентрационного лагеря освободили юную девушку по имени Альма Ферсен; в лагерь её заключили нацисты. За три года заключения она сблизилась с француженкой, участницей сопротивления, девушкой, которую звали Филиппина Д'Арнли Саттон. Альма всё узнала об этой девушке. Она оказалась единственной дочерью американца Артура Саттона, художника, который поселился во Франции после первой мировой войны и женился на француженке Рене Д'Арнли. Родители настоящей Филиппины умерли, отец ещё перед войной, а мать во время бомбардировки при нашествии немцев. К концу войны умерла и сама Филиппина. У нас нет точных данных. Вполне возможно, что Альма ускорила её конец. Во всяком случае, она понимала, что в послевоенном мире имя Филиппины будет гораздо удобнее, чем её собственное, поэтому обменялась одеждой и приняла облик Филиппины. Альма была дипломированным химиком, что очень существенно для нашего расследования, потому что Филиппина химию не знала. Я говорю «нашего» расследования, имея в виду правительственное. За Альмой-Филиппиной приглядывали, как и за всеми чужаками. Это очень ускорило мои вашингтонские розыски. Предполагалось, что Альма Ферсен умерла в конце 1944 года. Мы знаем, что она умирает только сейчас.

— Уже умерла, — вставила Конни. — Тэйн получил сообщение об этом перед вашим приездом.

— Да будет так, — сказал Питер и быстро продолжил: — Когда Альма, в качестве Филиппины, вышла из лагеря, она вскоре обнаружила, что Маргарет Саттон разыскивает свою племянницу, и вскоре, опять-таки в качестве Филиппины, явилась в Америку, чтобы радовать сердца всех, кто её узнавал...

— Так оно и было. Я хочу сказать, что она радовала сердца, — подтвердила Конни.

— И да и нет. Она оказалась деловой женщиной и обладала очарованием. Приняла на себя руководство и

очень помогла Маргарет, которая начала работу с травмами и продолжала буквально одна, пока Роджер был на фронте, а Кэтрин в Нью-Йорке.

В том же 1945 году Кэтрин бросила мужа и впервые после замужества вернулась домой. Они с Филиппиной возненавидели друг друга с первого взгляда, и вскоре после приезда Филиппины, в 1946 году, Кэтрин развелась официально и вернулась в Нью-Йорк, где начала свою авантюру с кабинетом красоты. В том же году вернулся домой и Роджер.

— К 1949 году Филиппина уже основательно здесь окопалась, травяное дело шло успешно, и она сумела организовать свою экспериментальную лабораторию. Кэтрин, с другой стороны, столкнулась с трудностями в Нью-Йорке, пыталась даже торговать наркотиками и вскоре вынуждена была вернуться в Южный Саттон под надзор полиции. Прошёл слух, что Филиппина и Роджер обручились. Теперь мы знаем, что Роджер был предан Филиппине из-за её клинического отношения к его увечью, но жениться на ней не хотел. Филиппина, конечно, хотела выйти замуж, но в Роджере она уже отчаялась и сделала ставку на Джеймса Брюстера, который оказался более податлив и который, хоть и не принадлежал к семье Саттонов, был вполне обеспечен. Но у Кэтрин ещё с 1945 года были свои виды на городского Бо Брумеля* и это подлило масла в огонь взаимной ненависти. В 1950 году в Саттонском колледже открывается новое отделение военной разведки и в Южный Саттон приезжает полковник Питер Мохан.

— Появляется герой, — быстро вставил Тэйн.

— Как вы сказали, Тэйн, — спасибо — «появляется герой»! Это приводит нас в 1951 год. В начале этого года Филиппина принимает Марджи Хартвел на работу в

* Джордж Брайан Бруммель, англичанин, законодатель мод, 1778-1840; в переносном смысле — денди и гуляка. — (Прим. перев.)

лабораторию, а её мать — в качестве делопроизводителя. Теперь наше семейство в полном составе. Но если мы хотим завершить список действующих лиц и перейти к настоящему, мы попадаем в июль 1951 года. Приезжает Фредерика Винг и принимает управление книжным магазином Люси Хартвел.

— Появляется героиня, — вновь вклинился Тэйн.

— Как вы и сказали, Тэйн, — благодарю вас — «появляется героиня»! Если бы не Фредерика, не думаю, чтобы полиция и её помощник раскрыли бы это дело. Во всяком случае не скоро.

— Должен согласиться с этим вашим утверждением, Питер, и поаплодировать вашему превосходному — великолепному изложению. Но, учитель, можно задать один-два вопроса? — Питер рассмеялся, и Тэйн завершил вопрос: — По вашим словам, главный мотив убийства Кэтрин Филиппиной — ревность. Вы лишь намекнули на более глубокую причину. Искрой, которая подожгла фитиль, послужило то, что Кэтрин могла раскрыть подлинную личность Филиппины. Она переписывалась с французской адвокатской конторой, которая проводила для неё негласное расследование. И Филиппина едва успела. Письмо, которое пришло после смерти Кетрин, открывало всё. Разве не правда также, что Кэтрин отчаянно нуждалась в деньгах и требовала их у матери?

— О, да. Мне казалось, я всё это объяснил. Филиппина не собиралась отдавать с таким трудом заработанные деньги Кэтрин. Это тоже, конечно.

— Но я не понимаю, Питер, — неожиданно спросила Конни, — если вы в Вашингтоне всё узнали про Альму Ферсен, почему, вернувшись, не посадили вашу птичку в мешок, прежде чем она ещё что-нибудь не натворила?

— По двум причинам. У меня не было решающего доказательства. Вы помните, что Филиппина перехватила последнее письмо и, по-видимому, уничтожила его. Пришлось писать во Францию; больше того, связываться с Сюрте — французской полицией, и окончательно ин-

формацию я получил только сегодня. Вторая причина — знание того, что наша маленькая Филиппина на самом деле Альма Ферсен, не доказывает, что она убила Кэтрин Клей и Марджи Хартвел. Я думаю теперь, что мог бы заставить её сознаться, потому что Маргарет тоже видела, как она начинает в лаборатории капсулы. Но тогда я этого, конечно, не знал и был убеждён, что свидетелей у нас нет. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что она не выдала бы себя, если бы Маргарет не была так уверена, а у меня в кармане не оказалось бутылочки с ядовитым кремом. Она была сильным противником, как говорят в лучших книгах.

— А откуда появился наркотик в сумке миссис Хартвел? — спросила Фредерика.

— С сожалением сообщаю, что он попал туда из квартиры Джеймса Брюстера через Филиппину. Брюстер под покровом своей респектабельности занимался грязным делом. Он снабжал Кэтрин наркотиками, и Филиппина об этом знала. Они поняли, что квартиру Джеймса могут обыскать, и решили, что сумка миссис Хартвел — идеальное место для оперативного запаса. Так оно и оказалось.

— Но как вы это всё узнали? Он ведь не признался?

— О, никогда. Он был отлично замаскирован, но стал так самоуверен, что не уничтожил запас в своей конторе в Ворчестере. Так мы его и взяли. Счастлив сказать, что у него теперь будет время подумать.

— И ещё одно он от нас скрывал. Чертежи архитектора для его будущего счастливого дома, — вставил Тэйн.

— Да. В конце концов он признался, что первоначально предназначал его для Кэтрин, но потом устал от неё и переключился на Филиппину. Из них получилась бы отличная пара. Он, кстати, был ещё одним мотивом Филиппины для убийства.

— Он должен был подозревать её, — сказала Конни.

— Несомненно. Возможно, он даже подбадривал её на первое шоу. Но, конечно, ничего подобного он не при-

знаёт. Он юрист, и у него сильный инстинкт самосохранения.

— Он ему понадобится, когда выйдет, — с явным удовольствием сказал Тэйн.

Все помолчали, потом Питер встал.

— Я пообещал доктору Скотту отвезти Фредерику домой рано, и мне кажется, что вам двоим тоже не мешает выспаться.

Конни зевнула и рассмеялась.

— Вы говорите разумно, Питер, но как нам не хочется, чтобы вы уходили. Можно, я ещё какое-то время буду помогать в магазине, Фредерика? Не думала, что это так интересно... О, и я ещё хотела спросить... Может, вы знаете, откуда у преподобного отца Арчибальда такая страсть к книгам Бертрана Рассела? Я и не подумала бы...

— Шшш, Конни, — быстро отреагировал Питер. — Нельзя сомневаться в священнике.

— Может, он тоже хочет, чтобы его охраняли, — рассмеялся Тэйн. — Но у меня сейчас нет людей. Может, полковник Мохан...

— Нам пора, Фредерика, — сразу сказал Питер, беря Фредерику за руку и протягивая ей костыль.

Когда они добрались до машины, Питер убрал верх.

— Все бури кончились, моя дорогая, — сказал он негромко, — и я подумал, что хорошо бы взглянуть на звёзды.

— Они прекрасны, Питер, и такие необыкновенно мирные. Я думала об этом весь вечер. Сначала весь этот ужас, а теперь снова мир.

— Но почему такие потрясающие мысли, моя дорогая Фредерика?

— О, Питер, не смейтесь надо мной. Два человека, которые здесь жили, мертвы, и однако все, даже миссис Саттон, снова в мире.

— «Ма» Хартвел понадобится много времени, чтобы оправиться. А Джеймсу никакого времени не хватит.

— О, да... Но я не способна ему сочувствовать.

— Да и я не хочу этого. Я ведь заметил, как он строил вам глазки.

— Наверно, он был равнодушен к Филиппине.

— Сомневаюсь. Она могла его шантажировать, потому что знала о наркотиках. Но должен признать, что его интерес к постройке дома заметно усилился, когда Кэтрин ушла с его дороги.

— Может, он видел, как Филиппина ищет серебряную табакерку, когда обнаружил тело Кэтрин в то ужасное воскресенье?

— Возможно. Сейчас трудно сказать. Но нельзя ли оставить его?.. Я бы поговорил о нас.

— А есть, что сказать о нас?

— Да, и много. И перестаньте стесняться. Так вот. Мы распутали свой первый случай, Ватсон. Но в общей суматохе я, по-видимому, забыл несколько личных проблем. Вы заметили, как я подготовился к этому вечеру? Нет? Я разочарован. Во-первых, новая машина, во-вторых, мой лучший костюм. В последний раз я надевал его, когда отводил свою подругу на ярмарку. С тех пор я был слишком занят для приёмов. И вот сегодня, надевая свой лучший воскресный костюм, я нашёл в кармане сложенный листок...

— Ключ. Точнее — послание букета, — сразу отозвалась Фредерика. — А я совсем забыла о нём. Вспомнила только сегодня днём.

— Интересно, а почему именно сегодня днём?

— Маргарет Саттон сказала, что я должна спросить вас о нём.

— Правда? Ну, что ж. Я думал пойти на компромисс, но я всегда делаю то, что велит Маргарет.

Он протянул Фредерике листок, и при свете приборных огоньков она прочла:

*Немного стоит тот,
Кто достаётся легко,
Поэтому никогда не отчаивайся
И не сожалей о своей участи.*

Оба рассмеялись, и Питер не торопясь проговорил:

— Теперь вы понимаете, почему я не счёл разумным сообщать такие мысли энергичной деловой женщине Фредерике Винг. Должен признаться, что я был напуган до смерти.

— Значит, вы считаете, что достались бы легко?

— Я думал не о себе. Просто представил себе, как это подействует на Южный Саттон, если вы вобьёте такую мысль в свою хорошенькую головку.

— Понятно. А теперь вы преодолели свой страх...

— В личном смысле кое-что другое заняло место страха. Я по-прежнему не считаю себя хорошей добычей, Фредерика, но мне кажется, что сейчас за мной стоит поохотиться.

Фредерика ничего не ответила, и немного погодя полковник продолжил:

— Вы знаете, после убийства я ни слова не слышал о вашей простуде. Вы поправились?

— О, да. После того как чихнула в воскресенье и вызвала всю эту катастрофу, я сразу почувствовала себя лучше.

— Понятно. Но, если не ошибаюсь, вплоть до субботы вы продолжали чихать. Я помню громкий чих в понедельник — что означает опасность — очень точно. А теперь — это очень важно. Во вторник вы чихали?

— Да. Да, я в этом уверена, потому что старалась вспомнить стишок, который вы мне не рассказали.

Питер привёл машину на вершину последнего подъёма, откуда видна была и долина и звёзды. Затем выключил двигатель и повернулся, глядя на бледный овал приподнятого лица.

— А вот и стишок, дорогая Фредерика, тот самый:

*«Чихнёшь в воскресенье, и прячься, чтоб выжить:
Иначе чёрт будет тебя всю неделю мурыжить».*

— Да, об этом мы все знаем...

— Не прерывайте, пожалуйста.

*«Чихнёшь в понедельник — опасность близка,
Во вторник чихнёшь — поцелуй чужака...»*

— Ох!..

— Но ведь я больше не чужак. И, надеюсь, вы не станете возражать?

Много времени спустя яркая новая машина покати-
лась с холма. Ожил мотор.

— Не знаю, любовь моя, что на это скажет доктор Скотт. Мы ведь безбожно опоздали, — негромко сказал Питер. — Но если это означает быть преследуемым Фредерикой, то, боюсь, я не остановлюсь. Я очень счастлив...

— Я тоже, — сонно ответила Фредерика, глядя на небо и дружелюбные звёзды.

Андрэ Нортон
Филлис Миллер

ДОМ ТЕНЕЙ

Глава 1

— Дигби здесь тесно! Ты нарочно его пнула! — Такер ткнул костлявым локтем в рёбра Сьюзан. Он знает, как это больно.

Но отодвинуться было некуда. Голова у Сьюзан болела, а в животе не проходило неприятное ощущение с тех пор, как она съела гамбургер «со всем», то есть с комками майонеза, кольцами лука, маринованным укропом и... Нет! Она пыталась забыть об этом, избавиться от противного вкуса во рту.

— Заткнись! — приказал Майк негромким, но решительным шёпотом. — Не глупи, Так. Ты знаешь, что Сьюзан не может пнуть воображаемую собаку.

— Дигби не воображаемый! — голос Такера прозвучал громче. — Вы говорили - все говорили, — что я получу Дигби на день рождения. А мой день рождения был в среду, вот! Дигби здесь, и Сьюзан должна об этом помнить, — он повернул голову и сердито посмотрел на старшую сестру.

Сьюзан тоже сердито смотрела на него. С воображением Такера никто, даже папа и мама, не может справиться. Ему обещали щенка — никто ведь не знал, что придётся переселяться, — и поэтому для Такера щенок здесь, и так может продолжаться неделями. Сьюзан сдержала вздох и постаралась не думать о том, каково будет жить с невидимым Дигби.

Сейчас ей хотелось только одного: выйти из машины — подальше от Такера и всей семьи. И от несчастья, которое упорно двигалось вместе с ними долгие, бесконечные мили, спало с ними по ночам в мотелях и застревало в горле, так что трудно становилось глотать пищу.

— Эй, там сзади — потише. У мамы голова болит! — в голосе отца сквозила резкость, как все последние дни. Иногда это заставляло слушаться даже Такера. От этого голоса начинали болеть уши. Сьюзан обеими руками сжала живот и закрыла глаза. Она... её больше не вырвет!

Это хуже всего!

— Сюзан тошнит! — Такер заметил первые признаки и выдал её. — Лучше остановитесь, она плохо выглядит. Её вырвет прямо на Дигби.

Мама медленно повернула голову. Между глазами у неё залегла болезненная складка, и Сюзан, испепелявшая Такера взглядом, увидела её. Опять у мамы голова болит! Если бы они были дома, мама могла бы лечь, и от пакета со льдом ей стало бы легче. Сюзан глотнула.

Это её вина — пусть хоть отчасти. Её уже дважды вырвало в машине и... Она торопливо зажала руками рот, а машина тем временем тормозила, подъезжая к обочине шоссе.

Мама рывком открыла дверцу, и Сюзан кое-как выбралась. Почти упала, больно ударившись коленями о гравий. Выбросила из себя гамбургер и всё остальное, и телесная боль ненадолго заставила забыть о других несчастьях. На этот раз мама не держала её за голову. Папа, что-то бормоча про себя, подошёл с рулоном туалетной бумаги.

Как-то сразу ослабевшая Сюзан взяла бумагу и стала вытирать вспотевшее лицо.

— Лучше теперь? — спросил папа. В голосе его больше не было резкости.

Сюзан глубоко вдохнула и кивнула.

— Теперь всё хорошо, — сказала она, держа отца за руку; он помог ей встать, и она цеплялась за него, пока не удостоверилась, что ноги её выдержат.

— А ты как, Пэт? — подсаживая Сюзан в фургон, папа посмотрел на маму, которая прижимала руки к лицу, закрывая глаза. Голова у неё была откинута на высокую спинку сидения.

— Выдержу, — ответила мама. Голос её доносился словно издалека.

Папа сел в машину, достал из-за щитка карту и расправил её.

— Какой был последний знак, Майк?

— Странное слово. Что-то вроде Онадилла...

— Гм... — папа провёл пальцем по карте. — Ну, мы почти на месте. Держись, Пэт.

Складывая карту, он внимательно смотрел на маму. Сьюзан, ослабевшая и дрожащая, видела, что он встревожен. И думала, наладится ли у них снова когда-нибудь жизнь. Сейчас она себе этого не представляла.

Всё началось дома во Флориде, на Мысе, примерно два месяца назад. Казалось, так давно это было: папа вернулся домой с дурными новостями. Космическую программу сокращали, потому что у правительства не нашлось денег на проведение новых экспериментов. Как выразился Майк, всем в папином отделе выдали «розовые билеты», хотя ничего подобного Сьюзан у папы не видела. А значило это, что им придётся изменить образ жизни, и жить теперь будет гораздо труднее. Сьюзан быстро научилась не задавать вопросов. Мама просто говорила ей в ответ, что ничего ещё не решено.

Вся последняя часть лета оказалась испорченной. Никаких поездок в «Морской мир» или к Диснею. Потом Фрэнси и Карин отправились в гости к тётке в Каролину, и Сьюзан не с кем было даже поиграть. Майк почти не разговаривал. Закрывался в своей комнате и читал... или говорил, что читает. Майк хотел стать пилотом-космонавтом и ни о чём больше не думал. Но если не будет больше экспедиций, кем же он станет?

Единственным, кто ни о чём не беспокоился, был Такер. Целыми неделями он только и думал (и говорил непрерывно, сводя всех с ума) о щенке, которого ему пообещали на шестой день рождения. Он по-настоящему взорвался, когда папа сказал ему, что никакого щенка не будет, потому что они переезжают — на север, где нет места для собаки.

Они будут жить у двоюродной бабушки Хендрики. До сих пор для Сьюзан она была только подписью на рождественской открытке. Конечно, в письме, которое она получала, всегда лежал чек на пять долларов, а на Рождество приходила большая нарядная посылка с конфетами и печеньем. Но для трёх юных Виланов она не

была реальным человеком. И вот теперь они все: она, Майк и Такер — будут жить с бабушкой Хендрикой в каком-то старинном доме в штате Нью-Йорк, и никто не знает, сколько времени им там придётся провести.

Папа и мама (и это самое странное) снова начнут учиться. По крайней мере мама. А папа будет преподавать и писать книгу. Мама захотела получить диплом, чтобы иметь специальность. Они не останутся с бабушкой Хендрикой, а отправятся в колледж и останутся там, пока, как сказала мама, «всё не образуется».

Сьюзан знала о бабушке Хендрике — кроме того, что она разрешила им жить у себя, — только одно: у неё есть кошки. Она написала об этом в письме, добавив, что кошки не любят собак. Поэтому никаких щенков. Конечно, Такер не согласился, и поэтому появился Дигби. Но невидимый щенок кошкам не помешает, поэтому всё должно быть в порядке.

Сьюзан закрыла глаза и постаралась забыть неприятное ощущение в желудке. Поскорее бы добраться. Там можно будет остаться одной и не слышать Такера, не думать и не тревожиться — хоть ненадолго. Это всё, чего она хочет.

Майк почти не разговаривал. В первый день, когда они начали собираться, он сложил в большую коробку все свои космические модели, куда-то ушёл и вернулся с пустыми руками. Майка не очень-то порасспрашиваешь, и поэтому Сьюзан гадала, что стало с его коллекцией, которую он так старательно собирал и развешивал в своей комнате. Может, отдал кому-то. Захватил он с собой только свои книги.

Сьюзан думала, в какую школу они пойдут осенью. Бабушка Хендрика живёт в маленьком городке, так сказал папа. Какие школы в штате Нью-Йорк? Будут там девочки, как Фрэнси и Карин? Но нет — пока она ни с кем не хотела знакомиться. Сьюзан всегда трудно сходилась с новыми людьми. Может, космическая программа начнётся снова, и они смогут вернуться домой. Иногда такое случается — новости бывают не только дурные.

Они свернули с автостреды на боковую ветвь, дорога вильнула, и они с нею тоже. У старой полуобрушившейся каменной стены росли кусты, и Сьюзан еле успела заметить тёмную металлическую плиту со странно вытянутыми буквами, прочно прикреплённую к стене. Плита была размером почти с их фургон. Но они проехали так быстро, что девочка не смогла прочесть ни слова.

— Кандиага, — папа заговорил впервые с тех пор, как они свернули с шоссе.

Начался спуск, и наконец появились дома. Большинство стояло в стороне от дороги, за изгородями и стенами. Теперь машина шла по длинной, вымощенной кирпичом улице. Дома скрывались за кустами и деревьями. Во дворах работали люди, поглядывая на проезжающий фургон. Все в свитерах. Здесь гораздо холоднее.

Папа затормозил и свернул у нескольких магазинов и заправки. Улица стала ещё уже. Потом девочке показалось, что они выехали из города. Они проехали мимо стен кладбища. Ещё один поворот — на этот раз через проход в изгороди, покрашенной белой краской. Шины закрипели, и папа остановил машину у дома.

Сьюзан никогда ещё не видела такого странного дома. Он выглядел — сверхъестественно. Только так можно описать его, любимым словечком Фрэнси — сверхъестественно.

К каменному, в два этажа дому с длинным портиком, который проходил вдоль всего здания, справа примыкала башня, словно из старинного замка. Впечатление было такое, будто кто-то по рассеянности приткнул её здесь, потому что она совсем не казалась частью дома.

Края крыши портика украшало что-то вроде деревянной резьбы, а стены прикрывала решётка, заросшая вьющимися растениями. Окна обрамляли заострённые рамы, тоже с отделкой.

Все окна были плотно закрыты занавесями, так что в дом заглянуть невозможно. Дому не нужны люди — такая странная мысль возникла у Сьюзан. Как будто дом закрыл окна и двери, чтобы никто не мог войти.

Такер перегнулся через Майка и выглянул. Потом твёрдо заявил:

— Я хочу домой. Дигби не нравится этот дом. Мы хотим домой!

Майк рукой зажал брату рот. Наклонившись, старший мальчик повторил свой приказ:

— Заткнись!

Сьюзан дважды глотнула. На этот раз она была полностью согласна с Такером, что случилось чрезвычайно редко. Ей тоже не понравился этот дом. И ничего больше она не хочет, как вернуться — в свой настоящий дом.

Открылась широкая дверь в тени портика, и вышла женщина. Ростом с папу, в тёмных брюках и свитере того же цвета, из-под свитера выступал воротник зелёной рубашки.

Не такой представляла себе Сьюзан бабушку. Может, это просто кто-то живёт в доме с двоюродной бабушкой Хендрикой. У этой женщины даже волосы не седые. Чёрные. И лицо у неё вовсе не старческое. Никакой мягкости в этом лице, нет даже морщинок. И двигалась она быстро и уверенно, словно прекрасно знала, куда идёт и зачем. Папа выбрался из машины ей навстречу, и они пожали друг другу руки.

Никаких поцелуев, хотя, как выяснилось, это на самом деле оказалась бабушка Хендрика. Вместо поцелуев она со всеми поздоровалась за руку, даже с Такером, которого так поразила её резкость, что он сам протянул липкую руку. Говорила она быстро и энергично, на ходу. Виланов выстроили, ввели в дом и распределили по комнатам, прежде чем Сьюзан поняла, что происходит.

— Она похожа на капитана Харриса, — подвёл итог Майк, таща вверх по лестнице две коробки с багажом. Сьюзан несла за ним ещё одну коробку и пластиковый мешок с грязной одеждой — для стирки.

Конечно, Майк был прав: бабушка Хендрика вела себя точно как командир, а они — солдаты, исполняющие приказы. Несколько секунд спустя Сьюзан растерянно стояла посредине отведённой для неё комнаты и осмат-

ривалась, ошеломлённая, несчастная, чувствуя, как на неё снова обрушивается горе.

Это было совсем не похоже на её комнату дома. Деревянная кровать с очень высокими спинками, тёмными и резными. На кровати, вместо её весёлого покрывала «Холли Хобби», какое-то тускло-голубое, выцветшее. На голом полу только две полоски красных дорожек, одна у постели, другая у бюро с мраморной крышкой и зеркалом, высоким, почти под потолок. Может, бабушка Хендрика бедна, хотя и живёт в таком большом доме. Ужасная старая мебель и эти две полоски на полу — Сьюзан это показалось настоящей бедностью.

Стены комнаты были оклеены обоями с большими синими цветами, перевитыми лианами. Обои тоже выцвели. Точно в центре каждой стены висели четыре картины. На одной — корзина с большим синим бантом на ручке, в корзине лежит толстая белая кошка с длинной шерстью. На другой маленькие девочки в длинных платьях, танцующие кружком. Остальные две картины между окнами и у бюро были такие выцветшие, что со своего места Сьюзан ничего не смогла разобрать на них.

Рядом с кроватью стоял ещё один предмет мебели — столик с мраморной крышкой и лампой на ней. И ещё кое с чем. Два отполированных камня не давали упасть четырём книгам.

В другом углу находился четвёртый предмет мебели — большой шкаф, не встроенный, как положено шкафам, а стоящий отдельно. Сьюзан с несчастным видом разглядывала его дверцы — очень похоже на место, в котором кто-то может спрятаться.

Девочка оттолкнула в сторону мешок с грязной одеждой и заставила себя подойти и открыть дверцы шкафа. Конечно, он оказался пуст. Только палка с вешалками на ней. Сьюзан открыла другую дверцу и увидела полки и ящики. Она сморщила нос.

Станный запах. Средство от насекомых, которым они пользовались дома? Нет, скорее похоже на мамин стиральный порошок — запах был резкий, но скорее

приятный. Сьюзан провела рукой по полке и наткнулась на высохшую ветку с пурпурными цветами. Запах исходил от неё. Но зачем нужны сухие цветы в шкафу?

— Сью...

Из коридора в комнату заглянул Такер. Лицо у него было грязное. Липкие руки он вытирал о тенниску, пока она не стала, как говорит мама, «позорной». Он подошёл и схватил Сьюзан за руку.

— Сью, нам обязательно здесь оставаться? — голос его звучал так тревожно, что Сьюзан удивилась. Обычно реакция Такера на то, что ему не нравится, бывает очень громкой и ясной. Но теперь он говорил чуть ли не шёпотом и всё время оглядывался, как будто кто-то его мог подслушать. А он не хотел, чтобы его заметили.

— Да — ненадолго.

Такер провёл языком по губам. Он не выпускал руку Сьюзан.

— Мне здесь не нравится. Здесь... страшно!

— Просто старый дом. Я думаю, бабушка Хендрика слишком бедна, чтобы всё поправить, — тут Сьюзан споткнулась о держатель ковра.

— Я... — впервые, сколько помнила Сьюзан, Такер не знал, что сказать. Он просто дёрнул её за руку. — Идём. Пожалуйста, Сью!

Такер определённо изменился. Что с ним случилось? Сьюзан так удивилась, что позволила протащить себя по коридору — в комнату, отведённую Такеру.

Такая же, как у неё, но нашлись и отличия. Кровать была ниже и без высоких спинок, вместо них по углам торчали четыре столбика. Также как у неё здесь стояли бюро и ещё один тёмный шкаф. Но у окна расположился маленький столик и стул, по размеру пордходящие для Такера. Обои на стенах были видны лишь местами, потому что все стены почти сплошь покрывали картинки. Их было очень много, всех цветов, размеров и форм, и все очень старые. Некоторые пожелтели и выцвели, так что и не разберёшь, что на них нарисовано.

А прямо посреди стола стоял поезд: старый, сделан-

ный не из металла, а из дерева. Вагоны — всего лишь деревянные бруски на маленьких колёсах; паровоз — как часть дымовой трубы. Такие поезда Сьюзан видела в книге по истории.

Такер стоял в центре комнаты, не глядя на Сьюзан; он медленно поворачивал голову, разглядывая картинки на стенах.

— Ну и ну! — оба даже подпрыгнули при звуках голоса Майка, которые донеслись словно из воздуха. Мгновение спустя появился сам Майк.

— Комиксы! — он махнул рукой в сторону картинок. — Кто-то здесь немало времени провёл.

— Но всё здесь такое старое. Не может быть, чтобы здесь жила бабушка Хендрика, — на мгновение у Сьюзан появилась нелепая мысль, что всё это было специально приготовлено для Такера. Но это невозможно: картинки такие старые.

— Конечно, нет, — ответил Майк. — Настоящий старый дом, семья владеет им очень давно.

— Как давно? — Такер снова вытер руками рот, теперь он казался более нормальным.

— Около двухсот лет, — сказал Майк.

— Такого старого не бывает! — несомненно, Такер пришёл в себя.

— Здесь, на севере, бывает. Дом был построен ещё до революции, в дикой местности, полной индейцев...

— Тогда почему кому-то понадобилось строить здесь дом? — спросила Сьюзан.

— Не знаю. Папа как-то говорил об этом, когда ему нужно было подписать какие-то документы.

— Но он так странно выглядит. Может, эту башню использовали как сторожевую, когда вокруг ещё жили индейцы? — впервые Сьюзан увидела хоть какое-то разумное объяснение странному сооружению.

— Нет. Башня и все остальные части были добавлены позже. Те, кто здесь жил, время от времени пристраивали что-нибудь к старому дому.

— Как плавательный бассейн Фрэнси, — Сьюзан по-

думала, что это единственное добавление к уже построенному дому, которое она видела.

— Здесь нет плавательных бассейнов, — сказал Майк. — Но могут быть семьи, у которых много детей. И тогда достраивают комнаты. Эта комната долго была детской. Моя другая.

Такер уже был в дверях.

— Мы с Дигби хотим посмотреть. Пошли, Майк, покажи нам.

Они прошли по коридору и остановились, не доходя до двери, которую Майк оставил открытой. И остановились не без причины. Коридор оказался занят. Зелёные глаза без интереса разглядывали их. Глаза находились на широкой чёрной пушистой голове; голова широко зевнула, обнажив внушительный ряд острых белых зубов.

Такого большого кота Сьюзан никогда не видела. Он весит фунты и фунты. Кот встал, потянулся, повернул голову в сторону комнаты, которую охранял, и испустил очень странный звук, скорее крик, чем мяуканье.

Из комнаты вышел второй кот. Длинный и стройный, поменьше чёрного, с удивительно голубыми глазами на тёмно-коричневой сиамской морде. Кот холодным взглядом рассматривал детей.

— Возьми их, Дигби! — Такер протиснулся мимо Сьюзан. — Возьми их, парень!

Вероятно, невидимость сделала Дигби осторожным. Он явно не желал обнаруживать своего присутствия. Коты долго разглядывали Виланов, смотрели не мигая, потом повернулись и с достоинством удалились по лестнице.

Такер фыркнул.

— Они испугались, — вызывающе заявил он. — Старые коты. Они знают, что Дигби загрызёт их. И он так и сделает, если они вернутся. Что этот кот делал в твоей комнате, Майк? Разве тебе тут нужны старые коты?

Майк шире раскрыл дверь, и они гурьбой ввалились в его комнату, довольно похожую на комнату Сьюзан. Только на картинах были нарисованы отнюдь не корзина

и не танцующие девочки. Над кроватью художник изобразил реку с колёсным пароходом. На двух других картинах — война. На одной офицер на белой лошади вёл за собой отряд солдат в прямоугольных шляпах. На другой — крепость с толстыми стенами, ошестинившимися пушками; часть картины густой пеленой укутывал дым. К крепости подходили ряды солдат с длинноствольными ружьями под командой нескольких офицеров, размахивающих шпагами.

— Опять история, — Майк указал на картины. — Тут от неё никуда не деться.

— А это что такое? — Такер указал на предмет, висевший на стене — явно не картину. Что-то вроде изогнутого рога, подвешенного на тоненьком ремне цвета пыли.

— Пороховой рог.

— Пороховой рог? — Такер явно не понял. — А что такое порох и зачем его держат в роге? И почему он здесь?

— Порохом заряжали старые ружья, — пояснил Майк. — Тогда не было патронов, как сейчас. Надо было насыпать порох в ружьё, чтобы выстрелить. Такими пользовались, когда воевали с индейцами. Наверное, стреляли прямо отсюда.

К удивлению Сьюзан, Такер медленно попятился, не отрывая взгляда от мирно висевшего рога. На лице его появилось странное выражение. Такер... не может быть!.. Такер казался испуганным.

— Я хочу домой... это... я хочу домой! — голос его повысился. Сьюзан напряглась. У Такера сейчас начнётся один из приступов крика.

— Такер!

В комнату вошёл папа и обнял Такера за плечи.

— Тебе нужно умыться. А потом поужинаем. И чтобы тихо. Мама уснула, её нельзя будить.

Иногда даже Такера можно остановить. Сьюзан облегчённо вздохнула. Сейчас как раз один из таких случаев.

Такер закрыл рот и не сопротивлялся, когда папа уводил его.

Майк пожал плечами, снова взглянув на пороховой рог.

— Интересно, как тогда жилось.

Сьюзан опять удивилась. Майк живёт преимущественно будущим. Впервые, насколько она помнила, его заинтересовало прошлое.

Глава 2

Сьюзан вытянулась в кровати, крепко закрыв глаза. Пока глаза закрыты, можно воображать, будто находишься в своей прежней комнате. Но так трудно всё время держать глаза закрытыми... и прислушиваться. Хуже всего — прислушиваться. Потому что некоторые звуки она не могла определить. Скрипы... а однажды шорох, как будто кто-то пробежал над ней по потолку, так что она ахнула, сердце забилось часто, и ощущение было очень странное.

Она не может оставаться здесь, не может! Когда мама и папа завтра утром уедут, она попросится с ними. Они же могут все вместе жить в мотеле — или ещё где-нибудь. Обязательно!

Глаза, плотно сжатые, начали болеть. Наконец она медленно открыла их. Стену исчертили полосы лунного света, заодно осветив и глупую кошку в корзине. Сьюзан села и показала кошке язык.

Она не боится — не боится! Ведь поднимаясь по лестнице, девочка чувствовала такую усталость, что подумала, будто сразу уснёт. Однако как только легла, спать расхотелось, словно наступило утро и пора вставать.

Старый дом, этот уродливый старый дом — вот в чём дело. Сьюзан решительно снова легла на подушку. Папа и мама не оставят их здесь, хотя бабушка Хендрика сказала, что всё решено. Никто из Виланов ничего не возразил. Бабушка Хендрика привыкла всеми командовать.

За ужином разговаривали об истории. Что этот дом — старейший во всей долине. Что его построил какой-то пра-пра-прадодич, женившийся на индейской принцессе. Или на дочери вождя. Что вся земля вокруг принадлежала ей и дом тоже. Потом началась война, революция, тут случилось много бед, большое сражение с индейцами. И бабушка Хендрика так странно посмотрела на них, недовольно поджав губы, когда выяснилось, что никто из Виланов ничего не знает о доме и о живших в нём людях. Словно все Виланы очень глупы.

Сьюзан натянула простыню на плечи. Странно, неожиданно она замёрзла. В ногах у неё лежало одеяло. Может, укрыться им? Но кто слышал о том, чтобы спать под одеялом в начале сентября? Может, встать и закрыть окно? Но ей не хотелось вставать.

Она снова закрыла глаза. Сейчас она обо всём забудет и уснёт. Наверно, хорошо быть решительной (как бабушка Хендрика), потому что Сьюзан действительно уснула. Но вскоре проснулась, сидя в кровати и сжимая мятую, пропитанную потом простыню.

Что-то... Нет, ушло. Сьюзан напрягала слух, но ничего не слышала. Она не могла вспомнить свой сон, знала только, что он был страшный. Девочка так испугалась, что теперь старалась не уснуть, но на этот раз не смогла.

Кто-то смотрит на неё. Сьюзан поняла это, не открывая глаз. А когда открыла, то увидела, что у ног её на кровати сидит большой сиамский кот, аккуратно обернув лапы хвостом, и смотрит на неё своими голубыми глазами. Было уже светло, хотя, должно быть, ещё рано. Наверно, уже можно вставать. Ей захотелось поговорить с Майком. Что он скажет, если они попросят маму и папу взять их с собой, не оставлять здесь.

Выбравшись из широкой кровати, Сьюзан посмотрела на одну из картин на стенах. Не больно-то похоже на настоящую картину. Сьюзан подошла поближе и встала на цыпочки. Станный пейзаж с деревьями и птицами, а также алфавит и цифры, от нуля до девяти. Кошка и несколько птиц, слишком больших по сравнению с де-

ревьями. А внизу гораздо отчётливее, смесью красного и чёрного, имя — Эмили Кимбл, а ниже чёрным — 1840.

— Сьюзан... — в дверях стояла мама. Улыбаясь, она осмотрелась. — Какая прелестная комната, дорогая. Настоящий покой. Я тебе завидую...

— Мама, — неуверенно начала Сьюзан. Мама говорит что-то такое, чего Сьюзан не понимает. Да, она знает, что мама любит старые вещи, у неё много журналов с изображениями старинных домов и старинных вещей в них. Но как кому-то может понравиться... эта комната? — Мама, нельзя ли нам поехать с вами? В колледж? Мы можем жить в мотеле... и...

— Сьюзан... — теперь мама не улыбалась, между глазами у неё появилась морщинка. — Я знаю, для всех вас это большое потрясение. Но здесь открываются удивительные возможности. Папина мама никогда не интересовалась историей семьи, и сам папа никогда здесь не бывал. Вы теперь можете познакомиться... со своими корнями. Помнишь пьесу, которую мы видели по телевизору? О ней говорили в школе? У всех есть корни, только многие из нас их не знают. У вас же теперь появилась такая возможность. Этот дом — настоящий музей, только закрытый для посетителей. Семья, построившая этот дом, до сих пор в нём живёт. И пользуется старыми вещами, не выбрасывает их, не засовывает куда-нибудь на полки. Бабушка Хендрика пишет книги об истории и о том, что происходило в этой местности. Она так много может вам рассказать. И с её стороны очень, очень мило, что она позволила вам, детям, пожить здесь, пока всё не образуется.

Со временем мы найдём дом и будем снова жить вместе. А пока мы с папой поселимся в Утике, а вы здесь. Мы не можем позволить себе жить в мотеле. К тому же там ты очень скучала бы. А здесь тебе будет так интересно!

Мама говорила всё быстрее и быстрее, как всегда, когда начинала нервничать. Сьюзан не смела даже вздох-

нуть. Никакой надежды на отъезд. Она дважды глотнула, а кот широко зевнул.

— Это как каникулы. Как у Фрэнси в Каролине, — добавила мама. Потом голос её стал чуть резче. — Сьюзан, не тревожь отца, ему и так нелегко. И нам повезло, очень, очень повезло.

Комок в горле Сьюзан стал таким большим, что она даже говорить не могла. Она кивнула, а мама подошла и тоже посмотрела на странную картину с подписью «Эмили Кимбл», как будто это очень важно.

— Вышивка, Сьюзан, и так отлично сохранилась. Эмили Кимбл... 1840... и посмотри... — мама постучала пальцем по стеклу, за которым находилась эта странная смесь деревьев, птиц, букв и цифр. — Тут указан её возраст — одиннадцать лет. Когда она вышивала это, ей было столько, сколько тебе сейчас. Какая прекрасная работа! Не думаю, чтобы сегодня кто-нибудь мог так вышить, даже вдвое старше Эмили...

— А почему... — Сьюзан отчаянно пыталась найти что-нибудь такое, что не вызвало бы у мамы новый приступ головной боли. — Почему здесь написано «Кимбл»? Мне показалось, фамилия бабушки Кайделл, а ты сказала, что здесь всегда жила одна семья.

— Может, Эмили вышила это маленькой девочкой, а когда выросла, вышла замуж за кого-то из Кайделлов и принесла вышивку с собой, — предположила мама. — Можешь спросить и узнаешь...

— Мама! — такой крик мог исходить только из одной глотки — Такера. И только в один из приступов ярости. Мама сразу бросилась к дверям. Сьюзан вошла в джинсы и босиком побежала за ней.

— Мама! — Такер стоял посреди комнаты, пижама его перекосилась, лицо покраснело, а сам он размахивал кулаками. На его кровати спокойно сидел огромный чёрный кот и смотрел на него.

Прежде чем миссис Вилан смогла остановить сына, Такер бросился к столу и схватил деревянный поезд. Тот рассыпался, и у в руках мальчика остался только один

вагон, цельный деревянный брусок. И Такер швырнул его в кота.

Сьюзан не понимала, как он мог промахнуться. Но, к счастью, брусок пролетел мимо кота и ударился в подушку. Длительная практика позволила маме схватить Такера за плечи и, хоть он отбивался, удержать на месте.

— Дигби...

К удивлению Сьюзан и мамы, Такер перестал сопротивляться и прижался к матери.

— Таки... — мама села на край кровати и обняла Такера, который заплакал. Не так, как плачет в гневе, а так, словно ему больно. — Таки, что случилось?

Сьюзан отошла от двери, за ней показался Майк.

— Он... Дигби... индейцы... Дигби мёртв. Он весь в крови... и он мёртв! — завывал Такер. Сьюзан вздрогнула. Брат говорил так уверенно, что Сьюзан чуть ли не увидела на полу или даже в кровати израненного щенка.

— Таки, посмотри на меня, — мама высвободилась, взяла Такера за подбородок и силой подняла ему голову. Глаза его были плотно закрыты, слёзы градом катились по щекам. — Таки! — голос мамы прозвучал резко. — Открой глаза!

И снова, к удивлению Сьюзан, Такер послушался. Он посмотрел на маму, на её лицо, теперь совсем близкое.

— Таки, где Дигби? — мама говорила медленно и таким тоном, что было ясно: она ждёт ответа.

— Он умер... индеец... индеец убил его! Прямо здесь! — Такер указал через мамино плечо. Большой чёрный кот, не обращая никакого внимания на двоих сидевших на кровати, встал, подошёл к краю и спрыгнул на пол. Но Такер словно не видел этого, он продолжал показывать на место, где сидел кот.

Майк взял подушку и встряхнул её. По полу покатился деревянный вагон.

— Индейца нет, Таки. Тебе просто приснилось. Этого, — Майк указал на стены, — достаточно, чтобы вызвать такой сон. А Дигби просто уснул. Позови его. Позови!

Такер отвернулся.

— Он умер. Индеец ударил его. Он ушёл и никогда не вернётся. Он ушёл с н и м и...

Сьюзан была в полном замешательстве.

— С кем это с ними? — спросила она. Мёртвый невидимый Дигби и индеец? Воображение Такера явно перебарщивает.

Такер рукой вытер слёзы.

— Просто с н и м и, — сказал он и упрямо сжал губы. Сьюзан узнала этот признак. Теперь от Такера ничего не добьёшься.

Такер высвободился из рук матери и повернулся спиной к ней и к кровати. Как ни странно, лицо у него больше не было красным и он перестал кричать.

— С ними, — повторил он. Потом энергично кивнул. — Он им был нужен, и он им понравился... и ему понравился... Карл...

Сьюзан хотела спросить: «Кто такой Карл?» Но заметила знак матери. Если воображение Такера удастся переключить на что-то новое, тем лучше. Что касается Такера, то сцена вроде бы закончилась. Такер подобрал пластиковый мешок со своей зубной щёткой и губкой, как будто ничего не случилось.

Майк подошёл к стене и стал разглядывать картинки на высоте головы Такера.

— Никаких индейцев, — заметил он. — Есть несколько собак, но никаких индейцев. Откуда их взял Такер?

Мама подталкивала Такера в сторону ванной в конце коридора, прихватив свежую одежду для него. Она предупреждающе посмотрела на Майка, и они вдвоём исчезли.

Сьюзан снова взглянула на кровать. Таки почти заставил её увидеть эту... отвратительную картину! Она подобрала вагон, чтобы поставить его на стол.

— Майк, тебе этот дом нравится?

Майк пожал плечами.

— Странное место. И, конечно, сильно отличается от наших «Пальмовых Акрров». Но нам придётся здесь жить, Сьюзан. И держать рты на запоре. У папы с мамой

хватает неприятностей. А мы вполне можем пожить здесь немного.

Он провёл рукой по стене с картинками.

— Интересно, кто всё это приклеил и зачем? Зачем так много картинок? Наверно, вырезали из старых журналов.

— Но почему Такер придумал это ужасное происшествие с Дигби? Раньше ничего подобного не было, — сказала Сьюзан.

Майк развёл руки — точно как папа, который не знает, как ответить на вопрос.

— А почему вообще Так что-то делает? Целую неделю он видел слона на заднем дворе — помнишь прошлым летом? — и таскал ему сено. Почти всю траву вокруг вырвал. Потом появилось летающее существо в гараже. Как долго оно там прожило? Конечно, раньше он никого не убивал. Они просто исчезали, когда он придумывал что-то новое. Мы вчера говорили об индейцах. Я думаю, Такер услышал и запомнил часть — причём неправильно запомнил.

Иногда Сьюзан пыталась забыть о воображении Такера. С ним трудно жить, хотя обычно оно не очень раздражает, чего не скажешь, например, о Дигби. Утомляет, когда тебе всё время говорят, чтобы ты на него не наступила, или не села, или просто приласкала. Доктор Рамиш после тестов несколько лет назад сказал, что постепенно Такер научится отличать реальное от воображаемого. Все друзья на Мысе привыкли к воображению Такера. Иногда они даже заинтересованно спрашивали, какой новый невидимка появился у Виланов. Сьюзан считала, что на рассказах Такера можно написать книгу. Только кто-то должен записывать, что он говорит. У него всё получается так реально. Она сама даже как-то стала записывать его слова о существе в гараже. Страшновато получалось: Такер на самом деле не рассказывал, он просто говорил о нём, как о живом, и Сьюзан пораздовалась, что не может его видеть.

И всё же никогда раньше Такер не говорил, что его

«вображаемые», как он говорил, умерли. Ей это не понравилось.

За завтраком она всё ещё размышляла о Дигби, но потом забыла, потому что папа и мама уезжали. Они отнесли часть вещей назад в фургон, оставив коробки и ящики на крыльце у лестницы. Потом родители уехали, и Сьюзан (хотя от одной лишь мысли о поездке у неё выворачивало желудок) очень хотела оказаться с ними на заднем сидении.

Бабушка Хендрика, которой за завтраком не было, вышла попрощаться. Ещё вчера вечером она объявила, что её день отличается от дня других, но она привыкла к такой организации и намерена продолжать жить по-своему. Она не ожидает, что дети будут подстраиваться под неё, но хотела бы, чтобы у них тоже было расписание, которое она обсудит с ними позже. Папа и мама с готовностью согласились от имени Майка, Сьюзан и Такера; впрочем, их выразительные взгляды Такеру ничего не сказали.

Фургон исчез. Сьюзан решила, что бабушка Хендрика и Такер чем-то похожи. Они оба говорят так, словно считают правыми только себя, а все остальные должны с ними соглашаться. Мама говорила, что бабушка Хендрика пишет книги. Наверное, и воображение у неё, как у Такера, хотя Сьюзан была уверена, что невидимых существ она в дом не приводит.

— Ну, что ж, — прервала бабушка Хендрика размышления Сьюзан. Майк расталкивал коробки по углам, словно считал, что с ними нужно что-то сделать, но не знал, что именно. У Майка случаются такие порывы — что-нибудь сделать, но редко. Такер присел у края гравийной дорожки и разглядывал какое-то растение.

— Тут большой зелёный червяк, — провозгласил он.

— Я не удивлена, — ответила бабушка Хендрика. — Червяки бывают коричневые, жёлтые, чёрные и зелёные — и, конечно, обычные, красные. Обычно они поселяются на растениях, которые мне больше всего хочется

сберечь. Пойдём, Такер, мне нужно вам кое-что сказать, и я хочу, чтобы меня выслушали.

Прежде всего, домом управляют миссис Кингсли и её племянница Элоиза. Я владею домом, а они им правят. У них свои комнаты в каретном доме. Когда я здесь поселилась пятнадцать лет назад, его переделали в жилой. Вы должны их слушаться и помогать, если они попросят что-то сделать. Я полагаю, вы сами можете заправлять постели — Майк, Сьюзан? Очень важно быть аккуратными. И выполнять работу, о которой попросит миссис Кингсли. В саду управляется мистер Бейнс. Если ему понадобится помощь, он вам скажет.

Я встаю утром очень рано. От вас я этого не жду. И ложусь я тоже рано. Работаю я по утрам. И отрывать меня в это время можно только в случае крайней необходимости. Пока таких случаев не бывало.

— А что такое «крайняя необходимость»? — Такер внимательно слушал, а это для него уже много. Сьюзан подумала, что бабушка Хендрика произвела на него впечатление.

— Пожар в доме, торнадо или что-нибудь в этом роде, — бабушка Хендрика восприняла вопрос Такера совершенно серьёзно. — Я работаю в новом крыле дома. Сплю тоже там.

Занятия в школе начались неделю назад, и так как продолжительность вашего пребывания у меня неизвестна, я предприняла некоторые меры, потому что не верю в частые изменения. Я двадцать лет проработала в школе, — словно не видя детей, бабушка посмотрела на дом. — Только приехав сюда, я, можно сказать, вышла в отставку. Мой сертификат по-прежнему в порядке, и я могу какое-то время сама вести уроки. Поэтому, — она указала на дверь, — мы позаботимся, чтобы вы не пропускали уроки и не отстали.

Майк наконец-то оторвался от коробок и выпрямился. Лицо у него приняло хмурое выражение. Сьюзан догадывалась, в чём дело. Майк хотел быть уверенным, очень уверенным в хороших отметках. Он хотел поступить в

Академию военно-воздушных сил или в один из университетов, где готовят специалистов по космосу. А если не учишься в хорошей школе, можно ли надеяться на хорошие отметки для получения стипендии? Ведь теперь он нуждается в стипендии.

Но если он и собирался возразить, то не успел, потому что Такер поднялся на ступеньку и остановился перед бабушкой Хендрикой, расставив ноги и задрал голову, чтобы смотреть ей прямо в лицо. Бабушка Хендрика и так высокая, а прямая спина делала её ещё выше.

— Ты похожа на неё, — объявил он, когда бабушка Хендрика замолчала, чтобы перевести дыхание, — только она... — мальчик удивлённо покачал головой. — У тебя нет таких интересных вещей, которые были у неё, и лицо у тебя не с перекошенным ртом.

Сьюзан сделала полшага вперёд. Опять Такер за своё. К счастью, он говорил не об индейцах и не о мёртвом Дигби. Но кого невидимого привёл он на этот раз?

— Лицо с перекошенным ртом? — медленно повторила бабушка Хендрика, глядя сверху вниз на Такера. Лицо у неё стало напряжённым и странным. — А где ты такое видел, молодой человек?

Впервые Такер как будто не испытывал желания делиться полётом своего воображения. Напротив, он чуть попятился, как будто даже испугался. Потом энергично покачал головой.

— Не скажу! Это тайна — большая тайна!

Странное напряжённое выражение бабушки Хендрики не исчезло. Она заговорила, как будто не отвечала Такеру, а размышляла вслух.

— Большая тайна... да, вероятно, так и было. А теперь... — она мигнула, и голос её снова стал голосом главнокомандующего, каким был до вмешательства Такера. — За последние годы, я вынуждена сказать, искусство чтения и письма словно полностью исчезло из общественных школ. Я часто получаю письма, в них ошибки, неграмотные формулировки, их авторы как будто ничего не знают о простейших правилах грамматики, о том, как

построить предложение. Начнём с библиотеки. Перейдём туда.

И она скрылась в дверях. Майк, по-прежнему хмурясь, отошёл от коробок, а Сьюзан схватила Такера за руку. Этой осенью Такер должен был пойти в первый класс. Он даже читать не умеет. Ну, если бабушка Хендрика считает, что ей удастся заставить Такера делать то, что он не хочет... что ж, вероятно, им предстоит увидеть настоящее сражение, не хуже чем с индейцами. К счастью, сейчас Такер согласен был идти, он даже не вырвал из руки Сьюзан свою липкую ладошку.

Они вошли в большую квадратную комнату по ту же сторону от центрального холла, что и столовая, но у передней стены здания. Одну стену занимал камин, такой огромный, что все трое Виланов могли бы войти и встать в нём. По обе стороны от этого большого чёрного рта располагались скамьи, похожие на парковые, только с высокими изогнутыми спинками и с тёмно-красными подушками. В дальней конце стоял большой стол, вокруг него несколько стульев; занавеси на окнах были тоже красные; сейчас их развели в стороны, чтобы проходило как можно больше света. Тут и там стояли лампы.

И ещё два стола, длинных и узких, с высокими застеклёнными ящиками. Это витрины; вещи, которые лежат внутри, можно рассматривать, но нельзя трогать.

Однако большую часть пространства комнаты занимали книги. Сьюзан никогда не видела столько книг, только в публичной библиотеке. Но даже в библиотеке не было таких старинных книг, с потемневшими корешками. Бабушка Хендрика махнула рукой в сторону ближайшей занятой полками с книгами стены.

— Лучший материал для образования, — объявила она. — Много лет это поместье использовалось только как летний дом. И все эти годы основным видом развлечения служило чтение — в одиночку или вслух для всей семьи. Книги покупали и привозили сюда — для вечеров, дождливых дней, для информации и удовольствия. Эта часть... — она указала пальцем на нижние полки, где

стоял длинный ряд больших красных книг, довольно похожих, с золотыми буквами; и ещё несколько меньших книг, — принадлежала детям. Но вы можете рыться на всех полках, где захотите. Неизвестно, что вы найдёте. Даже в наше время можно отыскать что-нибудь удивительное, — она посмотрела на Майка, который сунул руки в карманы и вообще не смотрел на книги.

— Вы должны проводить здесь определённые часы и узнать, что может найти тот, кто ищет, — она повернулась к большому столу. — Здесь вы найдёте бумагу, ручки и достаточно места для письма. Вы будете регулярно отчитываться передо мной о своих открытиях — в течение одной недели. К концу этого времени я закончу переработку рукописи и освобожусь. Из ваших отчётов я также пойму, в каком направлении нам двигаться.

Такер вырвался из руки Сьюзан. Возможно, вначале он и слушал бабушку Хендрику. Но теперь снова стал самим собой и сразу направился к столу с витриной. Проявляя полное отсутствие внимания, он спросил:

— А что делают здесь все эти бусы?

Сьюзан ожидала, что бабушка Хендрика попытается одёрнуть Такера, как обычно поступают взрослые, замечая, что он их не слушает. Но бабушка просто ответила:

— Их тоже читают, Такер.

Мальчик удивлённо посмотрел на неё, словно не думал, что кто-то может сравниться с ним в нелепых утверждениях.

— А как читать бусы? — спросил он.

Впервые бабушка Хендрика чуть улыбнулась.

— Попытайся сам узнать, Такер. Прекрасное начало образования. Кто читает бусы — и почему? Если сумеешь ответить на эти вопросы к концу недели — я буду считать, что ты успешно начал обучение.

Глава 3

По-видимому, считая, что всё подробно объяснила, бабушка Хендрика быстро вышла из библиотеки; Такер

замерзленно смотрел ей вслед. Сьюзан и Майк подошли поближе к стеклянной витрине.

И верно, там хранилось множество разноцветных бусинок, нашитых на широкие полосы материи; они образовывали различные рисунки.

— Что она хотела сказать? Невозможно читать бусы! — сказала Сьюзан Майку.

— Это индейские пояса, — ответил Майк.

Сьюзан торопливо взглянула на Такера — больше никаких индейцев! К счастью, младший Вилан отошёл от витрины и медленно осматривал комнату, проводя рукой по корешкам старых книг.

— Такер не умеет читать... — Сьюзан почувствовала себя беспомощной. — Он... если мы заставим его оставаться здесь, он сделает что-нибудь ужасное, а мы не сможем его остановить.

— Ну, тогда она научится, — Майк как будто не беспокоился. И, к удивлению Сьюзан, не даже собирался смотреть книги.

Странно, в комнате стоял какой-то чудной запах, словно все книги мертвы. Сьюзан сморщила нос. Она хотела получить ответ на свой вопрос. Как можно читать бусы? Ответ должен найтись где-то здесь. Девочка разглядывала полки. Они уходили вверх, гораздо выше её головы. Даже встав на цыпочки, она не сможет прочесть названия самых верхних книг. Как тут можно найти что-то? Она просительно взглянула на Майка, который подошёл к ближайшему окну и смотрел наружу, решительно отвернув голову, с неподвижными застывшими плечами, как у бабушки Хендрики.

Такер завершил обход комнаты и вернулся к той части, где, по словам бабушки, стояли детские книги. Он спросил:

— А где телевизор? Сегодня суббота. Скоро «Космические рейдеры».

У Такера ещё не было часов, но когда он говорит, что время того-то и того-то, то обычно оказывается прав.

— Телевизор... может, его здесь совсем нет... — Сьюзан

неожидано поняла, что вечером не видела новостей и вообще никаких вечерних программ.

— Глупости! — Такер решительно двинулся к двери. — У всех есть телевизор. Я хочу смотреть «Космических рейдеров»!

Сьюзан обречённо поплелась за ним. Справиться с Такером не в её силах, но девочка всё же чувствовала ответственность за то, что он может натворить. А Такер уже пересёк холл и распахнул противоположную дверь. Они увидели ещё одну большую комнату; её закруглённый угол, примыкающий к башне, был ярко освещён солнцем. На всех окнах стояли лотки с растениями: цветами или папоротниками с длинными листьями. Как-то женщина из лейки поливала цветы; в одной руке она держала лейку, другой срывала пожелтевшие листья.

— Ну-ну, у вас не очень-то хороши дела, — говорила она, когда Сьюзан и Такер вошли в комнату. — Слишком много или слишком мало. Подождём и посмотрим. Посмотрите на эту календулу, вот как она выпрямилась.

Сьюзан поняла, что женщина разговаривает с растениями, а детей она, вероятно, ещё не заметила. Женщина была ниже бабушки Хендрики, и волосы у неё не совсем седые. Скорее голубоватые. Они причёсаны волнами, и в них торчит гребень. Лицо круглое, а у короткого носа чуть приподнятый кончик. Одета она в белое платье с широкой юбкой, с оборками из ярко-пурпурного ситца, белая блуза тоже с оборками, в ярких пурпурных цветах. Очки с очень большими стёклами; и это производило странное впечатление, потому что глаза казались вдвое крупнее, чем на обычном лице.

— Вот и всё, — продолжала она. — Завтра будет много еды для растений. И хватайте столько солнца, сколько сможете. В это время года вам нужно солнце...

— Вы разговариваете с растениями, — заявил Такер.

— Боже мой! — женщина поставила лейку. — Вы настоящие Кайделлы, входите бесшумно, как индейцы. Говорят, так ходили индейцы, никто не мог их услышать.

— Мы Виланы, — поторопилась поправить Сьюзан. — Я Сьюзан, а это Такер.

— А я миссис Кингсли. У вас есть ещё один... — она вопросительно посмотрела за Сьюзен и Такера.

— Да, Майк.

— Почему вы разговариваете с ними? — Такер указал на растения.

— Потому что они живые и хотят, чтобы их заметили, — ответила миссис Кингсли. — Как бы тебе понравилось, если бы ты день за днём жил в доме, а с тобой никто бы не разговаривал?

Такер перевёл взгляд с растений на женщину, потом обратно.

— Они отвечают? — с явным интересом спросил он.

— Да, только по-своему — становятся крепче, лучше цветут. А где этот ваш брат? Нужно кое-что убрать. Все эти вещи в холле и на пороге, для них нужно найти место.

Перенося коробки в спальни, убирая другие в пустую комнату дальше по коридору, которую использовали как кладовку, дети забыли о библиотеке.

И им не пришлось работать одним. Миссис Кингсли надела широкий передник, закрывший почти всё её платье с оборками, и позвала девушку в таком же платье, только у неё оно было красное, а передник синий.

Миссис Кингсли называла её Элоиза, но сама Элоиза не изъявляла желания знакомиться с Виланами. Вещи она относила с таким видом, будто собиралась их вышвырнуть, и совсем не разговаривала с детьми. Конечно, она старше, должно быть, уже в средней школе или даже в колледже; и когда Сьюзан смотрела в её сторону, девушка всегда казалась сердитой.

Когда Сьюзан внесла последние коробки, в которых хранились её собственные вещи, к девочке лёгкой походкой подошла миссис Кингсли.

— Теперь всё нужно убрать, — объявила она, — и немедленно... — женщина раскрыла дверь большого шкафа и провела рукой по пустым вешалкам. — Если тебе их не хватит, скажи мне. Ящики тоже готовы, — она подо-

шла к бюро и стала раскрывать один ящик за другим. — Всё сложи и аккуратно спрячь. Твоя мама дала мне мешок стирки. Мы выстираем вещи в понедельник и развешаем их — ничто не сушит лучше чистого воздуха. Если сразу примешься за работу, Сьюзан, сможешь закончить до ланча.

И так властно звучал её голос, что Сьюзан принялась распаковываться, когда ещё не закрылась дверь за миссис Кингсли. И развешивала и укладывала вещи она очень старательно, так как была уверена, что позже непременно последует проверка, и хотела заслужить одобрение.

Она аккуратно расставляла свои школьные туфли внизу гардероба и думала, увидят ли они школу ещё раз, когда в комнату заглянул Майк.

— Я должен расставить коробки в кладовке, — сказал он и впервые улыбнулся. — Бабушка, конечно, здесь главнокомандующая, но сейчас у нас на хвосте сержант, — и он забрал коробки, которые опустошила Сьюзан.

— А ты прибрался в своей комнате? — спросила она.

— Ещё бы! Эта брюзга Элоиза только посмотрела на меня и сказала, что не пойдёт, ей некогда ждать других. Я умею понимать такие намёки. А как Такер?

Сьюзан вздохнула и поднялась с колен.

— Вероятно, он на нас. Никто другой им не займётся. Майк кивнул.

— И никто лучше нас не справится. Если мы не хотим, чтобы Так взорвался... Ты же знаешь, какой он.

Такер из тех, кто всегда готов сказать: «Это моё, убери руки». Сьюзан подумала, удастся ли им убедить его позволить заняться неразберихой, которая сейчас, должно быть, царит в его комнате.

Но войдя в комнату, она удивлённо остановилась. Коробки, конечно, валялись по всей комнате, но они были пусты, а Такер закрывал последний ящик бюро.

— Таки...

Мальчик нахмурился.

— Я сам это сделал. Всё убрал, как она сказала, — он стоял между Сьюзан и только что закрытым ящиком, и

Сьюзан даже не попыталась посмотреть, как всё там убрано. — Эти пустые, — он пнул пустые коробки, — должны отправиться в другую комнату, так она сказала, — о — о, чудо из чудес! — Такер аккуратно сложил одну коробку в другую, схватил их и направился к двери.

Сьюзан торопливо уступила ему дорогу. Проходя мимо, он посмотрел на неё через плечо.

— Слышала насчёт нас?

— Что насчёт нас? — Сьюзан заторопилась за братом, потому что Такер не останавливался.

— Мы прокляты...

— Мы что? — переспросил Майк, совершенно потрясённый. — Что это значит?

— Эта Элоиза, она так сказала. Мы прокляты, — и Такер с грузом исчез в кладовке, оставив брата и сестру.

— А со мной она вообще не разговаривала, — пробормотала Сьюзан:

— И мне сказала только, чтобы мы её не трогали, — ответил Майк. — Что на этот раз натворил Такер?

Они загнали брата в угол и попытались что-нибудь выяснить, но он только ответил, что Элоиза сказала, что они прокляты, и всё. И он упрямо повторял, что ничего такого не делал, чтобы заставить рассердиться эту мрачную девушку.

Ланч накрыли в старой кухне, и бабушка Хендрика не появилась. Комната была очень просторная, с таким огромным очагом, что его вполне можно превратить в комнатку, подумала Сьюзан. Нужно только добавить дверь и немного стен с двух сторон. Дверь была — с одной стороны, и очень высокая. Когда Сьюзан решилась спросить о ней, миссис Кингсли ответила, что она ведёт к старому очагу, в котором когда-то пекли хлеб.

В одном конце комнаты стояла вполне современно выглядящая печь; миссис Кингсли сказала, что бабушка Хендрика купила её два года назад. На стенах висели полки и между ними стоял шкаф, похожий на тот, что в комнате Сьюзан, но с полками вместо зеркала вверх. Полки были почти сплошь уставлены тарелками, среди

которых выделялись блюдо в виде капустной головки, зелёное и блестящее, и кувшин в виде коровы, у которой молоко льётся из открытой пасти; да и сами тарелки были с рисунками. Слишком много всего, чтобы всё разглядеть; точно как картинки в комнате Такера.

— Где у вас телевизор? — Такер положил половину сэндвича с ореховым маслом.

— Телевизор? — к удивлению Сьюзан, ответила Элоиза, сидевшая в углу, как можно дальше от детей. — Тут нет телевизора. Мисс Кайделл не позволяет их заводить.

Такер выглядел действительно поражённым.

— Я хочу смотреть «Доктора Коффина». Его показывают по субботам... — он выпятил нижнюю губу. — У всех есть телевизоры. И здесь должен быть!

— Ну, а здесь нет, — стало ясно, что сообщение доставило Элоизе немалое удовольствие.

Сьюзан подготовилась к новому взрыву Такера. В то же самое время она с сожалением подумала о дневных фильмах.

Майк ел молча. Он прикончил свои сэндвичи и справлялся с большим куском пирога. Миссис Кингсли пила вторую чашку кофе. Она внимательно посмотрела прямо на Такера.

— Тебя ждёт работа, молодой человек. В следующую пятницу нужно будет отвозить банки в церковь для оказания помощи. Если не знаешь о таких вещах, то все окрестные фермеры отдают лишние фрукты и овощи «Женской помощи», и мы готовим запасы на зиму. Кормим в церкви бедняков, тех, кому не повезло. Церковь рада лишним банкам, так что сегодняя мы займёмся ими в погребе.

Элоиза со стуком поставила свой стакан с сидром.

Кока — ещё одно, чего не найдёшь в доме бабушки Хендрики.

— Это... — гневным голосом начала она, но миссис Кингсли прервала её.

— Это часть твоей работы. Переоденься в джинсы,

прежде чем начнёшь. Нам повезло, что у нас появились помощники.

— Да фруктовый погреб годами не убирали. Не удивлюсь, если где-нибудь в углу найдём консервы, оставленные ещё Кимблами. Выбросить всё раз и навсегда.

Вспомнив вышивку у себя на стене, Сьюзан осмелилась спросить:

— Я думала, здесь всегда жили Кайделлы. А кто такие Кимблы?

Миссис Кингсли помолчала. Сьюзан показалось, что на лице у неё появилось странное выражение, как будто ей кого-то жалко.

— Кайделлы построили это поместье, — она говорила резко и словно в раздражении протирала тарелки. — Но они не всегда здесь жили. Одна из девушек Кайделлов вышла замуж за Кимбла. Позже Кайделлы вернулись. Они долго жили в Нью-Йорке, никогда не были фермерами, чем-то занимались в банке. А сюда приезжали только на лето.

Элоиза с грохотом поставила собственные тарелки.

— Хорошо бы, они этого не делали, — сказала она.

Миссис Кингсли так быстро повернулась к племяннице, что шнурки её большого передника зацепились за ручку ящика.

— Ну, хватит, юная леди!

Элоиза словно собралась ответить, потом пожала плечами и вышла из кухни, её широкая юбка взметнулась, как кошачий хвост.

Кошка. Сьюзан неожиданно поняла, что оба кота тоже находятся в кухне. Они сидели в дальнем конце кухни у прочной двери на больших железных петлях.

Такер, больше не требующий телевизор, слез со стула и тоже пошёл к этой двери. Потом оглянулся.

— Нам нужно спускаться?

— Спускаться? — Сьюзан удивилась. Куда спускаться? Что имеет в виду Такер? Как можно спускаться — в землю?

— Да, фруктовый погреб в подвале, — миссис Кингсли протирала тарелки. — Но там не так, как в старину. В прошлом году мисс Кайделл установила там новое освещение.

Погреб. Сьюзан о них слышала, но дома никаких погребов не было. Откуда Такеру об этом известно?

А мальчик попятился от двери и столкнулся с большим чёрным котом, который зашипел и отскочил. Миссис Кингсли погрозила ему.

— Перестань, Джошуа! Им нравится ходить в погреб. Они как будто считают, что там можно поохотиться. Когда будем выходить, нужно проверить, что они не остались. А теперь, — она посмотрела на детей, — всё, что на вас, придётся стирать. Там внизу нас ждёт грязная работа. Как я сказала, многие банки стоят на полках очень давно. Ещё до того, как сюда приехала мисс Кайделл, когда ещё была жива старая миссис Элси. Она обожала консервировать. Кто знает, зачем она столько готовила, когда есть было некому?

Большинство консервов, наверно, давно засахарились, а от овощей заболеть можно. Джим в понедельник выбросит их в яму для компоста у сарая и закроет. После этого придётся перемыть банки.

Она накрыла волны своих волос полотенцем, потом закатала рукава платья.

— Внизу нас ждут корзины, когда мы их загрузим, — и она раскрыла дверь. Кошки тут же устремились вниз мимо неё. Миссис Кингсли протянула руку, нащупала выключатель и зажгла свет. Тёмное, полное теней пространство осветилось, и показалась каменная лестница с деревянными перилами.

Влажный запах поначалу не понравился Сьюзан. Ей не хотелось участвовать в этой работе. Но Майк был прав. Миссис Кингсли очень похожа на сержанта, а они — на взвод, находящийся на службе.

За Сьюзан шёл Такер, Майк спускался последним. Младший брат схватил Сьюзан за руку и крепко сжал. Света было достаточно. Они видели узкие разрезы окон,

очень высоко, забранные решётками. По одну сторону стояли большие каменные бочки, а на одной из них лежал предмет, который Сьюзан узнала. Как-то мама купила открытку в музее старинной деревни, там был изображён большой насос.

Впереди шёл коридор с деревянными стенами, с которых пластами опадала штукатурка. Миссис Кингсли открыла ещё одну дверь, которая проскребля по полу. Она снова протянула руку и зажгла свет. Они оказались в помещении без окон, стены которого, как в библиотеке, были уставлены полками. Сьюзан не поверила бы, что возможно собрать в одном месте такое количество стеклянных банок и глиняных горшков. Всё было расставлено аккуратными рядами, и некоторые ряды двойные и тройные, так что банки стояли на самом краю.

Миссис Кингсли прихватила несколько чистых тряпок и теперь принялась протирать банки. Наклейки на банках пожелтели, и буквы так выцвели, что миссис Кингсли приходилось снимать банки, чтобы прочесть надписи.

— Корзины в кладовке через коридор, — сказала она. — Принесите их.

Первым отправился Майк, за ним Сьюзан. Такер по-прежнему сжимал её руку, крепко, до боли. Она попыталась высвободить ладонь, но мальчик даже не посмотрел на неё, просто держал, как будто даже если захочет, не сможет выпустить. В кладовке было темно, и Майк с трудом отыскал выключатель. Неожиданно Такер дёрнул Сьюзан за руку и потащил назад.

— Нет!

Лицо его не покраснело, как обычно, когда он рассердился; Такер скорее выглядел испуганным.

— Не надо туда! — и прежде чем Сьюзан смогла понять, в чём дело, он наконец-то выпустил её руку и побежал назад к ступеням, к выходу из подвала. Она не пыталась пойти за ним, хотя ей очень хотелось.

Внизу было холодно. Такой холод Сьюзан испытала в середине ночи. Она вздрогнула. Сильно пахло пылью, старым камнем и деревом. Сьюзан пыталась не вдыхать глубоко.

Майк вытащил груду корзин, больших, как те, в которых на Рождество перевозят апельсины.

— Пусть малыш уйдёт, — сказал он. — Это место... — Майк помолчал, как будто не мог найти подходящие слова.

— Мне здесь тоже не нравится, — тихо согласилась Сьюзан. — Майк, мне не нравится этот дом. Я не хочу здесь оставаться.

Он покачал головой.

— Придётся. Пока мама с папой не устроятся. Не внушай Таку новых идей, у него своих достаточно. Сможешь вытащить это?

Сьюзан вытащила груду корзин туда, где миссис Кингсли разговаривала сама с собой. Вернее, она вслух читала наклейки и сортировала одни банки в одну сторону, другие — в другую.

— Слива, 1970. Вишня, 1969. Персик, 1950. Яблоко с самбуком, 1940. 1940! Всё это грузы, девочка. И все эти горшки. Должно быть, маринованные овощи. Интересно, что в них сейчас. Лучше не будем узнавать. Прибавится работы у Джима.

Сьюзан обнаружила, что им не придётся тащить корзины через весь дом. В погребе нашёлся боковой выход — откидная дверца, открывающаяся внутрь. По двое — так легче — они вытаскивали корзины. Миссис Кингсли находила всё новые и новые банки, из-за которых лишь качала головой. Появилась Элоиза и помогала выносить, но Сьюзан сомневалась, что им удастся всё очистить. Когда наконец, почерневшие от пыли, с ноющими спинами, они вытащили последнюю корзину, миссис Кингсли объявила, что теперь фруктовый погреб в относительном порядке.

Сьюзан и Майк хотели умыться. Миссис Кингсли как будто не заметила, что Такера с ними нет. Но Сьюзан всё время, упаковывая, вытаскивая, поднимая, думала, чем сейчас занят младший Вилан. По комментариям Майка во время отдыха она поняла, что старший брат думает о том же.

Поднявшись наверх, Сьюзан первым делом заглянула в комнату Такера. Его там не оказалось. У двери ванной она сообщила эту новость Майку. Майк обычно легче отыскивал Такера, а она так устала, что даже страх того, что может натворить её младший брат, несколько ослаб.

Только обнаружив, что Майка тоже нет, она спустилась вниз. Дверь библиотеки была приоткрыта, и оттуда доносились голоса. Не похоже, что там дерутся. Сьюзан быстро нырнула в дверь.

Такер оказался здесь, сидя на полу возле горы детских книг. Но книга с выцветшим золотым и красным на переплёте, которую он разложил перед собой, была гораздо больше тех, что стояли даже на самой нижней полке.

— Тут есть лицо... — Такер кончиком пальца постучал по правой странице. — У неё такое лицо. Я заметил. Но только она совсем другая. А лицо — как у этой!

Сьюзан пристроилась за мальчиками. Майк стоял на коленях рядом с Такером. Он склонился над книгой, но Сьюзан тоже увидела рисунок, на который указывал Такер. Цвета были не яркие, скорее бледные. Как будто рисунок на бумаге сделан очень давно. И текст не напечатан, а написан от руки. Он тоже выцвел, буквы не чёрные, а коричневые.

Лицо, обнаруженное Такером, не назовёшь приятным. Да это и не настоящее лицо. Оно было словно вырезано из дерева, а на голове вместо волос торчали перья. Волосы тоже были, грубые и необычные, завязанные узлом надо лбом. Глаза большие и окружены сначала белой, а потом красной полоской. Чёрные линии нарисованы на щеках, а на подбородке точки. Рот кривой, одна сторона опущена больше другой. И всё лицо тускло-коричневого цвета, как земля в саду.

Сьюзан изображение совсем не понравилось.

— Что это? — спросила она.

— Ложное лицо, — ответил Майк. — Тайное общество мохавов. Это у индейцев в старину.

Такер ладонью хлопнул по рисунку.

— У неё такое лицо... и... — он решительно оттолкнул от себя книгу. — Не хочу видеть! Заберите её!

— Где ты нашёл эту книгу? — Майк закрыл книгу, но держал её в руках.

Такер покачал головой.

— Я искал... знал... и искал, — и прочно закрыл рот. Майк положил книгу на колено.

— Может, ты нашёл больше, чем думаешь, Так, — проговорил он медленно. — Я хочу получше разглядеть её.

Он встал и положил большую книгу на стол.

— Что это? — вторично спросила Сьюзан.

— Какой-то дневник, я думаю. Кто-то здесь жил и хорошо знал индейцев, — он улыбнулся. — И может, двоюродная бабушка хотела, чтобы мы нашли именно это. Если так, мы удивим её: нашли очень быстро.

Но Такер вновь покачал головой.

— Не хочу видеть её снова! — заявил он со всей своей прежней твёрдостью.

Глава 4

На следующее утро за завтраком появилась и бабушка Хендрика. Они ели не на кухне, а в столовой, которая, несмотря на яркое солнце снаружи, казалась совсем тёмной из-за мрачной старинной мебели. Намазывая тост джемом, бабушка критически разглядывала Виланов.

Сьюзан неожиданно вспомнила, что только чуть причесалась. Она была слишком занята Такером, заставляя его умыться. Была её очередь заниматься этим. Они с Майком пообещали маме перед отъездом, что поделят между собой эту обязанность.

— Церковь в десять, сегодня второе воскресенье мистера Риверса, — провозгласила бабушка Хендрика. — Платье, Сьюзан, не джинсы. И приличные шорты... — она посмотрела на Майка.

— Такер... — начала было Сьюзан. Она не могла себе представить, что Такер всю службу молча и спокойно

просидит на скамье. Дома он ходил в воскресную школу, но это совсем другое дело, потому что он был в классе, где преподавала мама, и вёл себя сносно.

— Служба недолгая, — бабушка Хендрика протянула руку за чашкой с кофе. — Мальчик его возраста вполне выдержит. Как поработали вчера в библиотеке?

— Мы в основном помогали миссис Кингсли — в погребе, — ответил за всех Майк. — Там скопилось слишком много банок старых консервов, и она хотела всё вычистить. Потом мы распаковывались...

Бабушка Хендрика со стуком поставила свою чашку.

— Церковная помощь! Марта... — миссис Кингсли только что вышла из кухни. — Я совсем забыла.

— Ну, мисс Хендрика, эти старые банки давно нужно было расчистить. Некоторым из них больше тридцати лет. Мы вынесли их наружу, а Джим сбросит в яму. Потом придётся перемыть много посуды. И ещё глиняные горшки. Их мы лучше оставим себе.

Бабушка Хендрика слегка откинулась на своём стуле.

— Вы подсказали мне мысль, Марта. Эти горшки должны кое-что стоить. Они раннеамериканского периода, и именно такие вещи сейчас люди разыскивают. А мы никогда их все не сможем использовать.

Миссис Кингсли села и сняла с корзины, которую принесла с собой, платок. Корзина оказалась полна черничных оладий. Миссис Кингсли вначале предложила их Майку.

— Вы хотите пустить их в продажу вместе с вещами вашей сестры, мисс Хендрика. Что ж, можно. Утром скажу об этом Сэму. Ведь это аукцион вещей Кимблов-Кайделлов.

Бабушка Хендрика поворачивала чашку на блюде, глядя на неё так странно, словно совсем её не видит.

— Мне всегда казалось, что Эстер изменит своё решение. Она никогда не приходила сюда, не смотрела на то, что оставила тётя Элси. Бог видит, я много раз говорила с ней об этом. Но она всё равно не слушалась, — теперь бабушка казалась сердитой.

— Мне кажется, она никогда не забывала Гровера. Очень тяжело переживала, когда он умер.

— Да, а меня здесь не было, — бабушка Хендрика снова распрямилась. — У меня не было выбора. Трудно было найти работу, и я не могла уволиться через два месяца после того, как меня приняли.

— Ну, она никогда не сердилась на вас за это, вы знаете, мисс Хендрика. Просто ей тогда всем пришлось заниматься, а для неё это было тяжело, и миссис Элси говорила так странно. Старой леди пришлось тоже нелегко. Она так хорошо помнила Ричарда, Тода и Джеймса. Её мать никогда о них не забывала и говорила вплоть до своего смертного дня. Я помню, как об этом рассказывала моя мама. Она тогда была маленькой девочкой, но вокруг все говорили...

— Всегда болтают! — голос бабушки Хендрики прозвучал резко. Миссис Кингсли покраснела и тут же занялась беконом с яйцами.

Элоиза не пришла на завтрак. Накануне вечером она отправилась в город и ночевала у подруги. Но коты присутствовали, сидели рядом, у каждого своя тарелочка. Бабушка Хендрика отодвинула свой стул, взяла немного яйца с жареным хлебом и разделила на две равные порции.

— Не забывайте о манерах, Джошуа... Эразм...

Коты с достоинством ждали, пока она не закончит, потом попробовали предложенное. Бабушка Хендрика смотрела, как они едят.

— Воскресное угощение, — объяснила она, не оглядываясь на Виланов. — А теперь... — тут она посмотрела на стол, — если вы закончили... — она взглянула на свои часы. — У нас ещё есть время поговорить. Вчера у меня был хороший день, я выполнила работы больше, чем рассчитывала. Значит, в библиотеке вы не были. Ну, неважно, — она кивнула. — Сегодня у вас есть час времени. Посмотрим, что можно сделать.

Дети вслед за бабушкой потащились в тёмную комнату. Бабушка Хендрика включила свет, и появилась

возможность лучше рассмотреть корешки книг. Бабушка подошла к отделу, который показывала накануне, и указала на ряд красных с золотом книг.

— Журналы «Святой Николай», переплетённые. Это было настоящее удовольствие. Знаете, — она стояла, чуть наклонив голову в сторону, — это собрание само по себе может представлять историю: что читали дети в этой стране на протяжении более ста лет. «Что сделала Кэти», — она извлекла книгу с истрёпанным переплётом, потом сунула её назад. — «Удивительное кресло бабушки», — эта книга выглядела ещё более растрёпанной, но бабушка раскрыла её и заглянула на форзац. — Эмили от папы, Рождество, 1869.

— А вот Хенти. Я помню, что Оррин начинал с Хенти. «Под флагом Дрейка». «Пайк и Дайк». Коффин. «Мальчики семьдесят шестого...» А вот и «Хилдерейдж», и «Маргарет Монфор», и «Бумаги Петеркина»... — голос её зазвучал возбуждённо. — Мы всегда были книжниками, а лучшие книги оседали здесь. Их перевезли сюда все, когда дом на Вашингтон-сквер совсем оставили.

— Пожалуйста... — теперь, когда бабушка Хендрика остановилась, у Сьюзан появилась возможность объяснить то, что она не могла сказать раньше. — Такер ещё не умеет читать. Он ходил в садик...

— Любой ребёнок, — твёрдо завила бабушка Хендрика, — может научиться читать, если ему интересно и у него нормальная голова. А я уверена, что у Такера она такая, — она посмотрела туда, где стоял Такер и смотрел на полки не хмурясь, как обычно, но так, словно ждал чего-то интересного.

— О чём бы ты хотел почитать, Такер? — спросила бабушка Хендрика.

— Об индейцах, — без колебаний ответил он. — Об индейцах, которые здесь жили, — и он ткнул пальцем в воздух, словно указывая на кого-то реально присутствующего.

Невидимые индейцы! Сьюзан нервно глотнула. О, ради Бога, не нужно невидимых индейцев!

Бабушка Хендрика кивнула.

— Очень хорошо! — она порылась на полках перед собой и вытащила две книги. Одна большая, корешок её, обращённый в сторону комнаты, выцвел и поблелел. Но на переплёте сохранилось яркое изображение индейца. Вторая книга была поменьше, и на переплёте были нарисованы мальчик и девочка.

Сьюзан прочла название второй книги: «Индийские близнецы».

— Посмотрим, что ты с ними сделаешь. Нет, — бабушка покачала головой, глядя на Сьюзан, — пусть сам совершает открытия. Я научилась читать в четыре года. И уверена, что Кайделлы не изменились за эти годы и умеют учиться сами.

— Теперь ты, Сьюзан. С чего бы ты хотела начать?

Девочка просто не могла ответить «Не знаю». Особенно когда бабушка так на неё смотрит и после её слов о Кайделлах, которые всё умеют. Но она не из Кайделлов, какой бы ни была фамилия папиной мамы! Не очень задумываясь, она сделала выбор, только чтобы получить в руки книгу. Один из томов, которые бабушка назвала «Святой Николай».

— А ты?.. — наступила очередь Майка. Он тоже не колебался.

— Я кое-что нашёл вчера, вон там, на столе, — и он указал на книгу, которую обнаружил Такер, с той уродливой маской.

Бабушка Хендрика пошла взглянуть. Когда она снова посмотрела на Майка, лицо её приняло удивлённое выражение.

— Дневник Джекоба Кайделла! — она нахмурилась, потом покачала головой. Но Сьюзан подумала, что это относится не к Майку.

— Я сказала, что вы можете читать тут всё. Так оно и есть! — голос её звучал твёрдо, она словно давала обещание — но кому, Сьюзан не знала. — Вам, несомненно, не хватает знаний семейной истории. Пора и вам кое-что узнать. Ну, хорошо, в вашем распоряжении час, — она

снова посмотрела на часы. — Потом вы должны будете одеться для церкви. Пойдём полем, чтобы вы ещё кое-что узнали об истории. Часть этого прошлого принадлежит вам, хотите вы этого или нет!

Сьюзан оглянулась на Такера. Его у полок не было. Витрина с бусами... Нет, там его тоже нет. Такер нашёл отличное место на широком подоконнике, там он и сидел, совершенно поглощённый большой книгой.

Сьюзан взяла большой том, который выбрала наугад. В руках книгу держать было неудобно, поэтому она села за стол с Майком, он по одну сторону, она — по другую, и начала просматривать картинки, удивляясь странной одежде. Картинок было множество. Бабушка Хендрика, очевидно, решив, что её долг выполнен — по крайней мере на час, о котором она сказала, — вышла.

Майк издал странный звук, нечто среднее между фырканьем и смехом, и Сьюзан оторвалась от рассказа, который заинтересовал её названием — «Леди Джейн».

— Д.Б. — двоюродная бабушка — ведь говорила нам, что нужно учиться писать грамотно? — сказал он, глядя на раскрытую книгу.

— А что?

— Парень, который это писал, наверно, хуже всех в мире разбирался в буквах. А может, английский в те дни был другим, — заметил Майк. — Но рассказать ему было о чём. Он жил в 1769 году, с этого года он начал писать. А мать его была индианка из племени онейда, она была важной персоной. Похоже, землёй тогда владели женщины. Отец его пришёл из Нью-Йорка, его тоже звали Джекоб Кайделл. Он приобрёл здесь огромный участок, но так говорили только колонисты. Индейцы не спорили, он поселился здесь и заключил с ними договор. Женился на их принцессе или как там её называли и основал здесь большой торговый пост. Потом привёз поселенцев, шотландцев. Им не нравилось, что происходит в их стране, и они хотели уехать. Не любили нового короля. Обосновались здесь и голландцы и даже несколько шведов.

Этот первый Джекоб привёз людей из Нью-Йорка,

чтобы они построили ему этот дом — или часть его, и все считали, что это здорово. Он здесь был как король. Тут устраивались вместе с индейцами большие церемонии. Позже он отправил двух своих сыновей в Англию. Тому, который это писал, в Англии понравилось, а его брату нет. Думаю, он тосковал по дому. А Джекоб говорит даже о чтении на латинском, хотя не может нормально написать английское слово. И у него часто попадаются индейские слова.

Брата его звали Хендрик, и они не были хорошими друзьями. Когда они вернулись из Англии, Джекоб дружил с англичанами, жившими поблизости. А Хендрику не нравилось, как англичане повсюду распоряжаются, и отношения братьев ещё ухудшились.

Эта часть штата Нью-Йорк тогда называлась «запад»: в то время европейцы ещё недалеко забирались от побережья и даже не знали, какая это огромная страна. Я поглядел в другой книге: во время революции область, где расположен Вашингтон, всегда обозначалась как «восток», а это место называлось «на западе». Всякий, кто воевал на стороне Вашингтона в регулярной армии, был «на востоке».

Ну, Джекоб оставался здесь, на западе, и управлял домом. Он был любимцем отца. Но Хендрик был старше, а в те дни по закону старший сын наследовал всё.

Сьюзан медленно оглядела комнату. 1769 год — это же так давно! Существовала ли тогда библиотека? Неужели некоторые книги стоят на полках с тех пор?

— Дети! — в дверях появилась миссис Кингсли. — Пора готовиться к церкви.

Сьюзан, как и Майк, закрыла книгу, но Такер словно не слышал. Они подошли к окну и увидели, что Такер разглядывает картинку; на ней за кустом притаился индеец, глядя на стену из заострённых брёвен, а за оградой виднелась енотовая шапка поселенца.

— Такер, нам пора идти, — и когда брат даже не пошевелился, Сьюзан ладонью прикрыла картинку.

— Вот что они делали... только тогда было утро... очень

рано... — медленно проговорил Такер, не поднимая головы. — Бежали, прятались, а потом стало темно, потому что мужчина привёл их... — он снова покачал головой и захлопнул книгу. — Остального я не знаю!

Майк взял обе книги.

— Больше никаких индейцев, Такер. Забудь о них. Их больше нет здесь. Ты просто воображаешь...

Такер выпятил нижнюю губу.

— Они были плохие... только этот человек... он был ещё хуже... и он не был индейцем! Не хочу больше вспоминать!

— И не нужно! — сразу ответила Сьюзан. — Пошли, Такер, нам пора собираться в церковь.

Он послушался и не сопротивлялся, когда она дала ему лучшие брюки и чистую рубашку и положила на кровать куртку. Он даже провёл расчёской по своим лохматым волосам.

Сьюзан надеялась, что теперь они выглядят — как однажды выразилась дома Лена — «респектабельно», когда дети встретились в нижнем холле с бабушкой Хендрикой и миссис Кингсли. На бабушке был серый костюм, кофта с кружевами и шляпа. Лацкан жакета украшала булавка с большой головой чёрного леопарда, только вместо пятен на шкуре блестели камешки. Миссис Кингсли тоже была в костюме и шляпе, и её обычных оборок не было.

Они прошли по гравийной тропе до дороги, но потом свернули в сторону; бабушка Хендрика открыла калитку и пропустила их на кладбище. Через кладбище тропа вела прямо к белой церкви; рядом стоял большой камень, очень высокий; к нему была прикреплена потемневшая металлическая табличка. Бабушка Хендрика остановилась перед ней.

— Через несколько недель исполнится двести лет со дня бойни, — сказала она. — Камень поставлен в 1880 году, в сотую годовщину. Смотрите... — и она рукой в перчатке указала на имена на табличке.

— Джоанна Кайделл, Каролус Кайделл, Флориан Кай-

делл... — странные имена, и Сьюзан обнаружила, что читает их вслух. Было и много других имён, примерно двадцать, но эти три стояли в самом начале списка.

— А что тогда случилось? — спросил Майк.

Бабушка Хендрика посмотрела на него — Сьюзан могла подобрать только одно слово — жёстко. Лицо её словно превратилось в маску, как в книге, которую нашёл Майк.

— Случилось нечто ужасное, — сказала она. — Человек привёл врагов к своим друзьям, к своей собственной семье. Враги сжигали дома, убивали... даже своих родственников. Его звали... — она помолчала, потом всё же закончила... — его звали Джекоб Кайделл. Он был братом Хендрика, который служил Вашингтону. Тогда многие семьи в долине разделились, но только Джекоб принёс смерть в собственную семью. Он нём всё ещё здесь рассказывают. До сих пор его помнят люди в маленьких городках. Хендрик Кайделл разорился после войны, пытаясь помочь тем, кто пережил бойню. Но по-прежнему многие его винят и ненавидят, потому что его здесь не было и он их не защитил. Впоследствии именно из-за этого Кайделлы здесь очень долго не жили. Теперь готовится церемония по случаю двухсотой годовщины. Ведь камень был поставлен на деньги Кайделлов. А три имени в начале списка — это дети Хендрика.

Зазвонил церковный колокол, все вздрогнули. Сьюзан взяла Такера за руку, потому что он не пошёл с остальными, а остался стоять, глядя на камень. Это уж слишком, подумала Сьюзан. Если Такеру не перестанут рассказывать об индейцах и убийствах... Она хотела бы сказать об этом бабушке Хендрике. Может, мама и папа скоро найдут дом, и они смогут отсюда уехать.

Сьюзан видела фильмы о войне за независимость и читала книги. Но всегда что-то происходило с другими людьми и не имело никакого отношения к Виланам... Виланы! Вот оно! Они ведь не Кайделлы, что бы ни говорила бабушка Хендрика. Они Виланы, и у них нет

ничего общего с тем, что произошло здесь двести лет назад.

Церковь была самой обычной. Спели несколько гимнов, которые знала Сьюзан, а у проповедника оказалась приятная улыбка. После службы он подошёл к большой церковной скамье и поговорил с бабушкой Хендрикой о подготовке к помощи, о банках и яблоках, которые бабушка пожертвует для изготовления компотов.

Такер упорно тянул Сьюзан за руку, нетерпеливо поворачивая к двери, и она решила, что лучше выйти. Майк двинулся за ними. Рядом оказалось несколько мальчиков его возраста и девочки. Одна из девочек улыбнулась, но Сьюзан так волновалась, что не успела улыбнуться в ответ. Никто не разговаривал с ними.

Они медленно шли, ожидая, пока их догонят бубушка Хендрика и миссис Кингсли, когда откуда ни возьмись рядом возникла Элоиза. С ней была ещё одна девушка и два парня, больших. Один в школьном свитере с яркой надписью белыми и красными буквами под пиджаком. Девушка посмотрела на Виланов круглыми глазами, как будто увидела в них что-то странное, а парень в свитере зашептал ей на ухо и громко рассмеялся. Сьюзан это не понравилось. Майку тоже, она видела, как брат покраснел.

— Призраки тебя ещё не забрали, малыш? — спросил парень у Майка. — Надевай побыстрее кроссовки, может, на этот раз удерёшь. Слышал такое? — и он запел: — В ком Джекоба кровь, проклятье на том, — он снова рассмеялся, и второй парень присоединился к нему, хотя незнакомая девушка тащила его за рукав. Лицо её покраснело, но не от холода.

Элоиза сквозь сжатые губы рывкнула:

— Заткнись, Лью! Если тётка тебя услышит...

Он снова рассмеялся.

— Да? И что же она сделает? Я ей не подчиняюсь. Да и всему городу она рот не заткнёт. Разговоры уже идут. Три ребёнка, Кайделлы, а ты знаешь, что бывало здесь раньше, когда появлялось трое детей.

— А что бывало? — Майк сделал шаг к парню. Майк высок для своего возраста, но всё равно ему пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть парню в лицо. — Не скажешь ли нам?

— Так никто этого не знает, малыш. Это же проклятие, — голос парня зазвучал глухо. — Иди и сам посмотри... — он указал на кладбище. — Много интересного рассказывают о Кайделлах.

— Мы не Кайделлы, — Майк ответил теми же словами, которые крутились в голове Сьюзан. — А в чём проклятие? Что-то из комиксов...

— Пошли, Лю, — вмешался другой парень. — Идёт миссис Кингсли. Она с тебя живьём шкуру спустит, если услышит...

Лю взглянул в сторону церкви, вновь рассмеялся и пожал плечами.

— Я сказал только то, что всем известно. Идёшь, Элоиза?

— Нет, мне нужно домой. Тётка велит. Спасибо, Лаура, мы отлично провели время. Пока, — ей явно хотелось, чтобы эти трое поскорее ушли.

Но Майк не был удовлетворён.

— Что это за проклятие? — спросил он у Элоизы. — Ты говорила об этом Такеру, расскажи и нам.

— Просто старая история, она больше ничего не значит, — торопливо ответила Элоиза. — О, тётя Марта, миссис Витман хочет, чтобы ты ей позвонила. Что-то о добавочном печенье. У «Женской помощи» его, кажется, не хватает, — она подошла к миссис Кингсли, и Майк вынужден был отступить. Медленно приближалась бабушка Хендрика, разговаривая с другой женщиной. И снова Сьюзан услышала:

— Аукцион. Приходите пораньше...

Она была рада, что назад они возвращались не через кладбище, но пошли более длинным путём, по дороге. Такер собирал листья, в этом году они рано начали падать с деревьев, и уже были ярко окрашены. В воздухе

чувствовалась прохлада. Сьюзан плотнее запахнулась в куртку.

— О чём они говорили? — спросила она у Майка.

— Не знаю, но обязательно узнаю, — решительно ответил брат. — По словам Д.Б., Джекоб и Хендрик разошлись во время революции, и Джекоб привёл сюда отряд, в то время как его брат воевал на западе. Этого достаточно, чтобы все разозлились и прокляли его. Но какое это имеет отношение к нам, вот это мы должны узнать.

К ним подбежал Такер с руками, полными листьев.

— Почему они становятся красными и жёлтыми? — спросил он, и Сьюзан, довольная, что он не упоминает ни индейцев, ни другие ужасы, призналась, что не знает, но, может, знает бабушка Хендрика. Такер через плечо посмотрел туда, где бабушка разговаривала с леди, и совершенно утратил интерес к листьям, увидев, как по стене пробежала белка, заглянула в щель и исчезла.

— Хотел бы я иметь хорошего пса...

— Дигби, — ляпнула Сьюзан не подумав и тут же пришла в ужас от того, что наделала.

Такер презрительно посмотрел на неё.

— Дигби нет. Он ушёл с н и м и.

О, нет, подумала Сьюзан, только не снова.

— Подожди, пока мы не приедем в Утику, — торопливо пообещала она. — Там у нас будет дом, и ты получишь собаку...

— Да. Не здесь, — он покачал головой. — О н и и эту собаку могут забрать. Смотри, Майк, самолёт!

Он указал в небо. Действительно, по небу протянулась длинная белая полоска, обозначая маршрут самолёта. Сам самолёт был слишком высоко, чтобы его увидеть. Реактивный самолёт в воздухе, а двести лет назад рано утром здесь выходили из леса индейцы, чтобы убивать... Рано утром? Почему она так решила? Она не помнила, чтобы об этом говорила бабушка Хендрика. Нет, это сказал Такер, когда разглядывал картинку в книге. Но мысль о

нападении ранним утром показалась такой ясной, что Сьюзен почему-то была уверена, что так и было на самом деле. Больше никаких индейцев! Никакого проклятия Кайделлов!

Наконец бабушка Хендрика поравнялась с ними, и Сьюзан, лихорадочно стараясь отыскать тему подальше от своих мыслей, спросила об аукционе, на котором будут продавать вещи двоюродной сестры бабушки — Эстер.

Она узнала, что для местного общества это будет большое событие. Прежде всего это дело Кайделлов. Сестра бабушки тоже была из рода Кайделлов — Эстер Кайделл, и вместе с бабушкой Хендрикой она унаследовала права на большой дом. Но Эстер не захотела здесь жить, потому что в доме умер один из её братьев и сама она очень болела, когда жила в нём. Позже в этом доме неожиданно умер и её маленький сын. Сестра Эстер жила в другом доме по другую сторону города. Теперь она тоже умерла, и все вещи из её дома будут проданы на аукционе. Деньги пойдут церкви. Многие её вещи очень старые, антикварные, и соберётся целая толпа покупателей, особенно если будет хорошая погода. «Женская помощь» подготовит ланч, и вообще для города это большое событие.

— Мы все пойдём, — пообещала бабушка Хендрика, словно развлечение. — Может, что-нибудь пригодится твоей маме для нового дома. Я знаю, она интересуется старыми вещами. И день рождения у неё в ноябре, верно? Присмотри для неё подарок, Сьюзан. Я помню неплохие вещи из стекла и фарфора, не такие старинные, чтобы привлечь перекупщиков, но красивые. И, конечно, это семейное наследие.

Глава 5

К счастью, в последующие два дня Такер как будто забыл об индейцах. Он отыскал в библиотеке несколько старинных книг с картинками. Одна называлась «Весё-

лые кошки», другая «Брауни». Не обращая внимания на текст, Такер по картинкам знакомился с приключениями героев, а Сьюзан и Майк тоже погрузились в свою новую школу. Майк по мере чтения делал записи, а Сьюзан, которая не очень любила читать, тем не менее проследила за приключениями леди Джейн в двух томах «Святого Николая», а потом занялась «Что делала Кэти».

Утром во вторник бабушка Хендрика вновь неожиданно появилась за завтраком и объявила, что они идут на аукцион. Пойдут все, кроме Джошуа и Эразма. Бабушка Хендрика считала это посещение частью истории Кайделлов, обязательной для изучения.

— Немного осталось старых семейств, — говорила она, помогая миссис Кингсли упаковывать большую картонную коробку с печеньем и бутербродами, каждый в отдельном мешочке. — Последний из Мактрегоров, старый Эмос, умер два года назад. Живы, правда, ещё Вандастеры и Грэмы... — она покачала головой. — В долине молодёжь не задерживается. Уже несколько поколений народ разбегается. Иногда приезжают летом отдохнуть, и это всё. Дома продаются дачникам. Слава Богу, есть ещё люди, которые ценят старину и сберегают её. Но новые семьи не из местных...

Миссис Кингсли фыркнула.

— Скаковые лошади, плавательные бассейны, и этот теннисный корт, который устроили в поместье Мактрегоров. И суют нос в дела города. Мы и без них проживём.

Бабушка Хендрика покачала головой.

— Да нет, Марта, не сможем. Ведь пока они заинтересованы, у нас не будет ужасного строительства современных домов, которые, как грибы, вырастают за одну ночь. Эти Аллены, которые купили дом Мактрегоров, прекрасно его отреставрировали и теперь гордятся им. Он теперь в таком состоянии, в каком не был пятьдесят лет и больше. Надеюсь, эти Хендерсоны так же отнесутся к дому Эстер. Дому нужна новая крыша. Эстер больше года не думала о доме. Говорила, что он выдер-

жит, пока она жива, а больше ей и не нужно. Конечно, это не дом Кайделлов, но и его построили в 1800 году, тогда Кенноны привезли из Нью-Йорка архитектора, он его и спроектировал.

Они выехали на дорогу, на которой стоял дом, и направились в поля. На дороге было довольно оживлённо. Бабушка Хендрика сигналила и махала нескольким машинам, которые отвечали ей тем же. Сьюзан сидела в углу; она знала, что ехать недолго, и была изрядно возбуждена.

Они свернули на площадку, забитую машинами. Бабушка Хендрика помогла миссис Кингсли достать коробки со свежее испечённым печеньем, а Элоиза вынесла поднос с тремя пирогами, уложенными один на другой.

— Пошли! — бабушка пропустила детей вперёд. — Осматривайтесь. Все вещи пронумерованы, и вы поймёте, какие будут продаваться с аукциона, когда начнутся торги. К счастью, день хороший, и большинство вещей можно вынести во двор. Там их лучше видно.

— Очень много народу их разглядывало, — голос миссис Кингсли прозвучал резко. — Даже в четверг и пятницу приезжали. Большинство просто любопытствует. Ну, вот и Сара Бейтс, она тут всем распоряжается...

Еда, бабушка, миссис Кингсли и Элоиза отправились в одном направлении, а Виланы остались на месте, оглядываясь.

— Как распродажа в гараже, — пробормотала Сьюзан. Они сами устроили такую за две недели до отъезда.

— Гораздо больше, — заметил Майк. — Ты только посмотри на эту мебель, — он указал на стулья, столы, диваны, кровати перед домом, многое было разобрано на части, шкафы и другие предметы, такие большие и тяжёлые, что Сьюзан удивилась, как их сумели вынести из дома красного кирпича. Вокруг мебели собралось много народа, люди переворачивали стулья, осматривая ножки, приседали, заглядывая под столы. Некоторые сидели в ожидании начала торгов. Рядом стояли большие коробки

с книгами, тарелками и множеством других вещей. Всё это было расставлено вдоль портика.

Никто не разговаривал с Виланами, и сами они не решались углубиться на площадку, заставленную вещами. Но тут Сьюзан вспомнила, что бабушка Хендрика велела ей присмотреть что-нибудь для мамы.

— Эй, посмотри, Так. Что ты об этом думаешь? — Майк указал в сторону мебели. Между двумя столами и стульями, пыльный и выцветший, стоял пони. Нет, решила Сьюзан, присмотревшись. Это деревянный конь с короткой резной гривой. На спине у него красовалось деревянное седло, со следами красной и золотой краски, а из рта свисали остатки узды.

— Он с карусели, — Сьюзен заторопилась за мальчиками. Такер, бросив лишь один взгляд, тут же побежал. Подойдя ближе, Сьюзан увидела, что копыта коня укреплены на качалках. Вернее, три копыта, четвёртая нога была сломана, а дуги качалок потрескались.

Такер ухватился за луку седла и попытался забраться на коня. Конь покачнулся и чуть не упал.

— Эй, дети, перестаньте! Уходите отсюда! — к ним подошёл молодой человек, размахивая руками.

— Простите, — торопливо сказала Сьюзан. — Такер никогда не видел такого коня...

— Ну, смотри, чтобы он его не трогал. Это особый предмет.

— Он дорого стоит? — Майк с трудом удерживал Такера.

— Ещё бы, парень. Таких немного осталось. Два антиквара особо отметили его в своих каталогах. Один сказал, что может получить за него у коллекционера больше тысячи.

Майк присвистнул и крепче ухватил Такера.

— Ничего не подделаешь, — сказал он брату. — Смотри, а вон амбар. Посмотрим, что там.

Такер покраснел, и Сьюзан не знала, что они с Майком смогут сделать, если младший Вилан разойдётся.

— А вон собака! — Майк указал на маленького корич-

нево-белого щенка, игравшего на примятой траве. Такер сразу забыл о деревянном коне. Он побежал, и Майк за ним.

А Сьюзан задержалась, чтобы спросить у молодого человека, который, кажется, всё здесь знал.

— Тут всё такое дорогое?

Он улыбнулся девочке.

— Хочешь купить что-нибудь, сестричка? Посмотри сюда... — он показал на коробки у крыльца. — Эти не будут выставляться на торги. Их собирали на чердаке, когда церковные леди чистили его. Там разное старьё, и они решили, что было бы неплохо и за мусор собрать кое-какие деньги. Антиквары будут охотиться за большими вещами, за стеклом и фарфором; а это им не нужно. Кто знает, может, найдёшь здесь настоящее сокровище.

Сьюзан никак не могла решить, не смеётся ли он над ней. Но тут кто-то крикнул «Хол!», и молодой человек ушёл. Сьюзан робко подошла к коробкам.

Они выглядели ужасно пыльными и грязными. В некоторых были сложены старые книги. Сьюзан подняла крышку одной из коробок и увидела множество квадратных кусков ткани, лоскутов. Может, кто-то начинал делать лоскутное одеяло, да так и не закончил. Куски были обшиты по краям. И все соединены верёвкой или шнурком, пришитым к углу каждого квадрата. Не все они были ситцевыми, как у подруги матери миссис Плетт, которая шила лоскутные одеяла. Попадались среди них бархат и шерсть. Сьюзан приподняла верхний и обнаружила, что все они связаны, так что получается цепочка квадратов. Она не захотела вытаскивать их все, но гадала, что же это такое.

Рядом с лоскутами был запихнут небольшой ящичек. Кто-то раскрасил его под дерево, и крышка у него разорвана. Из ящичка торчали страницы с печатным текстом, пожелтевшие и выпачканные. А в углу лежало что-то завернутое в истрёпанную ткань. Сьюзан пощупала пальцем сквозь обёртку, стараясь понять, что там спрятано. Что-то похожее на фарфоровое дерево с не-

сколькими ветвями. На ветках цветы и бабочки. Странно — и очень необычно. Сьюзан не знала, что это такое, и неожиданно ей очень захотелось иметь это. Она присела и стала разглядывать надпись на коробке.

«Церковный фонд, коробка со случайными вещами. Два доллара».

Может, дерево сломано. И кому нужны эти лоскуты для одеяла? Два доллара за коробку. И она не знает, что в ящичке, раскрашенном под дерево. Сьюзан никогда не играла в такие игры, но, может, это интересно.

— Нашла что-нибудь интересное? О, ты ведь Сьюзан Вилан, верно?

Сьюзан чуть не потеряла равновесие, сидя на корточках; она удивлённо посмотрела вверх.

— Я миссис Риверс, мы встречались в церкви. Но ты, наверное, повстречала здесь так много новых людей, что не помнишь, — леди немного походила на маму, в шарфе, куртке, и на лице у неё играла улыбка. Сьюзан её не запомнила, но улыбнулась в ответ. Миссис Риверс больше напомнила ей дом, чем все остальные.

— Да, я Сьюзан. Эта коробка. Как её купить?

— Заплати мне, — рассмеялась миссис Риверс. — Это моя часть аукциона. Деньги пойдут в особый церковный фонд, из которого оплачиваются наши молодёжные программы. Может, они тебе тоже понравятся.

Сьюзан порылась в куртке и нашла кошелёк. Отсчитала четыре монеты по двадцать пять центов из тех денег, что ей в последний раз дали на карманные расходы, и ещё десять десятицентовиков, которые вытрясла из копилки-свиньи, когда они уезжали.

— Я покупаю это! — она положила руку на коробку. Потом улыбнулась. — Может, мне повезёт!

Миссис Риверс улыбнулась ей в ответ.

— Знаешь, у меня такое чувство, что повезёт. Я знаю, что во многих коробках таятся сюрпризы. На чердаке было так много вещей, что женщины, которые их разбирали, в конце концов устали и просто расталкивали всё по коробкам. Спасибо, Сьюзан, — она опустила монеты

в свою сумку. — Расскажешь мне, если найдёшь сюрприз.

— Конечно! — Сьюзан взяла коробку. Она оказалась довольно тяжёлой. Относя коробку в машину и запихивая её в багажник, Сьюзан думала, что может найтись у неё на дне. Потом отправилась искать Майка и Такера. Они играли со щенком и разговаривали с двумя незнакомыми мальчиками.

Поэтому Сьюзан пошла туда, где церковные активистки расставляли бумажные тарелки, готовясь продавать ланч тем, кто ничего не захватил с собой. Аукцион начался. Некоторое время Сьюзан слушала. Аукционер говорил так громко и быстро, что его трудно было понять. Впереди стояли хорошо одетые люди и торговались из-за мебели. Может, это и есть антиквары. К удивлению Сьюзан, коня-качалку продали за семьсот долларов, хоть он и был сломан.

Она рассказала Майку о коробках и позже видела, как он разглядывает одну с книгами. Потом объявили перерыв — Сьюзан решила, что человек, ведущий торговлю, в нём действительно нуждается, — и начался ланч. Ели сэндвичи, запивали молоком, было множество сортов печенья, пироги и торты, всё как на пикнике.

Вскоре после ланча бабушка Хендрика и миссис Кингли сказали, что пора возвращаться. Садясь в машину, бабушка Хендрика покачала головой.

— Не знаю, откуда все эти антиквары узнали о распродаже. Хорошо для церкви, да. Но они давали больше, чем все мы. Мне хотелось купить швейный столик. Когда я была маленькой, он стоял в маминой комнате. Но триста долларов!

— Они не так транжирили деньги, когда дело дошло до кухни, — торжествующе усмехнулась миссис Кингли. — Я купила форму для рождественских пудингов, — и она хлопнула по деревянной качалке с глубоко вырезанными фигурами. — В следующее Рождество попробую рецепт Этти. Посмотрим, как она действует. А это что?

Она открыла дверцу машины и увидела коробку Сьюзан, и вторую рядом с ней, с книгами.

— Коробки с вещами, — быстро пояснила Сьюзан. — Вот эта моя. А вторая Майка. Миссис Риверс сказала, что в них вещи с чердака.

Миссис Кингсли фыркнула.

— Хлам, наверное. А где твои братья?

— Идут, — бабушка Хендрика помахала мальчикам, которые бежали от амбара. — Давайте убираться отсюда, пока не застряли в пробке. Торговля прошла быстрее, чем думали. Смотрите, как нагружают фургоны. Ну, что ж, церковь получила немало. А Эстер этого и хотела.

— Хорошая собака, — заявил Такер. — Её зовут Батч, и она живёт у Джонни. Это охотничья собака. Джонни будет учить её охотиться.

— Собаки хороши, но на своём месте, — сказала бабушка Хендрика, садясь за руль машины. — И это место не в моём доме. Где Элоиза?

— Она сказала, что немного задержится, хочет помочь миссис Риверс, она и Лаура. Похоже, не одна Сьюзан присмотрела себе коробку, их очень хорошо продавали. Люди готовы рискнуть в поисках сокровищ. Хотя находят обычно только хлам. Престоны подвезут её к четырём.

Когда они приехали домой, Сьюзан первым делом занесла свою коробку. Отнести её наверх оказалось гораздо труднее, чем казалось на первый взгляд. Такер всё больше и больше говорил о собаке. И Сьюзан подумала, что рано или поздно на месте Дигби появится новый невидимый щенок.

Она слышала, как Майк пытается заинтересовать Такера тем, что окажется во второй коробке, но тот только презрительно спросил, кому нужны грязные старые книги.

Они уже поднялись в верхний коридор, когда Сьюзан запнулась и упала на колени, стараясь не выронить коробку. Выпало несколько страниц, проложенных для упаковки; коробка раскрылась, и на ковёр вывалились несколько сшитых вместе квадратных лоскутов.

— Платяная цепочка прабабушки Льюти! — бабушка Хендрика поднималась за ними следом. Она наклонилась

и подняла один из квадратов, за которым потянулись и остальные.

— Это же свадебное платье бабушки Макадамс — и её праздничное платье, что тогда было почти так же важно. В таком платье ходили в церковь в первое воскресенье после свадьбы. А это платье сшили, когда дедушка Кайделл сделал ей предложение...

К удивлению Сьюзан, бабушка Хендрика села на пол и принялась разглядывать кусок за куском. Она улыбалась, время от времени кивала, словно встретила друга.

— Как мы это любили, — сказала она. — Когда в холод мы оставались в постели, мама доставала эту цепочку и рассказывала историю каждого платья. Да ведь тут есть кусочки платьев времён ещё Люси Кимбл, гораздо более ста лет назад. Мне кажется, именно она начала эту цепочку. Она была отличной портнихой и каждый раз как шила платье по какому-то особому случаю, брала кусок материала, обшивала по краям и сохраняла. Потом в свои дни добавляли прабабушка Льюти и моя бабушка. Это сама история. Я совсем о них забыла. Но историю этих платьев я не забыла. Особенно теперь, когда вижу снова!

Она начала складывать квадрат за квадратом и передавать Сьюзан.

— Это по праву принадлежит тебе, Сьюзан: ты старшая дочь в своём поколении. И в сущности единственная... — на мгновение она перестала улыбаться и сидела, глядя на руки, которые теперь устало лежали на коленях. Потом снова подняла голову.

— А что ещё ты нашла, Сьюзан?

Сьюзан поспешила убрать бумагу, забивавшую для плотности коробку. Ей не терпелось посмотреть на фарфоровый предмет в углу. Она развернула старую ткань, которая под её пальцами легко расплзалась на волокна, и действительно обнаружила маленькое дерево — толстый ствол и четыре ветви, поднятых в разных направлениях. В основании было круглое блюдце, как из кукольного чайного прибора. И хотя фарфор запылел и выглядел грязным, видны были цветы и бабочки, нарисо-

ванные на ветвях. Сьюзан не могла понять, что это такое.

— Дерево для колец! — воскликнула бабушка Хендрика. — Никогда такого не видела, Сьюзан? Оно стояло на туалетном столике, и на него вешали кольца, раздеваясь, — она коснулась конца одной ветви. — Не помню его, но оно красивое.

— Мама сможет вешать на него часы, — Майк вернулся из своей комнаты, куда унёс свою коробку. — Ей понравится, Сью. Оно ведь старое?

— Старое и хорошее.

В коробке оставался только ящичек, раскрашенный под дерево. Он был сломан, и Сьюзан боялась, что он развалится у неё в руках, когда она подняла его. Бабушка Хендрика чуть наклонилась, и девочка услышала, как она ахнула.

Сьюзан подняла голову и увидела, что бабушка протянула руку, словно хотела взять ящичек, но на самом деле даже не коснулась его. Улыбка её совершенно исчезла, и выглядела она странно, словно испугалась или заболела.

— Вот как... значит, Эстер всё-таки сохранила их. Ну, теперь они от неё ушли, — бабушка Хендрика встала, по-прежнему глядя на ящичек. — Нет, это суеверие! — она сказала это очень твёрдо и резко. — В этих глупых рассказах нет ничего! Ничего! — но она уже не выглядела такой довольной, как тогда, когда нашла квадраты от платьев. Она резко повернулась и пошла по коридору в сторону своей комнаты в новом крыле. А Сьюзан осталась удивлённо сидеть, держа в руках поломанный ящичек. Майк смотрел вслед бабушке, Такер же ничего не заметил. Он расправлял страницы, которыми была забита коробка. Хотя на Такера это было совсем не похоже.

— Что в ящике? — повернулся Майк к сестре.

Сьюзан почти со страхом приподняла сломанную крышку. Она испытывала очень странное чувство — как будто выпускает что-то, что должно быть крепко заперто. Под крышкой оказалась полоска прочного картона. Сьюзан осторожно сняла её. И поразилась удивительно ярким

цветам, особенно по сравнению с выпцветшим и поблекшим ящиком.

— Бумажные куклы, — удивлённо пробормотала Сьюзан. У них с Фрэнси прошлым летом были такие, целый свадебный набор. Но эти... Ей не хотелось их трогать, особенно грязными руками. Они не просто напечатаны на бумаге. Нет, лица у них были нарисованы, а к головам приклеены настоящие волосы. Они походили на портреты людей, реальных людей!

— Бумажные куклы! — Майк бросил презрительный взгляд и тут же утратил всякий интерес к ним. — Но почему из-за них так странно повела себя Д.Б.?

Сьюзан захотела разобрать их. Она вымоет руки, потом разложит кукол на кровати, чтобы как следует их рассмотреть. Они такие необычные. Посмотрев на трёх кукол, лежавших поверх других — девочку и двух мальчиков, — она как будто увидела старые фотографии реальных людей.

— Они особые... — Сьюзан осторожно взяла ящичек. Надо найти для кукол что-нибудь получше. Когда-то давно ящичек раскрасили, как деревянный сундук, но теперь он был разбит и бесполезен.

— Индейцы...

Замечание Такера не имело никакого отношения к тому, что она держала. Младший брат перестал разглаживать старые страницы и пристально смотрел на одну из них. Вернее, на рисунок, сделанный ручкой и чернилами кем-то, кто явно не был художником. Но нарисован был действительно индеец. Он держал за волосы женщину, стоящую на коленях. У женщины широко раскрыт рот, словно она зовёт на помощь.

— Зверское убийство... — Майк отобрал у Такера страницу. Она разорвалась, и ему пришлось держать её обеими руками. — Убийство в Кандиагской долине. Смерть Мэри МакРай. Проклятие Кайделлов, со слов одной из жертв... — прочёл он. — Такер, давай-ка посмотрим это.

Он наклонился и начал разбирать страницы, сложенные Такером.

— Слушайте, это страницы из одной книги, и все об убийстве здесь! — он быстро просматривал листки, время от времени прочитывая предложение-другое. — Такер, отдай их мне.

Сьюзан собрала свои вещи: дерево для колец, куски платьев и ящичек с куклами.

— Больше никаких индейцев, — твёрдо сказала она. — Если Такер начнёт снова, это будет твоя вина, Майк. Я не имею к этому отношения.

Странно, но на этот раз Такер не казался возбуждённым. Он сидел скрестив ноги, как только что бабушка Хендрика, и смотрел, как Майк разбирает страницы.

Сьюзан отнесла вещи в свою спальню, умылась и принялась разглядывать бумажных кукол. Майк набил коробку страницами, Такер подождал, пока он закончит, потом потянулся за теми, что отбросил брат.

— Тебе не нужны эти старые грязные листочки, — торопливо сказала Сьюзан.

Такер посмотрел на неё.

— Нужны, — упрямо ответил он, прижимая их к груди. И прежде чем девочка смогла возразить, он ушёл к себе в комнату и буквально захлопнул дверь.

— Майк, не позволяй ему... — начала она, но старший брат её не слушал.

— Это всё о Кайделлах и об убийстве в долине, — возбуждённо объяснил он сестре. — И есть что-то и о проклятии. Написано позже, должно быть, когда поставили этот камень на кладбище, — и он так же крепко, как Такер, прижал к груди свою порцию страниц.

Сьюзан решительно покачала головой.

— Ничего не хочу больше слышать об этом. И не думаю, что можно об этом говорить при Такере. Он расстраивается! — почему ей вдруг стало так холодно? Почему захотелось выхватить у Майка страницы и разорвать на клочки? Она не знала. Только ей хотелось забыть о Кайделлах и о долине, об индейцах и всём остальном. Обо всём, что больше не является частью реального мира.

Глава 6

Разложив кукол на кровати, Сюзан поняла, что всего их в сундучке хранилось четыре набора, все очень разные. Верхний — из прочного толстого картона, тщательно раскрашенного, лица как будто вырезаны из старых фотографий, тоже раскрашены и приклеены к телам, а к головам приклеены кусочки настоящих волос. Кукол было три, и почему-то их необычная одежда не показалась Сюзан странной.

Под вторым куском картона лежали следующие три куклы. Лица их тоже были словно вырезанные с фотографий, только гораздо более старых. А платье девочки и одежда мальчиков напомнили Сюзан картинки из самых старых номеров «Святого Николая». Платье девочки — с оборками и кружевами, локоны волос падают на плечи.

Третий набор кукол оказался ещё более странным. Сюзан решила, что они сделаны из склеенных вместе нескольких листов бумаги. На мальчиках очень странная одежда, а девочку обрядили в такое широкое платье, что оно торчало во все стороны, и из-под него высывались какие-то нелепые панталоны, доходящие до лодыжек. Волосы с пробором посередине были зачёсаны на уши и свисали короткими локонами. Лица этих кукол не из старых фотографий, они были тщательно нарисованы чернилами, а потом раскрашены.

Четвёртый набор, последний... в нём опять три куклы. У этих кукол не такая одежда, которую можно одевать и снимать. Они были одеты раз и навсегда. Сюзан решила, что они сделаны из кожи, натянутой на деревянное основание, а потом тщательно раскрашенной. Лица их так поблекли и выцвели от времени, что теперь трудно разглядеть их черты, и только по одежде, тоже раскрашенной, можно судить, мальчик это или девочка. На девочку указывало длинное платье, из-под которого виднелись только кончики туфель. Поверх платья был надет длинный передник, а на плечах шарф или шаль; шаль сколота посередине, и концы её свободно свисали. Волосы

убраны под широкую шляпу. У мальчиков брюки до колен. Под ними длинные чулки и башмаки с квадратными носками. На рубашках, на груди, кружева, а куртки их когда-то были синими. Волосы у них длинные и перевязаны сзади, у шеи; Сьюзан увидела это, перевернув кукол; оказалось, что они отделаны не только спереди, но и сзади.

Девочке почему-то не понравилось ощущение от прикосновения к последнему набору. Может, потому что они сделаны из кожи, а может, из-за того, что она не смогла рассмотреть их лица — словно они спрятались. Спрятались? Сьюзан покачала головой и побыстрее отложила их в сторону. Почему она так решила?

Набор с нарисованными лицами она рассмотрела внимательнее. У девочки было два платья, сделанные из кружевной бумаги и тонкого шёлка, который расползался даже при самом осторожном прикосновении. У одного из мальчиков килт — шотландская юбочка и куртка, а ещё что-то очень похожее на женское платье, с брюками, собранными у лодыжек. У второго, более высокого мальчика, — длинные белые брюки, чёрная короткая куртка и что-то похожее на синий солдатский мундир. Сьюзан рассматривала их лица. Не очень красивые. У старшего мальчика волосы зачёсаны на лоб, отчего он выглядит сердитым. Сьюзан показалось, что он вот-вот высунет язык. Маленький рот девочки плотно сжат, а кончик носа чуть задрган.

Перевернув этих кукол, чтобы посмотреть, закончены ли они сзади, Сьюзан увидела надписи мелкими буквами, поблекшие и выцветшие. Она поднесла кукол к окну, чтобы рассмотреть, что там написано.

Почерк был необычный, с завитушками, но когда стало светлее, она смогла прочесть.

— Эмили, Джетро, Оррин... — она прочла вслух имена. Джетро — это имя куклы — высокого мальчика.

Эмили! Внимание Сьюзан перешло от кукол к картине, которую мама назвала вышивкой. Может, эта кукла когда-то принадлежала Э м и л и К и м б л ?

Сьюзан положила кукол на кровать и взяла следующий набор, с фотографическими лицами и настоящими волосами. Никакого сомнения: куклы должны были напоминать реальных людей. Сьюзан быстро перевернула их. Да, и здесь надписи, чуть потемнее и отчётливей.

— Ричард... — это старший мальчик. — Тод... — младший. — Бесси... — девочка.

Одежда этих кукол была закреплена нитками. У Бесси платье с бантами, плиссировкой и кружевами. У Ричарда костюм типа солдатского мундира, хотя солдат этот выглядел очень странно. У Тода куртка, длинные брюки и на голове шапка с кисточкой.

Наконец самый новый набор. Последние куклы тоже имели имена.

— Эстер, Джеймс и Оррин, — прочла Сьюзан. Длинные волосы Эстер можно было бы накрыть двумя шляпами с широкими полями, и талия её платьев очень низкая. Платья в кружевах, иногда бумажных, а иногда из крошечных кусочков настоящих кружев. У Джеймса короткие облегающие брюки и свободная куртка. У него был ещё один набор одежды: куртка цвета хаки, шляпа с широкими полями и брюки, убранные в сапоги. У Оррина матросский костюм с соломенной шляпой и ещё один костюм с такими же облегающими брюками, как у брата.

Первый набор Сьюзан быстро отодвинула в сторону, а вот остальные не вызывали у неё такого странного чувства. Когда-то это были реальные люди. Во всяком случае куклы явно были сделаны так, чтобы напоминать реальных людей. И жили они давно, в этом Сьюзан была тоже уверена. Ей захотелось больше узнать о них. Кто их сделал с такой тщательностью и сохранил? Она знала наверняка, что сделаны они были не в одно и то же время. Платья второго набора пришли в такую ветхость, что она боялась притронуться к ним. Этот набор очень старый.

— Эмили, Джетро, Оррин, — по памяти произнесла она. — Ричард, Бесси и Тод; Эстер, Джеймс, Оррин...

Эстер! Это же имя умершей леди; с её чердака эти

куклы. Неужели это та самая Эстер? Сьюзан посмотрела на кукольную семью. Эстер определённо не очень красивая девочка. Волосы у неё не причёсаны, а нос кажется великоватым для лица. И она не улыбается. Вообще — Сьюзан быстро осмотрела все наборы — никто не улыбается и никто не выглядит довольным и счастливым. Джеймс лежал рядом с Эстер, у него очень худое лицо, а глаза большие и сонные. Сьюзан показалось, что он выглядит больным.

Но зачем кому-то понадобилось делать кукол, напоминающих реальных людей?

— Зачем? — она задала этот вопрос вслух. — Зачем вы были сделаны, Эмили, Джетро, Оррин Первый, Ричард, Бесси, Тод, Эстер, Джеймс и Оррин Второй?

— Что Оррин Второй? — спросил Майк; Сьюзан оставила свою дверь полуоткрытой.

— Вот этот — Оррин Второй, — Сьюзан указала на куклу. — У них у всех сзади имена. И они очень старые, я думаю. У них лица с фотографий. И приклеены настоящие волосы. Они сделаны так, чтобы походить на реальных людей, которые жили когда-то...

Неожиданно Сьюзан испытала странное беспокойство. Сложить их назад в ящичек было невозможно. Он совсем разбит. Но и смотреть на них она больше не хотела.

Она обошла Майка, который приблизился к кровати и склонился над куклами, разглядывая их лица. В нижнем ящике бюро лежала коробка с её лучшей блузкой, той, что она ещё не надевала. Сьюзан достала блузку, ещё в обёрточной бумаге, а коробку отнесла на кровать.

Сначала деревянные, покрытые кожей. У Сьюзен появилось странное ощущение, что она должна положить их в том же порядке, в котором они пролежали столько лет. Когда она протянула к ним руку, Майк наклонился сильнее.

— А это что? Они кажутся другими.

— Тоже куклы, но одежда на них закреплена. И они... они... уродливые, — девочка торопливо уложила их в

коробку и прикрыла. Потом положила остальные три семьи, в прежней последовательности. Это, конечно же, семьи: братья и сёстры.

— Как странно они выглядят, — заметил Майк. — Эй, а я такой мундир уже видел! — он показал на костюм Джеймса из последней семьи. — Такой носили в кавалерии — в первую мировую войну. Прежде чем перестали ездить на лошадях и пересели на танки.

— А когда это было? — спросила Сьюзан. Может, она узнает, каков возраст семьи.

— Не помню, могу посмотреть. Но какой смысл в этих старых куклах? Слушай, Сьюзан, я кое-что узнал о проклятии! Страшная история!

Сьюзан закрыла коробку крышкой и положила в ящик бюро. Потом вытерла руки о джинсы. С тех пор как она коснулась самых старых кукол, ей всё казалось, что руки у неё грязные. Ей даже хотелось отмыть их мылом и горячей водой.

— А что страшного?

— Эти измятые странички, они из книги... без переплёта. Забавно, я не знал, что тогда издавали книги в мягких обложках. Но человек по имени Кимбл написал эту книгу и напечатал её в 1880 году. Когда исполнилось сто лет большого убийства, о котором говорила Д.Б. Ну, когда поставили этот памятник и всё такое. Ну, так вот, у того Кимбла получилась очень страшная история.

Вовсе не индейцы напали на долину... Напротив, один из индейских вождей увёл прочь своих людей, когда узнал, что собираются сделать тори. Он сказал, что жители долины всегда были друзьями индейцев. Так вот, на долину напали голубоглазые индейцы... и другие, не из регулярной армии.

— Голубоглазые индейцы?

— Так называли белых, которые одевались и раскрашивались как индейцы. По словам этого Кимбла, они были ужасные люди, настоящие убийцы. Ну, ты помнишь, были два брата Кайделлы — Джекоб и Хендрик. Хендрик унаследовал этот дом после смерти отца. Он

принял сторону революции и воевал на стороне Вашингтона на востоке. Его жена с тремя детьми тоже жила на востоке, но он их отослал сюда. Джекоб и Хендрик были наполовину индейцами, их мать происходила из племени онейда. Всё это написано в старом дневнике. Хендрик был уверен, что семья его будет здесь в безопасности: из-за индейской крови, из-за того, что он всегда жил в дружбе с индейцами, а грабители в этот район не заходили.

Его жена — её звали Бет — умела лечить больных. В эту ночь рожала женщина ниже по долине, в деревне; роды были трудные, и поэтому послали за миссис Кайделл. Она оставила трёх детей: Джоанну, Каролуса и Флориана с двумя слугами, а сама уехала. Никто не думал, что может произойти нападение.

Но Джекоб обезумел. Я хочу сказать, что он по-настоящему свихнулся. В этой части страны тори терпели поражение за поражением, а он всегда ревновал — так утверждает этот Кимбл — к своему брату Хендрику. Он считал, что дом должен принадлежать ему. И решил ограбить поместье, взять спрятанные в нём деньги и ценности и бежать в Канаду.

И ещё он хотел оказать услугу англичанам и воспользоваться их помощью на севере, если привезёт с собой добычу и пленных. Поэтому он и задумал это нападение. Только индейцы его не поддержали. К тому времени он готов был взять всякого, кто согласится ему помочь, и не думал, что случится с другими.

Впоследствии установили, что он со своим отрядом подобрался ночью и напал ранним утром. Миссис Кайделл как раз возвращалась и увидела достаточно, чтобы спрятаться в лесу и попробовать подобраться к дому тайком. Она заползла в дупло, когда разбойники проходили мимо, но застряла и долго не могла выбраться. Они прошли по всей долине: грабили, убивали, жгли. Джекоб и несколько других направились прямо к этому дому. Он или кто-то из его банды убил слуг, а дети исчезли. Все считали, что их похитили и потребуют за них выкуп. Но

когда вернулся Хендрик и попытался узнать, что случилось с ними и Джекобом, то ничего не узнал. Все подумали, что индейцы — вернее, банда Джекоба — убили их, потому что не могли держать у себя. Разбойники так часто поступали.

Жители долины узнали о Джекобе, о том, что он разграбил дом и совершил все эти убийства. Одна женщина потеряла двоих детей и сама была тяжело ранена и долго болела. Может, она тоже сошла с ума. Считалось, что у неё дурной глаз. Именно она сочинила этот стишок, в котором говорится, что на всех детях, у которых кровь Джекоба, лежит проклятие. Они должны умереть в том же возрасте, в каком были её собственные погибшие дети.

Позже у Хендрика родились ещё сын и дочь. Жена его не хотела больше жить в этом доме, поэтому они переселились в Нью-Йорк. Дочь вышла замуж за человека по фамилии Кимбл, и позже её сын унаследовал этот дом. И вот около 1840 года у одного из Кимблов тоже появилось трое детей. К тому времени предсказание женщины сбылось. Но один из детей, младший, заболел и в бреду кричал, что его преследуют какие-то страшные существа. И тут припомнили старую историю. Мальчик скоро умер, умерла и его сестра Эмили, а старший мальчик долго болел. Кимблы вместе с Кайделлами уехали в Нью-Йорк и сюда наезжали только на лето. Потому что считалось, что проклятие действует только в то время года, когда произошёл набег.

Сьюзан сидела на краю кровати и заворуженно слушала. Майк прав: страшная история, похоже на фильмы, которые им не разрешают смотреть, — фильмы ужасов.

— Эта женщина, сочинившая проклятие, тоже была отчасти индианка. Она входила в общество ложных лиц. Это тайное общество. Все там ходили в масках, и никто не знал подлинного имени другого.

— Как на картинке в дневнике!

Майк кивнул.

— Да, по тому, что я прочёл, видно, что Джекоб

интересовался индейскими верованиями. Не знаю, входил ли он сам в общество ложных лиц. Но маски он видел и нарисовал одну в дневнике.

— Значит, проклятие... — медленно повторила Сьюзан.
— Но в те дни часто умирали от болезней...

— Да. Но стоит придумать достаточно страшную историю, и она долго сохраняется в памяти. Этот Кимбл, который написал книгу, закончил описанием годовщины в 1880. Он написал, что Кайделлы собираются установить на кладбище памятник. И все Кимблы вместе с Кайделлами соберутся на церемонию.

— Эмили, Оррин и Джетро — и все старые куклы, — медленно говорила Сьюзан. — Может, самые старые — это те самые исчезнувшие Кайделлы. А Эмили и Оррин умерли. Но в ящике ещё две семьи, Майк. Ричард, Бесси и Тод и ещё Эстер, Джеймс и второй Оррин. Что случилось с ними?

— Они, должно быть, появились позже. О них в книге ничего нет. Но, может, мы сумеем узнать. Может, не только Джекоб вёл дневник, — предположил Майк. — Но как куклы попали в другой дом?

— Это куклы Эстер, той, что умерла и всё завещала церкви, — пояснила Сьюзан. — Она была двоюродной сестрой бабушки, и у неё было странное отношение к этому дому. Бабушка хотела, чтобы она жила здесь, но она не согласилась. Хотя, если она из этой семьи...

— Да, всё совпадает. Помнишь, что говорила Д.Б. о швейном столике, который принадлежал её матери и оказался на распродаже. Бабушка хотела купить его для себя. Наверное, некоторые вещи из этого дома перевезли в тот. Мы сможем узнать больше, если поищем...

Сьюзан сжала покрывало на своей кровати.

— А нужно ли, Майк?

— Почему бы и нет? — удивлённо спросил он.

— Ну, ты сказал, история страшная. И если Такер что-то услышит, сам знаешь, что будет.

— А мы будем помалкивать. Вот что я тебе скажу: ты

тоже можешь поискать в библиотеке, а Такер ничего не узнает.

— Но как?

— Как ты это делала — просматривая детские книги. Я заметил, что на многих имеются надписи. Это подарки в день рождения, на Рождество и тому подобное — и с датой. Выпиши имена и даты... И ещё библия!

— А что библия?

— Большая книга в деревянном ящике, одна на полке за дверью. Я в воскресенье заглянул в ящик и увидел её. Очень старая, с металлическими застёжками. И на голландском — или на каком-то другом языке, а часть, наверно, на латыни. В такие старые библии обычно записывали имена и даты: когда кто родился, женился, умер. Мы можем в ней посмотреть имена и даты.

В словах Майка был смысл. Сьюзан не хотелось этим заниматься, но она не смогла найти повод для отказа. Когда Майк идёт по следу, он обязательно доходит до конца. Другие могут стонать и хныкать, что нужно писать и читать, а Майк к этому относится как к головоломке; чем труднее головоломка, тем ему интереснее.

Хорошо ещё, что её часть работы — просмотр книг, когда-то принадлежавших другим людям, — лёгкая, и Такер не заинтересуется. Это она согласна делать. Даже интересно. Теперь, когда она подержала в руках кукол, эти давно умершие люди казались ей реальными; интересно будет узнать, какие книги нравились Эмили, Бесси и Эстер.

Их позвали на ужин, не в кухню, как обычно, а в большую столовую, где во главе стола сидела бабушка Хендрика, а сам стол занимала масса бокалов, фарфора и серебра, как на торжественных обедах дома. В такие дни Виланы завтракали в углу кухни. Такер вертелся на стуле, разглядывал тонкую скатерть, множество вилок, ложек и высокий стакан перед собой с интересом, который Сьюзан неверно истолковала.

Миссис Кингсли поставила на стол большую супницу,

и бабушка Хендрика быстро и ловко начала разливать суп по тарелкам. При этом она заговорила:

— Моя двоюродная сестра Эстер никогда не пользовалась семейным фарфором Кайделлов. А я решила, что можно порадоваться этим прекрасным вещам. Это тоже часть вашего образования. Вы должны научиться ценить наследие своей семьи и уметь им пользоваться. Отныне раз в неделю мы будем так ужинать.

Она отложила разливную ложку и коснулась пальцами тонкой ножки красивого стеклянного кубка, и тут над головой раздался гром.

Ложка выпала из рук Такера и упала в тарелку, выплеснув суп на старинную льняную скатерть. Свет погас, и Сьюзан подавленно вскрикнула.

— Оставайтесь на месте! — послышался командирский голос бабушки Хендрики. — Время от времени у нас такое случается.

Блеснул свет; у бабушки наготове была зажигалка, она поднесла пламя к свече в центре подсвечника, потом зажгла вторую свечу, третью и наконец четвёртую. Мягкий свет залил комнату, а за окном сверкали молнии.

И вот они ели при свечах, и Сьюзан старалась не смотреть в тёмные углы. Она вздрагивала всякий раз, как гремел гром и сверкали молнии.

— Будем надеяться, что электричество скоро появится, — сказала бабушка Хендрика. — Хотя свечей у нас достаточно, а в спальнях есть батарейные лампы. Мы не очень доверяем свечам.

Света не было до самого конца ужина. Даже если бы они и пошли в библиотеку вечером, всё равно бесполезно. Сьюзан раздумывала, сколько новых пятен появилось на скатерти вокруг тарелки Такера. Может, это и хорошо, что бабушка Хендрика и миссис Кингсли не видят, чем закончилась их попытка элегантного ужина. По крайней мере в том, что касается младшего Вилана. Сама она так боялась что-нибудь пролить, что брала в рот понемногу и стралась есть не с края тарелки.

Буря была яростная. Миссис Кингсли заметила, что им

повезло: буря не началась до окончания аукциона. Они с бабушкой оживлённо обсуждали покупателей и предполагаемую сумму, которую получит церковь, а трое Виланов занимались едой.

Наконец миссис Кингсли отвела их к лестнице, выдала Майку две батарейные лампы с круглым дном, и ещё одну — Сьюзан. Лампы давали больше света, чем свечи. Такеру приказали не «играть» с лампой в своей комнате. Обычно такой приказ вызвал бы немедленный протест. Но, по-видимому, буря и темнота подействовали и на Такера, потому что он промолчал.

Они поднялись по лестнице, и Майк послушно поставил одну лампу на бюро в комнате Такера, а Сьюзан отнесла свою. Несмотря на то, что лампа светила лучше свечей, девочка была встревожена. Она тут же подошла к окнам и закрыла ставни.

Сбросив джинсы и тенниску и надев пижаму, она посмотрелась в туманное зеркало. Даже при дневном свете зеркало казалось грязным, хотя, конечно, в доме под управлением миссис Кингсли ничего подобного быть не могло. Сегодня же, несмотря на лампу, правый верхний угол зеркала казался ещё более тусклым, чем обычно. Девочка уже отворачивалась, чтобы не смотреть больше на своё отражение, когда уловила какое-то движение в зеркале.

Сьюзан попятилась от бюро. Глупо — там ничего не может быть! Наверное, сквозняк шевельнул край занавеса. Она не могла увидеть там овал большого лица с перекошенным ртом и слепыми дырами вместо глаз! Это всё Майк с его страшными историями...

— Сузи! — она различила крик между двумя раскатами грома. Такер! Сьюзан торопливо отвернулась от зеркала и бросилась к двери. Перед его комнатой протянулась полоска света. Младший брат оставил дверь широко раскрытой, и поэтому Сьюзан, едва вбежав в оклеенную картинками спальню, сразу увидела Такера. Он сидел на полу у кровати и смотрел на дальнюю стену; девочка никогда не видела у него такого выражения. Такер бывал

рассержен, разочарован, иногда он радовался. Но теперь Такер был испуган, страшно испуган.

— Таки! — она проследила за его взглядом. Стена с картинками. Такер смотрел на сцену в саду, где маленький мальчик и щенок тянут друг у друга палку. На мальчике одежда, как на одной из бумажных кукол, но ничего страшного в нём нет.

— Сузи... — Сьюзан подошла ближе, и Такер бросился к ней и прижался к сестре всем телом. Она обхватила его руками, пошатнувшись от неожиданного толчка, и чуть не упала на пол. — Сузи, я хочу домой! Я не хочу идти... с н и м и... не хочу!

Не понимая, о чём он говорит, Сьюзан знала, что Такер нуждается в ней, ему больше всего нужна уверенность.

— Тебе никуда не нужно идти, Таки, — неожиданно ей пришла в голову мысль. Эта комната слишком велика, и в бурю в ней одному плохо. — Хочешь пойти со мной?

Такер зарылся лицом в её плечо. Голос его звучал глухо.

— Да, Сузи, пожалуйста!

И они, прихватив с собой лампу, вышли в коридор. Такер цеплялся за неё обеими руками и не отпускал, так что ей пришлось пинком закрыть дверь. Под шум дождя и грома она повела его в свою комнату.

Глава 7

Такер клубком свернулся в кровати Сьюзан, глаза его были закрыты. Она видела, что он сжимает их изо всех сил. Сьюзан никогда не видела своего упрямого младшего брата таким подавленным. Когда он ложился, его глаза — они казались огромными — метались от одного угла комнаты к другому, он словно следил за угрожающими тенями.

Самой Сьюзан нелегко было уснуть. Буря продолжалась. Девочка улеглась на той части постели, которую оставил ей Такер, и постаралась устроиться поудобнее.

Наконец громыхание бури начало удаляться. Молнии перестали сверкать за окнами. Сьюзан выскользнула из постели и раскрыла ставни на обоих окнах, хотя светлей от этого не стало.

Снова легла и начала прислушиваться. Теперь, когда грома не было, вновь послышались звуки самого дома. Дом очень старый, в нём жило так много людей...

Сьюзан крепко сжала руки. НЕТ! Она не будет думать о семейном проклятии — не будет! К тому же это история Кайделлов, она не имеет отношения к Виланам. Ей хотелось встать и выбросить коробку с куклами за окно. И больше никогда о них не вспоминать. Но вместо этого свистящим шепотом она произнесла:

— Джоанна, Каролус, Флориан, Джетро, Эмили, Оррин, Ричард, Бесси, Тод, Эстер, Джеймс и Оррин!

Закрыв глаза, она увидела их лица. Даже лица трёх самых старых кукол, хотя они видны были совсем расплывчато.

У Джоанны круглое лицо с маленьким курносым носом, глаза у неё круглые, а рот открыт... Джоанна кричит!

Сьюзан металась на подушке, пытаясь изгнать эту картину из сознания — раскрытый в крике рот Джоанны. Каролус стоял, подняв руки, сжимая в руках странный пистолет, такой тяжёлый, что он держал его обеими руками, но пистолет всё равно качался. Рот у него был крепко сжат, но в глазах стоял страх; он изо всех сил старался не закричать. А маленький Флориан прижимался спиной к грубой каменной стене. Как она всё это видит, Сьюзан не могла понять, но то, что она не могла выключить эти лица, как телевизор, испугало её. Флориан скорчился, тело его оцепенело от страха, он не мог сдвинуться с места...

НЕТ!

— Сузи! — зов разрушил картину. Чувствуя, как её крепко схватили руки Такера, Сьюзан села в постели.

— О н и пришли... Сузи... о н и пришли! — в голосе Такера звучал страх. — О н и заберут нас... мы и м нужны!

Сьюзан прижала к себе Такера.

— Это же только куклы, — сказала она своему сну; конечно, эта ужасная картина — только сон. — Я их видела, они только куклы, Таки! Бояться нечего, — но самой ей очень трудно было говорить так. Неужели сон был вызван тем, что она принесла в дом куклы? А откуда Такер знает, что ей приснилось? Она уже почти уверила себя, что это сон. Могут ли два человека видеть один и тот же сон?

— О н и никогда не уходили, — Такер не обращал внимания на её слова. — Они просто ждут, и ждут, и ждут... — голос его стих. Он плакал, не громко и требовательно, как обычно, когда ему больно или он нуждается во внимании. Он словно застрял в собственном ужасном сне и не может выбраться.

— Такер... — Сьюзан перевела дыхание. — О чём ты говоришь? Тебе приснился дурной сон?

— Они... они ушли в тёмное место... и ждали... но никто не пришёл. А теперь они хотят выйти. Хотят, чтобы им помогли, — он глотнул и всхлипнул.

— Такер! — она попыталась говорить твёрдо. — Скажи, кто такие о н и.

Брат вырвался, разжал руки, не давая ей прижать себя. Она вынуждена была выпустить его.

— Я хочу домой! — теперь в его голосе зазвучали знакомые требовательные нотки. — Я хочу домой! Мне не нравится это место!

— Сью, Так, что вы делаете? Хотите разбудить весь дом? — в коридоре показался свет, Майк открыл дверь, в руке его была лампа.

— Что тут делает Так? И почему ты закричала, Сьюзан? Тебе показалось, что кто-то за тобой гонится? Что происходит?

— Таки испугался, — ответила Сьюзан. — Я привела его сюда, потому что ему было страшно.

— Значит, он передал страх тебе? Потому что один из криков был твой, Сью.

— У меня был дурной сон. И у Таки тоже.

Такер передвинулся на другую сторону постели. Выпятив нижнюю губу, он смотрел на них.

— Не дурной сон! О н и пришли... о н и были здесь!

Сьюзан увидела, как Майк открыл рот. Она хорошо знала, какой вопрос он задаст, но не хотела слышать ни его, ни ответ Такера.

Девочка покачала головой, и Майк чуть кивнул ей. Им хорошо были известны «сны» Такера, которые он производил по собственному желанию. Майку, как и ей, не хотелось, чтобы у Такера появился новый «воображаемый».

— Но ведь теперь они ушли, — голос Майка звучал прозаично, словно кто-то просто прошёл мимо него по коридору.

Такер долго не отвечал, и Сьюзан ощутила холодок. Ей не хотелось новых плодов воображения Такера. Но раньше, когда Такер заявлял, что у Виланов новый жилец, в голосе его не было страха. Может быть, в самом обычном доме на Мысе «воображаемые» были совершенно невозможны, и к ним относились спокойно, потакая Такеру. Но здесь... здесь... Она вздрогнула.

— Они не уходят... не насовсем, — тем временем говорил Такер. — Они ждут. Но ждут у себя.

— В этой комнате их нет! — Майк поднял лампу повыше, и в углах зашевелились тени.

— Да, — к облегчению Сьюзан, согласился Такер. Он опять забрался под одеяло.

— Пойдём со мной, Такер. У меня кровать больше, и я тебе обещаю, что больше дурных снов не будет...

Сьюзан собиралась сказать что-то резкое. Он что, намекает, что она навела на это Такера? Ну, ладно, пусть уводит его.

Девочка смотрела, как Такер без возражений уходит. Неожиданно ей страшно захотелось спать, как будто она проглотила пилюлю, которые принимает мама, когда у неё болит голова. Она только надеялась, что ей ничего не приснится.

Когда она проснулась, комната была вся залита солн-

цем. За полуоткрытой дверью она слышала голоса Майка и Такера в ванной. Сьюзан встала и начала одеваться. Когда мальчики выйдут, нужно будет умыться и вычистить зубы. И сегодня её очередь заправлять постель Такера. Из-за своего возраста он освобождён от этой обязанности, но в комнате его должно быть аккуратно прибрано. Каждое утро она или Майк осматривали его комнату, перед тем как спуститься. Она прошла в комнату Такера. Ясно, что он сюда не возвращался. Постель смята, но простыни не скручены верёвками, и подушка не лежит на другом конце кровати. Сегодня приборка потребует немного времени.

Потом со своей обычной утренней скоростью явился Такер, и Сьюзан увидела, что Майк его причесал и проследил, чтобы тенниска не была одета задом наперёд. С Такером, который ни во что не ставил одежду, такое случалось, когда он думал о чём-то другом.

— Хэй! — приветствовал он Сьюзан. Ничего не осталось от другого Такера — того, который так боялся ночью. Может, всё дело в буре, подумала она. — Мы с Майком пойдём к Джонни Флетчеру и посмотрим на его собаку.

Сьюзан облегчённо вздохнула и даже, выйдя из ванной, согласна была слушать бесконечные рассуждения о собаке. Такер не отставал от неё, когда она заправляла свою постель и вообще «прибиралась», как говорила миссис Кингсли. И всю дорогу до кухни он продолжал болтать.

— Мисс Хендрика сказала, что сегодня утром вы будете работать в библиотеке, — объявила миссис Кингсли, ставя на стол миску овсянки с коричневым сахаром поверх и корзину горячих оладей. — Вы будете вести себя хорошо и всё оставите на своих местах. Вечером к нам придёт один джентльмен. Он важное лицо, работает в большой библиотеке штата; эта библиотека закупает книги, которые пишет мисс Хендрика. Он хочет посмотреть старые книги, которые всегда были в этом доме. Поэтому поставьте всё на места, чтобы легко было найти.

Отдав этот приказ, она позволила им есть, а сама занялась посудой. Ночью появилось электричество, и дети слышали, как в летней кухне работает мотор. Для Сьюзан оставалось загадкой, зачем в одном доме иметь две кухни. Та кухня, в которой они сейчас сидели, достаточно велика для целой семьи, не только для Виланов, бабушки Хендрики и миссис Кингсли с Элоизой.

Сьюзан обычно не задерживалась за завтраком, но сегодня она ела овсянку медленно, а оладьи откусывала «мышинными укусами», как это называли Виланы. Она была совершенно уверена, что Майк не забыл о своём намерении отыскать истоки «проклятия». И никакими рассказами о дурном сне, вызванном бумажными куклами, его не отговоришь.

Такер надулся.

— Не хочу смотреть старые книги!

И прежде чем Сьюзан и Майк смогли его остановить, он бросил ложку овсянки в Джошуа. Липкая каша попала коту в грудь, и тот отскочил со своего места на ковре перед очагом, на котором с достоинством сидел. К счастью, миссис Кингсли в это время повернулась спиной, а Майк сразу перехватил запястье брата и отобрал у него ложку.

Сьюзан испугалась, что Такер разнообразит их жизнь вспышкой гнева. По утрам он иногда выходит из-под контроля. Майк продолжал держать его за руку. Встав, он потащил за собой брата. Почему-то Такер не начал пинаться. Они благополучно выбрались из кухни и без сопротивления со стороны Такера добрались до библиотеки. Но Такер по-прежнему выглядел сердитым, лицо его начинало предупреждающе краснеть.

— Послушай, — сказал Майк, закрывая за собой дверь. Сьюзан с опаской смотрела на витрины и полки с книгами. Когда Такер рассержен, он начинает швырять вещи. — У нас будет охота, Такер.

Сьюзан прикусила губу. Неужели Майк нарушит своё обещание и вспомнит о проклятии. Он не должен подсказывать Такеру идеи!

— Что за охота?

В библиотеке Майк выпустил руку Такера. Такер перестал хмуриться и внимательно, со странным выражением смотрел на Майка.

— Мы будем охотиться за знаниями, — ну, по крайней мере Майк не сказал прямо, что они будут искать. Сьюзан надеялась, что он не упомянет проклятие. — Ты ведь хочешь пойти к Джонни?

Такер кивнул.

— Ну, а если Д.Б. не разрешит, ты не пойдёшь. Она считает, что в доме есть правила поведения, и мы должны их выполнять. Чем больше мы покажем, что делаем это, тем она будет довольнее. И когда мы скажем, что хотим пойти к Флетчерам, она ответит: конечно, идите. Так это бывает, Такер, тебе пора научиться. Ты поступаешь так, как хотят другие, — они делают то, что ты хочешь. Всё уравнивается, как чашки весов, которые мы видели на аукционе. Положишь слишком много на одну чашку, и другая взлетит и не опустится, пока ты и на неё что-нибудь не положишь. Понятно?

Сьюзан не знала, действуют ли такие рассуждения на Такера. Иногда в прошлом и действовали. Она скрестила пальцы, надеясь, что на этот раз их пронесёт.

— На что мы будем охотиться? Как можно охотиться за знаниями?

Такер стоял, заложив руки за спину, с лица его не сходило прямое выражение.

— И как же эти? — он словно искал что-то такое, на что Майк не сможет ответить. И ткнул пальцем в ближайшую витрину с бусами. — Она сказала, что они для чтения. Как их читать?

— Узнаем. Я уже кое-что узнал. Иди сюда, Так. Посмотри на эти пояса — так они их называли — пояса. Выбери какой хочешь, мы узнаем, что он значит, и так удивим Д.Б., что она вечером выскочит из кресла. Может, когда здесь будет тот парень, который много знает. Хочешь?

На Такера это подействовало, он послушно подошёл к витрине. Майк кивнул Сьюзан, и девочка поняла, что

собственный план он не забыл. И неохотно направилась к полкам с детскими книгами.

Ещё в воскресенье она обнаружила, что книги расположены не так, как в школьной библиотеке, хотя и стоят по алфавиту имён авторов. Вначале шла полка самых старых книг, расставленных по алфавиту. Потом две с половиной полки других, поновее, тоже в алфавитном порядке; третья часть занимала больше трёх полок. А большие книги на нижней полке, где стоял «Святой Николай», вообще располагались в полном беспорядке.

Можно начать с самых старых книг на верхней полке. Сьюзан взяла толстую книгу. Надпись на корешке давно выцвела, страницы распадались. Ей пришлось загонять их в переплёт, и она опасалась, что книга у неё в руках рассыплется.

«Семья Фэйрчайлдов». Сьюзан взглянула на титульный лист, потом осторожно перевернула страницу. Да, надпись была. Девочка отошла к окну и поднесла книгу к глазам. Почерк очень замысловатый, как на куклах, у самых первых имён, прочитанных ею. И имена здесь... те же!

«Джетро, Эмили и Оррину от мамы. Пусть они так же радуются этой книге, как радовалась я, когда мне впервые читала её дорогая бабушка. 1849».

Тысяча восемьсот сорок девятый год, это надо запомнить. Поставив книгу на место, Сьюзан подошла к столу и взяла листок, один из тех, на которые указала бабушка Хендрика. Записала имена и дату. Конечно, тут ничего не говорится о дне рождения или Рождестве, но, может, Майк разберётся. Подняв голову, она увидела, что её братья по-прежнему стоят у витрины. В руках у Майка тоже бумага и карандаш, он перерисовывал рисунок на поясе.

Сьюзан взяла книгу из второго ряда — «История плохого мальчика». Она была больше по формату, и страницы, хоть и пожелтели, не распадались, когда её раскрываешь.

«Ричарду на десятый день рождения. 1878. От сестры Бесси. Поздравляю дорогого брата с днём рождения».

Сьюзан записала эти два имени и дату. День рождения, хорошо. Майк сможет отсчитать десять лет.

Теперь перед нею самый длинный ряд. Она положила руку на книгу в красном переплёте, выгащила её и раскрыла.

«Всадники с равнин». Надпись гораздо отчётливей и черней.

«Весёлого Рождества, Джеймс. Превосходная книга. Твой друг Тед. 1914».

Ну, хорошо, у неё теперь есть три даты для Майка. Может, поискать ещё, найти новые даты? Сьюзан разглядывала ряд, стараясь определить, какую книгу могли подарить на день рождения, когда услышала голос Такера:

— И он просто говорил «Красный пояс», и это значило, что будет война?

Младший Вилан проводил пальцами, наверное, ещё липкими от завтрака, по краю витрины, глядя на Майка. Майк был достаточно высок, чтобы смотреть на витрину сверху, а не сбоку.

— Как будто так и было, Так. Племя индейцев посылало вестника с поясами. Он держал в руках пояс и произносил длинную речь. Иногда о прошлом, какое храброе его племя или что-то в этом роде. Потом они ещё долго разговаривали, пока он не доставал пояс с настоящим посланием — красный означал войну, белый — мир.

— Откуда ты знаешь? — спросил Такер.

— Я читал старый дневник, а там много такого. Джекоб Кайделл какое-то время жил с индейцами и много о них знал. Но даже он не мог сказать, что значат все пояса, — Майк махнул рукой в сторону витрины. — Некоторые из поясов очень старые, а люди, которые пользовались ими, помнили, что происходило ещё гораздо раньше. И вот, когда племена разошлись, а те, кто помнил, умерли, никто больше не мог прочесть пояса. А

эти использовались во время революции, знаешь, при Джордже Вашингтоне и всё такое.

Американцы хотели, чтобы индейцы не воевали ни на чьей стороне. Они посылали посыльных с поясами, чтобы говорить об этом с индейцами. Был такой англичанин, Вильям Джонсон, Кайделлы его знали. Он построил себе большой дом, похожий на этот, и разговаривал с индейцами от лица короля Георга. Он тоже не хотел, чтобы индейцы участвовали в войне. Но он уже был стар и не очень здоров. И вот в жаркий день индейские вожди и воины пришли к нему. Говорят, он весь день разговаривал с ними и пытался убедить сохранять мир. Но для него это оказалось слишком большим напряжением. В ту же ночь он умер.

А те, что пришли с ним, думали совсем по-другому. Они сказали индейцам, чтобы те не верили американцам, что американцы лгут, они стараются избавиться от индейцев и завладеть их землёй. И большинство индейцев поверило им и пообещало воевать на стороне англичан. Только одно племя — онейда — не согласилось. Оно пыталось оставаться нейтральным, хотя позже некоторые его воины воевали на стороне американцев...

Сьюзан так заинтересовалась, что тоже подошла к витринам. И когда Майк остановился, чтобы перевести дыхание, сказала:

— Кайделлы были в родстве с онейда...

— Да. Говорят, Хендрик Кайделл удержал племя от перехода на сторону англичан. Именно поэтому его брат Джекоб и отец так на него сердились, когда он отправился воевать на восток. Они хотели, чтобы племя помогало королю. Оба считали, что у американцев нет никаких шансов, и что когда король победит, все, кто воевал против него, потеряют свои земли и, может, даже попадут в тюрьму и будут повешены.

И вот тори — так называли тех, кто выступал на стороне короля, — ушли дальше на север и увели с собой индейцев. Они начали нападать на долины, старались вернуть землю. Это были плохие времена.

— Из-за синеглазых, — вставил Такер, к полному удивлению брата. — Они были хуже всех, потому что это белые, которые одевались как индейцы. Они делали плохие поступки, чтобы в них винили индейцев.

— Такер, — не подумав, спросила Сьюзан, — откуда ты о них знаешь?

Такер не мог читать разорванную книгу, которую Майк нашёл в коробке. А Майк ему не рассказывал.

— Они были здесь, — коротко ответил Такер, потом отвернулся и отошёл к окну. — Пойдёмте отсюда, — попросил он, и голос его прозвучал пронзительно. — Я устал от всего этого старья. И мне они не нравятся...

Майк посмотрел на Сьюзан, и она поняла, что брат удивлён не меньше её. Несомненно, Майк избрал неудачную тему для разговора с Такером. Сьюзан решила, что он сам так увлёкся, что забыл о том, что произошло ночью. А может, Такер, ложась спать у Майка, не рассказывал ему о причине своего страха.

Майк держал в руках карандаш и листочки с записями. Он скопировал рисунок с одного из поясов. Но вот он посмотрел на часы, которые папа подарил ему в последний день рождения, кивнул и положил стопку листов в ящик стола.

— Ну, хорошо, Так. Идёшь, Сью?

На дворе было так ясно и чисто после ночной грозы, совсем не похоже на старый дом. Да, она тоже хотела выйти. Сьюзан положила свой листок с именами и датами поверх стопки Майка. Если захочет, посмотрит позже. А сейчас ей хотелось забыть о всех прошлых Кайделлах и Кимблах этого слишком древнего дома. Они Виланы, и эта старина не имеет к ним отношения.

Она проследила, чтобы Такер, несмотря на возражения, надел свитер, оделась сама, и в это время из своей комнаты вышел Майк. Под мышкой он нёс большую книгу из библиотеки — дневник Джекоба Кайделла. Значит, он читал дневник в своей комнате. Неудивительно, что знает так много, подумала Сьюзан.

— Надо отнести на место. Может, Д.Б. захочет показать его своему ручному профессору из библиотеки.

— Лучше не зови её Д.Б., — заметила Сьюзан. — Когда-нибудь забудешься и назовёшь её так в лицо.

— А знаешь, ей это может понравиться, — Майк улыбнулся и, прыгая через две ступеньки, исчез в библиотеке, чтобы положить на место дневник. Сьюзан удивилась, что он решился взять его оттуда. Она не понимала, чем старинная книга так заинтересовала Майка. Она так далека от космических кораблей и лунных модулей, а раньше Майк говорил и читал только о них. Может, это дом подействовал на него. Она чуть вздрогнула. Здесь очень много такого, о чём даже думать не хочется.

Сьюзан спустилась в нижний холл. Такера она послала вперёд, хлопнув его дверь. Посмотрела в тусклое зеркало на стене. Все зеркала в доме такие. Люди в них как в тумане, словно весь дом заполнен этим туманом.

Изменилась ли она? Нет, решила Сьюзан, выглядит она как прежде. Каштановые волосы — «оперённые», как называет их мама, — плотно прилегли к голове. Кожа у неё смуглая, но, наверное, скоро побелеет: ведь тут нет флоридского солнца и пляжей. Рот у неё чуть великоват, глаза тёмные, а нос немного длинен. Это та самая Сьюзан Вилан, которая жила на юге и теперь не очень хорошо знает, где будет жить в будущем. Она только надеялась, что надолго здесь не задержится.

Глава 8

Сегодня обед накрыли в столовой, по причине визита друга бабушки Хендрики. Детям предстояло участвовать в этом событии, чему Сьюзан была удивлена и из-за чего озадачена — подумав о Такере. Нужно будет надевать воскресные костюмы и помнить о манерах. Ясно, что бабушка намеревалась встретить гостя всей «семьёй», как будто они на самом деле Кайделлы. Всю вторую половину дня она внушала им это.

— Доктор Фергюсон — один из ведущих специалистов по истории нашего штата. Особенно его интересуют некоторые необычные материалы, на которые содержатся намёки в письмах Вурманов, попавших в университет только в прошлом году. Семья Вурманов прекратила своё существование, старый капитан Генри оказался последним её членом, но у него хватило здравого смысла передать семейный архив в университет. Сейчас люди ничем не интересуются, и бесценные материалы попадают в утиль, — при этих словах она покраснела. — Никогда не прощу Эстер то, что она сожгла письма Хендрика и дневник Кимбла! Нет, я неправа. Она ведь никогда не понимала ценности этого дневника. А после смерти её брата Джеймса, когда они были ещё детьми, у неё выработалось странное отвращение ко всему связанному с этим домом. Это была настоящая одержимость. Потом Гровер...

— А кто такой Гровер? — вопрос задал Такер, хотя Сьюзан показалось, что бабушка Хендрика разговаривает не с ними, а скорее просто думает вслух, называя имена.

— Гровер был сыном Эстер. Он жил здесь в 19... в 1932 году, — бабушка Хендрика нахмурилась. — Он сильно простудился, и миссис Элси Кайделл пригласила его пожить здесь. А Эстер с мужем должна была уехать в Техас. Время было трудное, денег не хватало, Генри Кимбл потерял работу, а в Техасе ему предложили новую. Он получил эту работу. И они туда переехали. Но Гровер оказался не так здоров, как считали врачи. Он снова простудился и умер здесь... — закончила она неожиданно. — После этого Эстер окончательно возненавидела дом, и когда мы его вместе унаследовали, она даже взглянуть на него не захотела. Глупые суеверия — конечно! А теперь, — голос её стал резок, — готовьтесь к обеду. Советую вам внимательно слушать. Мы будем обсуждать интересные вопросы относительно местных дел. Доктор Фергюсон согласился взять на себя подготовку к памятной службе по поводу двухсотой годовщины нападения. Обедаем в шесть...

И она совершила один из своих стремительных уходов в новое крыло дома. Майк только пожал плечами.

Но Сьюзан лишь отчасти думала о том, что услышала. Джеймс, который умер здесь. Не Джеймс ли это — бумажная кукла? А Эстер — девочка в семье. И что случилось с Оррином? Сьюзан вздрогнула. Нет, этого она знать не хочет. Но ведь куклы с именем Гровер там не было. Она обрадовалась хоть этому.

Такер ушёл в свою комнату, но Майк остановил Сьюзан.

— Нашла даты?

— Несколько. Одна — дата рождения. Остальные — не знаю, есть ли в них смысл.

Майк кивком указал на комнату Такера.

— Приглядывай за Таким. Пойду посмотрю, что можно узнать.

И ушёл, прежде чем она смогла возразить. Девочка заглянула к Такеру и увидела, что он сидит на полу, скрестив ноги, а на лице его сосредоточенное выражение, словно он смотрит телевизор. Дом без телевизора поражал Такера. У Сьюзан появилась неожиданная мысль, что если бы в этом доме был телевизор, он показывал бы такое, на что ей смотреть не захочется. Как в той истории, которую ей рассказала Карин: о маленькой девочке, к которой с экрана сошли чудовища.

— Это рассказ... — слова Такера вывели сестру из задумчивости. Он водил пальцем по стене на уровне глаз.

Хоть бы не об индейцах, понадеялась Сьюзан. Она наклонилась посмотреть. Здесь картинки, должно быть, были заслонены от прямых лучей солнца, и наклеены они тщательно и ровно, в одну линию. Маленький мальчик в коротких брюках и свободной рубашке пытался справиться с воздушным змеем. На первой картинке он нёс его под мышкой (змей был такой большой, что хвост его волочился по земле) на холм. Вторая картинка показывала, как он бежит с холма с нитью в руке, а змей кружится в небе. На третьей змей застрял в ветвях дерева, а вокруг возбуждённо и испуганно летают птицы. На четвёртой мальчик лез на дерево, чтобы освободить змея. Кроме

того появилась собака, которая тянула свисающую верёвку змея.

На последней картинке мальчик шёл с опущенной головой, держа в руках порванного змея, а собака бежала за ним, таща в зубах конец верёвки.

— Он понёс его домой чинить, — сказал Такер. — Папа ему поможет. Хорошо бы получить такой... — он ткнул пальцем в змея. — Почему у нас его нет?

— Не знаю, — ответила Сьюзан. Её внимание перешло от печальных приключений змея к другому ряду картинок повыше. На них разворачивалась другая история — девочка и мальчик в разноцветной одежде, держась за руки, шли по лесу. У девочки в другой руке корзина, а у мальчика — ветка с сорванными листьями. Дальше они шагали по тропе меж деревьев.

Что-то в этих деревьях показалось ей очень странным. Присмотревшись, Сьюзан разглядела в деревьях лица, и совсем не приятные. Она замигала, но лица становились всё яснее. На третьей картинке дети вышли на поляну в лесу, на ней стоял какой-то чудной маленький домик. Сьюзен ещё внимательней принялась разглядывать его. Пряничный домик?

Эти дети — Гензель и Гретель? Сьюзан вспомнила кукольное представление, которое показывали в школе три года назад. Может быть. Но что же это за лица в деревьях? Она снова посмотрела на их. Что-то в них промелькнуло знакомое. Вначале они кажутся совершенно похожими, даже если находятся в разных местах и сплетены из разных ветвей и листьев. Сьюзан решительно покачала головой. Нет. Это неправда! Тут не может быть лица, которое, как ей показалось, она видела накануне ночью в зеркале. Это лицо не может повторяться снова и снова! Она становится как Таки — видит то, чего здесь нет и быть не может.

Но всё же потом, надевая новое плиссированное платье и стараясь расчесать волосы, как это делает мама, Сьюзан была очень довольна, что сегодня электричество не пропадало. Снаружи темнело. Зеркало было такое же, как и

утром, когда она его осматривала. Она побыстрее закончила и пошла к Такеру. Но там Майк уже энергично причёсывал брата.

— И не вздумай раскрыть рот... — говорил он.

— Тогда я не смогу есть, а я голоден, — Такер улыбнулся и скорчил гримасу. — Чтобы поесть, мне придётся открывать рот.

— Но не разговаривай. Помни: мы хотим, чтобы равновесие чашек сохранилось. Нарушишь равновесие, и никаких Флетчеров!

— Хорошо, — буркнул Такер, но потом соорудил новую гримасу: посмотрел, скосив глаза, на собственный нос и сунул пальцы в углы рта, чтобы растянуть его пошире.

— Ааачочиии! — больше похоже на чихание, чем на слово, но внимание Сьюзан и Майка он привлёк.

— Что это значит? — спросил Майк.

— О, это та большая, которая танцует с двумя барабанами, — Такер явно нёс какую-то бессмыслицу. — Сначала девушка в вишнях, как в одежде, потом Ачочи. Но она, когда захочет, может быть злой, очень злой.

Сьюзан лихорадочно подавала знаки Майку. Никаких вопросов! Им не нужен новый полёт воображения Такера, особенно если они хотят произвести хорошее впечатление на важного профессора Фергюсона. Брат смотрел на Такера со странным выражением, как будто для него этот вздор имел какой-то смысл.

Она очень хотела остаться с Майком наедине. И не только для того, чтобы спросить о результатах посещения библиотеки, узнать, помогли ли её даты и нужно ли искать дальше; она почувствовала, что старший брат что-то понял в этих словах об Ачочи и девушке с вишнями. Слишком много загадок, и Сьюзан чувствовала, что запуталась в них, как в большой липкой отвратительной паутине.

Но сейчас не время спрашивать. Оба старших Вилана хорошо знали, что Такер с чисто вымытыми руками и

лицом, оставленный хоть ненадолго один, моментально перестаёт быть таким чистым. Сьюзан решительно занялась Такером, пока Майк заканчивал готовиться к обеду.

Когда они спускались, ей очень хотелось самой задать Такеру несколько вопросов, но она знала, как это опасно. И выбрала скучную для себя тему Флетчеров и их собаки; разговор мгновенно поглотил Такера, и Сьюзан терпеливо слушала, как он рассказывал, какая хорошая это собака, и что у него будет такая же — как только он покажет папе это собачье чудо и найдёт похожего щенка.

Дверь библиотеки была открыта. Сьюзан услышала голоса и, не раздумывая, втокнула туда Такера.

Горели все лампы, а бабушка Хендрика в длинном платье, юбка которого едва не задевала пол, с волосами, закреплёнными большим широким гребнем с тёмно-красными камнями, стояла возле той самой витрины с «поясами», где совсем недавно Майк читал свою лекцию. Крышка витрины была поднята, и мужчина проводил пальцами по экспонатам.

— ...несомненно, аутентичные, — говорила бабушка Хендрика.

— Конечно! Какое сокровище, мисс Кайделл! Подобного нет даже в Смитсоновском институте! И всё это часть истории вашей семьи. У вас есть записи, это замечательно. Трагедия в том, что часто бесценные вещи выбрасывают в мусор, когда умирают старые семьи. Я слышал о самом бессмысленном уничтожении, любой историк от этого начинает просто корчиться. Да и вы слышали, конечно.

Улыбка бабушки Хендрики исчезла. Она резко кивнула.

— Вы подумаете о том, чтобы включить ваш дом в маршрут? Осмотр дома здесь... — он поднял голову и осмотрел библиотеку. — Для многих в этом будет дополнительный интерес. На нашей стороне Харншоу — вы знаете его книгу о жизни Уолтера Батлера, и доктор Робертсон, который недавно прочёл лекцию о положе-

нии шести племён* во время революции. Сейчас, когда оживляется интерес к корням нации, аутентичный индейский материал особенно важен. Ведь и сами Кайделлы несут часть индейской крови, верно?

— Предок из племени онейда по прямой линии, — без улыбки ответила бабушка Хендрика. Напротив, меж глазами её легла тень. Как будто он говорил о том, о чём она не хотела упоминать. Потом, решившись вывести всё наружу, она резко добавила: — Я думаю, вы должны также знать, что Кайделлов в этой долине долго считали ответственными за этот ужас. Относительно Хендрика это ошибка: он ни в чём не виновен. Но он сам и его потомки из-за этого случая сто лет не жили в доме.

— Но, моя дорогая мисс Кайделл, это же очень старая история. Никаких тори сейчас нет, а набеги на долину — лишь исторический вопрос. Современные беспристрастные историки и авторы биографий находят оправдания даже для так называемого дьявола, Уолтера Батлера. Ваша семья, разделившаяся во времена революции, ничем не отличается от множества других. Я могу привести вам целый список, даже не заглядывая в записи. К тому же разве это не правда, что сами Кайделлы пострадали от набега не меньше остальных жителей долины? Свидетель тому — памятник на кладбище. И во всяком случае с вашей ветвью семьи не связан никакой позор. Полковник Хендрик Кайделл не отвечает за дела своего брата, который, вне всякого сомнения, был безумен. Разве не пользовался полковник полным доверием Вашингтона, разве не предложен ему был пост в новом правительстве, когда генерал стал президентом?

— Есть кое-что ещё... — бабушка Хендрика отошла от витрины, опустив крышку и повернув маленький ключ в замке. — Я не поддерживаю суеверия, доктор, но с этим

* Так американские историки называют пять ирокезских племён и племя тускарора во время войны за независимость. (Прим. перев.)

домом и с нашей семьёй связана неприятная история — после того набега. Вы, конечно, слышали о домах, населённых привидениями? Сейчас модно писать книги и пьесы с таким количеством ужасов, сколько может втиснуть в них автор. Наш дом с привидениями — я бы не хотела, чтобы об этом писали. Не хочу выглядывать в окно и видеть медленно проезжающие машины, пассажиры которых смотрят на окна нашего дома, надеясь увидеть какое-нибудь чудовищное лицо.

— Чудовищное лицо? — доктор Фергюсон вежливо удивился. — Но...

— Вы слышали о ложных лицах Длинного дома?

— Естественно. Тайное общество, которое к концу ирокезского периода выродилось, и только садисты использовали его для проведения кровавых церемоний. Хотя вначале оно было совершенно безвредно и связано, кажется, с обрядами плодородия и урожая. Избирали девушку — девушку-вишню, и она участвовала в обрядах. Но...

— Какое отношение имеют ложные лица к делам Кайделлов? — закончила за него вопрос бабушка Хендрика. — В старину вам сказали бы, что это тайное общество имеет к нам самое прямое отношение. Никто не знал его членов. Они всегда появлялись только в масках, за исключением девушки-вишни, которая даже не была членом общества. Их считали колдунами. Говорили, что после жертвоприношения, после того, как пролилась кровь, их барабанщики могут вызвать добро или зло. Как вы сами сказали, к концу периода это общество выродилось, стало преступным. И по семейной традиции, оно связано с состоянием Кайделлов. Но это другой вопрос, и я не хочу в него углубляться.

— Что же касается включения дома в туристский маршрут... — она помолчала. — Я должна прежде подумать...

— Даже если не согласитесь — а вы имеете на это полное право, мисс Кайделл, — я надеюсь, вы дадите

разрешение нашему комитету навестить вас и провести исследование.

— Исследование? — теперь бабушка Хендрика удивилась. — Какое исследование?

Наступила очередь доктора Фергюсона поколебаться перед ответом. Он взъерошил на голове густую гриву седых волос, а потом почесал аккуратно подстриженную бороду.

— Этот дом уникален. Томпсон хотел бы изучить его архитектуру, если вы позволите. Его построили в дикой местности в те дни, когда обычным убежищем служили навесы и хижины. План дома ближе к европейскому, чем в городах и поместьях береговых колоний. Томпсон очень хотел бы получить ваше разрешение и написать на эту тему монографию. Возможно, вы также примете во внимание...

Сьюзан была слишком воспитана (или считала себя такой), чтобы привлечь внимание к себе или Такеру. Но тут в разговор между седым человеком, говорившим так быстро и возбуждённо, и бабушкой Хендрикой вмешался Такер. Сьюзан случайно выпустила его руку и прежде чем успела схватить снова, он направился к доктору Фергюсону, положил руку на стекло витрины с индейскими поясами и поднял голову.

— Это книги, — уверенно заявил он. — Майк говорит, что вот эта, — он указал пальцем, — означает, что они должны воевать. Но они выбрали не ту. И поэтому должны были уйти, когда всё кончилось. Но сюда они не приходили... — младший Вилан покачал головой. — Они сказали «нет», потому что люди здесь были их друзьями. Пришли другие... — он выглядел, как всегда, когда пытается убедить других в том, во что верит сам. — Голубоглазые... только на самом деле глаза у них не голубые... это только название, которое означает, что они плохие люди, одевшиеся как индейцы. И вот как раз они-то... — он смолк, переведя взгляд с удивлённого лица доктора Фергюсона на витрину, как будто искал, куда бы спрятаться.

— Пожалуйста... — Сьюзан вышла вперёд. — Он говорит о дневнике и изорванной книге. Майк рассказал ему о поясах, а у него иногда всё перемешивается. Но всё это описано в книге, в изорванной книге из коробки, о том, как Джекоб пришёл грабить собственный дом, и что индейцы не пошли с ним. Пришли другие, белые грабители, одетые как индейцы.

— Изорванная книга, коробка! — прервала бабушка Хендрика несвязное объяснение Сьюзан. — О чём ты говоришь, Сьюзан?

— О коробке, которую я купила на распродаже, с упаковочной бумагой... и... — она нерешительно добавила: — и с бумажными куклами. Вы помните, бабушка Хендрика. Кто-то изорвал старую книгу и засунул страницы в коробку, чтоб было плотнее упаковано. Майк разобрал страницы и нашёл историю набега...

— Мисс Кайделл! — голос доктора Фергюсона зазвучал теперь ещё громче и возбуждённей. — Неужели девочка говорит о книге Кимбла? Если так, то это бесценное открытие, бесценное...

— Они у Майка? — бабушка не ответила ему, она спрашивала Сьюзан.

— Да. Он сложил их вместе. Там было много страниц, от двух книг. Но он собрал только одну.

— Такер! — бабушка Хендрика повернулась к мальчику. — Попроси своего брата прийти и принести страницы книги.

— Книга Кимбла... даже если это только разорванные страницы... только бы всё... невероятно! Откуда они, молодая леди? Что это за коробка, о которой ты рассказала?

Прежде чем Сьюзан смогла ответить, это сделала за неё бабушка Хендрика.

— Моя двоюродная сестра Эстер Кайделл Кимбл умерла два месяца назад. Она жила в старом доме Коллинзов. Прямых наследников, кроме меня, у неё нет, а я, как ей было известно, хорошо обеспечена. И она завещала большую часть своего имущества церкви. Женщины разбирали

чердак и складывали вещи оттуда в картонные коробки, чтобы продать потом — с неизвестным содержимым. Сьюзан купила одну...

— Бумаги... были ли у неё ещё бумаги?

У бабушки Хендрики вновь появилось командирское лицо.

— К сожалению, Эстер не считала ценным то, что относится к истории семьи. Она имела несчастье потерять здесь сына, когда он был ещё мальчиком и жил в этом доме. Под этой же самой крышей умер её старший брат, когда она была ещё девочкой. Она очень не любила этот дом, вообще всё, что имеет отношение к прошлому. Только в пожилом возрасте она вернулась в долину, но не любила, когда при ней говорили о прошлом.

Когда умерла моя тётка Элси Сейер Кайделл, Эстер отказалась вместе со мной унаследовать дом. Но некоторые вещи были отправлены к ней, потому что они особо упоминались в завещании. Я думаю, она просто засунула их на чердак. Если у неё и хранились какие-то семейные документы, она уничтожила их перед смертью. Я точно знаю, что с некоторыми бумагами она так поступила. После её смерти нашли лишь документы, связанные с её мужем и сыном...

— Но книга Кимбла... на чердаке...

— Мы ещё не знаем, она ли это, — предупредила бабушка Хендрика. — Но если так, я сильно удивлена, что Эстер сохранила это.

Сьюзан не была вполне уверена, но ей показалось, что при слове «это» голос бабушки Хендрики дрогнул. Но тут появился Майк с грудой пожелтевших страниц с измятыми или порванными краями.

— Сюда, сюда! — воскликнул доктор Фергюсон, как будто не видел Майка, а только то, что мальчик принёс. И уже протянул руку, чтобы выхватить листки. Потом чуть принуждённо рассмеялся.

— Мисс Кайделл, что вы обо мне подумаете? Боюсь, я слишком увлёкся. Я думаю, ты Майкл Вилан, тоже из семейства Кайделлов, но по боковой ветви. Если эти

странички то самое, что я подозреваю, вы с сестрой сделали замечательное открытие, имеющее отношение ко всей проблеме. Мы слышали о книге Кимбла. Несколько лет назад в старом столе, перевезённом в Утику, нашли небольшую часть её. В очень плохом состоянии. Видите ли, по поводу публикации этой работы шёл настоящий юридический бой.

Каспер Кимбл, написавший эту книгу, очень не любил Кайделлов, хотя и был их отдалённым родственником. Он описал события более чем столетней давности. Но в некоторых семьях старая вражда умирает с трудом. Очевидно, по какой-то причине Каспер хотел, чтобы его родственники покорчились на огне общественного возмущения. И описал набег на долину в худшем возможном освещении, возродив старую ненависть и скандалы того времени.

Тадеус Кайделл скупил все доступные экземпляры книги и обратился в суд с жалобой на клевету. В суде он ничего не добился, но издатель был напуган и продал Тадеусу все приготовленные к продаже экземпляры. А планировалось продать их во время церемонии, связанной с сотой годовщиной происшествия. План Кимбла смутить Кайделлов потерпел неудачу, и постепенно об этом забыли. Но в старых дневниках и письмах встречаются намёки на то, что Кимбл сделал заявление, которое впоследствии сознательно замалчивалось семьёй и которое бросает на всю историю совершенно новый свет.

— А теперь... — гость снова протянул руку, собираясь взять страницы у Майка, потом покачал головой и посмотрел на бабушку Хендрику. — Окончательное решение за вами, мисс Кайделл. Ваш предок очень старался замять историю. Если здесь содержится полный текст книги Кимбла, его открыли ваши племянница и племянник. Так что сами Кайделлы должны решить, что делать с этой находкой, — но он так жадно смотрел на страницы в руках Майка, что Сьюзан почти ожидала какого-нибудь волшебного происшествия: ну, например, страницы вырвутся из рук Майка и полетят прямо к доктору Фергюсону.

Но вместо этого к листкам руку протянула бабушка Хендрика, и Майк отдал страницы ей.

— И об этом я должна подумать, — медленно сказала она.

Глава 9

Бабушка Хендрика маленьким ключом, таким же, как от витрины, открыла ящик стола, положила туда страницы и снова закрыла. Сьюзан почти ожидала, что доктор Фергюсон ещё раз попросит отдать ему книгу. Но он за обедом говорил о другом, рассказывал о своих поездках в поисках материалов по истории долины. Некоторые его открытия были поразительны, хотя Сьюзан раньше никогда бы не поверила, что поиск старых писем, разорванных книг и бумаг — это тоже поиски сокровищ.

К её облегчению, Такер вёл себя спокойно и поел, ничего не пролив. Как и предупредил его Майк, он молчал, пока другие разговаривали. Вообще он был таким непривычно тихим, что Сьюзан встревожилась.

Всегда нужно непрерывно следить за тем, о чём думает Такер. К их обществу в любой момент может неожиданно добавиться ещё один «вображаемый». Но, может, он думает о собаке Флетчеров, сосредоточенно глядя в тарелку.

Немного погодя доктор Фергюсон стал обсуждать с бабушкой Хендрикой список людей, которых следует пригласить в комитет и не нужно ли расширить программу этого года. Сьюзан мигала. Она не привыкла рано ложиться и давно вышла из возраста дневного сна, но сегодня ей хотелось спать, а когда она пила воду или откусывала черничный пирог, в горле царапало, как будто она долго говорила или у неё начинается простуда.

Наконец их отпустили, а бабушка Хендрика вместе с доктором Фергюсоном пошла в библиотеку пить кофе. И тут Такер словно очнулся от оцепенения, в котором находился во время еды.

— Я хочу посмотреть «Маппетов», — объявил он.

— Ты ведь знаешь, здесь нет телевизора, — устало ответил Майк, который говорил это уже много раз.

— Почему?

— Потому что этого не хочет бабушка Хендрика. Ты это и сам знаешь. Зачем спрашивать одно и то же?

Сьюзан вспомнила свою неприятную мысль: что телевидение в этом доме может трансформироваться в нечто особое.

— У тебя же есть свой телевизор, — сказала она.

— Что? — Майк и Такер разом посмотрели на неё.

— Особый телевизор. Знаешь, Такер, ты сегодня уже смотрел его — мальчика со змеем и собакой.

К облегчению Сьюзан, Такер кивнул и направился к лестнице.

— У меня есть телевизор, собственный телевизор, — пел он, топая по ступенькам. Сьюзан быстро пошла за ним, не дожидаясь Майка. Если Такер поверит, что его картинки — это телевизор, у них будет одной проблемой меньше. По крайней мере не ворвётся в библиотеку с требованием, чтобы включили «Маппетов» на несуществующем экране.

Майк поднялся вслед за ней в комнату Такера, где Сьюзан включила все огни. На маленьком столике у окна стояла лампа, другая — на крышке бюро. Но Такер уже рылся в ящике, отыскивая огромный карманный фонарик, который находился в его рождественском чулке и который долгое время был его любимым имуществом.

Он сел на корточки — однако не перед мальчиком со змеем, которого разглядывал днём, а ближе к углу. И осветил картинку, которая показалась Сьюзан вначале цирком, а потом частью Диснейленда.

Толстый бурый медведь стоял на задних лапах. Не просто стоял, а катился на коньках и выглядел очень довольным. Как будто считал, что нужно быть очень умным, чтобы проделать такой трюк. За ним следовали две обезьянки в ярко-красных курточках и маленьких круглых шляпах. Обезьянки держали верёвки, у другого

конца которых вразвалочку шагали толстые белые утки. Крылья их были раскрыты, клювы широко разинуты. Они походили на пленников, зовущих на помощь.

Дальше шёл верблюд, а на спине его гордо ехала кошка. На шее у неё большой розовый бант, и в одной лапке она держала нелепый маленький розовый зонтик. А дальше расположился огромный гриб. Такой большой, что под ним поместилась маленькая девочка. Руки у неё были сложены за спиной, и она запрокинула голову, чтобы увидеть того, кто сидит на грибе, — очень большую зелёную гусеницу, в шляпе с кисточками, надвинутой на один выпуклый глаз. В одной из множества лапок гусеница держала какой-то предмет с шлангом, из конца шланга поднималась струйка дыма.

Такер через плечо оглянулся на сестру.

— Что они делают? — спросил он. И подождал, уверенный, что сейчас услышит рассказ, объясняющий действия всех этих странных животных. Сьюзан села рядом с ним и глотнула. Воображение ведь у Такера. Она часто удивлялась, откуда он берёт свои рассказы и почему всё у него кажется таким реальным. Она... ну, она, конечно, тоже иногда выдумывает, играя с Карин и Фрэнси, но никогда не пыталась соперничать с Такером.

— Ты сам знаешь.

Такер покачал головой.

— Никогда не узнаешь, что сделают Маппеты, пока не увидишь. Это Маппеты, новые Маппеты, ты сама говорила. Так что же они делают? Где медведь взял коньки и...

— Он их купил... сегодня днём, — Майк присел рядом с Сьюзан. — Он учился кататься на коньках своего брата, но сегодня у него день рождения. Ему дали денег, и он купил себе собственные коньки. Он думает, что станет чемпионом.

Такер посмотрел на Майка, потом снова на медведя.

— А он станет чемпионом?

— Если будет много тренироваться, — твёрдо ответил брат. — А эти обезьянки — они плохие. Они похитили уток, но пусть берегутся. Когда медведь их догонит, он

заставит их выпустить уток. И тогда обезьянкам придётся убежать.

— А кошка — она из Египта, — неожиданно Сьюзан почувствовала прилив вдохновения. — Помнишь картины, которые показывала нам миссис Робинсон? Они в прошлом году побывали в Египте и ездили на верблюдах смотреть на пирамиды. Да, и кошка ищет храм, в котором когда-то жили кошки. Она хочет посмотреть, где они в прошлом были такими прославленными, — Сьюзан вспоминала рассказы миссис Робинсон. — Там очень жарко на солнце. Поэтому у неё зонтик. Но она считает себя модницей: у неё ведь не обычный зонтик, а розовый. И большой бант. Она уверена, что все на неё смотрят!

— А... — Такер передвинул луч фонарика на гусеницу.

— Это же Алиса! — Сьюзан обрадовалась, встретив давно знакомую подругу, о которой она кое-что знала. — Она в Стране Чудес. Тут она что-то выпила и стала очень маленькой. А теперь спрашивает у гусеницы, что ей выпить, чтобы снова стать большой.

— А гусеница знает?

— Да, — уж это-то Сьюзан помнила даже лучше египетских приключений миссис Робертсон. Она читала «Алису в Стране Чудес» этим летом, когда наступила на что-то острое на пляже и у неё был нарыв на ноге. Целую неделю пришлось провести в постели. — Она отломит кусочки гриба и съест их; и тогда вырастет до своего обычного размера! У неё там случится много и других приключений!

Такер разглядывал гусеницу и Алису. Потом решительно кивнул.

— Новые Маппеты. Мой собственный телевизор.

Сьюзан наклонилась вперёд. Над теми, что выбрал Такер, проходил ещё один ряд картинок. Крошечные человечки ехали верхом на кузнечиках, в руках у них копыя из травинки. Они скакали друг к другу, словно собирались воевать. А над ними, в цветах и листьях, парили маленькие женщины в платьях из цветочных лепестков с длинными волосами, падающими на спину.

— И... — она показала, зачарованная этими женщинами и всадниками на кузнечиках. Тут тоже должна быть целая история!

Но Такер отбросил руку сестры.

— Мой телевизор! — взорвался он. — Мой!

Майк положил руку на плечо Сьюзан.

— Ладно, оставь его. Судя по этому, — она увидела, что старший брат разглядывает стены комнаты, — у него на какое-то время появилось занятие. Пойдём, у нас есть чем заняться самим.

Сьюзан вспомнила, что Майк ходил в библиотеку. Поэтому охотно оставила Такера с его «новыми Маппетами» и пошла за Майком в его комнату. Он разложил на кровати листочки, и Сьюзан села рядом.

— В той старой библии действительно есть имена и даты. Я не успел проверить всё, но послушай, — Майк подобрал ближайший листочек и начал читать:

«Каролус Кайделл, 1767.

Джоанна Кайделл, 1769.

Флориан Кайделл, 1774".

— И ещё какая-то надпись, может быть, на голландском. Я не смог прочесть, но дата — 1780.

Сьюзан посчитала про себя.

— Им было тринадцать, одиннадцать и шесть лет, точно, как нам.

— Да, и набег происходил в 1780 году. Думаю, что там, где я не смог прочесть, как раз про это. Дальше идут:

«Джетро Кимбл, 1838 — 1851.

Эмили Кимбл, 1840 — 1851.

Оррин Кимбл, 1845 — 1865, погиб на службе своей стране».

— Двое умерли в тринадцать и одиннадцать, Джетро и Эмили, но не Оррин, — задумчиво проговорила Сьюзан.

— Да, он был убит во время гражданской войны. Дальше:

«Ричард Кимбл, 1867 — 1880.

Бесси Кимбл, 1869 — 1914.

Тод Кимбл, 1873 — 1880".

— Не Бесси, но остальные двое — ровно через сто лет после нападения.

— Ну, и последние, — продолжал Майк.

«Джеймс, 1903 — 1916.

Эстер, 1907 —».

— Второй даты не стоит.

— Она недавно умерла, и никто её не вписал, вот что я думаю.

«Оррин, 1912 — 1942. Убит во второй мировой войне».

— А Гровер?

— Не было времени его искать. Но так там написано, — Майк разгладил листок.

— Первые три — это те, с которыми неизвестно, что случилось. Их предположительно убили, после того как увели на север из-за выкупа. Потом Джетро и Эмили, они умерли вместе в 1851 году. Только дата. Там не говорится, почему и как. В 1880 ещё двое умерли, но не Бесси. И один, Джеймс, в 1916. Это ничего не объясняет.

— Только одно — они все умирали здесь, — сказала Сюзан.

— Совпадение... — Майк сложил листочки. — Вот и всё. А из-за книги, которую написал Кимбл, снова пошли разговоры о проклятии.

Сюзан подумала о куклах, спрятанных на дне ящика. Что-то в них было, в этих семьях. Всегда трое, и у некоторых лица вырезаны из фотографий. Зачем их делали?

— Такер... — начала было Сюзан и умолкла. Таки говорил многое, но кто может сказать, что у него «вображаемое», а что нет? Но к ней всё время возвращались его слова о том, что — о н и — ждут. Девочка посмотрела на сложенные листочки Майка, словно ожидала, что он выбросит их в урну. Но он положил их в свой блокнот. Сюзан не хотела спрашивать, зачем он их сохраняет. Только схватила собственный исписанный листок и скомкала его в шар. Может, доктора Фергюсона заинтересуют эти бумажные куклы как часть истории семьи. При мысли о том, что она от них избавится, Сюзан почув-

ствовала себя лучше. Да, надо отдать их учёному. Он, наверное, ещё в доме. Она не слышала шума его машины, и у них с бабушкой Хендрикой было о чём поговорить.

— Конечно, — Сьюзан встала. — Это ничего не значит! — она охотно подхватила слова Майка, очень уж хотелось в них верить. И вообще только в этом доме она может думать о подобных вещах. Дома — дома никто и не думал о с т а р ы х вещах. А Майк... — тут она увидела на крышке его бюро стопку книг. Все очень пыльные, а корешки так выцвели, что ни слова не разобрать. Но он сложил их аккуратно, словно они ему нужны. А книги о космосе грудой лежали на полу.

— Ты нашел их в своей коробке? — Сьюзан вдруг сообразила, что так и не спросила Майка, повезло ли ему с выбором. Слишком была занята собственными находками.

— Да, — брат подошёл к бюро и провёл рукой по старинным переплётam. — Здесь история Нью-Йорка, она заканчивается 1880 годом! А вот книга о строительстве канала Эри. А эта о первоначальных поселенцах. А эти... — он достал две последние и раскрыл их. Сьюзан увидела, что они рукописные, почерк с завитушками, как в том большом дневнике, который первым заинтересовал Майка. — Это просто книги для записи. Первая не очень интересная. Как будто из магазина, запись покупок и продаж. А вторая — я думаю, её вёл врач, — он начал листать страницы. — Даты совпадают. В ней может найтись что-нибудь о Кимблахе. Начинается она с 1850 года...

Сьюзан уже была у двери.

— Не хочу знать! — и не глядя на Майка, вышла в коридор. Нет, она не хочет знать, что случилось с Эмили, которая сделала вышивку на стене, или с Джетро. Они не имеют к ней никакого отношения.

У себя в спальне она буквально рухнула в кресло-качалку и посмотрела на нижний ящик бюро. Потом почему-то сунула руки меж колен и крепко сжала. Она не хотела смотреть, доставать коробку и смотреть. Но какая-

то часть её не слушалась разума. Что-то притягивало её к куклам помимо собственной воли.

Наконец Сьюзан встала, открыла ящик, достала коробку и отнесла на кровать. Внутри появилось какое-то странное ощущение, девочка всё время сглатывала, как будто очень долго ехала в машине. То же самое тошнотворное ощущение.

Руки её сами собой открыли коробку и извлекли Джеймса, Эстер и Оррина. Нет, ей были нужны не эти. И не Ричард, Бесси и Тод — Бесси и Эстер... Неужели эта Эстер — та самая старая леди, которая недавно умерла? Сьюзан старалась не касаться следующей картонки, она не хотела увидеть Джетро и Эмили. Оррин почему-то не имел значения. Он счастливчик — счастливчик? Что она имеет в виду? Неужели в этих людях, в тех, кого представляют куклы, было какое-то отличие? И поэтому проклятие действовало только против них? Странная мысль пришла Сьюзан в голову. Такер — он тоже особенный. Девочка вздрогнула. Неужели Джетро и Эмили были похожи на него?

Они были по-настоящему реальны, слишком реальны, не самодельные куклы, а лица, которые когда-то смотрелись в эти туманные зеркала. А может, тогда зеркала не были туманными. Сьюзан отложила Оррина и взяла Джетро и Эмили. Когда-то в этой комнате жила Эмили, Сьюзан была в этом уверена. Она вздрогнула. Жить в доме, через который прошло столько людей — людей, о которых рассказывают странные истории. Это страшно.

Рука её задержалась у последней картонки в коробке. Остались безликие. Их... их она обязательно отдаст доктору Фергюсону. И не станет на них смотреть! Ничто не заставит её смотреть на них!

Сьюзан торопливо сложила кукол. Она отдаст их сегодня же вечером, уберёт Эмили из комнаты и тогда сможет забыть о ней.

Завтра она даже может снять со стены вышивку Эмили и тоже убрать. Она не хочет, чтобы что-то напоминало здесь об Эмили.

Уложив кукол в коробку, Сьюзан вышла в коридор и увидела внизу у входной двери доктора Фергюсона. Он прощался с бабушкой Хендрикой. И прежде чем девочка смогла окликнуть его, учёный вышел, а она осталась с коробкой в руках, по-прежнему желая избавиться от неё.

Сьюзан медленно вернулась к себе. Из комнаты Такера доносились голоса. Сегодня очередь Майка укладывать спать младшего Вилана. Сьюзан закрыла свою дверь, сунула коробку назад в ящик и захлопнула его. Осмотрелась. И увидела книги на крышке бюро, которые заметила раньше. Как и те, что на располагались нижних полках библиотеки, книги показались ей странными. Она взяла крайнюю.

Почти со страхом раскрыла переплёт. Да, здесь стояло имя. Эстер Кайделл. «Принцесса и Курд». Рисунок. Женщина в зелёном цветочном платье с зелёной короной на голове, а напротив неё мальчик или мужчина. Книга Эстер. Сьюзан не боялась книги Эстер.

Она быстро расстелила постель, включила лампу для чтения. К счастью, бабушка Хендрика не запретила чтение в постели. Сьюзан раскрыла книгу.

«Курд был сыном шахтёра Питера...» — Прекрасно! Никакого отношения к старому дому, проклятию, индейцам, синеглазым и всему прочему. Сьюзан решила погрузиться в мир Курда, она была уверена, что в нём ничего подобного нет.

Наконец Сьюзан потянуло ко сну, но книга уже увлекла её. И когда она выключила лампу и легла, мысли её были далеки от бумажных кукол. Да и бури сегодня не случилось. Комнату освещала полная луна, загоняя тени в углы.

Неожиданно Сьюзан прижала руки к животу. Ей стало страшно. Что-то присутствовало в её комнате, что-то или — к т о — т о. Она их не видела, но они были здесь. И с ними пришёл страх, от которого тошнит и кружится голова. Она должна уйти. Не от них, нет. Они так же напуганы, как и она. И она знает, что они хотят, чтобы она вместе с ними оказалась в безопасности... подальше

от того, что приближается... Темно и плохо, так плохо!

Они — тени. Но даже как тени частично они видны, видны их лица и руки. В лицах Сьюзан была не уверена, но руки тянулись к ней, хотели помочь ей, увести в безопасное место. А ей так страшно!

«Идём!» — она не была уверена, что на самом деле слышала голос. Неужели кто-то действительно позвал её. Или голос прозвучал в её голове? Сьюзан не понимала, что с ней происходит. Но от страха её затошнило, а руки всё тянулись к ней. Скоро они коснутся её; и тогда она должна будет пойти с ними. Должна будет пойти. Только в этом безопасность!

— Сьюзан!

Её раскачивали взад и вперёд. Неужели руки схватили её? И теперь вытаскивают из кровати, заставляют идти с ними?

— Сьюзан!

Резкость голоса разорвала сон. Никакие тени её не ждали. И свет в комнате был вовсе не лунный. А руки у неё на плечах — руки Майка, он яростно тряс её.

— Проснись! — голос у Майка не обычный, от него страх стал только ещё сильнее. — Такер исчез!

— Исчез? — Сьюзан пребывала всё ещё как в тумане от своего сна. — Такер?

— Да, Такер! — в голосе Майка послышался гнев. — Что с тобой? Я столько времени не мог тебя разбудить. Пошли, нужно его найти!

Сьюзан так дрожала, что с трудом надела халат и сунула ноги в старые шлёпанцы. Голый пол за полосками ковра был такой холодный. Вообще в комнате стало очень холодно, и девочка дрожала, не переставая.

— Куда он мог уйти? — как трудно думать, в голове всё перемешалось. И она почти ожидала увидеть эти руки, которые по-прежнему тянулись к ней.

— Я думаю, он где-нибудь внизу, — ответил Майк. — Я слышал, как скрипнула ступенька у основания лестницы. Но когда посмотрел, там никого не было. Помнишь,

он раньше ходил во сне? Прежде чем его отвели там, дома, к доктору Рамишу?

— Да, — Сьюзан наконец полностью пришла в себя. — Но ведь из дома он не мог выйти?

— Думаю, нет. Двери заперты, а запоры слишком высоки для него. Пошли!

— Бабушка... миссис Кингсли... — Сьюзан заторопилась за ним. Майк не включил свет в коридоре. Он в руках нёс большой фонарик Такера, направляя его свет вперёд, освещая ступеньки.

— Миссис Кингсли живёт за двором — помнишь? — выпалил он. — А бабушка в другом крыле. Пошли, мы только зря тратим время!

Они спустились по лестнице. Майк останавливался у дверей каждой комнаты и обводил помещения большим кругом света: гостиную с оранжереей, выходящей к башне, библиотеку, столовую. И наконец они направились в большую кухню.

Сьюзан испуганно схватила Майку за рукав, так что светлый круг заплесал по полу. Дверь в погреб была открыта. Сьюзан сразу поняла, что это неправильно. Миссис Кингсли всегда держала её закрытой и заложённой толстым брусом.

Перед открытой дверью сидели Джошуа и Эразм. Уши котов были прижаты к черепам, шерсть на спине торчала дыбом, а хвосты, распушенные, хлестали взад и вперёд. Джошуа оскалил пасть, но оттуда не слышалось ни звука. Эразм непрерывно низко рычал. Коты смотрели вниз, в полную темноту, и как будто кому-то грозили.

— Но... Таки же ни за что не пойдёт туда! — непонятно кому возразила Сьюзан. Такер после того дня, когда они помогали выносить из погреба банки и горшки, делал вид, что даже ведущей в него лестницы не существует. Она сама не раз видела, как Такер обходит эту дверь стороной; даже во время завтрака он никогда не приближался к ней. Тем более Такер не пошёл бы туда ночью. Внизу совсем не было видно света.

Но вот Эразм, прорывав что-то в последний раз,

нырнул, прижимаясь животом, в темноту, и его не стало видно. И Джошуа после ещё одного молчаливого протеста — или вызова — последовал за ним. Майк покачал головой.

— Он должен быть там.

— Не верю! — но Сьюзан продолжала держаться рядом с Майком, когда он пересёк комнату и посветил вниз. Запах, влажный пыльный запах показался ей ещё сильнее и отвратительней. Луч отразился от кошачьих глаз, четыре блестящие точки внизу повернулись к детям, потом исчезли.

— Так... — Сьюзан не успела закончить, как Майк схватил её за руку.

— Не буди его, если он там внизу! — приказал он.

Она вспомнила и глотнула. Дома Такера отводили в постель, не разбудив. Что если он проснётся в месте, которого так боится?

Майк начал спускаться по лестнице, Сьюзан последовала за ним. В ней снова возникло тошнотворное ощущение, охватившее её во сне. Она глотала и глотала, так крепко держась за перила, что ногти прямо-таки впивались в старое дерево.

Глава 10

Было очень холодно. Сьюзан смутно ощущала, что холод затаился в ней самой. Она с трудом заставляла себя делать шаг за шагом. Это не сон с тянущимися к ней руками. Она не спит сейчас. Но в ней крепко засел тот же страх. Она держалась за рубашку Майка и тяжело дышала.

Дверь во фруктовый погреб была закрыта, но та влажная комната с затхлым воздухом, из которой Майк и Сьюзан выносили корзины, открыта. Там сидел Джошуа, хвост его хлестал по бокам, а из горла вырывалось низкое рычание. Эразма не было видно.

Послышался и другой звук — стук и шёпот, такой

тихий, что Сьюзан не разбирала слов. Майк протиснулся мимо Джошуа, который зашипел и ударил его лапой. Майк тоже зашипел, затрещала порванная пижама.

Сьюзан выпустила брата. Она всегда чуть побаивалась обоих больших котов. Но теперь её больше пугало то, что ждало их впереди, что смыкалось вокруг них. Если она закроет глаза, если Майк оставит её, что тогда она увидит — или почувствует!

У стены по-прежнему громоздилась груда корзин, вставленных одна в другую, множество коробок. Майк повернул фонарь вправо и луч света осветил Такера.

Младший мальчик стоял на коленях и колотил кулаками по каменной стене. Глаза его были закрыты, а рот открыт, из него вырывался несвязный шёпот, не слова, а скорее воющие звуки.

Майк передал фонарик Сьюзан, и она взяла его, продолжая освещать Такера. Возле мальчика взад и вперёд расхаживал Эразм, прижав уши, выгнув спину, распушив хвост, оттянув назад губы и оскалив зубы. Но кот не рычал. Казалось, на Такера он совсем не сердился. По крайней мере он не пытался ударить мальчика, как ударил Майка Джошуа. Эразм внимательно смотрел на стену, по которой колотил Такер.

Майк набрал в лёгкие побольше воздуха и положил руки Такеру на плечи. Младший дёрнулся, начал вырываться. Наконец послышались и слова.

— Наружу... наружу... НАРУЖУ!.. — эти три слова перешли в крик. И вдруг Такер обмяк, так что едва не выскользнул из рук Майка. Майк даже упал на колени под тяжестью младшего брата.

Руки Такера, все в синяках, с кровью на костяшках пальцев, лежали расслабленно и неподвижно. Рот его приоткрылся, из углов потекли струйки слюны. Глаза оставались закрыты, он никак не показывал, что понимает, где находится, что его держит Майк. Сьюзан стояла над ними, светя фонариком. В горле сжимало всё сильнее. Она подняла свободную руку и потянула за воротник.

— Он всё ещё спит. Надо поскорее увести его отсюда,
— сказал Майк.

Смогут ли они, подумала Сьюзан. Майк, конечно, силен, но и Такер не малыш, а тут ещё эти крутые ступеньки.

— Поставь фонарик так, чтобы он освещал ступеньки... Нет, что это со мной? Просто включи свет, как миссис Кингсли. Нам обоим придётся вытаскивать его.

Как будто идёшь сквозь что-то густое, и ноги застревают. Борясь с этим засасыванием, Сьюзан пошла. Ей не хотелось уносить фонарик, оставлять Майка и Такера в темноте в этом ужасном месте, но фонарик был нужен ей самой, чтобы найти выключатель.

Пугающая тяжесть не спадала. С трудом делая шаг за шагом, девочка отыскивала выключатель. Вспыхнул свет — она замигала. Голые ступеньки, на полу ничего нет. То, что пыталось удержать её, исчезло с темнотой. И Джошуа больше не сидел у входа в комнату с корзинами. Когда она прошла мимо него, он не проявил никаких признаков гнева.

В комнате с корзинами тоже зажёгся свет. Майк каким-то образом поднял Такера на плечо. Сьюзан как-то раз видела по телевизору: так выносили людей с пожара. Она заторопилась на помощь; и когда они поднимались по ступенькам, она шла сзади и поддерживала тело Такера, чтобы облегчить ношу Майку.

В кухне она тоже включила свет, а Майк опустил брата в кресло-качалку миссис Кингсли у окна. Такер прижался головой к спинке кресла и застонал.

Сьюзан нарвала туалетной бумаги, подержала её под краном с холодной водой и принялась протирать Такеру руки. Они были окровавлены, кожа сорвана. Он, должно быть, очень сильно стучал ими по камню.

— Сумка первой помощи... — Майк взял из кармана Сьюзан фонарик и исчез в доме. Она хотела было закрыть дверь в погреб, но коты ещё не вернулись, а девочка знала, что не посмеет оставить их там внизу.

Она осторожно откинула волосы Такера. У него было

такое горячее лицо! Он продолжал стонать, словно ему больно. Может, ему саднило руки, слишком она поторопилась обмывать их. Или Такер на самом деле заболел?

Сьюзан откинулась на корточках, прижимая к себе мокрое полотенце. У неё промок халат. Такер... заболел... как Эмили, и Джеймс, и...

Мама, папа! Как они ей нужны! Она хочет домой, в безопасность. Нужно позвать врача... бабушка Хендрика знает как. Мысли мелькали в голове, не останавливаясь.

— Вот! — Майк чуть не упал на выскобленном полу кухни, держа в руках медицинскую сумку. Он уже открыл её и доставал бинты, а Сьюзан дрожащими пальцами убирала размокшую бумагу и раскрывала принесённые Майком пакеты. Такер открыл глаза и закричал:

— Нет! Больно!

Он попытался вырваться у Майка, но Сьюзан крепко держала его за руку, пока Майк обрабатывал ссадины на другой. Такер высвободил руку, которую держала Сьюзан, и сильно ударил её.

— Больно! — вновь выкрикнул он, глядя прямо на них, но как будто не видя, подумала Сьюзан. Она даже не была уверена, что Такер по-настоящему проснулся.

— Майкл, Сьюзан! Что здесь происходит?

В кухне появилась бабушка Хендрика и изумлённо смотрела на них троих.

— Таки... он ушёл во сне, — ответила Сьюзан, схватив Такера за другую руку и крепко держа её, чтобы Майк смог перевязать. — Он и раньше так делал, только давно.

Такер дёргался и сопротивлялся, он пинал брата и сестру, пытался вырваться из кресла. Сьюзан пришлось уделять ему всё своё внимание, чтобы Майку удалось перевязать вторую руку.

— Что с его руками? Сьюзан, давай я подержу. Откуда у него эти ссадины? Он упал?

— Он был внизу, в погребе, — Майк накладывал полоски липкой ленты. — Мы увидели, как он бьёт по стене... в темноте...

Бабушка Хендрика склонилась к Такеру, пытаясь удержать его.

— Такер... Да он весь горит, у него жар... — голос её зазвучал странно. Она смотрела на Такера так, словно увидела тень из сна Съюзан. — Пошли, нужно уложить его в постель. И позвать доктора Филлипса...

Но когда она выпустила Такера, а Майк начал закрывать сумку, мальчик вновь дёрнулся. Он высвободился, хотя Съюзан попыталась его перехватить, и снова направился к открытой двери погребка. Только когда Майк ухватил его за талию и держал, несмотря на отчаянное сопротивление и пинки, Такера удалось не пустить назад, в темноту.

Лицо у него покраснело и он издавал странные звуки, похожие на рычание Джошуа. Съюзан была убеждена, что это не обычный приступ дурного настроения, что Такер не сознаёт, что делает. Что-то очень плохое происходило с её братом, и это плохое — часть её сна.

На лестнице показалось сначала чёрное потом пёстрое пятно: коты вышли из погребка на кухню. Съюзан пробежала мимо Такера, который по-прежнему дёргался в руках Майка, и захлопнула дверь. Потом схватила брус и поставила его на место. Но у неё было чувство, что она лишь частично закрыла зло, что тьма по-прежнему клубится вокруг них.

Майк не смог один нести сопротивляющегося Такера. Потребовались совместные усилия Майка и бабушки Хендрики, чтобы оттащить мальчика от дверей погребка. Он теперь стоял на ногах, и откуда-то у него появились силы. Но они всё же вывели его в холл и ступенька за ступенькой потащили вверх. Такер всё время сопротивлялся. Дважды он укусил Майка. Прежние страхи Съюзан забылись перед новыми. Она никогда не видела Такера таким обезумевшим.

Им еле-еле удалось поднять его в верхний коридор, и только здесь он вновь обвис и потяжелел. Майку и бабушке Хендрике пришлось вдвоём поднимать продолжавшего стонать мальчика, а потом он закричал:

— Наружу... наружу из темноты! — но Сьюзан забежала вперёд, включила свет, и темноты не стало.

Когда они наконец затащили мальчика в его комнату, Такер вскрикнул в последний раз. Сьюзан обессиленно прислонилась к стене. От криков брата тело её цепенело. Они положили его на кровать, и он лежал неподвижно и широко открытыми глазами смотрел в потолок.

— Сьюзан, — голос бабушки Хендрики дрожал, лицо её побледнело, и впервые она показалась по-настоящему старой. — Сходи подними миссис Кингсли. Включи наружное освещение — выключатель у задней двери. Под выключателем кнопка звонка. Нажимай на неё, пока не увидишь свет в каретном доме. Она придёт, как только сможет. Мы договорились о сигнале, если мне потребуется помощь. Потом... пойдй в мою комнату и принеси записную книжку. Она лежит у телефона...

Сьюзан повернулась к двери, обрадовавшись — в то же время ей было стыдно за свою радость, — что может больше не смотреть на Такера. Ей не хотелось возвращаться в кухню, но она нашла там выключатель и кнопку звонка под ним и нажала.

Неужели никогда не загорятся огни в том доме? Но вот в окнах каретного дома появился свет. Сьюзан взлетела по лестнице и побежала в новое крыло. Бабушка Хендрика оставила свет в своей спальне, и Сьюзан сразу нашла записную книжку в крытом шёлком переплёте. Схватив её, она побежала назад.

Миссис Кингсли уже поднималась по лестнице, под обычным чёрным плащом был виден край платья.

— В чём дело?

— Таки... Таки заболел! — ответила Сьюзан, пробегая по коридору. В комнате брата стояла тишина, криков не было слышно, не раздавались и странные стоны. Вбежав в комнату, она увидела, что Такер по-прежнему лежит на кровати, укрытый лоскутным одеялом. Майк стоял, глядя в лицо брату.

Держа в руке записную книжку, Сьюзан присоединилась к старшему брату.

— Майк, он никогда раньше не был таким, — сказала она. — Почему?..

— Не знаю! — выпалил он, не отводя взгляда от Такера. — Надо позвонить папе и маме...

Сьюзан дважды глотнула, горло у неё болело, вернулось ощущение, что ей трудно дышать. Майк... Майк испугался!

Когда вошла миссис Кингсли, бабушка Хендрика держала руку на лбу Такера.

— Термометр, Марта. Я попробую дозвониться до Уолтера Филлипса. Сейчас как раз нужен срочный домашний вызов.

— Мама и папа... — Майк заговорил громче. — Надо позвонить им!

Не глядя на него, бабушка Хендрика кивнула.

— Позвоним. Но вначале вызовем Уолтера, хоть сейчас и ночь, — лицо у неё было напряжённое. — Можете последить за ним, пока не вернётся миссис Кингсли?

— Да, — Майк выпятил челюсть вперёд, словно хотел сам заботиться о Такере. Сьюзан только надеялась, что Такер не возбудится снова и не попытается убежать.

Они слышали, как бабушка Хендрика начала спускаться по лестнице к телефону внизу в холле.

— Майк, в чём дело... — Сьюзан протянула к брату руку.

Но прежде чем он смог ответить, Такер, впервые с того времени, как его положили на кровать, зашевелился. Он поднёс перевязанные руки к лицу и заплакал. Он плакал не резкими всхлипами, как когда ему больно или он чего-то хочет. На этот раз он казался одиноким и очень испуганным.

И в этот момент Сьюзан почувствовала, как вокруг неё всё кружится, комната, свет — всё. И её охватил такой страх, что она перестала быть Сьюзан Вилан. И никакого убежища, только вечный мрак вокруг...

В её ладони оказалась чья-то рука. Протянув свободную руку, она нащупала ещё одну. Закрыла глаза, потому что от слабости не могла стоять. Она сидела... частично

лежала... и держала две руки, одну большую, другую поменьше. Руки были вполне реальны, только они отгоняли ужасный мрак и страх. Но в них не было утешения. Однако она должна их держать.

— Каролус, Флорри... — имена соответствовали рукам. Они все вместе в темноте. И света больше никогда не будет... — Каролус! Флорри! — страх её холоден, как лёд, темнота буквально проглатывала её. — Нет! — что-то ещё, что-то рядом в темноте заставило её открыть глаза.

Она лежала на кровати, в комнате было светло.

— Флорри?

Нет, это Такер. Он повернул к ней голову и смотрел на неё.

— Анни? — голос его был еле слышен. — Мы выбрались, Анни!

— Такер! Сьюзан!

Сьюзан не хотела отвечать. Но почему Такер назвал её этим чужим именем, она не понимала. В одной её руке лежала перевязанная рука Такера, другой она до боли сжимала руку Майка.

Майк смотрел на неё с тем же необычным страхом, с каким раньше смотрел на Такера.

— Такер! — настойчиво позвал он. — Такер!

Такер отнял у Сьюзан руку и посмотрел на Майка. Сьюзан выпустила руку старшего брата. Исчезла тьма, ощущение, что её проглатывают. Голова больше не кружилась. Но всё же она ощущала необычность момента.

— Карл... мы выбрались! — слышался шёпот Такера. Сьюзан чувствовала, что он тоже был захвачен той ужасной тьмой. Но почему он называет Майка другим именем?

Лицо Такера начало хмуриться. Он закрыл глаза и снова медленно открыл их.

— Ты... ты другой, — пробормотал он жалобно. — У тебя другое лицо, только не нарисованное. Сними его. Пожалуйста, Карл, сними его! — теперь он говорил торопливо, чуть приподнявшись, размахивая перевязанными руками перед лицом брата, заставляя его снять маску.

— Такер... — Майк осторожно уложил его. — Послушай, ты Такер, а я Майк, а это Сьюзан, — и он кивком указал на сестру.

— Такер, Майк, Сьюзан... — слабо повторял Такер. Сначала так, словно имена ему незнакомы, потом произнёс их вторично. — Я Такер! — в этом полукрике прозвучала сила. — Я не там, я не т а м!

Сьюзан вздохнула, ослабев от облегчения. Это Таки. Таки, которого она знала и который куда-то исчезал. Был ли он тоже захвачен в том ужасном тёмном месте из её сна?

— Ты Такер, — подтвердила она. — Я Сьюзан, а это Майк. Мы все вместе. О, Таки, как я рада!

— Они тоже вместе, — лицо Такера снова затуманилось. — Только... я не могу вспомнить... а должен... должен!.. — он кулаком ударил по кровати. — Помоги мне вспомнить, Сьюзан, пожалуйста!

— Сьюзан, Майк, пожалуйста, отойдите от брата. Я хочу измерить ему температуру, — миссис Кингсли сбросила плащ. В руке она держала термометр. — Открой рот... вот так... под язык... Ну, давай! — она высвободила руку младшего брата и оттеснила девочку от кровати.

Сьюзан ожидала, что брат воспротивится. В прошлом Такер всегда буйствовал во время болезни. Однако сейчас он лежал спокойно, из его губ торчал кончик термометра, на лбу собрались морщины. Она чувствовала, что Такер пытается что-то вспомнить. И понимала, что для него это было бы хуже всего на свете. Но зная упрямство Такера, не понимала, как его остановить.

Минут пятнадцать спустя появился доктор Филлипс и выслал из комнаты всех, кроме миссис Кингсли (с ней он обращался, как со своей доверенной ассистенткой). Он заявил, что Такеру вредно вспоминать события ночи.

В комнате по другую сторону коридора он встретился с бабушкой Хендрикой, Майком и Сьюзан. И взглянул на них так, словно не знал, с чего начать.

— Как он, доктор? — спросила бабушка Хендрика.

— Температура есть, но невысокая. И по-моему, мальчик испытал какой-то шок. Я понял так, что он и раньше ходил во сне? — врач взглянул на Майка.

— Да, после несчастного случая. Видите ли, он ходил два года назад в садик и попал в автокатастрофу. Таки не пострадал, только руку поцарапал, и на голове была шишка. С неделю провёл в больнице, потому что доктор сказал, что возможно сотрясение мозга. Но рентген показал, что всё в порядке. После этого он много спал и изредка ходил во сне. Но потом его отвели к доктору Рамишу, и постепенно всё прекратилось. Доктор так и сказал, что прекратится.

— Понятно. А что произошло сегодня ночью? Очевидно, с мальчиком что-то случилось...

Сьюзан и Майк переглянулись. Правда прозвучит (во всяком случае Сьюзан так считала) совершенно нелепо. Но придётся рассказать. Однако из-за своего сна — а сон этот теперь казался частью её самой — девочка решила, что лучше рассказывать Майку.

— Такер... Ну, у Такера очень живое воображение. И он кое-что узнал об этом доме...

Врач взглянул на бабушку Хендрику. Та хмурилась.

— Странно, но он возненавидел погреб и ни за что не хотел в него спускаться. Вечером он лёг спать как обычно. Но мы с Сьюзан иногда заглядываем к нему, потому что недавно ему приснился кошмар. Я читал, а потом подумал, что стоит взглянуть на него...

Сьюзан с благодарностью подумала, что об её кошмарах Майк не упомянул.

— Его не было. И я решил, что он снова ходит во сне. Я поднял Сьюзан, взял фонарик, и мы пошли искать его. Мне показалось это странным, потому что Такеру не нравится дом и он не стал бы бродить по нему ночью.

И дальше Майк подробно всё рассказал — как они нашли открытой дверь в погреб, как спустились и нашли Такера, как Такер бил по стене кладовки и как они вытащили его в кухню, куда пришла бабушка Хендрика.

— Вот почему у него порезаны руки. Я знаю правила первой помощи и перевязал их. Потом мы отнесли Такера в его комнату...

— Он сам шёл с вами? Проснулся к тому времени?

— Он казался проснувшимся, но дрался и пытался вернуться в погреб, — ответил Майк. — Должно быть, какой-то сон.

— Он что-нибудь говорил?

— Только «наружу... наружу...» — правдиво продолжал Майк. Но не стал упоминать имена, которыми Такер называл их, не стал говорить и о маске, которую будто бы надел на лицо.

— Где родители мальчика? — спросил доктор Филлипс.

— В Утике. Я намерена позвонить им.

— Наверное, это хорошо. Физически, если не считать исцарапанных рук, он в хорошей форме. Но я рекомендую провести консилиум. Он явно чего-то испугался, а с его прошлым к этому нужно отнестись серьёзно. У него небольшой жар, и я не вижу его причин. Может, это чисто эмоциональное. Советую не оставлять его одного. У миссис Кингсли прекрасная подготовка, она за ним присмотрит. И вы все присматривайте за ним.

Сейчас он проснулся и полностью в сознании... но... — врач вновь покачал головой. — У таких явлений, как хождение во сне, всегда есть причина, — он повернулся к Майку, и голос его прозвучал строже. — Ты не рассказывал ему историй о том, что тебя взволновало?

Майк покраснел, а Сьюзан вспыхнула негодуя.

— Майк ничего такого не делает! Мы знаем, каков Такер. Он всегда что-нибудь воображает, а сюда он совсем не хотел ехать. И с тех пор как приехал, всё время что-нибудь придумывает!

Врач пожал плечами, а бабушка Хендрика сделала знак головой. Он кивнул, и они вместе вышли. Немного погодя Сьюзан и Майк услышали негромкие голоса в нижнем холле.

Глава 11

— Майк, он называл имена: Анни, Карл... — Сьюзан держалась рукой за деревянное основание старой кровати. — И говорил, что они хотят наружу, — она глубоко вдохнула, прежде чем продолжать. — Майк, я сама побывала в тёмном месте и кого-то держала за руку, держала двух человек, и мы не могли выйти!

Она ожидала, что Майк скажет, будто всё это ей приснилось или она воображает, как Такер. Но он стоял нахмурившись и не сердился на то, что она сказала.

— Почему он бил по стене? — медленно спросил Майк, и девочка знала, что он не ждёт от неё ответа. — Карл, Анни... — он повторил имена. Потом ударил кулаком по спинке кровати с той же силой, с какой Такер бил по старым камням внизу. — Что с нами со всеми?

Сьюзан глотнула, провела языком по нижней губе, как часто делала в машине, когда старалась, чтобы её не вырвало. Потому что сейчас у неё появилось такое же ощущение в желудке.

— О н и — они там. Я им нужна... они были так испуганы... — её лихорадило. Снова ей показалось, что хотя в комнате и горит свет, сразу за Майком, между её братом и дверью собираются тени, и вскоре из них протянутся руки, будут манить, может, потащат... Майка? Её?

— Кто они? — резко спросил Майк.

Сьюзан покачала головой.

— Мне казалось, это сон. Может... может, и не сон. Может...

Против воли голова девочки начала поворачиваться, как будто кто-то сжал её руками с обеих сторон и заставлял смотреть на бюро. Несмотря на все свои стремления оставаться на месте, она сделала шаг в том направлении, потом другой.

Майк не останавливал её. Она вообще как-то позабыла о нём, он казался тенью, не такой заметной, как другие тени, которые становились всё отчётливей. Это они звали

Такера. Сьюзан поняла это, открывая нижний ящик бюро. Теперь они использовали её — по-другому.

Она достала коробку с бумажными куклами и отнесла на смятую кровать. Одной рукой разглаживая покрывало, другой открывала крышку. Быстрее... быстрее... Открывала без той осторожности, с какой вначале обращалась со своей находкой.

Оттуда начали вылетать платья и куклы. Падали они странно — не вместе, одной грудой, но как будто кто-то сортировал их в воздухе. И вот они упали, верхние оказались при этом внизу.

Сначала Джеймс, с серьёзным лицом. Джеймс — голос Майка как будто повторил найденное в старой библии — 1903-1916. Он лёг с одной стороны, а Эстер и Оррин Второй — отлетели вместе со своей одеждой в другую сторону, на некоторое расстояние.

Затем Ричард и Тод, прямо на Джеймса. А Бесси — упала в стороне, отдельно от братьев.

Сьюзан почему-то не удивилась, когда Джетро и Эмили присоединились к Ричарду, Тоду и Джеймсу. А Оррин Первый упал на растущую грудку одежды выброшенных кукол. Важна только первая грудка. Остальные не имеют значения. Джетро и Эмили, оба умерли в 1851 году.

А последняя разделяющая куклы картонка застряла. Сьюзан доставала её ногтями. Не хотела, как не хотела она видеть Джоанну, Каролуса и Флориана! Но пальцы её не слушались, они продолжали торопливо убирать препятствие, освобождая последних трёх кукол — безлицых. Они упали на Джетро и Эмили, их более тяжёлые и крупные тела накрыли всю грудку кукол.

Сьюзан отбросила коробку и молча стояла, глядя на кукол. И вот на них стали появляться лица. Нет! Она не будет смотреть, не будет! Однако та же сила, которая заставила её достать коробку, теперь не позволяла отвернуть голову или закрыть глаза.

— Джоанна, Каролус, Флориан... — она слышала, как вслух повторяет эти имена, словно призывает их. Нет, она не должна этого делать! Так уже бывало раньше —

много раз бывало! Джетро и Эмили, а потом Ричард и Тод, и Джеймс... и, может, другие, о которых не напоминают куклы.

— Я... я не буду... — рот у Сьюзан, казалось, онемел, она с трудом произносила слова. — Не буду... и... — ей стало ещё страшнее, хотя одновременно она испытывала гнев. — Таки — он тоже не будет! Вы его не заставите! Он не уйдёт к вам! Нет!

Теперь она точно знала, словно прочла в найденном Майком дневнике, что произошло с Такером, что пытаются заставить сделать и её. Они хотят — наружу! Они зовут, и когда кто-то пытается им помочь, тогда... тогда... Сьюзан отшатнулась от кровати. Нет, с Таки этого не произойдёт! И ни с нею, ни с Майком!

— Сьюзан!

Её больно схватили за плечи, голова девочки болталась взад и вперед. Потом последовал сильный удар по лицу, и она ахнула от боли. И увидела между собой и кроватью Майка, он стоял перед куклами, которые зовут...

— Сьюзан, в чём дело?

Рот её зашевелился, она как будто произносила слова, но не слышала их. Однако она сделала огромное усилие и издала слабый звук, его по крайней мере было слышно.

— Это о н и, — девочка с большим усилием подняла руку и указала на кукол. — Джоанна, Каролус и Флориан. Они зовут... хотят Таки... может, и меня. Они призывали Джеймса, и Ричарда, и Тода, и Эмили с Джетро, и те умерли, все умерли. А теперь им нужен... Но Таки они не получат!

Неожиданно она изо всех сил рванулась и высвободилась. И хотя испытывала жуткое отвращение к верхним трём куклам, схватила их. Разорвать их, разломать, избавиться от них! Она могла думать только об этом.

Но пытаясь сломать их тела, Сьюзан обнаружила, что они словно сделаны из железа. Тогда сжечь! Она дико осмотрелась. Внизу, в большом очаге, нет огня, но должны быть спички. Они всегда бывают в кухне...

Крепко сжимая кукол в руках — ей казалось, что они

могут уйти от неё, — Сьюзан выбежала из своей комнаты. Вниз, в библиотеку, где есть камин и, может, спички — или на кухню. Она должна это сделать — немедленно. Только тогда Таки окажется в безопасности.

— Сьюзан! — Майк схватил её за руку. Но она даже не посмотрела на брата.

— Надо их быстрее сжечь! — крикнула она, вырвалась и побежала по коридору.

Кто-то поднимался по лестнице. Сьюзан лишь смутно отметила, что появилась бабушка Хендрика. Но тут позади послышался плач. И маленькое крепкое тело так сильно ударилось о девочку, что она потеряла равновесие и упала, не добежав до лестницы.

Её больно схватили за волосы, тянули, били по плечам.

— Нет! Нет! Нет! — это же голос Такера.

Она продолжала сжимать под собой кукол. Сьюзан казалось, что они больше не плоские. Они округлились и сопротивлялись ей. Она ахнула, пытаясь удержать их. Если они уйдут — она не знает, что тогда произойдёт, но что-то ужасное. Страх, который охватил её ночью, теперь превратился в большое чёрное облако, и она больше не могла удерживать тех, кто вертелся и сопротивлялся под ней.

— Сьюзан, Такер! Марта, помогите мне!

Удары по спине прекратились. Но Сьюзан больше не могла удерживать кукол. Не могла и сжечь. Они оказались слишком сильны. Она знала, что плачет, и ей стало ужасно холодно, как будто она держит куски льда, и от них по всему её телу проходят волны холода.

Руки её болели, немели пальцы, которыми она пыталась удержать три куска старого дерева и бумаги, кукол, вырывающихся на свободу.

Становилось темнее. Свет в коридоре потускнел. О н и черпали силы во тьме. Она... не... может... удержать...

В руках у неё ничего не было. Но пытаясь подняться, девочка увидела на верху лестницы три фигуры. Сьюзан понимала, что они чувствуют, и точно знала, что им

нужно. Она не сможет уйти от неизбежного. Её как будто притягивало к этом троим.

Нет! Она Сьюзан — она не Джоанна — она Сьюзан! И как раньше девочка пыталась удержать кукол, теперь она так же цеплялась за своё имя. Сьюзан — Сьюзан — Сьюзан...

Послышался резкий щелчок, словно лопнула туго натянутая пружина. Её больше не притягивало к Джоанне. Но она по-прежнему чувствовала страх той, что была куклой без лица и которая превратилась теперь в нечто иное — такое, чему нет места в мире Сьюзан.

Страх — должно произойти нечто ужасное. Сьюзан не могла этого остановить. Но теперь она была не просто посторонним зрителем, она — часть происходящего. Кто-то быстро поднимался по лестнице, перепрыгивая по две ступеньки за раз. Мальчик, которого зовут Каролус, отошёл немного от остальных двоих и встал между ними и тем, кто поднимался. Хотя в коридоре было темно, Сьюзан отчётливо видела всех троих. Они с каждым вздохом становились всё яснее.

В руках Каролус держал пистолет — странный пистолет с очень длинным стволом. И тяжёлый, так что мальчику приходилось держать его обеими руками, и всё равно пистолет сильно дрожал. Сьюзан сквозь охвативший её страх поняла, что он не может держать оружие устойчиво, хотя и полон решимости использовать его.

На верху лестницы появился мужчина в зелёной куртке и кожаных брюках с бахромой по бокам. Голова у него обнажена, и длинные волосы перевязаны сзади чёрной лентой. Лицо у него смуглое, резко выступают скулы, словно он долго голодал. По лицу, по переносице орлиного носа проведена яркая жёлтая полоса.

Рот его открылся, губы зашевелились. Сьюзан почувствовала, что он говорит троим детям что-то очень важное. Вот он протянул руку и легко отобрал пистолет у Каролуса.

То, что он говорил, несколько ослабило страх детей; Джоанна, схватив Флориана за руку, кивнула и потянула

Каролуса за рукав. Но тот отстранился от этого человека, не веря ему.

И вот — очень слабо и издалека (словно не просто из нижней части дома, а из-за пелены многих-многих лет) — Сюзан услышала шум. Человек быстро оглянулся, схватил Каролуса за плечи, подтолкнул его вниз по ступеням и поманил остальных двоих за собой.

Они спустились вниз — и Сюзан с ними, хотя то, за чем она следила, так её поглотило, что девочка почти не заметила, что действительно спускается по лестнице. Они оказались в нижнем холле.

Её буквально окутало ощущение страха, смешанное с необходимостью торопиться, — нужно что-то сделать, и быстро. Снова Сюзан услышала крики издалека. Дети пришли в кухню. Она смутно увидела большой очаг с огнём, заметила кое-какие изменения. Но всё вокруг было такое странное и туманное, что она не могла рассмотреть всё ясно, хорошо видела только четыре фигуры, которые сопровождала. Мужчина в зелёной куртке время от времени оборачивался, показывая полосы краски, проверяя, идут ли за ним дети.

Большая дверь в погреб чуть приоткрыта. Мужчина открыл её шире и прихватил с собой свечу в ящике с дырами, через которые проходит свет. Держа свечу перед собой, он начал спускаться.

Сюзан хотелось остаться на месте, в этой кухне, стены которой затянуты туманом. Но остальные тянули её за собой. Свеча давала очень слабый свет. Помимо большого, главного страха, появился и другой, малый: она теперь боялась споткнуться и упасть на каменный пол внизу. Но кое-как ей удалось спуститься. Вход в кладовую куда-то пропал, она увидела это даже при слабом свете. У одной стены были сложены бочки и большие деревянные ящики. Человек в зелёной куртке свернул направо. Он подошёл к грубой каменной стене, в которой нет ни окон, ни других отверстий, и, поставив свечу на бочонок и положив рядом большой пистолет,

отобранный у Каролуса, прижался лицом к стене, провёл по ней руками. Сьюзан не знала, что он ищет.

Страх, который был так силен вверху, вновь возвратился. Она снова отчасти стала Джоанной, очень небольшой частью, и тьма... и то, что делал этот человек... заставляли её съживаться от ужаса. Что-то произошло со стеной. Появилось отверстие, тёмное и ещё более пугающее. Появилось там, где только что был прочный камень.

Очень долго Джоанна не шевелилась. Сьюзан хорошо чувствовала её страх перед темнотой, страх перед этим местом, которого она не знала и куда не хотела входить. Но взглянув на Флориана и прижав мальчика к себе, к своему платью с широкой юбкой, она всё-таки вошла, и Каролус за ней, высоко держа над собой свечу.

Человек в зелёной куртке снова повернулся лицом к стене, положил руки по обе стороны от отверстия. Сьюзан опять не увидела, что произошло, только отверстие закрылось. И тут же исчез и человек. Тьма, густая, чёрная и ужасная, схватила её, она закричала, от крика перехватило горло.

Тьма — она захвачена тьмой — навсегда... навсегда...

— Майк! Таки! — у неё хватило сил, чтобы сопротивляться тьме, произнести их имена.

— Сьюзан! Майк! Такер!

Что это? Она больше не одна.

— Пожалуйста... — девочка начала говорить высоко, криком, а закончила почти стоном.

Вокруг засиял свет, яркий, на мгновение Сьюзан ослепило, так что она смогла только мигать. Она вернулась назад, она снова очутилась в той комнате, где они нашли Такера, бьющего по стене, по стене, в которой когда-то открылась и закрылась дверь.

Сьюзан почувствовала такую слабость, что испугалась, как бы не упасть. Майк стоял рядом. И здесь же — Таки. Он смотрел прямо на стену.

— Мисс Хендрика, что случилось? Что здесь происходит? — слышался голос миссис Кингсли.

Сьюзан чуть повернула голову. У входа в кладовую

стояла бабушка Хендрика. Руки её были прижаты к щекам, лицо побледнело, глаза широко раскрылись. Как и Таки, она смотрела на стену. И Сьюзан поняла, что все они видели, а может, и почувствовали то же, что она

— Это здесь, — Такер указал одной перевязанной рукой. — Они так долго ждут — прямо здесь.

— Хорошо, Так, — Майк прошёл вперёд и прижал к себе брата. Потом, сняв в себя пижаму, набросил на Такера. — Теперь мы знаем.

Не пытаясь высвободиться, Такер продолжал смотреть на стену, потом повернул голову к Майку.

— Они хотят выйти.

Майк кивнул.

— Мы их выпустим, Таки, как только сможем.

Сьюзан медленно покачала головой. Даже сейчас она не могла поверить, что это не кошмар, что всё это ей не приснилось. Давящий страх исчез, осталась только сильная слабость — как после простуды в прошлом году.

— Дети... — голос бабушки Хендрики явно утратил свою командирскую властность. Он прозвучал, как и голос Сьюзан, — слабо и потрясённо. — Дети... — снова начала она.

Но не смогла найти нужных слов. Майк отвёл Такера от стены.

— Вы тоже это видели... — сказал он, не вопрос задал, а просто подтвердил факт.

Бабушка Хендрика издала странный звук. Но потом согласилась, отчасти с прежней решительностью:

— Видела, да. Идёмте.

Она сделала шаг вперёд и подняла Такера. Прижимая его к себе, вынесла из кладовки, по-прежнему оглядываясь на стену. Такер не сопротивлялся, он даже положил голову ей на руки. Сьюзан пошла за ними. Майк догнал её, положил руку на плечо сестре, она ощутила тепло и поддержку. Никогда в жизни она так не нуждалась в них.

Миссис Кингсли стояла на ступеньках, ведущих в погреб.

— Что... — начала было она спрашивать. Но тут

выражение лица бабушки Хендрики заставило её замолчать. Она повернулась и быстро стала подниматься, потом подождала, пока они все выйдут, выключила внизу свет, закрыла дверь и поставила на место брусья.

Бабушка Хендрика добралась до кресла-качалки и рухнула в него, по-прежнему держа на руках Такера. Он словно спал, глаза его были закрыты, но дышал он ровно.

— Выпить что-нибудь горячего... — бабушка посмотрела на миссис Кингсли. — Вот что нам всем необходимо, Марта. Это было... О, я не хочу сейчас думать об этом. Не знаю, чему верить. После сегодняшней ночи просто не знаю.

Миссис Кингсли передала Майку старый вязаный платок, лежавший на скамье у очага, и мальчик закутался в него вместо пижамы, которая теперь согревала Такера. Потом миссис Кингсли поставила на огонь котелок, достала чашки, чай и насыпала в чайничек. Достала и кувшин с мёдом.

— Лучшее средство для нервов — мёд. Не помешает после такого шока, — она словно говорила сама с собой. — Выпейте горячее, тогда, может быть, вы все не простудитесь. Не знаю, что случилось, но все вы очень расстроены, — она помолчала, подходя к зашумевшему котелку, потом взглянула на дверь погреба.

— По правде говоря, мне никогда не хотелось спускаться туда. Никогда об этом не говорила, но теперь скажу. Что-то очень нехорошее там внизу. Никогда я не страдала от нервов, но... — она пожала плечами, сняла котелок и налила кипятка в чайник.

— Пусть постоит минуту-две. Потом всё выпьете! — голос её теперь зазвучал по-сержантски строго. — Но хотела бы я знать, как этот молодой человек прошёл мимо меня. Только что спокойно лежал в кровати, и я думала, что он засыпает, а в следующее мгновение я увидела пустую постель. А когда пошла искать его, вас никого не было. Как будто все растворились в воздухе. Как в старых рассказах...

Бабушка Хендрика чуть распрямилась. Её лицо вновь

приобрело нормальный цвет, она стала больше похожа на саму себя.

— Рассказы? А что вы слышали, Марта?

И когда миссис Кингсли сразу не ответила, бабушка резко приказала:

— Я хочу знать. О, вы вполне можете говорить в присутствии детей — после такой ночи! Я думаю, они теперь знают больше, чем многие жившие под этой крышей. Те даже не догадывались.

Миссис Кингсли достала небольшое ситечко и начала разливать чай по чашкам.

— Вы знаете сами, мисс Хендрика, что есть здесь люди, которые не останутся в вашем доме на ночь и за ферму, как говаривал мой отец. Над этим домом всегда висело мрачное облако (хотя должна признать, что в новом крыле оно не чувствуется), с того самого кровавого дня. Я разумная женщина и всегда была такой. Даже когда была такой маленькой, как этот парень, которого вы держите, я никогда ничего себе не воображала. Но тут что-то чувствуется. А я должна быть сильно потрясена, чтобы признать это.

Но действует это всегда на детей. Не на взрослых. И не на всех детей. Может, на тех, в ком больше старой крови. Подумайте сами, мисс Хендрика. Я помню, как умер Гровер, и ваша двоюродная сестра поклялась, что ноги её больше не будет в этом доме. Его нашли в погребке, и у него тоже был жар. И говорил он странные вещи. Потом он убежал от сиделки, которую привезли из города, и упал со ступеней погреба. Он был так слаб, что все решили, будто он пропустил ступеньку и потому упал.

— Были и другие...

— Джетро и Эмили, Ричард и Тод, и Джеймс... — медленно заговорила Сьюзан. И снова почувствовала прикосновение прежнего страха.

Миссис Кингсли круто развернулась, чай закапал с ситечка в раковину. Она внимательно посмотрела на девочку.

— Откуда... откуда ты о них знаешь?

— Они все записаны в библии. И они же — куклы. Джетро и Эмили умерли в 1851 году, Ричард и Тод — в 1880, а Джеймс — потом. Но Бетси, и два Оррина, и Эстер — они не умерли... вернее, умерли много лет спустя. Майк нашёл всё это. Но все они были куклами — все! Как Джоанна, Каролус и Флориан — самые первые, настоящие! — Сьюзан не могла бы объяснить, почему они настоящие, а остальные нет, но была в этом уверена.

— Куклы, — эхом повторила бабушка Хендрика. — Да, куклы. Но почему Эстер не уничтожила их? Ведь она так ненавидела историю семьи. Клялась, что всё уничтожила. Я помню, она даже смотреть на них не хотела, когда тётя Бесс изготовила их на Рождество и подарила, добавив к старым. И... — она покачала головой. — Не буду строить догадок. Не могу. Это выходит за пределы догадок, и мне хочется поговорить с кем-нибудь, кто в этом разбирается.

— Такер, — голос её прозвучал чуть резче, — выпьешь немного?

Она посадила мальчика и держала перед ним чашку, которую передала ей миссис Кингсли. Такер открыл глаза и послушно глотнул. Сьюзан сжала в руках другую чашку, Майк тоже. Тёмная жидкость чуть отдавала мятой и была сладкой. Сьюзан ощутила тепло и необычное ощущение, словно с неё спала какая-то большая тяжесть. Она освободилась. Ей захотелось спать. Стоит ей добраться до постели, подумала Сьюзан, и она будет спать, и спать, и спать — и больше не увидит снов.

Глава 12

По всему дому горели огни, и Сьюзан радовалась этому. Она поднялась по лестнице, по которой когда-то спустились Джоанна, Каролус, Флориан и тот раскрашенный человек, и вошла в свою комнату, где яркий свет изгнал все тени. Но всё равно она подальше обошла туманное зеркало, стараясь не смотреть на него. На кровати лежала коробка, которую она так торопливо опустошила, и две груды кукол.

Лежали и те три, которых она хотела сжечь. Только у них теперь появились лица. Она их ясно видела. Но когда девочка осторожно поднесла к ним руку и притронулась, то не почувствовала ничего пугающего. Весь страх ушёл. Это всего лишь бумага — старая бумага, вырезанная, раскрашенная и склеенная вместе. Просто куклы. Сьюзан быстро, слой за слоем, снова уложила их в коробку и закрыла крышкой. Порывшись в своём школьном ранце, отыскала моток липкой ленты и заклеила всю коробку. И наконец сунула её на дно большого шкафа.

Расправив постель, Сьюзан выключила свет, легла и плотно укуталась, потому что вся дрожала, но холод больше не прятался внутри неё. Она решительно положила голову на подушку и закрыла глаза. И ощутила лёгкое прикосновение прежнего страха. Приснятся ли ей — о н и?

— Сью! Сью!

Вначале этот призыв звучал слабо и далеко. Потом заколотили — по стене, чтобы она снова открылась? Сьюзан раскрыла глаза, почувствовав острый прилив страха. В комнате было светло. Яркие полосы солнечного света лежали на кровати, на стенах. И она ощущала... Сьюзан покачала головой. Она не смогла бы объяснить, что чувствует. Впервые с тех пор, как она здесь оказалась, это была просто комната — со странной старой мебелью; место, в котором жили люди, обычные люди, как Майк и Такер, как папа и мама, как она сама, Сьюзан; жили, были счастливы и иногда печальны. Никаких теней в углах. Они больше не покажутся здесь!

— Сью! — снова эти удары. Голос Майка донёсся из коридора. Она быстро выскользнула из постели. Должно быть, уже поздно, в комнате столько солнца. И ещё хотелось есть, время завтрака явно давно прошло.

— Я здесь, — она открыла дверь. Брат её был одет, он чуть хмурится.

— Ну и спишь же ты! Д.Б. послала меня посмотреть, что с тобой.

— Какой час?

Майк даже не посмотрел на часы. Снизу слышались удары больших настенных часов. Десять ударов! Сьюзан изрядно удивилась. Десять! Неужели уже так поздно?

— Как Таки?

— Съел половину всех оладий, — ответил Майк. — Если хочешь, чтобы тебе досталось, поторопись. Миссис Кингсли всё утро суетится, и мы едим что попало.

— А бабушка Хендрика? — Сьюзан слегка удивило необычайно быстрое выздоровление Такера. Хотя он обычно не простужается и первым оправился от ветрянки, которой они все переболели. Решив, что он здоров, Такер тут же выздоравливал.

— Она куда-то звонила, а потом ушла, — сообщил Майк. — Думаю, пошла в церковь к мистеру Риверсу. А звонила она этому доктору Фергюсону, просила его приехать.

— Я быстро, — пообещала Сьюзан, и Майк вышел; направляясь в ванную, Сьюзан встретила его в коридоре с большим коричневым дневником под мышкой.

Сьюзан торопливо оделась. Не расчёсывалась щёткой и не смотрела в зеркало. Не потому что боялась старого туманного стекла, а потому что проголодалась. К тому же, по словам Майка, их ждёт нечто необычное.

Миссис Кингсли мыла у раковины тарелки и чашки с таким грохотом, что Сьюзан подумала, не выйдут ли они из этой мойки без ручек или с отбитыми краями.

— Бери сама, — сказала она Сьюзан, севшей за стол. Такер сидел на кухонном стуле и слизывал джем с верхней губы. Сьюзан удивлённо посмотрела на него. Прошлой ночи словно и не было. О ней напоминали только грязные бинты на руках младшего брата.

Она выскребла на тарелку остатки овсянки из кастрюли и торопливо отнесла кастрюлю к груде ожидающей мытья посуды. В блюдец увидела коричневый сахар и положила себе, наблюдая за Такером. Он посмотрел на неё искоса, словно не хотел разговаривать, и сунул в рот ещё одну оладью.

Сьюзан ела медленно, она почему-то больше не испы-

тывала голод. Зато почувствовала внутри знакомое неприятное ощущение. Вверху, у себя в спальне, она была свободна и светла. А здесь, внизу — Сьюзан заставила себя посмотреть на дверь погреба — здесь что-то должно произойти!

Она перестала есть, не хотелось больше. Даже затошнило при виде Такера, пожирающего оладьи. Вообще при взгляде на Такера её охватывала тревога. Он как будто что-то знает, что-то ужасное, и всё время об этом думает. И раньше или позже скажет Сьюзан то, что она не хочет слышать.

— Это всё, что ты съела, девочка? — спросила миссис Кингсли, увидев, что Сьюзан складывает салфетку.

— Я... я не голодна. Больше не хочу, спасибо.

Миссис Кингсли покачала головой.

— Ну, ладно, тогда беги. У мисс Хендрики дела. Она скоро вернётся.

Бежать — куда? В библиотеку? А как же Такер? Он прикончил — и весьма прожорливо, как решила Сьюзан, — последнюю оладью, но явно не собирался вставать со стула и идти мыться, как ему всегда приказывали после еды. Казалось, и миссис Кингсли ожидает, что он останется на месте. Сьюзан медленно убрала за собой и пошла в библиотеку.

Майк сидел у окна, где раньше Такер, на коленях у него лежал раскрытый дневник Джекоба Кайделла. Он разбирал рукопись, когда Сьюзан подошла к нему.

— Майк, что должно случиться? — она крепко прижала рукой живот. Больше не боялась, как ночью, но знала, что впереди их ждёт какое-то беспокойство. — Таки больше не кажется больным.

— Да, — Майк явно хотел, чтобы она отстала, но Сьюзан не сдавалась.

— Бабушка Хендрика звонила папе и маме?

— Не думаю. У неё было о чём подумать и кроме этого, — Майк говорил сердито.

— Может, нам позвонить, если она забыла? — настаивала Сьюзан.

— Позже... может быть... — он неожиданно повернул книгу так, чтобы и Сьюзан смогла увидеть выплывший рисунок, занимавший целую страницу.

— Это... это же бабушка Хендрика... и... и... — Сьюзан удивилась.

Женщина на картинке стояла напряжённо, на ней было странное коричневое платье с оборками и бусами, нашитыми на плечи и вокруг шеи. На плечах также лежали два ожерелья из зубов или когтей животных, а волосы её двумя прядями обрамляли лицо с уверенными чертами. В руке она, как щит, держала раскрашенную маску со ртом, опущенным с одной стороны, глаза у маски были очень большие и обведены чёрным. Попёрек этого резного лица проходила яркая жёлтая полоса, как та, которую Сьюзан видела на лице человека в зелёном. Но тот человек был реален — не маска и не рисунок.

Рядом с женщиной стоял мужчина. Он был голый по пояс, только на шее ожерелье из когтей, очень длинных когтей, а на груди нарисована странная птица с расправленными крыльями. Птица была нарисована красной и синей краской, по подбородку проходили синие полосы, а между глазами начиналась жёлтая линия, которая поднималась к волосам.

Голова у него выглядела очень странно: выбритая всюду, кроме середины и макушки, где проходил гребень волос. Мужчине носил плотно облегающие брюки с бахромой, на ногах мокасины. Он протянул руку, словно собирался отобрать у женщины маску. Но Сьюзан показалось, что женщина не хочет отдавать её.

— Кто они?

— Вот эту, — Майк указал на женщину, — называли Мудрой Женщиной. Она... ну, я думаю, её можно назвать колдуньей. Все верили, что она может навлечь на человека добро или зло, всё, что он заслужил, по её мнению. А этот — я думаю, это Джекоб, хотя тут это и не говорится... — он указал на мужчину. — Ему нужна была власть, которую он рассчитывал получить через неё. Но он ей не

понравился. Тут говорится о какой-то церемонии, а заканчивается тем, что судьба неблагоприятна.

— Если бы у него было больше волос и зелёная куртка... — пробормотала Сьюзан.

— Да, Джекоб, предатель, — Майк закрыл книгу. — Тут, — он поднял старую книгу, — рассказ заходит не очень далеко. Заканчивается большой встречей шести племён, на которой сэр Вильям Джонсон постарался сохранить нейтралитет индейцев.

Сьюзан вспомнила, что рассказывал Майк Такеру.

— Это тот, который умер.

Майк кивнул.

— Да, умер. Тогда победило мнение других, и племена присоединились к англичанам. Так всё и началось.

— Джекоб... — Сьюзан перешла на полосу солнца у окна. Ей почему-то хотелось света. — Это был Джекоб? — негромко спросила она. — Человек, которого мы видели?

Майк со стуком положил книгу на стол.

— А было ли что-нибудь? — спросил он. — Нельзя увидеть то, что произошло двести лет назад...

— Откуда ты знаешь? — вновь спросила Сьюзан. — Откуда ты знаешь, что мы можем видеть, а чего не можем? Ты с папой — помнишь, вы говорили о том, что большую часть мозга мы вообще не используем и даже не понимаем, для чего нужны некоторые части? Есть люди, которые обладают удивительными и пугающими способностями. Да ведь даже в космической программе пытались использовать для связи телепатов. Я слышала, как папа обсуждал это с доктором Стенгли и полковником Питсом у нас за столом.

А Таки... ты ведь помнишь, Таки испытывали с этими карточками, и в какое возбуждение пришёл доктор Рамиш. Может, Такер — один из тех, кто может использовать закрытую часть мозга? Может, именно появление здесь Такера всё и пробудило? — Сьюзан строила только предположения, но ей казалось, что в них скрывается какая-то истина.

Майк провёл рукой по краю стола, как будто хотел

стереть прикосновение книги. Потом повернулся спиной к Сьюзан, чуть сгорбив плечи. Девочка почувствовала, как нарастает в ней возбуждение. И на этот раз не испытывала тошноты.

— Должно произойти что-то важное, — она вслух выразила свою основную мысль.

Майк стоял неподвижно, рука его застыла на середине жеста. Потом он снова повернулся к ней лицом.

— Да, — ответил он так, словно не хотел произносить это слово.

— А бабушка сказала... — начала Сьюзан.

— Мне она ничего не говорила. И закрыла дверь в холл, когда разговаривала по телефону. Нам придётся подождать.

Сколько можно ждать, подумала Сьюзан. Лицо Майкла приобрело странное замкнутое выражение. Такое бывало и раньше, хоть и не часто, когда он отказывался разговаривать. И тогда нет смысла тормошить его, спрашивать, как и почему.

Сьюзан отошла к полкам и провела пальцем по ряду корешков. Книги с первой полки — их могли читать Эмили и Джетро. Потом те, что держали в руках Ричард и Тод. И книги Джеймса... Все они были реальными людьми, не просто именами, не бумажными куклами, но людьми, как Майк, как она сама, как Такер. Реальны были и первые — Джоанна, Каролус, Флориан. Книг с их именами нет. Может, тогда вообще не было ещё детских книг. Сьюзан нащупала книгу на второй полке, вытащила её и отошла к окну.

«Удивительное кресло бабушки». Сьюзен отказалась смотреть на имя владельца книги на форзаце. Она упрямо начала читать. Только так можно забыть о том, что ждёт впереди. Она устала бояться! Больше она не боится!

Они быстро перекусили в двенадцать. Такер, по-видимому, всё утро провёл на кухне. Когда миссис Кингсли позвала их, он сидел в кресле-качалке. Рядом развалился Джошуа, который лениво открыл глаза, когда вошли Майк и Сьюзан. Рука Такера рылась в густой шерсти

кота, и он рассказывал о том, как в прошлый Праздник Всех Святых Джимми Смизерс вырезал настоящую тыкву и посадил в неё чёрного котёнка, и как мама поймала его. Такера, каким он стал с приезда в этот дом, словно и не существовало.

— У нас будут пряники! — приветствовал он сестру и брата. — И мне дали вылизать миску. Уммм!

Несмотря на всю свою тревогу, Сьюзан поела, и они ещё сидели за столом, когда услышали звуки подъезжающей машины. Вскоре в дверях появилась бабушка Хендрика, а с нею не только мистер, но и миссис Риверс.

— Звонили? — резко спросила она, не успев зайти.

— Он прибудет в два, мисс Хендрика. Он позвонил своим друзьям, и те подвезут его и ещё одного человека. Не расслышала его имя. Джим пошёл к Иверсам за помощью, так что всё организовано. Я всё приготовила в столовой, можете заходить. У Элоизы, — рот миссис Кингсли неодобрительно скривился, — болит голова. Так она говорит.

Сьюзан смотрела, как бабушка Хендрика и Риверсы проходят в холл. То, что они не сели есть вместе с Виланами, означало, что они о чём-то должны поговорить. Она так поняла эти признаки. Но миссис Риверс задержалась у кресла Такера и спросила, как он себя чувствует; ответом ей послужила широкая усмешка и несколько слов, неразборчиво и невежливо произнесённых набитым пряником ртом.

В два должны приехать другие. Библиотека недоступна, решили Виланы: туда после ланча перешли бабушка Хендрика и Риверсы и плотно закрыли за собой дверь. Поэтому дети вышли наружу, на прохладный воздух, и побродили вокруг дома; Такер пинал листья, принесённые ветром. Джим не работал у компостной ямы. Он принёс два лома, несколько лопат и большую кирку и прислонил орудия к стене старого амбара. Рядом с ним стоял ещё один человек, но когда Виланы подошли, Джим не терпящим возражения тоном приказал им, чтобы они уходили.

Приехал доктор Фергюсон, с ним ещё двое, они направились к парадному входу в дом. Через несколько минут миссис Кингсли открыла заднюю дверь и поманила детей.

Когда они вошли, библиотека казалась битком набитой людьми; за столом сидела бабушка Хендрика, по одну сторону от неё доктор Фергюсон, по другую — мистер Риверс.

— Сьюзан, пожалуйста, принеси куклы, — голос бабушки прозвучал, как всегда, спокойно и властно. Сьюзан легко было послушаться и принести обмотанную липкой лентой коробку.

Когда она вернулась, на неё даже не посмотрели, как она ожидала; все смотрели на Такера, а он говорил.

— Они ждали... и ждали... — мальчик сжал перевязанные ладони в кулаки, словно снова собирался колотить по стене. — Потому что спрятались, когда в дом пришли плохие люди. Как им сказали...

— Кто им сказал, Такер? — спросил один из незнакомцев, которых привёл доктор Фергюсон (другой как будто исчез. В комнате его не было).

— Человек... тот самый, который показал им место, где спрятаться, — Такер покачал головой. — Он... он был плохой, но он подумал, что там они будут в безопасности.

— Откуда ты это знаешь? — вопрос был задан тем же спокойным тоном. Сьюзан прошла вперёд и положила на стол коробку с куклами.

— Просто знаю, — на лице Такера появилось упрямое выражение. — Они ему поверили. Но он не вернулся, пообещал, но не вернулся! — Такер яростно покачал головой из стороны в сторону.

Доктор Фергюсон обратился к бабушке Хендрике:

— Известно ли в семейной традиции о таком месте? Я слышал об укрытиях на случай нападения.

— Ничего в наших преданиях или в записях, — уверенно ответила бабушка. — Конечно, Джекоб был здесь, когда умер его отец, а брат его отсутствовал. В то время особой любви между отцом, старым Джекобом, и Хен-

дриком не было, потому что Хендрик служил в армии Вашингтона на востоке. И он мог поделиться этой тайной только с любимым сыном.

Такер сидел, качая ногами, и с явным интересом смотрел на людей за столом. Может, готовил каких-то «вображаемых», но ничего не говорил.

Следующий вопрос был задан Сьюзан.

— Это и есть куклы? — незнакомец посмотрел на коробку, которую Сьюзен подтолкнула к нему. Пусть сам открывает. Хотя она больше и не боялась, почему-то ей не хотелось их трогать. Он снял липкую ленту, достал кукол и разложил их на столе; на одежду он почти не обращал внимания, но самих кукол внимательно разглядывал, переворачивал, чтобы прочесть имя сзади, и даже с помощью небольшого увеличительного стекла рассматривал лица.

— Несомненно, они нарисованы с натуры, и очень искусно, — сказал он о Джетро, Эмили и первом Оррине. — А эти — просто фотографии. Они должны были напоминать реальных детей. Кто их сделал?

Секунду-две Сьюзан казалось, что бабушка Хендрика не ответит, но она негромко заговорила:

— Согласно легенде, Джетро, Эмили и Оррин были изготовлены их матерью. Говорят, у неё был талант, и она рисовала миниатюры. Она нарисовала трёх первых Кимблов. Остальные... — она покачала головой. — Честно говоря, не знаю. Только это стало семейной традицией. Впрочем, эти... — она показала на кукол из дерева и кожи. — О них существует рассказ, и это ещё одно семейное предание. Говорят, их изготовила миссис Хьюз.

— Ага! — это, как вздох, произнёс доктор Фергюсон. Он взял с соседнего стула стопку печатных листов в прозрачной пластиковой папке. — Миссис Хьюз! Известная, как Мудрая Женщина — знаменитая онейдская колдунья!

Бабушка Хендрика резко подняла голову.

— Она не больше колдунья, чем я! Целительница — да! Она была с Бетт Кайделл, когда начался набег, но первым

напали на её дом, хотя её там не было. Не было в долине и Бетт. Они обе ушли к женщине, у которой проходили трудные роды. Маргарет Хьюз была отчасти онейда, да, и все верили, что она обладает властью. Индейцы её не трогали. Но предатели убили её сына и дочь. Говорят, это приказал Джекоб, потому что она в чём-то воспротивилась ему, хотя через мать они были близкими родственниками. Он же всегда хотел владеть тем, что даёт власть.

Да, с этого и начинается история проклятия. Маргарет Хьюз обратилась против всех Кайделлов. После нападения она исчезла, и о ней больше не слышали, хотя Хендрик искал её — и ради неё, и ради детей. Тут всё это есть, — она показала на странички в руках доктора Фергюсона.

Сьюзан посмотрела на первые три куклы. Да, как и утром, теперь ясно были видны их лица. По крайней мере о н а их видела, это те же лица, что были у теней.

Расположив кукол, как ему хотелось, человек снова посмотрел на Сьюзан.

— Расскажи, что произошло прошлой ночью, — сказал он.

Она перехватила руками пояс, удерживающий джинсы. Нет уж, ей вовсе не хотелось вспоминать, хотя всё это и в прошлом. Но что-то заставило её. Точно так же, как ночью что-то заставило её следовать за этими четырьмя, сначала тенями, потом людьми, вниз по лестнице и по всему дому.

Глубоко вдохнув, Сьюзан начала — со сна и с рук, которые тянулись к ней, потом о Такере, ходящем во сне, и об их посещении погребя, и наконец о необходимости уничтожить кукол и о том, как это привело её в коридор. И как она увидела поднимавшегося по лестнице человека в зелёном. Начав, она уже не могла остановиться, даже если бы ей разрешили. Говорила она всё быстрее и быстрее и как будто всё видела заново. Только страх притупился, и она могла его сдерживать. Когда она закончила, человек повернулся к Майку.

Майк рассказал свою версию того же происшествия. Но добавил больше подробностей: как он оторвал Такера от сестры, когда она хотела уничтожить кукол и упала в коридоре, о том, как сам увидел четверых, за которыми они пошли; и трое из них исчезли в отверстии в стене.

— Мисс Кайделл... — теперь человек со спокойным, мягким голосом обратился к бабушке.

— Доктор Уинстон, я могу только повторить, что говорила раньше. О, я читала много отчётов о так называемых домах с привидениями. Все это делают время от времени, я думаю. Я всегда спала в той части дома, которая была достроена в 1840 году, и никогда не видела и не слышала ничего необычного — кроме вчерашней ночи. Моя двоюродная сестра Эстер — она ненавидела этот дом, и правда, что один из её братьев ещё маленьким мальчиком умер здесь. Он заболел, и его привезли сюда поправляться. Потом её сын Гровер... он сильно простудился и был найден мёртвым у входа в погреб; вероятно, забрёл туда в бреду. Но Эстер верила в то, что называют «проклятием».

То, что рассказали вам мои племянница и племянник — и Такер, его реакция была самой сильной, — в основном правда. Я увидела то же, что и они. Я... Как я могу поверить?.. — она чуть повернула голову и взглянула на мистера Риверса. — Неужели мы действительно стали свидетелями случившегося? Или это была какая-то массовая галлюцинация? Но что вызвало её сразу у всех четырёх человек? Миссис Кингсли ничего не видела. И она странно не заметила, как Такер покинул кровать. Обнаружила, только когда мы все уже были внизу. Может, затронуты оказались лишь те, в ком течёт кровь Кайделлов?

— Я не могу вам ответить, — медленно сказал мистер Риверс. — Есть много теорий... да... Может, доктор Уинстон предложит нам объяснение...

— Теорий существует действительно много. Одна из них гласит — происшествие, вызывающее глубокие эмоции, отпечатывается на окружающем, как камера делает

снимок. И люди, чувствительные к эмоциям, могут слышать звуки, увидеть что-то, даже повторение действия, если сложатся подходящие условия.

К тому же хорошо известно, что определённые силы, природу которых мы не понимаем несмотря на все наши усилия, действуют на детей. Феномен полтергейста обычно ассоциируется с самыми младшими жильцами домов, в которых он происходит. Судя по событиям прошлого, — он взглянул на бумажных кукол, — кажется, дети, унаследовавшие кровь Кайделлов, по крайней мере некоторые из них, чувствительны к необычным влияниям. Вы говорите, что два таких случая произошли, когда ребёнок был серьёзно болен. Часто психические явления обостряются физической слабостью. Я не могу дать вам ответа. Хотя верю в то, что вы — все вы, — он посмотрел на Такера, — видели то, о чём рассказали. А что касается значения увиденного — это ещё предстоит установить.

Глава 13

Пока доктор Уинстон говорил, вошёл третий человек, приехавший с доктором Фергюсоном. Бабушка Хендрика обратилась к нему своим прежним, «командирским» голосом.

— Ну, мистер Стэндиш?

— Внешне никаких следов нет, — ответил тот. — Но я сказал бы, что эта стена необычно толстая, хотя наши измерения основаны преимущественно на догадках. Единственная возможность проверить — вынуть несколько камней... в определённом месте. Но как его узнать...

Такер слез со стула и направился прямо к этому незнакомцу.

— Вы хотите их выпустить! Я вам покажу — я знаю! — слова словно взрывались в нём. Он повернулся и направился к выходу из библиотеки, пробежав мимо Майка и Сьюзан, прежде чем они успели схватить его. Все остальные удивлённо смотрели на него. Но Сьюзан, которой совсем не хотелось возвращаться в то дурно пахнущее

место, побежала за Такером. Майк отстал от неё на шаг-два. И по звукам позади она поняла, что все остальные последовали за ними.

Они прошли через кухню, где не было ни следа миссис Кингсли. Как и в первый раз, два больших кота сидели перед закрытой дверью погреба, глядя на неё с молчаливым требованием.

Такер попытался снять брус. Он чуть сдвинулся, но у мальчика не хватило силы, чтобы поднять его. Майк отодвинул брата в сторону, достал брус и со стуком опустил его на пол. Сьюзан прижала ладонь ко рту. Её не будет тошнить. Не будет — не сейчас.

Дверь раскрылась, а Майк схватил Такера за тенниску и удерживал, одновременно нащупывая выключатель. Но два кота не стали ждать. Они вместе исчезли внизу так быстро, что Сьюзан с трудом заметила их исчезающие хвосты.

Загорелся свет, стали ясно видны ступени, и Майк выпустил Такера. Ему пришлось это сделать, потому что младший брат, повернувшись, колотил забинтованными кулаками по животу старшего. Лицо у Такера покраснело. Он явно готовился впасть в один из своих приступов ярости, а лестница не место для драки.

Как и кошки, Такер так быстро сбежал по ступеням, что Сьюзан испугалась, что он споткнётся и упадёт. Ей пришлось держаться одной рукой за перила, потому что у неё, как и накануне, закружилась голова. Майк двигался перед нею, и они одновременно увидели, как Такер направляется к кладовке, в которой они и нашли его в прошлый раз.

Когда они вместе протиснулись через дверь, младший Вилан стоял у стены. По обе стороны от него сидели коты и смотрели на стену с тем же напряжённым вниманием, с каким раньше на дверь. Подошли и остальные: бабушка Хендрика, Риверсы, доктор Фергюсон, доктор Уинстон и мистер Стэндиш, который как будто разбился в стенах. За ним шли ещё двое: Джим и ещё один человек в рабочей одежде.

Такер не обращал внимания на столпившихся в помещении людей. Он подошёл совсем близко к стене, встал на цыпочки и вытянул руки над головой. Потом начал медленно передвигаться справа налево, хотя, насколько видела Сьюзан, камней он не касался. Но вот он остановился и похлопал по стене.

— Здесь! Прямо здесь! — голос его звучал возбуждённо, хотя он по-прежнему не поворачивался лицом к тем, кто стоял за ним.

— Это же внешняя стена, — заявила бабушка Хендрика. — Но тут ничего нет. Вы сами видите — ничего!

Сьюзан подумала, что бабушка говорила так, словно хотела поверить, хотя знает, что верить не во что.

— Позволь-ка взглянуть, сынок, — мистер Стэндиш протиснулся между Майком и Сьюзан. Джошуа гневно зашипел на него, но неохотно отодвинулся. Хотя на потолке горела лампочка, мистер Стэндиш зажёл мощный лагерный фонарь и направил его луч на стену.

Тут и там виднелись хлопья старой побелки, но в основном стену составлял серый камень, тёмный и влажный. Мистер Стэндиш подошёл совсем близко, а Такер отодвинулся, уступая ему место. Мистер Стэндиш коснулся пальцами камней, проверил раствор.

— Никаких следов не вижу... — начал он.

Такер гневно закричал. Такой его крик Сьюзан и Майк слышали только несколько раз в жизни. Он пролез между ногами человека и, встав на цыпочки, заколотил кулаками по камню, крича от боли.

— Здесь! — кричал он, закончив пинками по камню.

— Ну, хорошо, хорошо, — мистер Стэндиш продолжал освещать стену. — Не горячись так, сынок, — он взглянул на остальных. — Вам решать, мисс Кайделл. Попробуем?

Лицо бабушки Хендрики в полутьме кладовки казалось странным. Глаза её за стёклами очков стали большими, как прошлой ночью, губы были крепко сжаты. Сьюзан удивлённо смотрела на неё. Неужели бабушка Хендрика

испытывает то же, что и она: тошноту и страх? Но вот эти тонкие губы шевельнулись.

— Это должно быть сделано, — голос бабушки Хендрики прозвучал низко и хрипло. Она сделала лёгкий жест рукой.

Все отодвинулись к деревянным стенам, теснясь между корзин и ящиков. Даже Такер и кошки отошли, уступая место Джиму и второму рабочему с киркой и большим железным ломом.

Мистер Стэндиш достал из кармана кусок мела и после недолгого изучения стены обвёл узкую полоску. Потом стал в сторону, и Джим обрушил на камень удар кирки.

Все ожидали, что работа будет долгой и трудной. И были готовы к этому. Но после второго удара раздался непонятный скрипучий звук. Джим и второй рабочий отскочили, чтобы избежать падения целой секции стены. Камни оказались прикреплёнными к деревянной раме, которая раскололась, ударившись о цементный пол.

Сьюзан ахнула и протянула руку. И с радостью встретила руку Майка, хотя от его пожатия заболели пальцы. Неприятный влажный запах, гораздо хуже того, что обычно стоит в погребе, вырвался из отверстия. Джим и его помощник отступили в сторону, а мистер Стэндиш подошёл с фонарём.

Во рту у Сьюзан пересохло, в животе жгло... Нет, её не вырвет, она не допустит этого. Мистер Стэндиш наклонился, освещая внутренности дыры. Потом попятился. Повернулся, и лицо его показалось таким же странным, как у бабушки Хендрики.

Первым заговорил доктор Фергюсон.

— Там есть что-нибудь, Стэндиш?

— Да, есть.

— О! — это вскрикнула бабушка. Сьюзан увидела, как миссис Риверс схватила её за руку и удержала. Но тут вперёд вышел мистер Риверс и властно заговорил.

— Пожалуйста, мисс Кайделл... ты, Марджори... дети

— вы все должны уйти. Мы сделаем всё необходимое. Нет причины...

— Так долго, так бесконечно долго... — голос бабушки Хендрики был еле слышен. — Прямо здесь и так долго...

Миссис Риверс обняла бабушку за плечи. Та поджала губы. И выглядела совсем больной. Сьюзан отодвинулась от отверстия и была рада, что Майк продолжает держать её за руку. Но всех удивил Такер.

Он не обратил внимания на дыру в стене, а подошёл к бабушке Хендрике и остановился прямо перед нею, серьёзно глядя ей в лицо.

— О н и ушли. Они ждали, но теперь им больше не нужно ждать. И... и... они хотели только освободиться, уйти...

Бабушка посмотрела на поднятое серьёзное лицо Такера. Потом высвободилась от миссис Риверс и крепко обняла Такера. Он не пытался вырваться, как поступал обычно. Напротив, он улыбался.

— Всё в порядке, они уже ушли, — повторил он.

— Да, — бабушка повернулась и, уводя Такера, вышла из кладовой, миссис Риверс за ней, а сзади Майк и Сьюзан. То, что находилось в отверстии, больше не имело значения. А то, что имело — если даже, как сказал доктор Уинстон, это отпечаток прошлого ужаса — ушло.

Они снова собрались в библиотеке, Такер по-прежнему сидел на коленях у бабушки Хендрики; все молчали. Пришли доктор Фергюсон и мистер Риверс. Они колебались, словно не знали, как сказать.

— Мы похороним их у памятника — со службой, — сказала бабушка Хендрика. Она по-прежнему держала Такера, но к ней почти вернулась командирская власть.

Мистер Риверс кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Но вы должны узнать кое-что ещё. Дети не были одни. Я думаю, подлинная история очень отличается от той жестокой, которая принималась на веру. Может, её распространяли специально.

Продолжил доктор Фергюсон.

— В задней стене убежища обнаружилась ещё одна дверь, теперь совершенно прогнившая. Она выходит в обвалившийся проход. Между этой дверью и обвалом лежит... это может быть только Джекоб. Он двигался с противоположной стороны, явно хотел освободить детей. И есть признаки того, что он был серьёзно ранен. Может, из последних сил пытался добраться до детей, которых спрятал от разбойников. Он не был...

— Может быть, — медленно проговорила бабушка Хендрика, — он совсем обезумел, когда планировал этот набег, и разум вернулся к нему слишком поздно. Какова должна была быть его ноша!

— Ну, сейчас они наконец в мире, — также медленно сказал мистер Риверс. — И даже если мы не знаем всей правды и никогда не узнаем, основное ясно. Мы можем только предполагать... и надеяться... Но я искренне надеюсь, что то, что мы сделаем, приведёт к концу старый страх и ошибки. В нашем несчастном мире и так слишком много зла. И если мы сумеем развеять тени, то немного передвинемся из тьмы на свет. Они в мире, и всем нам обещан этот мир.

Сьюзан не знала, почему она это делает, только подошла к столу, где лежали куклы, которых рассматривал доктор Уинстон. Осторожно уложила их в коробку так же, как они лежали с самого начала: первыми Джоанна, Каролус и Флориан, потом все остальные в должном порядке. Она прочно закрыла крышку и подошла к мистеру Риверсу, который стоял у двери и негромко разговаривал с доктором Фергюсоном.

— Пожалуйста, — решила она прервать их, когда они оба посмотрели на неё. — Похороните их тоже. Они ведь часть этого. Пусть тоже... — она вспомнила его слова, — тоже будут в мире, Джетро и Эмили, и все остальные. Пусть покоятся в мире!

Доктор Фергюсон не показал, что она говорит глупости, или что куклы не имеют значения. Он осторожно взял у неё коробку.

— Да, я думаю, ты права, Сьюзан. Все должны поко-

иться в мире. И тени, большие и малые, ушли из этого дома. Он тоже нуждается в мире.

День был длинный и необычный, думала Сьюзан вечером. Она знала, что предстоит ещё многое, и они с Майком и Такером будут в этом участвовать, потому что были вовлечены в события с самого начала. На кладбище появится новая могила, у самого памятника, в ней похоронят троих — тех, что ждали так долго.

И ещё одна могила без надписи, и с нею забудутся старые беды и старая ненависть; могила по другую сторону памятника, потому что человек, замысливший великое зло, в конце концов постарался спасти тех, кого, как ему казалось, он ненавидел.

И в этой одинокой могиле будет коробка. Сьюзан повернула голову и увидела, что лунный свет упал на выцветшую вышивку. Джетро и Эмили, Ричард и Тод, Джеймс и, может быть, Гровер. Они все пытались — и не их вина, что у них не получилось. Такер особенный. Может, только он смог их понять. И им пришлось так долго его ждать!

На кровать кто-то прыгнул, испугав Сьюзан. Но тут же она почувствовала, как её руки, которую она протянула к освещённой луной стене, коснулась мягкая лапа. Это Эразм. Кот громко замурлыкал. Потом повернулся и устроился, положив голову ей на руку. Постепенно его мурлыканье смолкло.

Сьюзан закрыла глаза. Тени ушли и никогда не вернутся. Всё кончено и кончено правильно — как и у всякой истории, этой пришёл конец. Дом Кайделлов особый и странный, но он может быть настоящим домом. Сьюзан сквозь сон удивилась, почему она так подумала. Потом заснула по-настоящему, и никакие сны её не тревожили.

Содержание

ЧИХНЁШЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ... 3

Перевод Д. Арсеньева

ДОМ ТЕНЕЙ 207

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон

Дом теней

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск

Гусейнов Ильгар

Ответственный редактор

Голованёв М. В.

Редактор

Прилипка К. В.

Художник

Аввакумов Д. И.

Технический редактор

Казачек В. Н.

Издательская лицензия ЛР № 061867 от 3.12.92 г.

Сдано в набор 01.08.94 г. Подписано в печать 31.10.94 г.

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 19.

Физ. п. л. 11. Тираж 50.000 экз. Заказ № 2533.

Издательство «Сигма-Пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный тупик, 8/12.

Отпечатано при содействии издательства «Новинтех-Пресс».

170000, Тверь, ул. Советская, 58.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Тверь, проспект Ленина, 5.

